

Пол Макоули

Паутина

Пол
Макоули

Паутина

SCIENCE FICTION

Пол Макоули

PAUL McAULEY

Whole Wide World

Пол Макоули

Паутина

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

М16

Paul McAuley
WHOLE WIDE WORLD

Перевод с английского Т. Усовой, Г. Усовой

под редакцией С. Тихоненко

Оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Печатается с разрешения автора, Antony Harwood Ltd

и литературных агентств

Gillon Aitken Associates Ltd и Synopsis.

Подписано в печать 15.04.08. Формат 84x108 1/12.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 3000 экз. Заказ № 4824122.

Макоули, П.

М16 Паутина : [фантаст. роман] / Пол Макоули; пер. с англ. Т. Усовой, Г. Усовой; под ред. С. Тихоненко. — М.: ACT: ACT МОСКВА, 2008. — 382, [2] с.

ISBN 978-5-17-039074-8 (ООО «Издательство ACT»)

ISBN 978-5-9713-8242-3 (ООО Издательство «ACT МОСКВА»)

Близкое будущее. Лондон, только что опомнившийся от последствий страшной Инфовойны.

Прошлые ошибки не должны повториться. И поэтому Паутину курируют тысячи цензоров, повсюду установлены камеры слежения. Безопасность гарантирована...

Но как тогда сумел неизвестный преступник совершить убийство молодой женщины в интерактивном режиме? Как удалось ему обмануть и сетевых цензоров, и систему слежения? И главное — как его найти?

У полицейского из отдела компьютерных преступлений пока что нет ответов — есть только вопросы и подозрения...

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

© Paul McAuley, 2002

© ООО Издательство «ACT МОСКВА», 2008

Джорджиане, на бис

Я ничто, но должен быть всем.

Карл Маркс

Часть первая

СЕРЕБРЯНОЕ КРЕСЛО

1

Я нарезал круги в парке, когда зазвонил мобильник. На бегу я умудрился скинуть на шею наушники и закрепить за ухом телефонную гарнитуру. Я надеялся, что звонит Джули, но это оказался инспектор уголовной полиции Пит Рейд, дежурный офицер из Т12.

— У меня к тебе одно дельце, — начал он.

— Я занят, — ответил я и отключился. Я вполне мог позволить себе такое в отношении Пита Рейда, безнадежного алкоголика, находящегося на закате своей ничем не примечательной карьеры. По крайней мере когда тот звонил по мобильному... Телефон опять заверещал, выводя трели, словно маленькая и очень голодная птица. Пусть себе заливается, а я надел наушники (Элвис Костелло, переиздание первого альбома) и сосредоточился на беге.

Было воскресенье, начало июня. Небо дрожало в дымке от жары, будто укрытое газовым платком. Солнце сверкало так, словно Господь на небе задумал стать сварщиком. Судя по часам, которые Джули подарила мне на последнее Рождество, на улице было тридцать два градуса, но казалось, что жарче. Люди, раздетые в разной степени, разлеглись на выгорающей траве, точно орава беженцев, спасающихся от европейской микровойны. Проносясь мимо, я ощущал их ленивые, томные взгляды.

Я не спортсмен. Я даже смущаюсь под взглядом прохожих, словно актер, играющий в низкопробной драме, но все-таки бегаю — чтобы сохранить тонус. В известном возрасте, особенно после серьезного ранения, вы с ужасом замечаете, что ваше тело слабеет, дряхлеет и не повинуется вам так, как прежде. И еще я бегаю, потому что считаю: доблесть в том, чтобы суметь в какой-то миг пересилить себя. В былые времена совместной жизни я вернулся бы с пробежки разгоряченный, мокрый и дрожащий, и после нескольких героических секунд под ледяным душем мое заявление, что я дотянул до шести километров (благоразумно всего лишь удвоить реально пройденную дистанцию), растрогало бы Джули, и она вознаградила бы меня холодным пивом или стаканчиком славного колумбийского шардоне...

Я пробежал мимо мужчины, втиравшего солнцезащитный крем в колышущиеся бока своего пса, боксера. И дальше — мимо семейки, устроившей пикник на траве. Пот пропитал мою футболку и, стекая, собирался на поясে под резинкой шорт. Левая нога почти не болела. Я промчался мимо парня, уронившего голову между колонок проигрывателя, откуда тяжелыми толчками выплескивался в равнодушный мир шумный «металл». Миновал временный пост безопасности, расположенный по другую сторону парковой ограды, там, где завитки колючей проволоки и высокие полые пластиковые блоки, наполненные водой, сжимали дорогу, превращая ее в тропинку. Трое полицейских в алых куртках, черных брюках и зеркальных очках проводили досмотр машин в поисках бандитов, державших путь в городскую экономзону в надежде разжиться стройматериалами. Не служители порядка, а быки — в самый раз для арены. Вырядились, словно персонажи «Звездного пути». Руки в боки, складные дубинки, пластиковые наручники, шокеры, баллончики с перцовым газом для особо агрессивных.

Мобильник по-прежнему заливался. Наконец, не выдержав, я нажал «Ответ».

— Где ты? — спросил Пит Рейд.

Из-за шифровального устройства полицейской сети голос звучал так, словно Пит ворил в металлическую трубу, наполненную сердитыми пчелами.

— В Шордиче. Делаю пробежку в парке.

Я обогнул двух мужиков, потягивающих пиво и уставившихся в портативный телевизор, прикрытый картонной коробкой, будто это какая-то святыня.

— «Бэндит» надежен и полностью безопасен для всей семьи, — доносился из коробки занудный голос диктора.

— Я тебя вижу, — прогудел в ухо Пит Рейд.

— Пошел на хрен.

— Я в системе, Минимум. На тебе белая футболка и красные шорты?

— Угадал! — Мне не стоило злиться, что Пит Рейд воспользовался моей кличкой, но хоть режьте меня, а вот обиделся.

— Птичка под наблюдением, — заявил Пит Рейд.

Высокие стальные шесты возвышались на равном расстоянии по всему периметру парка. Их покрывала липкая серая «антивандальная» краска, и каждый из них венчал металлический ящичек телекамеры, под которой имелись прожекторы. Камеры через «красную линию» были подключены к АРЭСН: Автономной Распределенной Экспертной Системе Наблюдения, которая со всезнающим терпением обозревала весь Лондон.

Однажды мартовской ночью у меня на глазах эти камеры выследили лисицу. Незадачливый зверек обезумел, мечась туда-обратно в попытках ускользнуть от прожекторов, пронизывавших тьму и с беспощадной точностью скользящих по его следу. Наконец он выбился из сил и остановился. Ободранные бока вздымались. Глаза, ослепшие от яркого света, сверкали. Разобравшись что к чему, оператор выключил прожектора. Лиса исчезла во тьме. Вот тогда-то я и начал задумываться о том новом и бесчеловечном, что незаметно вош-

ло в наш мир, о некоем огромном, холодном, ко всему безразличном разуме, словно испытывающем пределы своих возможностей. Теперь же одна камера, а за ней вторая и третья стали разворачиваться в мою сторону. Я обнаружен. Мне ничего не оставалось, как показать им средний палец.

— Девяносто два процента вероятности распознавания объекта, — констатировал Пит Рейд. — Это даже если не учитывать его хамского жеста.

— Для типа, который носит эластичную обувь, потому что не умеет правильно завязывать шнурки, ты, как я вижу, недурно подкован технически.

— У нас есть поисковые фильтры. Мы располагаем полигональным усиливающим оборудованием. Каждый субъект имеет восемь критических точек на физиономии... К тому же у тебя на футболке надпись, хотя я никак не могу ее прочесть. Не сомневаюсь, это что-то саркастическое. Ты ведь у нас известная язва, Минимум. Ну да ладно, ты мне нужен по делу.

— А кто заправляет? Кто-то должен помогать старой деве вроде тебя.

— Со мной Росс Уайттейкер, — признался Пит Рейд. — Мы вошли в систему через его телефон. Сидим в патрульной машине в Уолтемстоу и ждем команды, чтобы отправиться к одному розовому щелкоперу от журналистики.

— А что, сидеть в кабинете и ждать, когда позвонят, слишком скучно?

— У меня слабость к журналистам. И кто же мог знать, что в этот прекрасный воскресный день поступят на хрен сразу два вызова.

— Надеюсь, Т12 не оплачивает твоё время в АРЭСН.

— Не беспокойся. У Росса есть приятель в Бункере.

— Рейчел Суинни тебе голову отвернет, если узнает.

— Мы оплатим работу системы наличными, Минимум. И не пытайся испортить мне настроение, кишкаТонка. Теперь послушай: у тебя служебное удостоверение при себе?

— Ты просишь о дружеской услуге, верно?

— Будь добр, заверни за угол, — попросил Пит Рейд и продиктовал мне адрес. — Минутное дело. Увидишь старшего по вешдокам, прихватишь баражло — и ко мне. Туда, сюда, обратно — и никаких проблем. Я пришлю с машиной форму и все причиндалы.

— Как-то хитро у тебя все получается, — заметил я.

— Туда, сюда... В чем проблема-то? Сделай дело... Кстати, тут Росс тебя крепко целует — радуется, что мы достигли взаимопонимания...

Так оно все и началось. Я ничего не знал о том, что случилось. Я понятия не имел о мертвой девушке в серебряном кресле. Информацию мне дали неполную.

Бедные молодые деревца, высаженные советом вдоль дороги два года назад, те, что не были еще поломаны детишками и отравлены собачьей мочой, поникли кронами, точно балерины, готовые упасть в обморок. Машины проносились, грохоча и подпрыгивая, будто лодки в неспокойном море, а следом за ними неслась музыка. Народ расселся на балконах муниципальных квартир, напоминая зрителей в ожидании Апокалипсиса. Тучная черная старушенция, восседавшая на обитом алым бархатом троне, прижала к подбородку электроровентилятор. Рев телевизоров и прочей бытовой техники доносился из распахнутых окон.

Я миновал церквушку, заведение с правом продажи спиртного навынос. Поперек закрытых стальными ставенками окон красовалось не лишенное смысла предложение «ДЕШЕВАЯ ВЫПИВКА», а у дверей маячил здоровенный охранник. Далее выгоревшие квартирки, мастерские, выгороженные из бывшего кинотеатра, когда-то начинавшего как мюзик-холл. Затем — ряд богаделен. Давным-давно здесь, среди заболоченных полей, расположилось несколько деревушек и аббатство. Узкие сельские тропинки вились в недвижной тени вязов и дубов. Вот театр, мощеные улицы, протянувшиеся к северу, фабрики и склады по обе стороны нового канала.

Пятнадцать лет назад художники и поп-звезды превратили эти края в фешенебельный район. Явились предприимчивые люди и перестроили бывшие фабрики в жилые дома повышенной комфортности для ребят из Сити, разжившихся шальными деньгами. Инфовойна смела их. Однако поговаривают, что художники потянулись обратно.

Разбитая булыжная мостовая сменилась размягченным от жары гудронированным шоссе. Я промчался мимо старухи, закутанной, несмотря на жару, в тяжелое шерстяное пальто. Она была в шарфе, стягивавшем парик, который здорово смахивал на губку для мытья посуды. Старуха шла медленно и упорно, словно совершая восхождение на северный склон Эвереста, и волокла за собой тележку для покупок. На углу я миновал группу парней, настороженных, как газели. Глаза у некоторых налиты кровью — ребята явно перебрали наркоты. Передовой отряд портовых банд, вновь решивших перебраться через реку в турецкие угодья. Их обслуживали ребятишки на скутерах и горных велосипедах, умевшие держать в тайне свои притоны. Они проворачивали дела в выгоревших зданиях вне поля зрения бдительной АРЭСН. По ночам их условный свист и возгласы наполняли окрестности, словно крики кроншнепов в унылых болотах. Каждые несколько недель где-нибудь на пустыре находили труп. Или нож в сердце, или пуля в голове...

Я бежал легко, но все больше потел. Футболка то прилипала к спине, то вновь отставала. На ногах у меня были «Найк Виктори 9». Эти кроссовки, начиненные аргонными кармашками, с подошвами из гибких слоев эластомера, вероятно, сами по себе могли бы бегать куда лучше.

Найти адрес, которым снабдил меня Пит Рейд, оказалось проще простого. Метров сто по узкой улочке, загроможденной полицейским транспортом: три патрульные легковушки, фургон «форд-транзит», пара обезличенных «скорпио» да блестящий серебристый «сааб». Два типа в черных брюках и доверху застегнутых белых рубахах подпирали спину

ми черный фургон и мирно курили. Двигатель «транзита», оснащенного холодильной установкой, молотил на холостых оборотах.

Не обязательно быть детективом, чтобы понять: вызов не из обыденных.

Женщина в форме констебля присела на корточки и разговаривала со старухой во вдовьем трауре, устроившейся на заднем сиденье патрульной легковушки. Еще один констебль, молодой парень в рубашке с коротким рукавом, тянул сине-белую ленту от водосточной трубы до фонарного столба перед трехэтажным домом. Это здание втиснулось между развалинами заброшенного магазина конторского оборудования с заколоченными витринами и почерневшей от огня развалинной эпохи преобразования нежилых помещений в жилье конца 1990-х. Халупа сгорела у меня на глазах в первую ночь Инфвойны. У дома, заинтересовавшего полицейских, было две узких двери по обе стороны от большой зеркальной витрины, защищенной решеткой. На стекле — оранжевая этикетка охранной фирмы и отпечатанная на компьютере вывеска «Моботехнология». Металлический ящик телекамеры угнездился на кронштейне справа над дверью.

Подъехала патрульная машина. Я показал водителю удостоверение.

— Мне велено выгрузить это, — объяснил он, кивнув на барахло на заднем сиденье. Выбравшись из машины, водитель надел было кепку, но почти сразу снял ее, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони.

— Придется подождать, — заметил я. — Кое-что надо будет отвезти обратно в Т12.

Женщина-констебль с суровым лицом вышла из левой двери дома и перекинулась парой слов с двумя парнями из похоронной службы. Те бросили сигареты и затоптали окурки черными лакированными башмаками. Потом открыли заднюю дверцу своего фургона, вытащили носилки со складным каркасом на колесиках и пошли в дом. Я оперся спиной

о патрульную машину. Пот высыпал, обильными волнами выбрасывая пар в горячий воздух. Мне отчаянно требовалась сигарета, но, следуя новой программе укрепления самодисциплины, я оставил курево дома, а водитель не курил.

— Что здесь творится? — спросил он.

— Нам не нужно знать.

— Судя по всему, пришили кого-то..

Он был очень молод и старался произвести впечатление.

— Мы — маленькие шестеренки, — объяснил ему я. — Нам ничего не нужно знать. Расслабься и радуйся солнышку.

Наконец работники похоронного бюро с гружеными носилками вырулили из левой двери. Молодой констебль торжественным взмахом приподнял ленту, пропуская их. Я подхватил барахло, показал свое удостоверение констеблю и прошел внутрь. На лестнице, в конце узкого коридора, кто-то в штатской одежде беседовал с полицейским в форме, но, заметив меня, оборвал разговор. Высокий, моложе меня лет на десять, с бесстрастными синими глазами за стеклами очков в стальной оправе и редеющими светлыми волосами. Он потел в своей розовой рубашке и угольного цвета костюме. Небольшой серебряный крестик сверкал в центре элегантного широкого лацкана. На ногах — одноразовые полиэтиленовые бахилы.

— Вы опоздали, — упрекнул меня штатский после того, как я объяснил ему, кто я такой. Он несколько раз пробегался взглядом по лозунгу на моей футболке, и это не прибавило ему оптимизма.

— Вы старший? — спросил я.

— Детектив Дэвид Варном, к вашим услугам. Я координатор на месте преступления. Старший — инспектор Макардл. А вы что делали, бегали?

— Я знаю Тони Макардла. Кто мне покажет, что нужно забрать?

Не понравился мне этот Дэвид Варном. Не понравились его замашки юного задиры, выпяченные губы, его вера в

собственное превосходство. И не понравилось, что он возвышался надо мной, стоя на две ступеньки выше.

— Полагаю, вам уже приходилось работать на месте убийства, — начал было Варном.

— Я догадываюсь, что это такое. Что конкретно здесь произошло?

— Умерла девушка. — Не иначе, как что-то отразилось у меня на лице. Варном позволил себе улыбнуться и добавил: — Вы ждали, пока вынесут тело?

Я этого не отрицал.

— Я могу попросить принести все сюда, если вы не выносите вида крови, — продолжил он.

— Я должен задокументировать все на месте.

— Хорошо, но я не позволю вам подняться туда в таком виде, — заявил он и приказал типу в форме найти для меня комбинезон.

— Эксперты все еще работают? — поинтересовался я.

— Излишний вопрос.

Пока я облачался в белый комбинезон и подгонял бахилы, натянутые поверх кроссовок, Варном продолжал говорить. Видно, никак не мог уняться:

— Если почувствуете позывы на рвоту, пожалуйста, блюйте наружу. Не курите. Кто-то разбрзгал раствор, чтобы помешать собрать образцы ДНК... И следите, куда ступаете. Тони взбесится, если вы что-нибудь опрокинете или смешаете профили ДНК. Скверная смерть, и Тони хочет, чтобы мы собрали улики как можно быстрее.

— Уверен, что Тони может сказать мне это сам, — заметил я.

— Занимайтесь своим делом и не прибавляйте мне хлопот, — отрезал Варном и, повернувшись ко мне спиной, зашагал вверх по лестнице.

Теперь я спрашиваю себя: а случилось бы хоть что-то, если бы Варном повел себя при нашем знакомстве иначе?

Над нежилым первым этажом дом был разделен на то, что агенты по недвижимости любят называть квартирами-студиями. Поздний викторианский стиль, и, вне всяких сомнений, домом дорожила та мелкобуржуазная семья, которая жила в нем первой. Когда входил, я заметил кусок цветного витража над парадной дверью и железную решетку для чистки обуви перед лестницей. А еще там была затейливая лепнина, протянувшаяся вдоль изгиба потолка лестничной клетки. Но с тех пор дом пережил тяжелые времена, и ему явно ничем не помог микробум Хокстона. Тридцати секунд света сороковаттных ламп — гениальное изобретение скряги домовладельца — было явно недостаточно, чтобы попасть с одной площадки на другую. Дешевый ковер на ступенях, обои из отходов производства на лестничной клетке, давным-давно в минувшем веке покрытые неведомого цвета эмульсией... Чьи-то дочерна вымазанные пальцы несколько раз проехались по ним на высоте пояса. Подозреваемый вполне мог вытереть пальцы и по дороге вверх, и вниз по лестнице.

Две узкие двери располагались рядом на площадке второго этажа. Перед ними парни в штатском что-то рассматривали на экране наладонника. Фотограф, стоявший чуть поодаль, складывал оборудование в алюминиевый кейс. Дверь справа — нараспашку, внутри стойка с прожекторами, освещавшая помещение, точно сцену.

— Смотрите, куда ступаете, — напомнил мне Варном. — Прямо за дверью разбитая кружка. Нам надо, чтобы она там оставалась.

Я ожидал увидеть худшее, но все оказалось не так.

Комната с высоким потолком из-за столпившегося в ней народа казалась меньше, чем была на самом деле. Два эксперта-криминалиста в белых комбинезонах, точь-в-точь как у меня, и в плотно надвинутых капюшонах работали в кухне в дальнем конце квартиры, нанося алюминиевую пыль на все подряд и охотясь за отпечатками пальцев с сосредоточенно-

стью истинных художников. Третий криминалист перебирал бумаги, разбросанные на грубом деревянном столе у окна с черными шторами. Судмедэксперт беседовал с мужчиной средних лет в брюках в обтяжку и без пиджака — со старшим инспектором Тони Макардлом.

В комнате было очень жарко, и в воздухе стоял запах крови — тяжелое зловоние, мигом проникшее в самые глубины моего мозга. Пришлось подавить внезапное желание развернуться и выйти вон.

Ковер на полу отсутствовал. Широкие дубовые доски были в кровавых пятнах, больших и малых. Гладкие оштукатуренные стены, некогда светло-голубые, теперь покрывали густые многоцветные завитушки, нанесенные из распылителя. В углу лежал матрас, застеленный белым ковриком, с грудой подушек. Рядом — дешевая вешалка из алюминиевых трубок, и на ней полным-полно платьев, джинсов, рубашек, а внизу две простые картонные коробки с укрепленными углами и веревочными ручками. Большие церковные свечи стояли по обе стороны каминной решетки кованого железа, выполненной в викторианском стиле, между ними громоздилась гора пыльных искусственных плодов. Стереостойка на полу, телевизора нет и в помине. По всему потолку развесены китайские фонарики, а в двух углах комнаты под потолком прицеплены веб-камеры, словно глазные яблоки на вершинах перевернутых пирамид. Свечи, китайские фонарики и роспись на стенах, вероятно, придавали этой комнате загадочный и праздничный вид, но теперь, в беспощадном свете прожекторов, она выглядела жуткой и убогой, точно пещера ведьмы на детском рисунке — подходящий фон для того, что помещалось в самом центре.

Кресло. Обычное складное кресло с сиденьем из литой пластмассы, на четырех косых металлических ножках. Такие выстраиваются рядами в муниципальных залах, в центрах досуга, в больничных приемных. Оно было выкрашено в серебро, и на серебряной краске кровь казалась черной. Две

продолговатые лужицы крови в углублении сиденья и небольшая горка сгустившейся крови у передних ножек.

— Компьютеры здесь, — показал Варном.

Тут Тони Макардл впервые заметил меня.

— Не лучший способ провести воскресенье, — объявил он. Макардл вырос в сердце лондонского правосудия, на Бон-стрит, — суровый человек из суровой части города. Он слыл честным и разумным руководителем. Бычья шея, легкая щетина, цветом напоминающая татуировку, темные невыразительные глаза, прилизанные черные волосы, старомодный стиль одежды. Рукава засучены, открывая взгляду мясистые ручищи. Под левой мышкой — «Глок-17» в наплечной кобуре. Белые бахилы и такие же виниловые перчатки, крепко затянутые на могучих запястьях. Пот поблескивал между винилом и кожей. Галстук Тони закинул за плечо, чтобы не испачкать в крови. Видимо, после того как жертву сфотографировали и занесли информацию в протокол, прежде чем ее унесли, Тони склонился и пристально ее осмотрел... Теперь его взгляд скользнул по мне. Если он и прочел лозунг на моей футболке под полупрозрачным пластико-бумажным комбинезоном, то виду не подал. Он стянул перчатки, скатал их и спросил:

— Полагаю, ты пришел за компьютером? Значит, вот ты где теперь, Джон? ИТУ?

— Т12, — уточнил я. — Мы полгода как поменяли название.

— Значит, Т12. Несколько спокойней, чем в ОЗВ, верно?

Мы познакомились во время осады, которой я руководил, когда работал в отделе, занимающемся заложниками и вымогательствами. Тогда подозреваемый в вооруженном ограблении, накачавшийся кокаином и валиумом, вынудил нас бодрствовать почти сутки, приставив имитацию пистолета к голове своей подружки.

— Я иду, куда приказывают, — ответил я.

— Приятно снова видеть тебя в деле. Побольше бы таких парней.

— Я не герой, сэр.

— В компьютерах разбираешься?

— Кое-чему научился.

— В этом деле есть какая-то закавыка, — сказал Макардл. — Кто-то прислал сегодня утром факс в Скотленд-Ярд. В заявлении значилось, что убита девушка по имени Софи Бут. Адрес отсутствовал, и ребята порядочно повозились, проверяли всех Софи Бут в округе. Подписи тоже не было, а факс пришел откуда-то с Кубы.

— Вероятно, его прислали через анонимный ретранслятор, — предположил я. — На Кубе немало подобных сервисов.

— Компьютеры, сэр, — напомнил Варном, и Макардл на миг удостоил его внимания:

— Этот человек был ранен при исполнении долга, Дэвид.

— Знаю, — отрезал Варном, бросив на меня суровый взгляд.

— Тогда не обращайтесь с ним, как с лакеем, — велел Макардл и повернулся ко мне: — Так что там о ретрансляторах?

— Любое электронное письмо проходит с заголовком, указывающим отправителя. Если послать сообщение через анонимный веб-узел, старый заголовок снимается и ставится новый, содержащий случайный идентификатор. А у некоторых подобных узлов, ретрансляторов, есть еще и дополнительные функции. Например, они могут имитировать факсы.

— Значит, проследить нельзя, — вздохнул Макардл.

— Не совсем, — уточнил я. — Веб-узлы сохраняют подробную информацию о каждом переправленном сообщении. Если тот, кто прислал его, находился в нашей стране, можно получить ордер на раскрытие информации.

— Но он на Кубе. А у нас с Кубой война.

— Не совсем война, сэр, но положим, что так.

— Неприятная ситуация... Разве что подтвердится мое предположение: кто бы это ни сделал, он с нами играет. Вы видели камеры? У меня есть нехорошее подозрение, — продолжил он и, подойдя к выкрашенному в серебро креслу, встал позади него. Высоко запрокинув голову, посмотрел на камеры, затем переместил взгляд на кресло, потом — на меня.

— Камеры я заметил, — признался я.

— И если они связаны с компьютерами, то изображение могло быть передано по сети куда угодно?

— Абсолютно.

Энди Хиггинс в свое время установил камеру слежения за кофейным автоматом у нас на службе, так что его команда технарей могла проверять, работает ли автомат, и лишний раз не спускаться вниз, если тот был выключен.

— Отвратительная смерть. Хуже не бывает. Молодая девушка, двадцать один год. Этот ублюдок долго возился с ней. Он отлично знал, что делает... А закончив, помыл ее, обработал тут все спецраствором и предоставил нам найти труп. Очень изящно, очень чисто. Те, кто хочет избавиться от следов своей ДНК, обычно совершают поджог. Но не наш приятель. А тут еще камеры и компьютеры.

— Думаете, он играл на публику, сэр?

— Это ведь не впервые, правда? Да, я думаю, съемка велась для зрителей или себе на память. В любом случае он разобрал компьютеры и забрал жесткие диски. Я бы хотел поскорее узнать, что могут сообщить мне об этих железках ваши ребята.

Все это время Варном искал способ встремить в разговор. Наконец ему это удалось, и он заметил:

— Есть упаковки, сэр.

— Две. И судя по всему, их так истоптали, что толку от них не будет никакого. Забудьте об этом, — велел Макардл Варному и обернулся ко мне: — Надо, чтобы ваши техники

разузнали все что могут. Надави на них, Джон, мне отчаянно нужна информация.

— Постараюсь, сэр, — ответил я и наградил Варнома ядовитым взглядом.

В комнате было два компьютера. Один — бежевый ящик без монитора, другой — новая и дорогая модель графической станции «Macintosh G10», весьма популярная у дизайнеров-графиков. Прозрачный голубой корпус Макинтоша был разломан, материнская плата висела на двух проводках. Бежевый ящик тоже вскрыли и опустошили. Я достал инструменты и снял на цифровую камеру кабели и разъемы на задних стенках компьютеров, чтобы один из наших техников мог в точности воссоздать все нутро. Клавиатура, мышь, изрядно потертый коврик с ламинированной фотографией фейерверка над Тауэрским мостом — память о начале нового тысячелетия. Я разложил все оставшиеся комплектующие по пакетам, наклеил бирки, занес перечень в бланк для улик, а тем временем эксперты спокойно орудовали кистью и порошком, пинцетом и лупой, щеткой и клейкой лентой. Искали отпечатки, волокна и волоски, чешуйки кожи и кусочки ногтей, пятна крови. Мы совершили обряд, столь знакомый, что нам не требовалось замечать присутствие друг друга, пока мы возились со своими кропотливыми делами. Сбор информации. Вспышки фотокамер. Серебристый порошок, рассеивающийся, словно кадильный дым. Закончив, я дал копию своих заметок старшему по уликам, молодой женщины-сержанту (аккуратно подстриженной блондинке), и спросил ее о носителях информации.

— Ничего такого здесь нет, — ответила она.

— Вы тщательно смотрели? Что-то всегда остается.

— Не в этот раз, сэр.

— Я имею в виду ZIP-накопители, DVD, может, стример. Некоторые упрямцы до сих пор используют ленточные стримеры. Вы могли принять такую штуку за автоответчик и неверно идентифицировать.

Она покачала головой:

— Простите, сэр. Все, что мы нашли, вы видели.

Констебль помог мне вынести компьютеры. Варном последовал за мной вниз по лестнице и проследил, как я сни- маю белую спецовку.

— Не беспокойтесь, я обо всем позабочусь, — заверил его я.

— Что вы хотите этим сказать?

— А вы?

Он ткнул меня в грудь крепким пальцем.

— Вы должны немедленно сообщать мне все, что узнаете.

— Это часть моей работы.

— Вы мне не нравитесь.

— А вовсе и не нужно, чтобы я вам нравился.

— В следующий раз являйтесь одетым надлежащим об- разом.

— Постараюсь не забыть.

Я оставил записку для Энди Хиггинаса и распорядился, чтобы шофер, которого прислал Пит Рейд, отвез все в Т12. А после отправился домой по жарким улицам, чувствуя, как моя кожа охлаждается, оседает, натягиваясь на затылке. На полпути к дому я проблевался в мусорный бак.

2

Я работал над третьей банкой пива и над четвертым блан- ком, когда позвонила Джули, моя не совсем бывшая подруж- ка. Я сидел на крохотном треугольном балкончике в кварти- ре, которую снимал с тех пор, как восемнадцать месяцев на- зад спалили дорогое мне пристанище в Сток-Ньюингтоне. Случилось это, когда я валялся в больнице. Тогда никого так и не поймали, а кто это мог быть, как не террористы или мои дорогие коллеги из полиции? Моя новая квартирка распо- ложена на четвертом этаже перестроенного склада ковров

неподалеку от Риджент-канала, и я на досуге любовался, как ездят туда-сюда по подвесному мосту велосипедисты и редкий транспорт. Прямо напротив моей обзорной площадки восседал на складном табурете рыбак, держащий возле уха крохотный радиоприемник. Он, как и я, потягивал из банки легкое пиво. Два лебедя патрулировали воды за плавным изгибом его углепластиковой удочки. Солнце висело низко над городскими крышами, раздувшееся и покрасневшее в смо-ге. Воздух под противомоскитной сеткой балкона был горяч, недвижим и насыщен статическим электричеством. Дождя не было уже более двух недель. Если бы мне очень захотелось, мои часы, настроенные на метеостанцию на вершине небоскреба в центре города, сообщили бы мне точный уро-вень озона, двуокиси азота и угарного газа, выжигающих мои легкие. Они сообщили бы в процентах вероятность дождя (скорее всего «ноль»), мою высоту над уровнем моря, пульс и уровень сахара в крови. Они даже могли бы сообщить мне время. В мире слишком много информации. Лет через сто каждая пылинка будет изучена и запротоколирована.

Я принял душ, надел чистую футболку и шорты цвета хаки. Волосы высохли, превратившись в жесткую щетину. Из динамиков радиоприемника неслась тихая мелодия. Архимед — чудо-сова, восседал на своем настене сразу за раздвижной дверью. Я размышлял о камерах и компьютерах, о се-ребряном кресле и мертвой девушке, когда Архимед повер-нулся и взглянул на меня. И тут неожиданно зазвонил мо-бильник.

— Наконец-то, — вздохнула Джули, когда телефон, пе-реключившись из шифрованной полицейской сети на граж-данский диапазон, исторгнул соответствующие щелчки и чириканья. — Наконец-то, — с облегчением повторила моя не совсем бывшая подружка. — Пьешь пиво и куришь. За-няться больше нечем.

Я поднял над головой банку пива «Тигр», приветствуя не-мигающие глаза-камеры Архимеда.

— Отдаю должное твоему всеведению. Ты прямо как Бог.
— Я всего лишь измученная девушка, Диксон.

Так уж она меня называла. Образ участливого отца. Телеведущий вечерней субботней программы шестидесятых. Синие огни. Свистки в тумане. Наглецы, звавшие тебя «папашей». Юные грубияны, стоявшие не более чем удара по уху. Джули верила, что в глубине души я старомодный фараон. Да, я старомоден, истинная правда. Настолько старомоден, что даже оружие с собой не ношу.

— Надеюсь, Архимед хорошо себя ведет, — продолжала Джули. — Он все еще натыкается на предметы?

Чудо-сова Архимед был ее любимцем. Чучело, облеченое в нейлоновые перья поверх пластмассовой шкуры, натянутой на легкий каркас, а внутри две сотни микродвигателей и с десяток микропроцессоров. Но Джули обращалась с птицей так, как если бы та была живая. Я присматривал за Архимедом, пока Джули находилась в отъезде, в Брюсселе: он был слишком сложно устроен, чтобы отключить его или оставить одного. Иногда сознание, что она в любой миг может наблюдать за мной через его светлые глаза, вызывало у меня мурашки, но в целом присутствие Архимеда меня успокаивало. Призрак Джули, потенциальный объект ревности, продолжение эмоциональной связи. Мы расстались с месяцем назад, пока что временно, и она все еще пыталась понять, стоит ли нам вновь соединить свои судьбы, или же остаться просто добрыми друзьями. Я подыгрывал как мог. А что мне еще оставалось? Я даже пару раз бесстыдно воспользовался ситуацией, занимаясь с Джули любовью, хотя потом меня одолевало чувство вины.

— Ты звонишь, чтобы узнать о нем или чтоб поговорить со мной? — поинтересовался я.

— Я беспокоюсь, не натыкается ли он на предметы.

— Старается, но он еще не вполне освоился в новой квартире.

— Возможно, тебе следует отнести его к Гейбу Дэю.

— Архимед в отличном состоянии. Просто ему нужен еще день-другой, чтобы привыкнуть к обстановке. Как там Брюссель?

Джули была партнером в архитектурной консультативной фирме. Она поехала в Брюссель предложить проект реконструкции кабинетов в здании Европарламента. Познакомились мы в прошлом году, как раз после того, как я вернулся к работе. Я расследовал исчезновение чипов и жестких дисков в компании, на которую работала ее фирма (дураку понятно, кражу осуществил кто-то из своих), и Джули пригласила меня выпить. Она была пылкой, из нее так и била энергия. Я держался тихо и неприметно. Некоторое время казалось, что мы совершенно случайная пара, двое несчастных, уставших от печального личного опыта, не желавших признавать, что оба любим, пока не стало слишком поздно...

— Брюссель великолепен. Не знаю, почему о нем так много шутят. Я попробовала ленч на Гран-пляс, там, где обычно питаются туристы. Пища была недурна, не говоря уж о знаменитых чипсах с майонезом. Но вовсе не обязательно есть их с майонезом. К ним подается небольшой бумажный стаканчик, и ты сам решаешь, уподобляться тебе местным жителям или нет. Я уподобляться не стала. Затем вышла погулять по какому-то парку, прошла мимо дворца, а теперь я у себя в номере.

— И как там король?

— Короля я не видела. Зато нашла коммунистический магазинчик.

— Разве одно не противоречит другому?

— Там продают бюсты, брошюры и звукозаписи.

— Полный набор речей Ленина? Мао читает свои стихи?

Саундтреки любимых вестернов Сталина?

— К несчастью, это музыка.

— И какую музыку слушают коммунисты?

— Не хеви-метал, это я точно могу сказать. Но такое же старье. Двенадцатitonовые штампованные мелодии. «Мю-

зик КонкRET». Очень миллениумно, — объявила она, зная, что я терпеть не могу этот неологизм. — А еще я нашла британский книжный магазин на длинной печальной улице возле отеля. Кстати, тут полно скверных ресторанов и убогих клубов.

— Полагаю, британские политики не читают на французском или на немецком.

— Равно как на валлонском или фламандском. Они покупают залежавшиеся романы Джейфри Арчера по жуткой цене и читают их, уединившись за столиками в дешевых пиццериях. И еще... Я видела сказочную свадебную процессию. Двадцать человек набилось в два открытых авто, треща хлопушками и дудя в свистки.

— Не очень-то по-бельгийски. Что случилось с прославленной бельгийской угрюмостью?

— Думаю, секрет в том, что никто не говорил бельгиям об их ужасной репутации жутких зануд... Невеста была в игривом белом платье-мини и придерживала фату, потягивая шампанское из бутылки.

— А работа как?.. — чуть помедлив, спросил я.

— Все та же долбаная неопределенность... А ты что делал, Диксон?

— Да так... Навестил могилу бабушки. Читал газеты. Съел скромный ленч из салата и сухарей. Пробежался.

— А нога?

— Нога в порядке. Наверно, эта нога переживет меня. — Я постарался сказать это как можно небрежней. — А потом меня вызвали на работу.

— Как несправедливо! В выходной.

— Никого другого рядом не оказалось. Пит Рейд послал меня...

— Это тот Пит Рейд, который с моралью пещерного человека и бесконечными перерывами на ленч?

— Он самый.

— И тебя выбило из колеи это задание?

Я перенес трубку от правого уха к левому. Архимед наблюдал за мной. И Джули наблюдала. Через Архимеда. Через его глаза-камеры.

— Удовольствия было мало, — осторожно ответил я.

Я рассказал Джули о трупе девушки, о выпотрошенных компьютерах и веб-камерах...

— Я все упаковал и послал в Т12. Завтра техники займутся этим.

— И теперь ты размышляешь над убийством и пьешь пиво?

— Без пива никак. Здесь очень жарко.

— Расслабляешься, Диксон?

— Крыша уже потихоньку съезжает, — признался я.

— Из-за убийства? Все так скверно?

— Я не видел тела, но там было жутко. И интригующе. На какой-то миг я почувствовал, что опять занят настоящей полицейской работой.

Мы проговорили с полчаса.

Джули часто ездила в командировки: на день, на два, на неделю. Но мы не теряли друг друга. Звонки. Электронная почта. Она посыпала мне снимки цифровой камерой, которая размерами не превышала мой большой палец, а интеллектом превосходила иную собаку. Мы говорили для того, чтобы говорить. Просто как добрые друзья. И тут мобильник запищал, сигнализируя, что на очереди еще один звонок. Ник Фрэнсис. Мы с Джули попрощались.

— Я хочу заказать тебе выпивку, дружище, — начал Ник.

— А что такое?

— Давай сперва угощу.

— Где обычно?

— Я там буду через полчаса.

Было восемь вечера. Воздух жаркий, настроение гнетущее. Рыбак уже сматывал удочки. Буквально сматывал. Лебеди уплыли куда-то на ночь. Я двумя глотками допил пиво, запер квартиру, вывел свой «мини» и покатил в Ислингтон.

Нашел уголок в баре «Голова» и купил пинту «Кроненбурга». «Голова» летом популярна — здесь есть терраса, где можно посидеть под большими полотняными зонтами и понаблюдать, как люди слоняются по старому рынку. Мне в «Голове» нравилось, потому что там имелся большой старомодный квадрат центрального бара. Можно облокотиться и, потягивая пиво, поглядывать, что творится вокруг, как, собственно, и положено в приличных питейных заведениях.

Сегодня все было как обычно: народ из ближайших муниципальных домов по одну сторону бара; крепкий коктейль типов из медиа, торговцев антиквариатом и случайных посетителей — по другую. Джой Джонс, один из старейших завсегдатаев, собирая стаканы со столов, чем, как правило, зарабатывал две бесплатные порции. Эрни Митчелл, бывший грабитель банков, ныне более чем пенсионного возраста продавец кофе и круассанов у станции метро «Эйнджел», как обычно сидел у самой двери. Когда мы встретились взглядали, он коснулся двумя пальцами лба.

Ввалился Ник Фрэнсис, хлопнул меня по плечу, заказал «Кроненбург» взамен пинты, которую я почти прикончил, и бутылку мексиканского пива «Сол» для себя. Жуткий на вид парень, если не знать его поближе, со щетиной байкера (заметное усовершенствование после цыганской челки, зачесываемой назад, и болтающихся косичек, каковые он носил большую часть 1990-х, или же предшествовавшей им прически бедного белого афро, из-за которой его голова походила на разрезанный пополам гриб), с кольцами в ушах, в носу и у бровей, вертикальной полоской бороды под нижней губой, нагой грудью под безобразным черным кожаным жилетом и с черной татуировкой на обнаженных руках. На самом деле он застенчив, приветлив и мил, примерный супруг и гордый отец двух очаровательных доцурок, а говорит так тихо, что мне приходится, как правило, наклоняться к самому его лицу, чтобы что-то расслышать в шуме и гаме пивной.

— Обычная дрянь, — проронил Ник, когда я спросил его, как он поживает. Мы чокнулись и выпили, а потом он сказал: — Возможно, я вот-вот сообразжу, как закончить книгу.

Ник полжизни трудился над обстоятельнейшей биографией легендарного исполнителя блюза Роберта Джонсона. Я знал Ника много дольше. Мы вместе росли на Уормхолт-роуд, неподалеку от Шефердс-Буш, оба ходили в школу Кристофера Рена, ту самую, где учились Пол Кук и Стив Джонс из «Секс пистолз», правда, они окончили за год до нашего с Ником поступления. Мы были неразлучной парочкой, языкастые чудики, по уши в панк-роке, хоть дни его славы и миновали. Мы носили уйму английских булавок в лацканах школьных курток и подрезали концы галстуков, чтобы походить на панков, насколько это у нас получалось. Мы соглашались, что легендарное выступление «Клэш» в Хаммерсмит-Палас 17 июня 1980-го — самый-рассамый класс, страстно спорили о достоинствах разных мелких групп, составляли списки никому не ведомых соул-певцов и решали, кто на каком месте. Мы прибавляли себе лет, чтобы попасть в «Ритмы дороги», «Ящик Грязи» или «Золотой Берег» — клубы, с весьма эклектичным репертуаром, в котором сочетались Роберт Уайт с Гилом Скоттом-Хероном, Джон Ли Хукер с Кинг Санни Эйдом. Мы дурели от афробита, соул-джаза и фанка, подбадривали друг друга, чтобы разговориться с невероятно шикарными девчонками. Я оставил школу в шестнадцать. Ник, более одаренный и обладавший почти безупречной памятью, поступил в колледж, окончил Оксфордский университет, а затем чуть не довел себя до голодной смерти, пытаясь зарабатывать как независимый рок-журналист. И если порой мы не виделись этак с год, все же окончательно друг друга не теряли, и никто из нас так и не стал вполне взрослым. И в горе, и в радости мы оставались лучшими друзьями. Он был единственным, кто знал правду о том, что случилось со мной в Спиталфилдсе в ходе Инфовойны.

Я позволил Нику изложить его новую мысль насчет того, чтобы представить биографию в виде фантастической истории о привидениях.

— Конечно, мне понадобится еще разок махнуть на Миссисипи. Я нашел еще двух-трех человек для интервью.

— И тогда ты закончишь книгу?

Он улыбнулся, оскалился.

— Тебе бы поехать со мной. Волнующая история с загадочным убийством.

Роберт Джонсон умер в Гринвуде, Миссисипи, 16 августа 1938 года, после того как осушил бутылку отравленного виски, которую преподнес ему некий муж-ревнивец. Впрочем, Ника волновало не столько убийство, сколько загадка самого Джонсона. Каким образом человек, росший в той же бедности, что и тысячи других, необразованный одиночка, полный нуль даже среди себе подобных, мог создать столько произведений такой глубины и великой силы? Некоторое время мы обсуждали замыслы Ника. Я заказал выпивку по новой, и Ник спросил меня, знаю ли я что-нибудь о журналистке, к которому нагрянули в Уолтемстоу сегодня днем. Я подумал о Пите Рейде и ответил:

— Вообще-то нет.

Ник затянулся тощей, вручную скрученной сигареткой, зажав ее между большим и указательным пальцами. На большом красовалось увесистое серебряное кольцо с черепом и рубинами в глазницах.

— Этот парень — мой друг, кинокритик. Американец. Джек Херш.

— Я не знаю и половины твоих друзей, Ник.

Ник бросил влажный окурок в щербатую пепельницу.

— Он больше, чем просто друг твоего друга. Так или иначе, к нему вперлись под предлогом поиска нелицензионного видео, изъяли все DVD и прочие записи. Унесли даже его хренов ноутбук, приятель. И паспорт отобрали.

— На случай, если он попытается бежать из страны.

— Да, но у него тут семья. Жена читает лекции по теории медиа в Вестминстерском университете. Никаких обвинений ему не предъявлено, вот я и подумал, а не мог бы ты выяснить, что это: обычное запугивание или что покруче. То есть достаточно ли это серьезно. Он работает над книгой, а у него забрали все файлы и весь материал для исследований.

— Диски и прочие записи были американские?

— Конечно. Джейф пишет о слэшерах, фильмах-«потрошителях». Кое-что из этой дряни запрещено, прочее изрезано до неузнаваемости. В наше время самый невинный двухчасовой фильм запросто сокращается минут на тридцать с подачи Британского бюро киноцензоров. Нынче, приятель, режут даже диснеевские мультики, а уж Джейфовы фильмы ужасов — подавно, — пояснил Ник, закатывая глаза и держа по обе стороны лица выгнутые крючьями пальцы. — Все это было запрещено, когда началась истерия насчет гнусностей на видео в восьмидесятые.

— Попробую что-нибудь выяснить. Но обратно он ничего не получит.

— Если не DVD и не записи, то, может, хотя бы ноутбук пройдет через Т12?

— Я не смогу сделать копию с жесткого диска, Ник.

— Понятно. Но я должен был спросить.

— Я постараюсь разузнать об этом деле.

— Если что-то узнаешь, с меня пиво. А сейчас мне надо бежать. Ночной показ последнего Клинта Иствуда. Новые доказательства, что есть жизнь после смерти, но это хотя бы американская продукция.

— Надеюсь, тебя не тронут блюстители нравов из Лиги благопристойности.

— Это частный просмотр в частном зальчике «Сони». Только так журналист теперь может увидеть нечто стоящее.

Ник дал мне запись (копию первого альбома нового крутящего блюз-гитариста из Алабамы по имени Карпентер Хилл), прикончил свою порцию и ушел. Я допил свой «Кроненбург»

и тоже подался прочь. Слишком взвинченный, чтобы вернуться домой, я отправился на Аппер-стрит и стал прогуливаться среди толпы, двигавшейся под взглядом десятков камер безопасности, мимо освещенных магазинчиков, людных баров и островков со столиками, расставленными на улице близ ресторанов. Половина пивных в Ислингтоне изображает фермерские кухни, монгольские юрты или влажные мини-леса с обилием папоротников, пальметто и льющимся со всех сторон птичьим пением. В одном из них через каждый час пускают часовой ливень, а у дверей выдают плащи. Прочие же банальные шумные бары полны малолетних любителей техники с интерактивными беджами. Этот народ выходит в сеть на вечеринках и изображает, будто это настоящее удовольствие.

Я выбрал «Почту», последнюю настоящую прокуренную пивную на Аппер-стрит, где, что ни ленч, толкуются почтальоны, отрубившие смену. Сейчас здесь смотрели бразильский чемпионат по водным лыжам среди женщин. Я опрокинул пару пинт, выкурил полпачки, а затем подался на Кросс-стрит в сторону Эссекс-роуд. Купил шестибаночную упаковку пива и ужин навынос в греческом кафе возле бывшего египетского кинотеатра — и покатил по старым дорогам с пакетом жареной рыбы с картошкой, который раскрыл на соседнем сиденье, с холодной банкой пива между колен и с сигаретой в зубах.

Старые привычки. Пить и рулить. Пить и курить. Рулить, пить и курить.

Когда я еще работал в патруле, мне больше всего нравилось ездить по ночам, особенно преследуя бандитов. Погоня оживляла унылую смену и всегда служила поводом для хорошего анекдота, даже если заканчивалась ничем. Два года был у меня сносный напарник, Тревор Бейли, бесстрашный лихой водитель. И полицейский хоть куда. Он ни разу не упоминал о моем росте. И почти не использовал ни одной из моих кличек. Он говорил, что я не хуже констеб-

лей-женщин умею сообщать дурные новости встревоженным недоверчивым родственникам. Его убили в позапрошлом феврале, когда он пытался отобрать нож у маньяка. Этот гад вошел в супермаркет и принялся полосовать покупателей и персонал. Все произошло после Инфовойны, еду еще выдавали по талонам, а убийца Тревора оказался разорившимся мелким торговцем. Не раз поздними вечерами я вспоминал Тревора. Как он, сосредоточившись на дороге, гонит машину на предельной скорости. Сверкает мигалка, воет сирена. Все уступают нам дорогу, а мы несемся вперед, то вылетая на встречную полосу, то проскакивая на красный свет. Ветер визжит, а в машине так чудесно пахнет горячим маслом...

Теперь я ехал нашими старыми маршрутами в своем «мини», классическом «Купер СЕ» темно-зеленого цвета, с двумя широкими полосами на капоте, белой крышей, с отменным двигателем, хромированными дисками и кожаными сиденьями. Хотя, если честно, я запустил свой экипаж до невозможности. Иногда вспоминал, что надо бы долить антифриз, сменить масло и поставить новый фильтр, но не находил для этого времени. Крылья ржавели, левую фару с пассажирской стороны я заклеил скотчем. Стоп-сигналы не работали — месяца два назад меня опрокинула патрульная машина. Из разошедшихся швов сидений выползала набивка, а на заднем скопилась гора полиэтиленовых мешков, набитых старыми газетами, которые я всякий раз собирался выбросить в контейнер для мусора, но забывал. Еще там валялись полупустые канистры с антифризом и маслом, всякого рода упаковки из-под готовых закусок и с полдюжины штрафных квитанций за парковку.

Я ехал на северо-запад, и кассета с подборкой старого панк-рока играла на полную мощность в блаупунктовской магнитоле, которую я сам установил. Когда-то это устройство стоило больше, чем машина, но теперь оно безнадежно устарело. Его с легкостью превзошли CD, DVD и прочее.

Раньше мы с Ником обшаривали вулвортские супермаркеты в поисках редких альбомов «Спешаилс», «Джем», «Клэш» и концертных записей Игги Попа, чтобы воссоздать саундтрек нашей юности. Это все, что осталось от моего прошлого после того, как выгорела квартира.

Холлоуэй-роуд. Мужчина на автобусной остановке, турок или курд, погрозил проезжающему автомобилю жестянкой пива, точно ручной гранатой.

— Гребаные англичане! Гребаные, тупые английские козлы!

Студенты ошивались снаружи «Гаража». Парнишка стоял на коленях, и его рвало в канаву. Неподалеку — целое мусульманское семейство, женщины в покрывающих головы до ног подгоняют стайку ребятишек. Они держатся позади мужчин в кожаных куртках и широких белых штанах. Семейство направляется куда-то на север мимо закрытых ставнями витрин магазинов старой мебели.

Десять минут одиннадцатого. Двадцать пять градусов. Влажность — восемьдесят восемь процентов. Повсюду камеры, приникшие к стенам зданий, следящие за дверями, за мостовой, за транспортом. Поворачивающиеся камеры, не упускающие объект.

А я все катил и катил.

Пять лет я служил патрульным. Затем меня перевели в управление, где я стал одним из невидимок, контролирующих файловые системы и потоки информации. У меня не плохо получалось. Иногда мне это даже нравилось. Спокойная работа. Стоило потратить на нее тринадцать лет жизни. Закончил я как руководитель отдела из сорока гражданских служащих. По большей части это была инициативная группа реорганизованной полицейской информационной службы. Если подчиненные и придумали мне прозвище, то держали его при себе. Но, если честно, это была не совсем полицейская работа.

А между тем я получил диплом Заочного университета по прикладной психологии, писал речи и готовил проекты документов для помощника комиссара. Перед самым его уходом я попросил его об услуге, в которой он не мог мне отказать. Одним словом, меня перевели в отдел, занимающийся заложниками и вымогательством. Я успокаивал истеричных типов, грозивших прыгнуть с высоты. Отвлекал разговорами вооруженных громил, застигнутых на месте преступления группой быстрого реагирования. Вел разговоры с людьми, впавшими в буйство, с мужьями, приставляющими ножи к горлу своих жен, с отцами, грозящими убить себя и своих детей. С забаррикадировавшимися в домах. С безумцами, приводя их к повиновению. Успокаивал перепуганных. Выслушивал сетования на подлинные и мнимые горести. Выслушивал тех, кто грозил убить себя. Уговаривал. Снижал уровень стресса. Убеждал, что у каждого из них — уйма времени, чтобы разрешить свои проблемы. Напоминал, что спешить некуда. Повторял, что с любым из них будут достойно обращаться. Что с ними не случится ничего трагического. Позволял им небольшие победы после долгого промедления. Простые требования становились предметом изнурительных обсуждений. Чашку чая? Нет проблем, но какой чай? «Английский завтрак», «Оранж пеко», «Эрл грей», «Ассам», «Дарджилинг»? Может, что-то особенное, жасмин или мяту? Или ароматизированный: малина, лимон или апельсин? Просто чай? Да, но какой фирмы? С молоком? С обычным молоком, полужирным, или со сливками? Молоко в чай или отдельно? А если в чай, то сколько молока? Сахар? Кусковой, рафинад или песок? Бурый или белый? Я могу целый час проговорить о чашке чая и так и не собьюсь на пиццу или гамбургер. Я превращал серьезные требования в незначительные запросы, уступал ничтожным желаниям, создавал иллюзию, что дело движется — бесконечно застrevает, но движется. И лишь тогда, когда я полностью изучал человека и мог предугадать,

что он скажет дальше, заговаривал его до умопомрачения — лишь тогда я касался самого главного:

— Почему бы нам не начать обсуждать, как вам отсюда выбраться?

Шесть лет разговоров. А потом разразилась Инфвойна. И этот случай в Спиталфилдсе.

Официальная история, которую знают все, проста, как любая высококачественная ложь. И как любая высококачественная ложь, она не приоткрывает и не искажает правду. Она является ложью не потому, что здесь сообщается неправда, но потому, что здесь замалчивается правда. Эта версия такова.

На третью ночь Информационной войны, после антиапаталистического марша, обернувшегося беспорядками, взорвалось с полдюжины важнейших городских зданий и еще несколько десятков загорелись вследствие перегрева компьютерных чипов, ибо вирусы вывели из строя охлаждающие вентиляторы. Лондон-Сити был оцеплен, вступил в действие комендантский час. Посреди всего этого хаоса полицейский патруль заметил двух бандитов и начал преследовать их по пятам. Пока один патрульный вызывал помошь по радио, трех других убили на месте, а четвертого опасно ранили, и тут подозреваемые, загнанные в угол, взорвали бомбу в сумке. Я единственный, кто уцелел. Иракское правительство, две курдские коммунистические группировки и две банды ирландских националистов до сих пор оспаривают друг у друга ответственность за этот теракт.

А ведь я знаю, что опущено в этой милой изящной истории. Знаю, например, что одним из преступников была девушка, что ее схватили сразу, а ее дружок ускользнул. Знаю, что сделали с этой девушкой полицейские, и что случилось, когда ее дружок вернулся, чтобы ее спасти. Я знаю, что один полицейский, ослепший, потерявший обе ноги, прожил достаточно долго, чтобы сделать предсмертное заявление в машине «скорой помощи» о том, что я сбежал. Других свидете-

лей не было. Никто больше не видел, что там произошло. Власти решили, что эти две версии не подходят, состряпали хорошенькую байку для публики, купили угрозами мое молчание и погребли меня в Т12.

Я свернул с Холлоуэй-роуд и поехал по Йорк-уэй через путаницу узких улиц, расположенных за Сент-Панкрас. Вокруг маячили лавки подержанной конторской мебели и заведения, где можно освежиться, темные, с закрытыми ставнями, затаившиеся под железнодорожными мостами. На углу улиц стояли парочки геев: в этом году преобладали словаки и шотландцы. Иногда попадались умопомрачительные сомалийские трансвеститы. Затем я снова свернул к Ислингтону, проехал мимо узкого клина парка — множество деревьев и черных камней, вдоль рядов георгианских домов, по улице, где в припадке дикой ревности Кеннет Хэллиуэлл убил Джо Ортона всего через несколько недель после того, как Пол Маккартни пришел навестить их убогое пристанище. Далее я трижды повернул, двигаясь вдоль Риджент-канала, через лабиринты старых фабрик и викторианских террас.

В одном месте, где-то среди развалин на Олд-стрит, меня догнал патрульный автомобиль. После того как патрульные пристроились ко мне в хвост, я повел машину с максимальной осторожностью. Когда они включили мигалку и сирену, сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди.

Но вот их машина вывернула на встречную полосу и понеслась вперед с огнями и визгом. Я съехал к тротуару, заглушил двигатель и вскрыл последнюю банку пива. Я понимал, что надо кончать с выпивкой за рулем, но мне требовалось рулить всякий раз, когда шалили нервы, а я не мог вести машину и не пить. Мне необходимо было отрешиться от своего бренного тела, стать пассажиром в собственной черепушке, причем на всю поездку, а не только на ее часть.

Я допил пиво и вспомнил Криса Фрейзера. Еще один коллега. Его ранили в выходной день. Он шел домой по Грин-

лейн, когда увидел беспорядок в лавке, торгующей спиртным навынос. Какой-то тип бейсбольной битой крушил бутылки на полках и вопил в лицо владельцу, что если тот не откроет свою вонючую кассу, то будет следующим. Крис вошел и велел парню положить биту. Завязалась драка. Крис поскользнулся на разлитом кларете. Парень жестоко избил Криса, взял две упаковки жвачки и ушел. Крис месяц провалялся в больнице с черепно-мозговой травмой, сломанными ребрами и раздробленными костями правой руки, той, которой он закрывался от ударов. Он вернулся к работе, но стал страдать жуткими головными болями и полностью потерял выдержку. Начал мертвцки пить. Дважды получал дисциплинарное взыскание, затем его временно отстранили от дел. Шесть месяцев спустя он шагнул навстречу грузовику на шоссе A10.

Не знаю, потерял ли я выдержку после того, что случилось со мной в пору Инфовойны. После Спиталфилдса с той мертвой девушкой, мертвым парнем и мертвыми полицейскими, после внутреннего расследования и политического компромисса меня никто не проверял. У меня не хватило духу уволиться, хотя я знал, что начальство будет счастливо, если я уйду. Мне уже предлагали досрочную отставку. Когда я ее отверг, мне дали спокойную непыльную работенку в Т12: принеси, подай, уйди, не мешай, зарегистрируй и рассортируй. Это была моя естественная среда обитания, но мне катастрофически не хватало всего остального, и я начал заполнять пустоту выпивкой и ночными поездками. И знал, что рано или поздно попадусь кому-нибудь из полиции или охраны, лишенному сочувствия.

Мои мысли вновь и вновь возвращались к серебряному креслу, как язык возвращается к шатающемуся зубу. Трон для детской игры посреди лужи крови, и еще два угла треугольника: веб-камеры, трепещущие от сведений о том, что сделали с девушкой, которая там умерла. Я болтал с Макардлом о компьютерах и веб-камерах как о пустяках, потому

что хотел досадить Варному. Но я понимал, насколько они важны. Ибо над компьютерами, как и над их владелицей, совершили насилие. Кто-то, почти наверняка настоящий изверг, лишивший жизни девушку, вынул винчестеры из компьютеров, забрал информацию, которую они содержали. Здесь можно будет найти какие-то зацепки. Шанс на избавление, на поворот к лучшему.

Труп девушки. Серебряное кресло... Я выбросил пустую жестянку в окно и покатил к дому.

3

Я знаю, что я — нетипичный полицейский. У идеально-го сыщика нет ни истории, ни семьи. Он — одинокий рыцарь, посвятивший жизнь свершению высшей справедливо-сти. Или упрямый чудак, обладатель тайного знания и обостренной интуиции. Хотя большинство полицейских, глядя вам прямо в глаза, скажут, что служить в полиции — их призвание, у каждого есть свои, настоящие причины. Одни ищут острых ощущений. Другим нужна надежная работа, чтобы растить детей и выплачивать кредит. Я же пошел в полицию потому, что не мог попасть в армию, а теперь сильно подозреваю, что в армию мне хотелось из-за того, что мне недоставало семьи.

Меня воспитала бабушка. Бабушка Сесилия. Мой отец оставил мою мать, когда мне было шесть лет, а у матери произошел какой-то нервный срыв, и ей понадобилось уехать. Вот бабушка Сесилия и взяла меня к себе. Позднее мать, пристрастившуюся к либриуму, выписали из санатория, и она поселилась у своей незамужней тетки в Чизвике. Я приезжал туда каждое воскресенье. Иногда, если везло с погодой, мать водила меня поиграть в парке возле метро. Или мы гуляли по дорожке вдоль Темзы. Она была женщиной с тонкими костями — моя мать. Из-за нервного истощения

она сильно исхудала. Оглушенная либриумом, она, по-видимому, боялась реально смотреть на мир. Любой пустяк — будь то тучка, закрывшая солнце, или несвоевременное требование мороженого — ввергал ее в приступ панической нерешительности, а затем она разражалась горькими беспомощными слезами. К своему стыду, я испытал облегчение, когда она скончалась после шести лет медленного угасания. К тому времени я был самоуверенным и не сентиментальным двенадцатилетним подростком, который во время похорон матери сбежал от неловкого сочувствия взрослых и бесцельно шел вперед, пока — много часов спустя (уже давно стемнело) — полиция не подобрала меня в Даличе и не доставила домой.

Я так и не узнал, почему мой отец нас бросил. Помню горькие споры шепотом за запертой дверью, выкрики, рыдания, гнетущую тишину. Но я был еще слишком мал, чтобы понимать, что происходит. Теперь-то я уверен — дело в другой женщине. Мой отец был на двадцать лет старше матери, армейский сержант. После увольнения он стал страховым агентом, стучал в двери и продавал беднейшим из бедных полисы со взносами в несколько пенсов в неделю на покрытие расходов на кооперативные похороны с мишурой. Я выбросил его из головы перед сороковым днем своего рождения. Тогда я узнал, что он переехал в Саутхемптон, женился вторично и умер, и что у меня есть единокровный брат. Я узнал также, что моего отца с позором уволили из армии после двух лет службы за кражу и что его дважды арестовывали за кражу со взломом. И хотя ни один из арестов не привел его в тюрьму, я уверен, что воровство, а не страхование, было его истинным занятием.

Бабушка овдовела во время Второй мировой войны. Гладкое молодое лицо моего деда взирало с полудюжины потускневших фотографий в дешевых рамках на полочке над газовым камином. Дед служил на торговом судне и погиб, когда судно подбила торпеда в Северной Атлантике в 1943-м. Ба-

бушка больше не выходила замуж. Она едва сводила концы с концами, получая вдовью пенсию, а также чиня и перешивая одежду для роскошной химчистки в Уэст-Энде. Свою маленькую муниципальную квартирку с двумя спальнями она содержала в образцовом порядке. Каждый понедельник кипятила белье в алюминиевом баке, помешивая его большим деревянным черпаком, а затем пропускала все через каток. Каждый понедельник скребла свое крылечко, варила джем из ежевики, собранной на пустоши, и любила вечерами сидеть в кресле, украшая прихотливой вышивкой бальное платье или распуская рукава вязаной кофты и слушая радиопередачи по большому ламповому приемнику, шкала которого, круглая и сияющая, словно полная луна, была помечена дюжиной диковинных названий: Люксембург, Хилверсюм, Гельвеция, Атлон...

Дед вряд ли оставил ей еще что-то, кроме пачки детективных романов в желтеющих мягких обложках — книги он покупал, когда сходил на берег в Балтиморе, Бостоне и Нью-Йорке. В тринадцать лет я свалился с мононуклеозом и два месяца лежал с температурой, ко всему безразличный, а горло мое будто скребли колючей проволокой. Питался я в те дни куриным бульоном, горячим травяным настоем и дешевым чтивом. Реймонд Чандлер, Дэшил Хэмметт, У.Р. Бернетт, Уильям П. Макгиверн, Корнелл Вулрич, Фредерик Небель, Эрл Стэнли Гарднер. Сочинения из суетной городской жизни, полной грубого индивидуализма и примитивного остроумия, где полно злодеев-мужчин, роковых женщин и ничтожеств. Сочинения, где преступления никогда не оставались безнаказанными, даже если мотивы их так и не прояснялись, где сыщиками были обычные люди, твердые, но сентиментальные одиночки, до безнадежности проникшиеся отчаянным чувством нравственного долга, у которых никогда не иссякали сигареты, пули и едкие замечания. Думаю, что именно тогда я решил, что хочу быть сыщиком. Я перечитал все книги моего деда и все в этом жанре, что бабушка могла

найти в местной библиотеке. А затем вернулся в школу — и,казалось, моя страсть к нуару угасла, точно лесной пожар,которому нечем больше питаться. Я на два месяца отстал оттоварищей по классу, а это много, когда тебе тринадцать лет.Если не считать неразрывной дружбы с Ником Фрэнсисом, я выпал из всей сложной путаницы школьных взаимоотношений, но это мне жить не мешало. Это только подтвердило романтическую догадку, что я одиночка вроде Майкла Хаммера или других героев прочитанных за время болезни романов. Однажды темной августовской ночью бабушку свалил удар. Неделю она пролежала в больнице, а затем второй удар унес ее из жизни. Мне было шестнадцать. Какое-то время я прожил у тетки, а затем отец Ника помог мне найтиработу: формирование заказов для оптовых зеленщиков. Занявшись этим делом, я предпочел не возвращаться в школу. Работенка была сущей бессмыслицей, но давала достаточно денег на кассеты с музыкальными записями, одежду и хождение по клубам с Ником. Я попытался было попасть в армию, но потерпел неудачу. А затем увидел объявление в «Иннинг стэндарт», и мне вдруг взбрело в голову попытаться устроиться в лондонскую полицию.

Отец Ника был знаком с местным констеблем Джейфом Риммером. Тот иногда брал меня покататься в патрульной машине, чтобы я видел, как у их брата обычно идут дела. Позднее он помог мне поступить на службу, натаскав для собеседования («Как бы там ни было, сынок, не говори, что желаешь помочь обществу. Не то подумают, будто ты никчемный социальный работник».). Джейф вышел в отставку пять лет назад. Теперь живет в Эссексе, в бунгало с садиком. Там он выстроил хижину на дереве для своих внуков. Я не виделся с ним с тех пор, как попал в беду, хотя мы разок-другой говорили по телефону. Он приглашал меня в гости. А теперь я и вовсе сомневаюсь, что когда-нибудь увижу его снова. Однажды он спросил меня, почему я остался в полиции после Спиталфилдса, а я не смог дать вразуми-

тельный ответ. Все, что мне удалось выдавить: «Я еще не готов уйти».

Был период, когда меня перебрасывали то туда, то сюда в качестве пугала в форме, и в конце концов я попал в Ислингтон. Здесь прослужил пять лет. Дольше, чем продолжалася мой брак.

О своем браке я рассказывать не собираюсь. Дело касается только нас двоих. Мы были очень молоды и, как водится в молодости, самонадеяны. Мы воображали, будто у нас из этого что-то выйдет. Мы думали, что сама сила нашей любви разрешит проблемы, с которыми сталкиваются все браки полицейских. Сменная работа, оставляющая ощущение того, что вы постоянно выбиты из колеи. Ненормированный рабочий день. Досуг в любой момент летит к черту, так как надо явиться в суд. И конечно, обычные мерзости, связанные с такой профессией. Вы отпускаете о них шуточки в кругу своих коллег на месте преступления или в буфете, но домой приносите груз, который невозможно сбросить. Темная жуть пролезает вам в душу нежданно-негаданно, и если вы с кем-то вам близким не готовы противостоять ей день за днем, одолевая ее и тесня, усердно и настойчиво, эта жуть мало-помалу изгложет вашу любовь, ничего от нее не оставив. Так случилось и с нами; она теперь где-то замужем за преподавателем по теории медиа. У них двое детишек. Впрочем, я уже сказал, что говорить об этом не хочу...

Как и любой полицейский, который хоть сколько-нибудь отличается от коллег, я то и дело оказывался мишенью для подтрунивания, но научился это сносить. Я смолчал, когда один шутник прикрепил график роста наших служащих к дверце моего шкафчика. С достоинством я носил клички: Оратор, Проповедник, Старски, Минимум, Бонсай, Бриджит. Конечно, мы порой веселимся в участке. Большая часть полицейской работы состоит из рутинных дел, которые идут своим чередом, навевая скуку, и вдруг сменяются диким напряжением и страхом. Но выдаются и такие мгновения, ког-

да взгляд проникает в закоулки человеческой души. Как-то я пытался высказать это моему напарнику Тревору Бейли, а тот рассмеялся и сказал, что это похоже на откровения грустного хиппи.

— Да я не о какой-то хипповой чепухе, — ответил я ему. — Я о реальности. Когда вдруг открываешь глаза на то, что вокруг тебя.

— Я бы предпочел многого не знать, — заявил он. — Я по горло сыт реальностью, такой как она есть. Взять хотя бы особу, которую мы нашли мертвой на этой неделе.

Мы вскрыли ее квартиру, потому что соседи пожаловались на запах. Женщина умудрилась повеситься у себя в спальне с помощью куска электропровода и дверной ручки. Судя по тому, сколько перед дверью скопилось почты, она была мертва самое меньшее месяц. Ее жилище изобиловало личинками, мухами и рыжими муравьями. Жирное пятно в шесть футов в попечнике осталось на ковре в ее спальне.

— Я не об этом, — возразил я. — Это просто смерть, и конец у всех един. Я имею в виду взгляд на человеческую жизнь, на то, как люди думают, как они видят мир.

— Сталкиваться с тем, что они делают, уже само по себе противно, — ответил Тревор, — даже если не знать, что они думают.

Я так и не смог найти слова, чтобы ему это объяснить, хотя мы через многое прошли вместе. Тревор был хорошим полицейским, но видел в этом простую службу. Или прикидывался, будто видит.

Во всяком случае, тогда я был все еще констеблем и занимался патрулированием. Нас с Тревором Бейли вызвали в супермаркет на Холлоуэй-роуд, где скончался какой-то старик. О происшествии заявил врач, делавший с женой покупки. Как я узнал позднее, причиной смерти послужило мощное кровоизлияние в мозг. Небольшой сосудик, трубочка из эластичной ткани, не толще нити, которая, никем не замечаемая, переносила миллионы галлонов крови свыше девя-

носта лет. Но вот она внезапно лопнула, и старик упал замертво среди полок с жестянками супов и пакетами макарон. Мы узнали его адрес из счета за электричество, который нашли при нем, и отправились туда, чтобы сообщить дурную весть любому, кто там окажется. Выяснилось, что он жил один. Как я узнал потом, его жена погибла при бомбеке во время войны, детей у них не было, и, он, как моя бабушка, больше не женился. Но какие чудеса явила эта жалкая смерть на людях! Жилье представляло собой клетушку на втором этаже перестроенной викторианской виллы в Тафнел-парке. Узкая кровать, тщательно, по-армейски, убранная; потертое кожаное кресло; радиоприемник на потемневшем деревянном комоде; небольшая электроплитка рядом со старомодным умывальником: обстановка десяти тысяч комнат лондонских одиночек. Но стены были увешаны картинами, написанными маслом и акварелью. И не такого рода, какие выставляют у ограды Гайд-парка в воскресный день. Там была крошечная акварель раннего Фрэнсиса Бэкона, с полдюжины литографий Эрика Гилла, пейзаж Пола Нэша, акварельный портрет Грэхема Сазерленда, красная с черным картина Говарда Ходжкина и небольшая изысканная бронзовая бычья голова работы Барбары Хепуорт на книжном шкафу, полном первых изданий. Все это добро попало на аукцион и принесло полмиллиона фунтов, доставшихся кому-то дальнему родственнику в Абердине. В свободное время я проделал кое-какую работу по выяснению обстоятельств. Старик трудился старшим клерком в юридической фирме, но почти все деньги и всю свою жизнь вложил в искусство. Каждый день он после работы направлялся в Сохо, где пил в «Колонии», «Карете с упряжкой» или во французском пабе. Он был другом многих художников, помогал им, когда они начинали, и получал положенную награду. Я установил, что во время войны он служил пожарным и оказался одним из тех, кто спасал собор Святого Павла от зажигательных бомб. У него было подписанное наследником письмо и

медаль короля Георга. Кто бы подумал об этом, глядя на бедного мертвого старика, свернувшегося на полу супермаркета в старомодном костюме, с редкими седыми волосами и кривым вставным зубом во рту?

Я пытаюсь сказать, что у всех есть загадки. Я пытаюсь объяснить, почему для меня обрела такое значение девушка, убитая в серебряном кресле.

4

В начале нынешнего века правительство создало элитное подразделение внутри Национальной службы криминальных расследований, НСКР, чтобы ответить на рост преступности в сфере компьютерной информации. Мошенничества, отмывание денег, банковские операции от чужого имени, распространение порнографии, информация о педофилии и терроризме. Такие деяния стали массовыми после Инфовойны, и теперь борьба с ними поглощает половину антикриминального бюджета Министерства внутренних дел и большую часть людских ресурсов НСКР. Подразделение выслеживает хакеров и крэкеров, спамеров и сетевых антиглобалистов, телефонных фрикеров и криптовзломщиков. К работе привлекают независимых экспертов, специалистов из Департамента налогов и сборов, из Таможенного управления и Управления правительственной связи Великобритании. У подразделения есть контакты с МИ5 и МИ6. Налажены каналы с Интерполом и ФБР. Короче, настали горячие дни, и подразделения вроде Т12 безнадежно устарели. Но как и большинство региональных полицейских служб, лондонская упрямо сохраняет свой собственный компьютерный отдел. И несмотря на изменение названий, урезывание бюджета и структурные преобразования, Т12 существует до сих пор. Гражданский технический персонал этого отдела занимается обработкой улик и поддержкой безопасности внут-

ренней сети лондонской полиции. Но прикомандированные туда полицейские — либо зеленые юнцы, получившие первое назначение и плохо понимающие, куда их засунули, либо служаки, дошедшие до ручки, а то и замазавшиеся в чем-то, не вполне подходящем для увольнения. Они вступают в контакт с координаторами на месте происшествия и старшими по вещественным доказательствам и надзирают за перевозкой улик. Они заполняют бланки учета, архивные бланки, бланки улик. Им положено заниматься нескончаемым потоком протоколов, меморандумов, циркуляров, процедурных дополнений и прочего. Но если только Рейчел Суинни не сочтет нужным напомнить о деле, сотрудники большей частью сидят, попивая скверный кофе, и занимаются безыскусным жульничеством и хитростями. Таков Т12, в прошлом Отдел информационных технологий, до эры Электронных Преступлений повсеместно известный как Прибежище Ослов. Туда-то меня и сослали, когда я отверг раннюю отставку и был сочтен годным для дальнейшей службы. Отдел занимал административное здание, кое-как возведенное на стальном каркасе в начале семидесятых, обитое дрянными панелями, выкрашенными в несуществующий в природе оттенок зеленого, задвинутое в угол вечно переполненной парковки с глухими кирпичными стенами, вздывающими с трех сторон, и проволочным заграждением с бритвенными лезвиями — впереди. Полосатый шлагбаум и камеры слежения находились в ведении частной охранной фирмы «Квадрат». Эта фирма смогла обскакать конкурентов и стать крайне привлекательной для бухгалтеров столичной полиции, поскольку содержала штат застарелых негодяев с поддельными удостоверениями личности и платила своим сотрудникам меньше законного минимума. Само здание Т12 имело дырявую плоскую крышу, которая непрерывно протекала. Поэтому с нашим пристанищем требовалось без конца возиться, словно с больным, умирающим от непонятной хвори — где-нибудь вечно шел ремонт. Тут и там серебристым

скотчем к стенам были прикреплены кабели. Ромбики зеленого пластика на полу первого этажа набухли от сырости, проникающей сквозь трещины в фундаменте. Гудящие лампы дневного света регулярно перегорали, придавая помещениям вид унылого безразличия, словно у несчастного, изнуренного бодрствованием на тяжелом допросе...

Как я и ожидал, детектив Рейчел Суинни, руководитель Т12, находилась в суде на открытии слушания Мартина. Ее возвращения ждали только после ленча, так что мне выпала передышка. Я включил компьютер, проверил почту и обнаружил, что Джули прислала свое фото. Стойная, тридцати с небольшим лет, с мальчишеской стрижкой-ежиком, красивое удлиненное лицо, затененное панамой с лентой из искусственной шкуры леопарда. Она сидела в людном кафе под открытым небом, подняв высокий стакан темного пива, и ослепительно, точно для рекламы, улыбалась в камеру. Она собирала янтарь и любила броскую обувь, ходила в оперу, наслаждаясь как зрелищем, так и общением. Джули охотно признавалась, что ничего не смыслит в музыке. Каждый день она проводила час на угольно-черном тренажере «Фабрики Мускулов», похожем на станок для производства деталей экзотического спортивного автомобиля. Она любила пить молоко прямо из картонной упаковки и тыльной стороной ладони вытирать капли, оставшиеся над верхней губой. Она не брила ни подмышки, ни ноги, не умела стряпать, предполагала пиво вину, оставляла в ванной по утрам кавардак, имела привычку утягивать себе одеяло посреди ночи, не любила тайн, была откровенна, болтлива и беспокойна. Мне не хватало ее больше, чем я мог бы ей сказать, и фотография возбудила во мне желание бросить все на свете ради беседы с ней. Но меня ждала работа, да и не хотелось выкинуть неизначай что-нибудь такое, что смешило бы равновесие и окончательно превратило бы нас в просто добрых друзей.

Я открыл браузер, чтоб покопаться в поисковиках. У Т12 открытый сервер, и хотя фиксируется чуть ли не каждый щел-

чок мыши, он принимает весь веб-мусор, не сдерживаемый ни программами активной защиты, ни спам-фильтрами, ни антифишинговыми модулями. Мне не потребовалось много времени на то, чтобы отыскать материал об убитой девушке, Софи Бут. Возбужденный и перепуганный, я пробежал взглядом текст и сказал себе, что кто угодно из команды Макардла с ничтожным компьютерным опытом тоже мог отыскать эти данные. Я сохранил информацию на диске.

Верхний этаж нашего здания был преобразован в единое помещение — мастерскую, где полно электронного оборудования и кассет с деталями, расшатанных столов, на которых вечно гудят компьютеры, закутков, разделенных загородками высотой метра в полтора, увешанными открытиками, цветными фотографиями и распечатками. Яркий солнечный свет бил в пыльные окна. В воздухе пахло электричеством и теплой пластмассой. Здесь, наверху, всегда жарко. Окна из соображений безопасности наглоуко заперты и забраны тяжелыми стальными решетками изнутри и снаружи. А кондиционеры не могут справиться с жаром нагретой крыши и тем, что генерируется сотней компьютеров. Девяти еще не было, поэтому, наверное, я застал наверху лишь одного техника — старейшего обитателя Т12, Чарли Уиллза. Он горбился перед монитором. Седеющие волосы, собранные сзади в длинный хвост, плясали по спине белого лабораторного халата, когда Чарли с холодным расчетом снайпера щелкал мышью. Белый халат был такой же его причудой, как конский хвост и паяльник, торчащий из верхнего кармана.

— Везет мне сегодня, — сообщил он мне, не отрываясь от экрана. — Какой-то маньяк вломился в саркофаг в Чернобыле, задействовал робота и утыкал внутренность веб-камерами. Впечатляюще. А как насчет извращенца-курильщика? Сидит на глубине мили в Тихом океане и любуется, как крабы-альбиносы перебираются через его трубку, изрыгающую перегретую черную водицу.

— Излучение монитора давно размягчило твой мозг. Не говоря уже о порнухе, которую ты, как я знаю, смотришь часами. Здесь вообще кто-нибудь занят делом?

— Очевидно, некоторым нравится приходить и уходить строго по часам, — заметил Чарли. — Тебе бы следовало оценить эту петрушку, Джон. Личные навязчивые идеи привлекают публику. Для того и существует сеть.

Энди Хиггинс, главный техник, сидел в своем кабинете, набивая трубку табаком, и, кажется, не очень удивился, увидев меня.

— Ты с ошибкой написал слово «немедленно», — беззлобно сообщил он.

— Я спешил. Ты уже видел сами железки или пока посмотрел только документы?

Энди постучал чубуком трубки по табличке «Ушел».

Крепко сложенный, приветливый, краснолицый верзила лет под шестьдесят, он больше смахивал на ушедшего на покой фермера, чем на знатока электроники. Но он мог разобрать все, что ни принесешь, и восстановить все байты на поврежденном диске. Он начал работать с компьютерами как техник Британских ВВС в эпоху, когда процессоры были слабее, чем у нынешнего карманного калькулятора, и занимали целый зал. Он провел тридцать лет в Штабе правительенной связи, после чего перешел в Т12. У него на полках все еще хранились пачки зеленых, оранжевых и розовых перфокарт, стянутые толстыми резинками. Порой, взяв одну из пачек, он начинал медленно перелистывать ее, как иногда любой из нас перелистывает любимую книгу, зная, что никогда больше не станет ее перечитывать.

— Славный образчик этот G10, совсем новехонький, как и следовало ожидать, — сообщил мне Энди. — Эта модель всего лишь несколько недель как выпущена. Жаль, что кому-то игрушечка так не понравилась. Другая, бежевая — стандартная мультимедийная модель, лет этак трех.

— И?

Энди чиркнул спичкой, поднес ее к трубке и принялся пыхтеть, пытаясь ее раскурить. Обгоревшую спичку он кинул в крохотную пепельницу, которую когда-то прихватил в одной из местных пивных.

— Жесткие диски удалены, так что да... что-то там было. И все же веб-камеры и два компьютера... Это чистая догадка, но, возможно, хозяйка имела незаконный веб-сайт. Бежевый ящик мог использоваться как сервер. Он был соединен с G10 и подключен к сети.

— Да, хозяйка сомнительная особа, это верно. Я поискал в Интернете и кое-что обнаружил.

Энди покосился на меня сквозь озаренный солнцем табачный дым.

— А какова твоя роль в этом расследовании?

Я героически солгал:

— В данный момент я нечто вроде неофициального консультанта.

— Я все зафиксировал, — продолжил Энди. Вытащив из пачки бланк, подал мне. — Тебе придется расписаться в получении.

— Знаю.

— Лучше скажи это Рейчел Сuinни.

Когда я уходил, Чарли Уиллз, не отрываясь от сияющего экрана компьютерного монитора, попросил:

— Если ты вниз, прихвати кофе. В кофеварке пусто.

5

Отдел убийств располагался в дальнем закоулке Скотленд-Ярда. Обычное зрелище: в помещении два гражданских сотрудника вводят данные в древние компьютеры, с полдюжины типов в штатском, измученных пятнадцатичасовыми сменами, составляют отчеты и заполняют квитанции. Надрываются телефоны. Дежурный прикальвает к доске объявлений

голубые листы с графиками смен. Белокурая девушка, которую я помнил по месту происшествия — старшая по вешдокам, тащит пачку оранжевых квитанций в один из прилегающих кабинетов. Круговая панорама памятной квартирки, вывешенная на большой обзорной панели. Посредине — убитая девица, привязанная к серебряному креслу, голова свесилась набок. Десятки фото крупным планом. Свет и тень. Резкость на пределе, какой позволяет вспышка: лунный пейзаж и только... Ножевые порезы, каждый обведен алым кружком. Все тщательно пронумеровано, словно точная оценка мастерства убийцы могла что-то объяснить. Белая панель покрыта именами, обведенными и соединенными красными, зелеными и синими линиями, посреди многоцветной паутины — зернистый, сильно увеличенный снимок Софи Бут. Еще живой. Она обнимает кого-то, чье изображение отрезали, улыбается прямо в камеру, дерзкая и вызывающая. Волосы чернущие, не иначе как крашеные, расчесаны на косой пробор, будто у пажа. А что, это вполне подходит к ее тонкому овальному лицу. На губах очень темная помада, серебряные тени у глаз. Глаза воспаленные, в красных прожилках.

Пока я изучал портрет, Дэвид Варном выбрался из-за стола и приблизился ко мне, точно акула, устремившаяся к лакомому куску. Его белая рубашка от «Пьера Кардена» была тщательно отглажена, верхняя пуговица застегнута под желтым шелковым галстуком, рукава закатаны до локтя, обнажая бледные безволосые руки. Он одарил меня поистине иезуитским взглядом, каменным и замораживающим, а потом спросил:

— Что вам угодно?

— У меня есть кое-что для вашего шефа, — сообщил я.

— Можете оставить мне.

«Да, — подумал я. — И ты спокойно похоронишь мое имя под кипой макулатуры».

— Тони Макардл должен лично это увидеть, — возразил я и взмахнул флэшкой у него перед носом.

Варном большим и указательным пальцами поправил очки в стальной оправе.

— Как я понимаю, компьютеры были выпотрошены?

— Верно. Но есть кое-что еще. Вашему шефу нужно увидеть это немедленно.

— Какое из слов в предложении «можете оставить у меня» вы не поняли?

Он не трудился маскировать свое презрение. Это заметно облегчило мою душу, и я решил отплатить ему той же монетой. Я убрал флэшку в верхний карман куртки.

— Мой шеф просил меня передать важную улику Тони Макардлу. Если сейчас это невозможно, я заберу материал и зайду в другой раз.

Блеф подействовал куда лучше, чем я ожидал. Варном вспыхнул, как рождественская свеча.

— В ваших интересах, чтобы улики того стоили...

Тони Макардл, помятый и красноглазый, очевидно, не спал всю ночь. Он водил электробритвой по щекам и подбородку, безуспешно пытаясь уничтожить жесткую щетину, пока я объяснял, что предпринял простой поиск в сети, использовав в качестве запроса имя Софи Бут, и обнаружил тьму ссылок на ее веб-сайт. Ссылки эти, вполне естественно, никуда не вели. Стоило обратиться к любой из них — и компьютер выдавал одну и ту же ошибку, ведь машина, которую автор использовал в качестве сервера, была разгромлена.

— Но я выяснил кое-что еще. Кажется, у Софи был поклонник. Он сгружал картинки с ее сайта и выставлял их на своем. Незаконно, конечно, но понятие «интеллектуальная собственность» мало что значит в сети.

Макардл положил бритву на кипу бумаг, помассировал пальцем складки кожи на лице.

— И поклонник этот вряд ли живет в Лондоне, верно?

— В Штатах. Шампейн, Иллинойс. Можно узнать о нем все, если обратиться на его веб-сайт. Там есть даже фото. На вид очень молодой паренек.

— Если это насчет камер, — встриял Варном, — мы уже знаем, что она с ними делала.

— Правда?

— Софи Бут изучала искусство в колледже Сент-Мартин, — пояснил Варном. — Вчера вечером мы беседовали с ее преподавателем, и та рассказала, что Софи пользовалась камерами для того, чтобы выкладывать свою работу в сеть. Через сервер, который, безусловно, не имел лицензии.

— Я нашел вовсе не то, что назвал бы искусством в жанре перформанс, — возразил я.

— Он делает из муhi слона, сэр, — заявил Варном. — Поэтому я и позволил ему увидеться с вами, вопреки здравому смыслу.

— Но раз он здесь, я вполне мог бы взглянуть на его материал. Продолжайте, Джон, — обратился ко мне Макардл. — Так что там у вас?

Я запустил компьютер Макардла, нашел браузер и открыл скопированные файлы. Первой была главная страница сайта этого парня. Его имя, Игги Стикс, было представлено брызгами красной краски над крохотным фото юнца с желтоватым лицом, козлиной бородкой и длинными волосами, зачесанными назад. Если подвести к изображению курсор, он начинал шевелиться, ухмылялся и спрашивал: «Что новенького?». Текст под портретом сообщал миру, что Игги Стиксу двадцать пять лет, что он обладатель диплома Массачусетского технологического университета и работает программистом на оборонную фирму в Шампэйне, Иллинойс. («Не могу вам рассказать, чем занимаюсь, но я в этом по уши, и это круто!») Еще на сайте значилось, что у него есть кот по кличке Старбакс. Фотография прилагалась.

«Щелкните здесь, если хотите узнать, что я слушаю... Щелкните здесь, если хотите узнать, какие книги я прочел недавно... Щелкните здесь, если хотите попасть на один из моих любимых сайтов... Щелкните здесь, если хотите посетить домашнюю страницу Старбакса... Это стоит посмотреть!

Я знаю, сайт скучен, но я суну сюда больше всякой всячины, когда будет время. Взгляните сюда, чтобы увидеть мою любимую веб-девушку. Это английская цыпочка, и по моему скромному мнению, она прикольней, чем Дженни! (Помни-те Дженни?) Сходите на ее сайт, где она занимается искусством со своими дружками. Или, может, вам больше по нраву интимные моменты, которыми она поделилась с нами? Жуткое ретро, но как возбуждает!»

— Дальше, — попросил Макардл, и я щелкнул мышью, чувствуя присутствие Варнома у себя за спиной.

Конечно, я понимал, что слова на сайте — задорное хвастовство вроде тех дежурных заверений, какие обычно делает подобный народ насчет материала, почерпнутого в другом месте.

«Превью выполнены в режиме индексированных цветов, полноценные изображения — в 16-битной графике JPEG. Соответственно будет недурно смотреться на любом мониторе».

Заявление, исчезая, уступило место двум зернистым, низкого разрешения фотографиям Софи Бут, спящей на матрасе под белым ковриком среди разбросанных подушек. Длинные полосы теней пересекали пол. На первом снимке виднелись только голова Софи Бут да изгиб плеча. На втором она частично сбросила покрывало, обнажив длинную бледную ногу. «Мы застигли ее дремлющей», — значилось под первым снимком. «У, как соблазнительно!» — под вторым. Остальное в том же духе.

— Софи, Софи, девчушка, понимала ли ты, что делаешь? — проговорил Макардл, откинувшись на спинку стула. Потом он аж цокнул языком.

Нам предстала Софи Бут, вырядившаяся школьницей: курточка и белая блузка, с очень короткой юбкой, так что виднелась верхняя кромка чулок. Софи выставила зад и смотрела в камеру многозначительным взглядом, прижав палец к накрашенным губам.

«Вы хотели бы ходить с ней в школу?»

А вот она в расстегнутой блузке, склоняется вперед, выставив груди, обхваченные руками. Веки опущены. Губы чуть приоткрылись, и показались блестящие зубы.

«Хотел бы я знать, что там, за этой восхитительной хитрой ухмылкой?..»

А вот она в панталонах, чулках и подвязках, поддерживаёт груди ладошками и разглядывает их.

«Пожалуй, не стану озвучивать мысли, которые навевает на меня эта картинка».

Теперь она, нагая, склонилась набок перед камерой. Руки изогнулись. Пальцы что-то сжимают. Да это оранжевый цилиндр, вставленный меж ягодиц. Далее она сидит на кухонном табурете лицом к камере, ноги врозь, знакомый цилиндр, вероятно вибратор, между ног. Но его не очень-то видно. Сверху и снизу она прикрывает его ладонями. Голова запрокинута. Шея вытянута, волосы ниспадают на обнаженные плечи. Эти две картинки мастер Игги Стикс комментарием не снабдил. Пока Макардл изучал их, я снова спросил себя: зачем Софи это делала? О чем она думала там, в своей комнатке-квартирке? Менее откровенные, чем обычная порнография, эти фото сильнее били по нервам. Но Софи, кажется, всего лишь воплощала в жизнь свои фантазии, превращая в сообщника любого, кто на них взглянет. Она не просто позировала перед камерой. Она открывала себя миру. И, похоже, мир ответил.

— Очень мило, — произнес Варном весьма неприятным тоном.

— Чуть больше уважения к мертвым, Дэйв, — осадил его Макардл. — А вы что думаете, Джон?

— В сети тьма-тьмущая таких картинок, сэр. И тьма-тьмущая сайтов вроде сайта Софи Бут. В США, Японии, Голландии, России — везде, где закон не запрещает киберпроституцию. Некоторые сайты любительские, но большинство — профессиональные. Владельцы сайтов, так называемые ху-

должники, вербуют миловидных ребятишек, селят их в квартирах, оснащенных веб-камерами, и платят жалованье при условии, что те разгуливают нагишом и регулярно дают секс-шоу. Полнценное видео и звук. Все это, впрочем, откровенная любительщина.

— И абсолютно противозаконно, — добавил Варном.

— В нашей стране, — уточнил я. — Но не в большинстве других.

— Но она жила не в Штатах и не на Кубе, — напомнил Варном. — Она развлекалась здесь и тем самым нарушала закон.

— Она показывала себя, — вздохнул Макардл. — Это все, что для нас теперь важно. Это весь материал?

Последовало еще несколько фотографий. Одна зернистая, расплывчатая, где Софи заснята в миг, когда поднимается с матраса. «А пожалуй, нам ее тут не хватает».

Новый снимок: она склоняется над раковиной, бочонок электрического водонагревателя над головой. Она опять нагая, чистит зубы. Без комментариев Игги Стикс — тот умолк перед напором моши ее небрежной наготы.

И последний снимок. Коротко остриженная голова в три четверти оборота. Возможно, она сидела за компьютером, глядя на экран. Возможно, смотрелась в зеркало. То, что привлекало ее взгляд, было вне поля нашего зрения.

«Хотел бы я знать, что скрывает эта восхитительная улыбка...»

— Я тоже, — усмехнулся Макардл. — Думаю, нам стоило бы побеседовать с мистером Стиксом.

— Он не обновлял свой сайт больше двух месяцев, — сказал я.

— Это не означает, что он не видел убийства, если все транслировалось по сети, — возразил Макардл. — Наш мистер Стикс, вероятнее всего, глупый парнишка с комплексом неполноценности. Если так, не исключено, что он что-то знает. Был случай несколько лет назад, когда студент поте-

рял голову из-за одной девицы и продолжал забрасывать ее письмами и цветами после того, как вернулся домой. Затем ее нашли мертвой. Оказалось, что он купил дешевый авиабилет по кредитной карточке своего отца, прилетел к нам и убил ее, а потом улетел обратно. Свяжитесь с тамошней полицией, Дэйв, и узнайте что сможете об этом Игги Стиксе. Проверим, точно ли ему больше нечего нам сказать.

— Наверное, не худо было бы закрыть его сайт, — предложил я. — Ведь любой может получить доступ к этим картинкам.

— Включая нетерпеливых леди и джентльменов из прессы, как я понимаю. — Макардл помассировал переносицу обоими указательными пальцами. — А его можно закрыть? Должен признаться, у меня не так-то много времени на «Whole Wide Word» — «Весь белый свет».

— «Весь белый свет», сэр?

— Так моя младшая дочь называет Интернет, — пояснил Макардл, глядя мне прямо в глаза и явно ожидая улыбки. — Три дубль-вэ. Ей шесть лет, и она знает о компьютерах больше, чем я когда-либо узнаю.

— Вероятно, в тамошней полиции есть отделение по компьютерным преступлениям, — предположил я. — Можете запросить их насчет мистера Стикса.

— Организуйте это, Дэйв, — кивнул Макардл. — И постарайтесь успеть, пока фотографии не попали в бульварную прессу.

— Не следует ли нам известить руководство, сэр? — спросил Варном.

Макарди покачал головой:

— Полагаю, у них хватает более важных дел, чем возня с каким-то мелким убийством.

— Я не имел в виду собственно убийство, сэр, — уточнил Варном. — Я лишь о компьютерной стороне дела.

— T12 уже участвовал в расследовании убийств, — напомнил я.

Варном не обратил на меня внимания.

— Эти картинки явно незаконны по своему содержанию, сэр, и размещены на нелицензированном сервере. Нам следует предоставить НСКР расследовать эту часть происшедшего.

— Не будем пока их впутывать, — решил Макардл. — Я хочу, чтобы вы, Дэйв, занялись этим Игги Стиксом. Да, и найдите кого-нибудь, кто мог бы распечатать фотографии. Я отправлюсь подышать воздухом с нашим компьютерным экспертом. Хотел бы, чтобы к моему возвращению распечатки лежали у меня на столе.

Мы направились от Куин-Эннс-гейт к Сент-Джеймс-парку. Макардл задавал мне вопросы о компьютерах Софи Бут, а я старался по мере возможности на них отвечать. Внезапно он спросил:

— Тебе нравится работа в ИТУ?

— Т12.

— Да все равно, как тебе там?

— Бывают удачные дни, а бывают и неудачные.

— Помню я ту осаду, когда мы работали вместе. Ты тогда хорошо справился, вытащил его подружку. И не твоя вина, что он сдался парням из SO19.

— Должен признаться, что в конце я умышленно спустился за чашкой чая, сэр, и предоставил дело антитеррористическому подразделению, сэр.

— Я догадывался. Нелегкое было задание. Дэнни Гамильтон сдвинулся из-за наркотиков, орал и требовал то одно, то другое, целился стволом через почтовый ящик, а ты тем временем пытался его заболтать. SO19 засели в квартире напротив, изнывая от желания ввязаться.

— Так и происходит в большинстве случаев.

— Ты был в службе информации до того, как стал переговорщиком?

— Тринадцать лет, сэр. А затем выяснилось, что я говорю не хуже, чем работаю с файлами.

— Полагаю, ты занимался с документами по многим подозрительным смертям?

— Да, сэр.

— Но без настоящего опыта полевой работы?

— Я был патрульным в Ислингтоне, сэр. И видел многое.

— Я не считаю, кстати, что ты в чем-то провинился в Спиталфилдсе.

— Спасибо, сэр.

— Конечно, мало кто это знает. Друзья погибших — и все. Но то было безумное время. И Спиталфилдс — еще не самое жуткое из всего, что тогда случилось. Все-таки, должно быть, после такого трудно возвращаться к работе. Взять хотя бы Тоби Паттерсона.

— Мне протянули соломинку, и я за нее ухватился. С тех пор я веду спокойную кабинетную работу.

— Наверно, мне тоже было бы нелегко оставить службу, — признался Макардл.

Мы перешли Бердкейдж-Уок и вступили под спокойную зеленую сень парка. Было жарко и душно. На верхушках стальных шестов вдоль аллей стояли камеры слежения. Люди валялись в траве, одетые кто как. По парку расхаживали солнцезащитные патрули: здоровые на вид юнцы в костюмах велосипедистов и в шляпах от солнца. Они бесплатно предлагали тенты ярких расцветок. Люди подкатывали складные стулья на колесиках ближе к воде. Младенцы и едва начавшие ходить дети прятались за тонкими черными антимоскитными сетками. Три тощих загорелых американских подростка в психоделически разрисованном облачении для серфинга развлекались, перебрасывая друг другу фрисби. Та, проносясь в наполненном солнцем воздухе, пищала, как НЛО.

Макардл задержался, чтобы купить два мороженых у одного из продавцов-цыган. Мы стояли, ели мороженое и наблюдали за подростками. Двое мужчин в деловых костюмах дышали свежим воздухом и неторопливо обсуждали убийство.

— Вчера вечером мы допросили преподавателя Софи Бут из колледжа и кое-кого из ее однокурсников, — начал Макардл. — Тех, которые помогали в ее презентациях. Неплохо бы допросить их повторно, учитывая то, что вы обнаружили. Не знал ли, часом, кто из них о ее нелицензированном сервере. Скажи мне, что ты об этом думаешь?

— В этой стране тысячи нелицензированных серверов, сэр. Адреса у них липовые, и они пользуются общедоступными сетевыми экранами, чтобы скрывать свое настояще местоположение. Если это профессиональный сайт, такой, где надо платить за полный доступ, то должен существовать счет в банке. Небольшие платежи вносятся по кредитным карточкам.

— Это мы, разумеется, проверим, — кивнул Макардл. — Значит, она зарабатывала деньги, выставляя себя напоказ. Бедная дурочка.

— Это ведь не проституция.

— Так, бывало, говорили стриптизерши из Сохо. — Макардл ловко управлялся с тающим мороженым. — И опять мы возвращаемся к компьютерам. Есть сообщение, присланное через анонимный узел на Кубе. Софи Бут держала нелегальный сервер, а фотографии, которые она публиковала, напрямую нарушают Закон о защите детей в Интернете. Жесткие диски компьютера похитили после того, как ее убили. И, волей случая, ее дядя, который снабдил ее компьютерами и снимает для нее квартиру, да еще контору этажом ниже, руководит весьма преуспевающей компанией программного обеспечения. По-видимому, компания имеет какое-то отношение и к системе скрытого видеонаблюдения — у них тоже повсюду установлены камеры.

— «Красная линия», — сказал я. И подумал о лисице, пойманной неумолимым прожектором.

— Вот-вот. Существует чип, который вставляют во все эти камеры...

— Полагаю, у дяди Софи есть связи в правительстве.

— Мне это дали понять, — холодно кивнул Макардл. — Он сейчас по делам в Шотландии, но сегодня вечером прилетает.

— Над входной дверью тоже была установлена камера слежения.

— Подключенная к сети охранной системы. Мы просмотрели запись. Никого, кроме жильцов, которые входят и выходят, но это ничего не значит. Там имеются и две двери черного хода. Ничто не указывает на то, что их взламывали или вскрывали замки, но у убийцы мог быть ключ. Он захватил с собой веревку и растворитель, так что это было не просто скверно закончившееся развлечение.

— Он все спланировал заранее.

— Безусловно, спланировал. Зная, что Софи Бут дома, он проник в здание и постучал в дверь ее квартиры. Возможно, она его знала. Возможно, она его ожидала. Во всяком случае, она открыла ему дверь, и он оглушил ее ударом в лоб. Хирург думает, что убийца использовал носок, набитый песком. Этот тип привязал ее к креслу и некоторое время занимался ею, прежде чем перерезать ей горло. Один глубокий удар рассек яремные вены и каротидные артерии. Девушка должна была за несколько секунд лишиться сознания от потери крови. И еще через несколько секунд скончаться.

Макардл доел мороженое и добавил:

— Вот единственная милость, какую оказал ей этот мерзавец. Судебный следователь обнаружил высокий уровень серотонина и свободных гистаминов у нее в крови. Она чудовищно страдала, пока преступник ее не убил, а он, вероятно, хотел, чтобы люди восхищались его деянием. Его следы пока не навели ни на какую мысль специалистов по изучению поведения, но мы ждем, когда ХОЛМС* выдаст список

* HOLMES, the Home Office Large Major Enquiry System — Британская национальная компьютерная система расследования тяжких преступлений. — Здесь и далее примеч. ред.

подобных преступлений. Хуже всего, если убийцей окажется профессионал, выполнявший разовый заказ.

Я тоже прикончил свое мороженое и закурил.

— Угости-ка сигареткой. — Макардл пошевелил пальцами. — Я завязал под Новый год и с тех пор не покупал курева. Но я бесстыдный попрошайка.

Я протянул ему пачку и дал прикурить. Он глубоко и медленно затянулся, затем вытащил сигарету изо рта и придиричиво осмотрел.

— Господи, что делается? Полицейский курит «Тропик Ультра»! Такие можно в больнице раздавать.

— Я собираюсь бросать, сэр.

— Собираешься или нет, но эти сигареты следует выбросить, — объявил Макардл и снова затянулся. — Тяжелый случай. Нужно как можно скорее проверить все вероятные ходы, а у нас еще два убийства и одно похищение. Дэйв Варном прав. Мне следовало бы попросить начальство изучить компьютерную сторону дела. Но я с ними уже общался. Стоит их попросить о чем-то, и они тут же заберут себе дело. Им нравится хвататься за громкие расследования, ведь это помогает оправдать огромный бюджет. Бедная девушка не должна становиться трофеем анонимного преступника. Нам нужно поймать убийцу.

— Я бы хотел помочь, сэр.

— А я бы не стал тратить на тебя время, если бы думал иначе. — Макардл бросил окурок и затоптал его каблуком. — Пошли-ка обратно.

По дороге через парк он заметил:

— Мне здесь нравится. Прихожу сюда самое малое раз в день. Свежий воздух, неспешное блуждание без всякой цели, нет ничего лучше... — Он бросил на меня взгляд искоса и спросил: — А что бы ты сам стал делать с тем, что нашел?

— Я бы предпринял полномасштабный поиск в сети. Я попытался бы выследить любого, кто заглядывал на ее веб-сайт или имел доступ к ее серверу.

— Слишком много работы для одного. Попробуем что-нибудь полегче. У Софи Бут был свой интернет-аккаунт в колледже, как и у всех учащихся, но она им никогда не пользовалась.

— Потому что у нее был собственный сервер.

— Возможно. Но мы установили по распечатке ее разговоров с мобильника, что у нее также имелся счет в учреждении под названием «Интернет-Волшебник». Мне нужны копии ее последних писем. Ты справишься?

— Нужен обычный ордер на раскрытие информации, сэр.

— С этим проблем не возникнет. Будешь работать, используя средства Т12, не мои. Я не могу позволить себе и собственным сотрудникам оплачивать сверхурочные, а уж субсидировать другие отделы и подавно.

— Если я буду работать на вас, сэр, мне нужно добиться ясности в отношениях с лейтенантом Суинни.

— Ходят слухи, будто бы Рейчел Суинни вот-вот потеряет Т12. Есть новые планы по децентрализации, так что ей нужно держаться любых связей... Но это ты уже знаешь. Тебе хочется опять вернуться к нормальной работе, и ты уже провел разведку боем.

— Нечто вроде того, сэр.

— У меня дел по горло, и я нахожусь под жутким давлением. Мне нужен кто-то, кто будет рыться в дерьме, а не шустрик, желающий покрасоваться и снискать славу. Все, о чем я прошу, это постараться для меня и попытаться не сбачиться с Дэйвом Варномом. А взамен я позабочусь, чтобы тебя упомянули в отчетах.

— У меня сложилось впечатление, что Варном знал Тоби Паттерсона, — сказал я.

— Они вместе были в Хендоне. Дэйв честолюбивый паренек и придает большое значение своим симпатиям и антипатиям. Но он знает: я не потерплю, чтобы они мешали работе. Передай от меня привет Рейчел, — добавил он, и мы расстались под сенью вращающейся эмблемы Скотленд-Ярда.

Я не стал ждать, когда Рейчел Суинни вернется из суда. Заполнил ордер на раскрытие информации, договорился о встрече с техническим директором «Интернет-Волшебника» и прокатился мимо места убийства. Я хотел еще раз увидеть его, потому что Тони Макардл мне многоного не сказал. Мне надо было побывать, где была Софи Бут, когда умирала — я хотел разгадать эту тайну. У меня возникло странное неясное ощущение, восприятие сместились, вновь и вновь возникало дежа-вю. Шесть месяцев назад я смотрел нелегальную копию «Заводного апельсина», которую привезла мне Джули из Штатов. И зарыдал во время первой же сцены изнасилования. Той самой сцены в заброшенном театре, которая заканчивается столкновением двух банд. И не мог остановиться. Так что я не знал, справлюсь ли теперь, и не знал, что стану делать, если разлечусь вдребезги...

Я припарковался возле здания, глотнул «Джека Дэниелса». Собираясь, я догадался взять с собой бутылочку. Выбравшись из машины, я обошел вокруг квартала. Три сожженных автомобиля красовались, точно присевшие жабы. Все в серо-буровой ржавчине и дочерна обугленные — настоящие развалины. Я вскарабкался на капот одного из них, чтобы заглянуть через кирпичную стену в крохотный, заваленный мусором дворик дома, где умерла Софи Бут.

Стальная огнеупорная дверь на уровне мостовой предположительно вела в офис. Винтовая лестница поднималась к другой двери, на втором этаже. Из верхней части стены торчали обломки бетона. Я предположил, что сотрудники судмедэкспертизы уже проверили их в поисках волокон и капель крови. Обойдя вокруг, я вернулся к фасаду, где на жарком грязном ветерке праздничными вымпелами трепетали обрывки бело-сине-кремовой полицейской ленты. Я заглянул сквозь грязное стекло в пустой офис, а затем позвонил в квартиру Софи.

Дежурный полицейский пометил мое имя и номер, провел меня по лестнице и отпер дверь квартиры. Он был молод, белокур и невероятно долговяз, со следами прыщей на подбородке и намеком на усы в уголках губ. Приветливый мальчик. Ему бы пасти коров где-нибудь на зеленых лугах в Сомерсете, а не бороться с призраками и чудовищами большого города. Спина его белой с коротким рукавом рубахи пропиталась потом. Пистолет «валтер Р990» висел в черной застегнутой кобуре у бедра.

— Здесь уже побывали, сэр, — сообщил он.

— Макардл?

— Нет, сэр, инспектор вроде вас.

— Кажется, я знаю, кто бы это мог быть.

— Он хотел поговорить с соседом убитой, — пояснил юнец.

— И что же?

— Он мне так сказал, сэр.

— Нет, я спрашиваю, поговорил ли он с соседом?

— Нет, сэр, он его не застал. Этот парень живет где-то в Оксфорде, а здесь бывает лишь по будням. Ну, когда работает... сами знаете.

— А сегодня понедельник, но его нет.

— Именно так. А может, он и вовсе на лето уехал.

— Полагаю, Варном велел вам не упускать его из виду, если что?

Констебль кивнул.

— Как вы думаете, он подозреваемый?

— Не знаю. Кто еще тут живет?

— Одна милая пожилая дама. Гречанка. Ей почти сто лет. Одевается в черное и глуха, как старый пень. Она поила меня чаем, — сообщил он. — Разливала его в стаканы, представляет? Чай с мятоей. — Он произнес это с неподдельным удивлением.

Нет, служба в большом городе явно не для него.

— Идите-ка и выпейте еще чудесного чая с мятоей, — предложил я.

— Я должен оставаться здесь, сэр.

— Понятно, что вы поднимались наверх, чтобы пить чай. В конце концов, вряд ли вы позволили бы, чтобы славная старушка лишний раз ходила вниз и вверх, чтобы принести вам освежающий напиток — в ее-то возрасте.

— Да, но я уходил только на минутку, — смутился он. — Я здесь совсем один с шести.

— Считайте, вам повезло, что это не жилой небоскреб на Майл-Энд-роуд.

— Знаю, — ответил он. — В этом месяце я дежурил в много квартирном доме в Далстоне. Малыши пытались кидаться в меня собачьим деръемом с балкона.

— Радуйтесь, что не сбросили телик на голову. Сходите и выпейте еще чаю. Или постойте немного снаружи на солнышке. Мне требуется подумать, а я не могу, пока вы нависаете надо мной или болтаетесь под ногами. И вот еще: отсюда можно попасть на задний двор?

— Не знаю, сэр. Полагаю, через офис можно.

— У вас нет ключа от офиса?

— Только от парадной двери и от квартиры, сэр.

Он удалился, стук его сапог раздавался на всю лестницу. Мой желудок туго сжало, я основательно вспотел. И не впервые пожалел, что не могу спокойно побеседовать с Фридрихом Ницше. Уж тогда-то я объяснил бы ему, что он неправ, говоря: «То, что нас не убивает, делает нас сильнее». Я вздохнул. Затем открыл дверь.

Внутри было тихо и сумрачно, очень тепло и, я бы даже сказал, душно. Жужжали мухи. Я слышал, как у соседей на верху гремит телевизор. Лучи солнечного света били снаружи по задвинутым черным шторам. Я затворил дверь и встал к ней спиной, засунув руки в карманы брюк. Матрас был оголен. Серебряная пыль пятнами лежала по всему дощатому столу у окна, на черном телефоне, установленном на кипе справочников на полу, вокруг дверной коробки. Кровь все еще виднелась под выкрашенным в серебро креслом. Теперь

она казалась черной и тусклой. Я сказал себе, что не смогу вдохнуть этот запах, и был уверен, что так и есть. Я дышал ртом, когда, глядя на стул, заметил то, чего не замечал прежде — пятна крови на широком веере вентилятора перед креслом. Софи пошевелилась после того, как убийца перерезал ей горло. Она подняла голову, и кровь брызнула. Возможно, она пыталась дотянуться до убийцы, но то было скорее всего просто рефлекторное движение. Попытка в последний раз увидеть свет.

Искорка гнева загорелась у меня в сердце. Я решил, что это хороший знак.

Когда я дернул за светлый шнур в крохотной ванной, загудела вытяжка. Раковина, втиснутая возле унитаза. Душ в углу. На белых плитках черный узор плесени. Полочка, уставленная флаконами шампуней и лосьонов. Над раковиной — большое зеркало с небрежно всунутыми за золоченную раму открытками: дешевые броские виды Нью-Йорка. Я отогнул одну концом шариковой ручки — никаких надписей. Никаких следов присутствия мужчины: ни бритвенного набора, ни крема для бритья, ни дезодоранта. В холодильнике почерневшие бананы, полдюжины йогуртов, ломоть пиццы, свернувшийся на тарелочке. Пакет обезжиренного молока. В шкафчике над кухонной раковиной — чечевица и три вида риса, пакетики пряностей, валяющиеся в беспорядке, обычный чай, чай из шиповника, чай из ромашки, лимонный чай, прорастающий лук.

Я вернулся к двери и снова оглядел комнату. Мне хотелось запечатлеть в памяти ее образ, как и подобает детективу.

Преступник поднялся по лестнице. В наружной двери дешевый замок. И ребенок мог бы отомкнуть его кусочком пластика, но камера слежения, наблюдавшая за дверью, не записала ничего необычного, так что, возможно, убийца прошел через одну из задних дверей. Но тогда у него должен был быть ключ, поскольку ни одну из задних дверей не взламы-

вали. Так или иначе, убийца попал внутрь, и Софи Бут отвела на его стук, думая, что это соседка или какой-нибудь старый приятель. Или, возможно, она его ожидала? В любом случае она пила из кружки и взяла ее с собой, когда пошла открывать дверь, беспечная и ничем не встревоженная. И вот она открыла дверь преступнику, и он ударил ее — ударили один раз, но очень метко. Она упала, кружка разбилась (днем позже Дэвид Варном предостерег меня, чтобы я не задел осколки) — и вот преступник вместе с жертвой внутри квартиры. Он сразу начал срывать с нее одежду? Или ждал, пока она придет в себя, и только затем раздел? Он разыграл при этом целое представление или с ходу приступил к делу? «Нет, — подумал я. — Он заставил ее раздеться». Ибо это было проделано под взглядом ее веб-камер. С того мгновения, как он заставил ее раздеться, до момента, когда перерезал ей горло, веб-камеры следили за происходящим. Софи истекла кровью, но он обмыл ее тело, чтобы устраниТЬ любые свои следы. Он знал, что делает, а это позволяло предположить, что он уже проделывал такое прежде. Я подумал: а не взял ли убийца себе что-нибудь на память? Так иногда поступают, чтобы потом мысленно возвращаться к приятно проведенному времени. Точь-в-точь как невеста хранит за сохшую розу между страницами молитвенника в память о венчании. Убийцы достают такую вещицу, обнюхивают ее, ласкают, мастурбируют над ней. Возможно, его трофеем стала запись веб-камер?

Люди Макардла, конечно, ввели все подробности в ХОЛМС и ФЛИНТС*. Все, что совершилось, пока Софи Бут была жива. То, как она была привязана. То, как именно перерезано ее горло. Омовение трупа! Макардл говорил мне, что ему не удалось найти ничего подобного среди предыдущих убийств, но, возможно, это не имеет значения. Потому

* FLINTS, the Forensic Led Intelligence System — компьютерная система взаимодействия полиции и отделов судебно-медицинской экспертизы.

что убийство — лишь часть совершившегося. В последнюю минуту убийца вскрыл компьютеры и забрал жесткие диски. Вначале я подумал, что навести на след из-за того, что они содержали информацию, которая могла привести к нему. Он знал, что это надо забрать, а не просто разбить. Он знал, что можно восстановить информацию с отформатированных или разбитых жестких дисков. Он забрал их, а заодно и все электронные записи Софи Бут, включая и файловые архивы. Он разбирался в компьютерах. Я был уверен, что он нашел Софи Бут, потому что она размещала в Интернете свои изображения — воплощение собственных нехитрых фантазий, дразни, задираясь, бросая вызов общественной морали. И вот некто выследил ее, понаблюдал за ней, выносил свои замыслы и напал. Он убил ее, обмыл ее труп, разбил компьютеры и похитил ее информацию.

И ведь кто-то видел его деяния. Вероятно, не один человек, возможно, многие, хотя только один потрудился найти номер телефона Скотленд-Ярда и сообщить в полицию.

Веб-камеры по-прежнему висели в углах на потолке по обе стороны от двери. У маленького столика в кухонном залу стоял стул. Я забрался на него, чтобы взглянуть на камеры. «Коннетикс Интелликам 5». Небольшие, дешевые, такие продают десятками тысяч.

Я оглянулся через плечо на посеребренное пластиковое кресло посередине комнаты. Спрыгнул на пол, подошел к нему, встал позади и поглядел на веб-камеры. На сиденье осталась кровь — два плоских треснувших овала. Я ковырнулся их концом шариковой ручки. Совершенно сухие. Я сел в кресло и задрал голову. Круглые черные глаза веб-камер уставились на меня.

По Коммершиал-роуд я поехал к Собачьему острову. В добрые старые времена до Инфовойны я передал бы ордер на раскрытие информации в Государственную службу информационной безопасности, суперкомпьютер которой со-

держал данные всех телефонных звонков, электронных писем и всех электронных контактов в Британии с перекрестными ссылками. Но суперкомпьютер уничтожила микроволновая бомба, и восстановление его еще не было закончено из-за бюджетных перерасходов, задержек в работе монтажников и междепартаментских дрязг. Чтобы получить копии электронной почты Софи Бут, мне надлежало самому явиться с ордером к ее интернет-провайдеру.

Зажатый в потоке машин, которые то ползли, то стояли, я порылся в наборе кассет, лежавших в сломанном бардачке, и достал «Whole Wide World» Эрика «Несокрушимого» Реклеса. Салон автомобиля заполнился жалобно-наивным голосом в сопровождении ударных — размеренных и глубоких, точно у двигателя, уводящего корабль от пристани. Голос беспомощного романтика, сурового внешне, но ранимого, устало-циничного, и все же полного вечных надежд, хватающегося, что он обошел бы весь белый свет, чтобы найти свою девушку, и все-таки не уверенного, добьется ли он этим ее признательности. Как бесхитростный ребяческий вызов: а не то я умру! Я вспомнил, как Тони Макардл ссылался на свою дочь, и подумал, что я совсем сдвинулся на Софи. Как и Несокрушимый Эрик, я суровый на вид парень, неизлечимо пораженный романтизмом. Беспомощный паяц. Я должен искупить смерть Софи или погибнуть на пути к цели.

Было солнечно и жарко: тридцать пять градусов по термометру в моих часах. Сухой ветер с реки нес сернистое зловоние той болотной растительности, что недавно цвела и погибла в перегревшейся Темзе. Солнце горело на стеклянных стенах зданий, полыхало с пирамиды, венчающей центральную башню Кенери-Уорф. Дорожное покрытие медленно колыхалось, порождая крохотные обрывочные миражи. Пристани с остекленными коробками контор и площадями, где гулял ветер, с абстрактными скульптурами нечеловеческого масштаба, игрушечная железная дорога, переброшенная через водный простор и бегущая меж зданий, — все ка-

залось иллюстрациями старого научно-фантастического журнала. Изображение идеального бескровного будущего, где исключено всякое людское смятение и неурядицы, последнее прибежище капитализма в Британии после Инфовойны. Иная страна.

Я встал в хвосте очереди у обрамленного колючей проволокой контрольно-пропускного пункта под пристальным взглядом сотни телекамер. Стражей в броне имперских штурмовиков, вооруженных лучше любого полицейского, не слишком впечатлило мое удостоверение, однако один из них наклеил на ветровое стекло моего авто шестичасовое разрешение на проезд и махнул рукой: мол, проезжай. Я очутился в большой подземной развязке, быстро заблудился, наполовину пересек Собачий остров, прежде чем сам заметил это, круто развернулся перед скоплением деловых зданий и поехал обратно.

Контора «Интернет-Волшебника» находилась в трехэтажном ящике из стекла и стали на Херон-Квейз. Арка желтого кирпича вела к автоматическим стеклянным дверям приемной. «Мы ушли на встречу с Волшебником», — гласила серебряная каллиграфическая надпись над входом.

Я назвал секретарю человека, с которым должен был встретиться. Она сообщила мне, что на встрече будет присутствовать еще один полицейский из (каждую букву аббревиатуры она произносила с умилительным тщанием) НСКР.

У меня оказалось достаточно времени для размышлений, пока я ждал на пузатом черном кожаном диване. Солнечный свет лился сквозь гладкую стену из бронзового стекла, отбрасывая на белый ковер тени пальм и древовидных папоротников, что росли в больших, без единого пятнышка, стальных кадках. Секретарша стучала по клавишам, прячась за изгибом ствола светлого дерева под картонной эмблемой компании: щекастый юнец в длинном одеянии и кривой остроконечной шляпе размахивает жезлом, из которого бьет стилизованная молния. Секретарша была хорошенъкая. На-

стоящая пышечка с волосами цвета сена. Она сидела в наушниках, с микрофоном, и не переставала печатать, отвечая на звонки. Когда я подошел, чтобы напомнить ей о моей договоренности, она ответила, не поднимая глаз:

— Простите, сэр, но мистер Маклин сказал, что встреча не может начаться без присутствия другого полицейского.

— Другой полицейский сам просил мистера Маклина это передать?

— Не знаю. Откуда мне знать?

— Может, мне следует уточнить?

Я бы так и поступил, не препрятзай мне дорогу нечто вроде ворот из бронестекла, которые отворялись лишь при наличии карточки-пропуска либо чипа, вживленного под кожу.

— Я могу еще раз связаться с мистером Маклином, — предложила секретарша. — Но его распоряжение относительно вашей встречи было совершенно недвусмысленным.

— У меня с ним была договоренность на половину первого. Теперь уже почти час... Пропустите меня. Я пойду и отыщу его.

— Простите, сэр, но я действительно не могу этого сделать.

Секретарша была примерно того же возраста, что и Софи Бут. Лицо тщательно подкрашено, аккуратная, подтянутая, в серой курточке из тонкой рубчатой резины поверх черной футболки. Пальцы с длинными посеребренными ногтями покоились на клавиатуре. Взгляд не отрывался от документа, который она перепечатывала. Я попробовал другой прием: свое знаменитое обаяние.

— А каково здесь работать? Куда вы ходите обедать?

— Не стоит пытаться меня разговорить. — Теперь она смотрела на меня. Интонация слегка изменилась. — Уж во всяком случае, в ваши-то годы.

— Давайте считать, будто я просто спрашиваю о пивных.

— Мы обычно ходим в «Якорь», — ответила она. — Это за станцией, в старом квартале, напротив гостиницы. Заве-

дение из тех, что называют историческим наследием. Там есть и лавочки, хотя они по большей части торгуют всякой ерундой. Если вам там не понравится, есть кафе на том берегу в Кенери-Уорф. Там готовят весьма недурно, если вы не против выложить пятерку за чашку кофе с молоком.

— Возможно, я загляну в пивную, когда закончу свои дела. Я мог бы перехватить там что-нибудь вроде ленча... Если вы случайно окажетесь там, угощу выпивкой.

— И все-таки я не могу вас впустить, — вздохнула секретарша. Но при этом она мне печально улыбнулась.

Я вернулся к дивану и стал ждать. Наконец в приемную вошла молодая женщина в строгом угольного цвета жакете и юбке. Она представилась как детектив Анн-Мари Дэвис из НСКР и сообщила мне:

— Из-за вашего ордера на раскрытие информации тут у нас целый переполох.

— А, значит, вам дал знать о деле не Варном?

— Существует система, которая отслеживает все ордера, — пояснила Дэвис. Ее блестящие черные волосы были забраны в узел, а не лишенное привлекательности худенькое лицико белизной и чистотой навевало мысли о синтетике, превосходящей обычную человеческую кожу. Под мышкой она держала изящную кожаную папку; скромная выпуклость под ее жакетом намекала на пистолет в наплечной кобуре. Не носи Анн-Мари Дэвис туфли на высоких каблуках, она была бы в точности моего роста. Как и Дэвид Варном, она являла собой особый, новый тип полицейского. То есть принадлежала к сонму честолюбивых выпускников высшей школы, вооруженных графиками и статистикой, проникнутых корпоративным духом, полных энтузиазма на предмет соблюдения высшего уровня секретности, профилирование и прочие модные замашки, подхваченные у полиции Соединенных Штатов без малейшей оглядки на то, оправдают ли они себя на улицах Лондона. У таких, как она, нет ни свободного времени, ни склонности к традиционной полицей-

ской работе. Им куда больше нравится прорубать дорогу любому закону, состряпанному политиканами, жаждущими угодить невежественной толпе, потому что на этом можно заработать очки для повышения. Они работают командами и с подозрением косятся на индивидуализм, чутье и интуицию. Они предпочитают заботиться о чистоте рук, жертв называют клиентами, а преступления — инцидентами, и больше всего на свете любят цифры. В их взгляде на мир не остается места сложностям и неопределенностям реальной жизни. Если преступление не соответствует ни одному из компьютерных профилей, его вовсе не существует.

— Откуда же у вас такой интерес к заурядному убийству? — поинтересовался я.

— Оно связано с компьютерами, — ответила Дэвис.

Она пользовалась белой губной помадой. Это должно было символизировать чистоту, но наводило на мысли о поступках, воспроизведение которых в этой стране запрещено.

— Надеюсь, вы присутствуете здесь исключительно как наблюдатель?

— Как я понимаю, вы из Т12, — сказала детектив Дэвис. — Я-то думала, их закрыли много лет тому назад.

— Мы все еще работаем, — ответил я. — И кроме того, участвуем в расследовании этого дела.

Охранник, подошедший к нам через убранный белым ковром вестибюль, избавил Дэвис от необходимости продолжать разговор. Он провел нас через обширное конторское помещение. Сквозь окрашенную бронзой стеклянную стену на островки рабочих столов и ухоженных растений падал солнечный свет. В воздухе веяло резкой прохладой — хорошая система кондиционирования. Лишь пара сотрудников оторвались от своей работы, чтобы взглянуть на нас, пока мы проходили, держась следом за охранником. Наш путь лежал в коридор с кабинетами по обе стороны. Детектив Дэвис все время старалась держаться впереди меня. Ее каблучки звучно клацали по керамическим плиткам пола.

Кабинет Келвина Маклина располагался в углу здания. Хозяин кабинета ждал нас, стоя у стола, любуясь панорамой играющих на солнце вод и сияющих конторских зданий. Как и у секретарши внизу, на голове у него была микротелефонная гарнитура.

— Нужно с этим закругляться, Билл, — проговорил он в микрофон, когда охранник ввел нас. — Наконец-то появились мои двенадцать тридцать.

— Детектива Дэвис задержали уважительные причины, — пояснил я.

Хозяин кабинета в ответ на мои слова махнул рукой, склонился над клавиатурой на столе и что-то напечатал, сообщил Биллу, что графики выглядят отлично, но стоит еще разок пройтись по ним до конца рабочего дня, и, улыбнувшись нам, стянул гарнитуру. Он оказался подвижным, подтянутым человеком лет тридцати. Открытое лицо, тщательно застегнутая черная жилетка и хрустящая белая рубашка с жемчужиной на месте галстука. Его стеклянный стол напоминал каплю пролитой воды. В одном конце находились клавиатура и плоский экран, в другом — хитрого образца телефон, посередине — старомодная книга записей.

Когда стало ясно, что детектив Дэвис не намерена первой нарушать молчание, я произнес:

— Я здесь потому, что ваша компания, как я полагаю, могла бы сообщить нам кое-какую информацию, которая содействовала бы раскрытию убийства.

— Разумеется, — с участием отозвался Маклин. — Ужасное дело. Присядьте. Полагаю, наш разговор займет некоторое время.

Мы уселись.

— Я ожидал увидеть здесь больше оборудования, мистер Маклин, — заметил я.

— Это всего лишь офисное здание, — пояснил он. Его произношение едва заметно отдавало шотландским косноязычием. — Все наши серверы в Телехаусе в Ост-Индийском

доке, как и у большинства британских провайдеров. Там подлинный центр всего Интернет-Королевства, его воссоздали с нуля после Информационной войны. Ширина канала — сто пятьдесят четыре гигабита, и фантастическая безопасность. У нас имеется площадь в тринацать тысяч квадратных футов для размещения серверов с круглосуточным администрированием. У нас также есть старый узел в Клэпеме, где располагались наши помещения, когда мы еще только начинали, и отдел обслуживания в Соутэнде. Фантастические коммуникации в Соутэнде! И фантастическая армейская безопасность.

— Но если бы я обратился к вам с вопросом об одном из наших клиентов, то, где бы что ни находилось, вы могли бы найти ответ, не выходя из этого кабинета?

Маклин улыбнулся, показав безупречные белые зубы:

— В этом суть сети, не так ли? Кстати, у меня вызывает любопытство ваш отдел, инспектор. Возможно, вы согласились бы потолковать с издателем нашего журнала. Мы выпускаем ежеквартальный журнал для наших клиентов. И статья о полицейском подразделении, которое борется с информационной преступностью, пришлась бы там весьма кстати. — Он бросил взгляд на часы и произнес несколько иным тоном, как человек, который переходит к делу: — Итак, чем я могу вам помочь?

Я вручил ему копию ордера на раскрытие информации и начал было объяснять что к чему, но он оборвал меня:

— Не беспокойтесь, нам такие ордера часто предъявляют, и мы всегда рады сотрудничать. Могу ли я спросить, как вы установили, что эта мисс Бут имела у нас аккаунт?

— Она заходила на ваш сервер каждый день, предположительно, чтобы загрузить свою почту.

— Мы предоставляем каждому клиенту бесплатный почтовый ящик и пятьдесят мегабайт серверного пространства для домашнего сайта. Достаточно для небольшого и весьма недурного сайта. У нас более тридцати восьми ты-

сяч клиентов, которые пользуются такой услугой. Помимо этого мы предлагаем коммерческие услуги. Гибкие тарифные планы, оплата дополнительного дискового пространства. У нас более четырех тысяч коммерческих клиентов. Мы наняли команду белых хакеров, работающих круглые сутки, чтобы противодействовать попыткам проникновений и диверсий. И разумеется, мы неукоснительно выполняем требования закона о защите детей и закона о сотрудничестве с властями. За сайтами наших клиентов ведется скрупулезное наблюдение, и мы немедленно убираем все неподобающие материалы...

Последнюю тираду он произносил, уставившись на Дэвис.

— Я бы хотел, если можно, узнать кое-что о почте этой вашей клиентки, — перебил я.

— Конечно. — Маклин положил клавиатуру себе на колени и стремительно застучал по ней. Страницы так и мелькали на плоском экране. — Боюсь, мы мало что можем вам сообщить. Мисс Бут стала нашим клиентом только две недели назад.

— У нее имелся свой сервер, — объяснил я. — Убийца забрал жесткий диск из компьютера, но я подумал: а не могла ли она хранить что-то у вас? Или не разместила ли у вас зеркало своего сайта?

Маклин нажал пробел, на экране возникла новая страница.

— Нет, — ответил он. — Она не пользовалась своими домашними страничками. И боюсь, почты там тоже не слишком много.

— Но Софи Бут получала почту каждый день, — возразил я.

— Разумеется, — согласился Маклин. — Это основная услуга.

— Но ведь копии сообщений должны храниться где-то в вашей системе.

— Закон обязывает нас хранить записи семь лет. К несчастью, аккаунт мисс Бут был уничтожен. Почти наверняка почтовым пауком.

Дэвис резко спросила:

— А как насчет бэкапов?

— Мы, конечно, делаем ежедневные резервные копии, но, к несчастью для вашего расследования, каждая копия пишется поверх предыдущей.

— То есть вы не очень-то серьезно относитесь к своим обязанностям, — заключила Дэвис. Она сидела на стуле, вытянувшись по струнке, небольшие бледные ладони покоились на кожаной папке с документами, лежащей на коленях.

— Если вы имеете в виду законодательство о хранении данных на случай чрезвычайной ситуации, то здесь мы, собственно, образцово законопослушны, — ответил Маклин. — Однако почтовые пауки — совсем недавнее изобретение, и законов относительно них пока не существует. И так как эти пауки еще не поставлены вне закона, то мы, как и все остальные провайдеры, не берем на себя ненужный труд и не удаляем ни одного из тех, что атакуют аккаунты наших клиентов.

— Убеждена, что, как и все остальные провайдеры, ваша компания тратит минимум средств на выполнение требований закона, — язвительно заметила Дэвис. — В результате вы не способны предоставить надлежащую информацию при предъявлении соответствующего ордера.

Я попытался взять инициативу в свои руки:

— Если вы дадите мне соответствующую ленту, или что там вы используете, наши техники, вероятно, смогут что-то восстановить.

— Возможно. К сожалению, ваш ордер не касается «железа». Для этого нужен судебный ордер.

Дэвис отреагировала мгновенно:

— Мы можем его получить.

Я снова попытался вернуть разговор в нужное русло:

— Будьте добры, скажите, когда активизировался паук?
Маклин что-то набрал на клавиатуре.

— Судя по очереди почтовых заданий, недавно. Пятого июня. Увы, не могу сказать вам большего.

— Такое небрежное отношение к безопасности — одна из причин того, что более десяти процентов всех операций в сети в этой стране совершаются незаконно, — заметила Дэвис.

— Уверяю вас, госпожа Дэвис, мы тратим больше десяти процентов нашего общего дохода на выполнение требований закона, — принялся оправдываться Маклин. — В то время как другие интернет-провайдеры делают вялые попытки противостоять закону о контроле информации или даже вынесли серверы за границу, чтобы обойти его, наша политика состоит в том, чтобы всецело сотрудничать с властями и обеспечивать безопасное и надежное предоставление услуг для наших клиентов.

— Я бы не хотел доставлять вам лишних проблем, мистер Маклин, — продолжал я гнуть свою линию. — Все, чего я хочу, — это увидеть письма, которые приходили на адрес молодой женщины, убитой всего два дня назад. Не могли бы вы дать их мне прямо сейчас?

— Это не проблема, — ответил Маклин. — Мы даже в придачу раскодируем их для вас.

— Нам в любом случае понадобятся ключи к коду убитой, — вставила Дэвис.

— Конечно. Они у нас есть. Вы предпочитаете получить информацию в электронном виде или в распечатке?

— Не знаю о вкусах детектива Дэвис, но я бы хотел, чтоб это можно было прочесть, — ответил я.

Я отыскал пивную, которую мне рекомендовала секретарша, на углу двух коротких улиц, застроенных домами с террасами, обращенными ныне в лавочки. Тут продавались строгие мужские рубашки, ручной работы кожаные изделия, карманная электроника и прочее добро, без которого не мо-

гут жить обитатели контор. Лишь недавно пробило два, но в пивной перестали подавать пищу, и явившиеся на ленч — в основном мужчины в деловых костюмах, — заканчивали трапезу, делали последние затяжки и поглядывали на часы. Я взял пинту «Кроненбурга» и упаковку крекеров с сыром и луком, сел снаружи, на жаре, и стал перебирать тонкую пачку листков, которую мне вручили.

Детектив Дэвис унесла свою копию на дискете. Вот все, что осталось от почты Софи Бут. Моя коллега не сообщила мне, будет ли НСКР в дальнейшем участвовать в этом деле, когда мы расставались на желтой кирпичной дорожке у здания «Интернет-Волшебника», но у меня возникло скверное предчувствие, что я вижу эту особу не в последний раз.

Как всегда в компьютерной почте, заголовки, описывавшие путь посланий, были куда длинней, чем сами послания. Но для меня это было преимуществом, ибо означало, что можно проследить каждое письмо до адреса того самого компьютера, с которого его отправили. Если только, конечно, отправитель не умел тщательно замечать следы.

Большинство писем, оставшихся на аккаунте Софи Бут, пришло из США. Оказалось много поступлений между тремя и четырьмя пополудни Восточного Стандартного времени. То есть у нас было восемь или девять вечера. Первое письмо пришло в 20.09, последние, за одним исключением, в 20.52. Я задался вопросом, насколько близко совпало время активизации паука с временем убийства. Тексты делились на три группы: вопросы, почему сервер Софи Бут отрубился, озабоченные расспросы о самой Софи и требования выдать еще зрелиц в том же роде. Первая группа пропустила случившееся, так как они в тот момент не были в сети, а сразу после убийства сервер был, разумеется, разбит. Вторая группа не была вполне уверена, подлинно то, что они видели, или нет. Третью группу либо не волновало, что кого-то убили, либо они к тому мгновению уже отключились. Каждое письмо, относящееся ко второй и третьей группам, служило под-

тверждением догадки Макардла. Убийца разыграл представление, да еще какое, — перед двумя веб-камерами. Видео убийства Софи Бут во всей красе разошлось по Интернету. И самое главное — я узнал имя человека, приславшего письмо на ее аккаунт в «Интернет-Волшебнике» уже после того, как все закончилось. После того, как жесткие диски были удалены из ее компьютера.

7

Я вернулся в Т12 и коротко переговорил с Энди Хиггинсом. По пути я задержался у расписания и, пока никто не видел, переставил ярлык, указывающий время работы с улицами, из одной прорези в другую.

Рейчел Суинни была у себя в кабинете. Она поливала растения в горшочках, которые во множестве стояли у нее на подоконнике. Настоящие джунгли буйной листвы и побегов закрывали непривлекательный вид на автостоянку и запятнанную сажей кирпичную стену во дворе. Когда я постучал в косяк приоткрытой двери, моя начальница поставила игрушечную лейку и произнесла:

— Надеюсь, вы подготовились к разносу?

— Полагаю, Тони Макардл с вами связался.

— Связался, это верно, — кивнула Рейчел — низкорослая блондинка. Хоть ей было уже за тридцать, она по-прежнему заплетала волосы в тугую косу и носила строгие пиджаки с юбками до середины икры. Она знала, что Т12 настоящий отстойник, но все же относилась к своему делу серьезно. Она и здесь продолжала бороться, желая уцелеть и когда-нибудь удостоиться перевода. И тогда Т12 станет проблемой кого-нибудь другого.

— Значит, вы знаете, о чем я хочу поговорить. Я помогаю в расследовании одного убийства...

Рейчел Суинни обервала меня, воздев руку:

— На нас рушится потолок, — заявила она. — Я не могу растянуть бюджет далее сентября. Отдел мошенничеств организовал собственное подразделение для борьбы с компьютерными преступлениями. Они провели это как часть новой инициативы по децентрализации. Отдел нравов желает быть связанным непосредственно с НСКР, а теперь еще один из моих служащих разошелся настолько, что идет и предлагает свои услуги убойному отделу. И я впервые слышу об этом не от своих подчиненных! Нет! Сам Тони Макардл звонит мне и спрашивает, как дела.

— Я забирал улики в воскресенье, шеф, а сегодня утром обнаружил важную информацию. Вы отсутствовали, а поскольку это касается расследования убийства, я немедленно отправился к Тони Макардлу. Он рассказал вам о компьютерах и о веб-камерах?

— Компьютеры нынче повсюду, куда ни плюнь, — отрезала Рейчел Суинни. — Наличие компьютеров на месте преступления вовсе не означает, что они имеют к нему какое-то касательство. То же и насчет веб-камер.

— Думаю, здесь иной случай, шеф. И Тони Макардл тоже так считает. А также НСКР.

Рейчел Суинни уселась на угол своего стола.

— Сюда впуталась НСКР?

Я рассказал о детективе Дэвис.

— Что мы знаем о компьютерах, находившихся на месте преступления, не считая того факта, что кое-кто пожаловался, будто с уликами обращаются ненадлежащим образом?

— Жаловался, случайно, не Дэвид Варном?

— Доподлинно известно, что улики покинули место преступления без сопровождающего.

— Он жалуется, что я не проехался с ними? Я даже не был на дежурстве, шеф, но принял вызов и отправился на место, повозился там со сбором веществ и отправил их с машиной.

— Впредь выполняйте свою работу как следует, на дежурстве вы или нет.

— Я стараюсь не подводить Т12.

Полуправда — в лучшем случае. Но, кажется, Рейчел она не удовлетворила. Наверное, ей хотелось верить в хорошее.

— Итак, что у нас есть? — поинтересовалась она.

Я рассказал ей о компьютерах и веб-камерах, об отсутствующих жестких дисках, о сайте мистера Игги Стикса и о посланиях, полученных с аккаунта Софи Бут в «Интернет-Волшебнике». Но не назвал имени, которое было мне знакомо. Это мой дар Тони Макардлу, мой шанс оставаться в игре. Рейчел Суинни несколько секунд переваривала новости. Потом спросила:

— Вы думаете, люди, которые отправляли эти письма, стали свидетелями убийства?

— Зрелище транслировалось по сети. Судя по письмам, большинство тех, кто его видел, решили, что это просто очередное шоу из тех, которые устраивала Софи Бут со своими приятелями-студентами. Остальные либо не захотели верить тому, что увидели, либо им было все равно.

— И никто не подумал сообщить в полицию?

— Ну, один из них подумал. Ведь к нам пришел тот факс.

— Факс... Боже правый! Что об этом думает Тони Макардл?

— Он догадался, что трансляция убийства немедленно разошлась по Интернету. Я еще не сказал ему, что он прав.

Рейчел Суинни задумалась.

— Полагаю, вам имеет смысл продолжать этим заниматься, — наконец проговорила она.

— Так я официально буду подключен к этому делу?

— Я вам уже сказала. Несколько ближайших дней я буду по горло занята делом Мартина. Но постарайтесь меня регулярно информировать.

Т12 работал над делом Мартина совместно с отделом нравов и с НСКР, но главную роль в расследовании сыграл Т12, и Рейчел Суинни намеревалась позаботиться, чтобы ее людей не обошли славой. Трое обвиняемых занимались гомо-

сексуализмом. Поскольку все они были старше шестнадцати, состава преступления здесь, конечно, не имелось, или его пока не усмотрели, но все трое были также педофилями. Их уличили, потому что один из троих, Майкл Мартин, публиковал фотографии своих дражайших любимцев на собственном закрытом форуме. Он так и называл их: «дражайшие любимцы». Обнаженные одиннадцати-двенадцатилетние мальчики, ежащиеся в свете вспышки цифровой камеры. Мартин был социальным работником, в его обязанности входило патрулировать район возле Кингс-кросс, высматривая юных беглецов и препровождая их в приют, обеспечивая им тем самым защиту от сутенеров. Но раз уж он сам голубой, то чего можно было ожидать от него в том случае, если подвернется какой-нибудь привлекательный мальчишка? Такие ребята попадали в «особые условия». Они становились его дражайшими любимцами. Каждому из них снималась комната, выдавались карманные деньги. Мартин знакомил их со своими друзьями и фотографировал для своего форума. Он за ними присматривал, да еще как.

Мартин выложил все в комнате для допросов, рыдая, точно старушка, воровавшая в магазине и попавшаяся с банками консервированного лосося, напиханными под кофточку. Но он сокрушался не о жертвах, а о себе самом. Его переполняло не столько чувство вины, сколько жалость к собственной персоне.

Друзья Мартина были дрянные типы, куда хуже его самого. Казалось бы, что может быть хуже? Ну, так мы установили: всегда что-то бывает хуже чего-то, понятие «хуже» в полицейской работе растяжимо до бесконечности. Мартин утверждал, что это «друзья» заставили его заниматься постыдным делом. Они пробовали случайной работой в бригадах по сносу зданий в Сити. А Мартин — социальный работничек еще тот! — любил чередовать пирожные с солеными огурцами. Он жил в мире со своим дипломом по социальной истории, с томиками Маркса и сердечными каплями, с тща-

тельно отутюженными джинсами, уютной квартиркой с одной спальней в большом доме на Сент-Панкрас — и с компьютером, жесткий диск которого заполняли портреты «дражайших любимцев». Обоих его друзей задержали и допросили по отдельности. Более молодой, Ойсин Кернан, с легким ирландским акцентом, дрожащей губой и влажным взглядом спаниеля, сдался быстро, как и Мартин. Другой, Кейт Локсли, оказался покрепче. Локсли был женат, двое детей, третий на подходе, и он отрицал все даже после того, как бригада судмедэксперта эксгумировала труп бедного малыша, который они с Кернаном зарыли на углу в руинах выгоревшего делового здания в Сити. Кернан говорил, что были и другие, но чтобы до них добраться, пришлось бы уничтожить западный конец прогулочной аллеи стоимостью в тридцать миллионов фунтов, так что другие трупы остались на месте. Я в свое время говорил, что это ошибка, из-за чего и сцепился с Питом Рейдом.

— Никто же их не хватился, — заметил он. — И аллея с лавочками, вероятно, стоит больше, чем эти бедняги смогли бы заработать до конца жизни.

— Мы единственные, кто может говорить от их имени, — не унимался я. — Если мы оставим их лежать там безымянными, мы станем ничуть не лучше тех, кто их там закопал. Даже хуже, ибо нам положено иметь совесть. Как-никак, за это нам платят.

— Если мы начнем раскапывать Лондон, разыскивая пропавшие тела, то никогда не остановимся, — парировал Пит.

Это звучало веско, что я и признал. Но добавил:

— В любом случае мы знаем, что они там, и всегда будем это знать. Проблема с нашей системой. Она допускает слишком много компромиссов, чтобы добиться осуждения.

— Да брось ты, Проповедник, — отмахнулся Пит Рейд. Он, разумеется, знал все мои прозвища. Он мастак на такие штучки. — Если бы тебе пришлось взять ответственность на себя, ты не делал бы таких дурацких замечаний. Эти пидоры

попадут в трудовые лагеря пожизненно без права амнистии за то, что натворили с одним парнишкой. Выкопай мы еще двух, это ничего бы не изменило.

Во всяком случае, все трое — Мартин, Локсли и Кернан — попали в суд по обвинению в убийстве. Мартин и Кернан признали свою вину, но настаивали на медицинском освидетельствовании и признании их частично вменяемыми, надеясь, что убийство будет квалифицировано как не-предумышленное. Локсли же по-прежнему все начисто отрицал вопреки совету адвоката.

— Может показаться, что победа близка, — сказала мне Рейчел Суинни, — но я не успокоюсь, пока не увижу, что негодяев припекли. Я была сегодня в суде. Элисон сидела бледная как смерть.

После того как НСКР перехватила расследование, Рейчел Суинни отчаянно боролась за то, чтобы Элисон Сомерс осталась в деле. Это она, молодой двадцатишестилетний детектив, случайно наткнулась на закрытый форум Мартина. И что бы теперь ни случилось на суде, у нее был шанс выбраться из Т12. У меня теперь тоже появился шанс. Однако вначале нужно было выяснить имя подозреваемого или заметно сдвинуть дело об убийстве Софи Бут с мертвой точки. И хотя я был слишком опытен, чтобы не сомневаться в своей удаче, я весь затрепетал, когда увидел это имя в одном из писем Софи Бут...

— Невозможно, чтобы присяжные их не осудили.

— Согласна. Но НСКР попытается снять сливки. Нам ведь пришлось передать им бразды правления после того, как мы, считай, сами все раскрыли.

— Ну, возможно, им больше повезет с «моим» убийством, — заметил я.

Рейчел Суинни наградила меня одним из своих беспощадных взглядов.

— Не прикидывайтесь, будто оказываете услугу мне или Т12, Джон. Я знаю, что наш отдел — сущее болото. Знаю, кого

и почему ссылают сюда. И знаю, как называют отдел у меня за спиной. А еще знаю, что вы дважды просили о переводе, как только попали сюда.

— Я никогда этого не скрывал.

— Случай вроде этого убийства может принести нам много пользы. Он может поднять наш рейтинг. Но не прикидывайтесь, будто стараетесь ради меня или престижа отдела. Договорились?

— Да, шеф.

— И не думайте, что это избавит вас от прочих обязанностей. Тут еще возникло дело о порнодисках. Сотрудник связи заметила, как некто продает их перед воротами частной школы. Она как раз шла туда, чтобы прочесть лекцию об опасности наркотиков.

— И сколько лет этому «преступнику»? — простонал я.

— Двенадцать или тринадцать. Я хотела бы, чтобы вы с ним поговорили.

— Этот великий умник, вероятно, тинейджер с доступом к компьютеру, пенисом торчком и папиной кредиткой.

— Займитесь этим, Джон, и регулярно меня информируйте.

Я спустился вниз и сделал фотокопии распечаток писем Софи Бут с аккаунта в «Интернет-Волшебнике». Пит Рейд околачивался возле торговых автоматов в коридоре, беседуя с одним из компьютерных операторов. Когда я собрался уходить, он окликнул меня:

— Судя по всему, ты мне обязан.

— Ты случайно накликал беду на мою голову, — отозвался я. — Учитывая, что ты поехал прокатиться, когда тебе полагалось смотреть за порядком в конторе.

— Ну, если тебе когда-нибудь понадобится с кем-то прокатиться, то я здесь, — ответил он.

Пит Рейд — верзила лет пятидесяти. Костюмы на нем всегда казались маловатыми, а на галстуках темнели жирные пятна. Он был профессиональным судьей в регби и об

ладал вызывающими повадками бывшего нападающего. Водянистые глаза, мясистые уши, сухие волосы и лопающиеся сосуды алкоголика дополняли картину. Все знали, что его выпихнули в Т12 из отдела уличных происшествий за неэффективность в работе. Рейчел Суинни могла не считать Т12 отстойником, но она единственная из столичной полиции придерживалась такого мнения. Всякий раз, когда я видел Пита Рейда, я думал: «На его месте мог быть и я». Если бы я сменил службу после Спиталфилдса... Если бы не встретился с Джули... Если бы чаще принимал участие в попойках... Если бы не пьянел, когда пью, то мог бы стать настоящим пьяницей, который пьет потому, что это нужно ему, чтобы функционировать. Пит Рейд был призраком одного из моих несостоявшихся будущих.

— Беда в том, что ты не в моем вкусе.

Рейд глотнул из пластмассового стаканчика гадкого томатного супа, который выдал ему автомат. Он был единственным из всех работников Т12, кому здесь нравилось, но даже ему приходилось бросать в пойло из автомата три куска сахара, чтобы оно прошло в горло.

— Я не отрицаю, что мне нравится порой немного встряхнуться.

— А что там такое с этим журналистом?

— Слышал бы ты, как он трубил о своих правах, пока мырыли его дом, — усмехнулся Пит Рейд. — Американец хренов! Согласись, все они помешаны на своих правах, эти американцы.

— Ему предъявят обвинение?

— Его взяли с поличным: куча детских трусиков, и он с малявкой. Надеюсь, что ему предъявят обвинение. А как насчет того дельца, что я подкинул тебе вчера? Я слышал, из этого может кое-что получиться.

Я уловил в его дыхании запах выпитого за ленчем виски и подумал, а не была ли его воскресная бравада подогрета несколькими недозволенными глотками.

- Рано что-то об этом говорить, — ответил я.
- Ну, так ты не забудь, что это я тебе удружила.
- Вряд ли так уж удружила.

Я доехал по забитым транспортом улицам до Скотленд-Ярда за час. Своего рода рекорд. Тони Макардла на месте не оказалось. Луноликий, рано начавший лысеть детектив по имени Кин положил ладонь на телефон и сообщил мне, что Макардл на конференции, а потом добавил:

— Мы нашли соседа. Он был в Брайтоне, воспользовался кредитной карточкой, чтобы заказать номер в гостинице.

— Если так, непохоже, что он пытался скрыться. — Меня мало интересовал сосед. Я шел по горячим следам другого человека.

Кин пожал плечами:

— Местные его ведут, — потянулся к телефону продолжить прерванную беседу.

Зал для прессы находился в главном здании. Новая аудитория на первом этаже, возле музея полиции и лавочки, где можно купить полицейские рубашки, пластмассовые шлемы, надувные дубинки, копии дерзких посланий Джека-Потрошителя, почтовые открытки с изображениями убийств, компьютерные шрифты, основанные на почерках знаменитых убийц. Когда я появился в дальнем конце зала, прижимая к груди, словно щит, полную папку бумаг, конференция уже заканчивалась. Макардл и Варном возвышались на подиуме — сидели за длинным столом, накрытым синим сукном с целым букетом микрофонов на фоне более темного синего занавеса. Средних лет мужчина и женщина рядом с ними были не иначе как родители Софи Бут, Саймон и Анджела.

Портрет Софи светился на экране телемонитора. Студийное фото, сделанное, вероятно, пару лет назад. Волосы юной Софи на снимке были длинными и прямыми, густо-каштановыми в отсветах прожекторов, зачесанными назад. На пухлом личике — россыпь мелких веснушек от переносицы вздер-

нутого носика. Софи задорно смотрела в объектив, сквозь объектив, сквозь время, сквозь смерть, сквозь людей в полу-пустом зале, сквозь камеры Би-би-си, Карлтона, Скай. Не ахти какое собрание: убийство не такая уж редкость в наши дни. Я узнал юного репортера из «Гардиан» и даму из «Миррор», которая написала обо мне длинную и не особо дружественную статью после Спиталфилдса, когда я на мгновение стал знаменитым.

Макардл ответил на пару вопросов, потом заявил, что мать Софи Бут хотела бы сделать краткое заявление. Тут все зашевелились, и внимание сосредоточилось на красивой и статной женщине в изящном лиловом костюме. Она подалась к микрофону и начала говорить, но ее хрупкое самообладание рухнуло. Она зарыдала, глотнула воздуха и отвернулась. Муж накрыл ее ладони своими. Он был высоким, крепким. Носил бифокальные очки в золотой оправе. Седые волосы едва касались воротника. Черный пиджак поверх невыглаженной белой рубахи не вполне ему подходил. Он что-то прошептал жене. Та покачала головой, тогда он обратился к собравшимся, говоря в микрофон:

— Мы с женой просто хотим сказать, что кто-то должен знать имя негодяя, который так ужасно поступил с нашей дочерью. Сосед, друг или член семьи... Кто-то мог заметить что-то подозрительное. Мельком увидеть окровавленную одежду, обратить внимание на необъяснимое отсутствие знакомого человека, заметить внезапную перемену состояния родственника. Тем, кто прикрывает преступника, тем, кто не уверен в своих подозрениях, позвольте мне сказать, что мы пришли сюда, чтобы говорить об убийстве нашей дочери, потому что мы не хотим, чтоб кто-то другой пострадал так же, как она, или страдал так, как страдаем теперь мы с женой. Откликнувшись на наш призыв, вы можете это предотвратить.

Хорошая речь, произнесенная мощным вибрирующим актерским голосом прямо в камеры, скопившиеся перед по-

диумом. Саймон Бут держал жену за руки, пока мелькали вспышки, а Макардл тем временем благодарил леди и джентльменов из прессы.

Репортер из «Миррор» загнала меня в угол, желая знать, почему я принимаю участие в этом деле. Я промямлил что-то насчет случайного поручения, она явно этому не поверила. Солгав, будто у меня срочная встреча, я вернулся в убойный отдел, где дружелюбная Сандра Сэндс сообщила, что мне выделен стол. Он был невелик и обшарпан, в отдалении от прочих, в углу. Наполовину вдобавок усеян упаковками от готовых закусок и пластмассовыми чашками. Я взглянул на стул близ него и спросил:

— Это что, шутка?

— У нас нехватка конторской мебели, — объяснила Сандра Сэндс. — Думаю, кто-то позаимствовал его в буфете... С вами все в порядке, сэр?

Я ударил носком обуви по одной из ножек пластмассового стула. Стул отскочил, точно лягушка.

— Я размышлял тут над одним вопросом... Время смерти Софи уже установлено?

— Судебный следователь утверждает: между шестью и десятью в субботу вечером.

Сандра Сэндс была молода и недурна собой и обладала истинно женским испытующим взглядом. От нее исходил свежий аромат лимонных духов. Длинные темные волосы она стянула в хвост.

— У нас есть кофе и полно чаю, сэр, — добавила она. — Выдают по два фунта в день. Три, если откажетесь от печенья.

— Кофе молотый?

— Растворимый. Но у нас он лучше, чем в буфете.

Я сделал заказ, а затем воспользовался компьютером на незанятом столе, открыл файл из ХОЛМСа и принялся читать. Несколько минут спустя я уловил сосновый запах одеколона, обернулся и увидел Дэвида Варнома.

— Садитесь, — предложил я. Даже Варном не мог испортить моего хорошего настроения. — Я расскажу вам кое-что новенькое.

— Это имеет какое-то отношение к вашему несанкционированному вторжению на место преступления?

Сотрудники в комнате, очевидно, привыкли слышать, как голос Варнома звенит от гнева. Они даже не побеспокоились поднять глаза. Но некий молодой человек с лицом хорька, украшенным тонкими усиками, и в безукоризненном костюме, в открытую наслаждался зрелищем.

— Потрудитесь дать объяснение, инспектор, — рычал Варном.

— Я хотел взглянуть, что там и как, — ответил я. Прозвучало нелепо. — Хотел подтвердить подозрение, которое у меня появилось.

— О любых подозрениях, какие у вас есть, надлежит первым делом сообщать мне. Я не люблю, когда сотрудники вольничают и действуют наобум.

— Вы явно любите красноречивых собеседников.

— Не будьте так нахальны, — одернул меня Варном, и тут в комнату впорхнул Макардл. Он распустил галстук и курил сигарету, не иначе как взятую у одного из репортеров. Едва взглянув на нас, он обронил:

— Вы оба. В мой кабинет. Немедленно.

Я захватил папку с фотокопиями.

— Закройте дверь, — велел мне Макардл.

Он повесил пиджак на спинку стула, сел и принялся стрелять глазами туда-сюда, глядя то на меня, то на Варнома. Ни один из нас не заговорил. Тогда он произнес:

— Я не прочь вас выслушать.

Варном немедленно стал жаловатьсяся на мое вторжение на место убийства, голос его взлетал до небес от негодования. Я позволил ему выговориться, и когда Макардл, подняв бровь, воззрился на меня, заметил:

— Очень информативные замечания, сэр.

Варном заявил:

- Совершенно понятно, что он не игрок в команде, Тони.
- Вы бы лучше не любезничали с детективом Дэвис. Она работает в НСКР, и случилось так, что она явилась к провайдеру Софи Бут как раз в тот момент, когда туда пришел я.
- Сами видите, о чем я, — обратился Варном к Макардлу.
- Пожмите друг другу руки, — предложил Макардл. — И перестаньте вести себя, как две королевы в плохой мелодраме.

Мы обменялись рукопожатием. Варном постарался избежать моего взгляда.

— Вот и хорошо, — кивнул Макардл и повернулся ко мне: — Так что там насчет НСКР?

— Дэвис сообщила, что они засекли ордер, который я зарегистрировал в системе, и взяла на себя обязанность присутствовать при встрече в «Интернет-Волшебнике». Она забрала копии писем, адресованных Софи Бут. — Я открыл папку, достал фотокопии и выложил их на стол Макардла. — Вот они. Все, кроме одного, отправлены в день убийства Софи.

— Есть что-нибудь полезное? — Макардл приподнял первый лист.

— Вы были правы, сэр. Письма доказывают, что убийство было спектаклем, рассчитанным на съемку веб-камерами, которые установила в своей квартире Софи. Это был спектакль с начала и до конца, и он транслировался по сети.

— Господи Иисусе, — выдохнул Макардл. Он соединил ладони и кончиками пальцев коснулся губ. — Сколько народу это видело?

— Тридцать восемь человек прислали письма между восемью и девятью в субботу, что совпадает с предполагаемым временем убийства.

— Господи Иисусе, — повторил Макардл.

— Кое-кто подумал, что это розыгрыш, один из образчиков обычных шоу, которые устраивала Софи Бут. Кое-кому от этого зрелища стало тошно. Один или двое выдали заме-

чания и советы. Но некоторые выразили тревогу, и, я думаю, минимум один человек испытал побуждение что-то сделать и отправил факс через анонимный узел на Кубе.

— Если только это был не сам убийца, — вставил Варном.

— Верно, — согласился я. — В конце концов, он же хотел, чтобы люди увидели, что он совершил.

— Нелепость какая-то, — усмехнулся Варном.

— Я не потерплю разговора в таком тоне, — резко произнес Макардл.

— Я только имел в виду, что те, кому опора их меч... и так далее, — мягко пояснил Варном.

— Я не потерплю навешивания ярлыков, — настаивал Макардл. — Если мы не можем найти того, кто послал факс, в состоянии ли мы найти тех, кто посыпал письма?

— Отправителей можно попытаться разыскать через служебные заголовки писем, — ответил я. — Но большинство было отправлено из-за границы, и почти все — через бесплатные почтовые серверы. Любой может завести себе бесплатный почтовый ящик, воспользовавшись каким угодно именем.

— Но их реально разыскать?

— В этой стране — да. Но не в США и не в любом другом государстве, где имеются законы о защите частной жизни.

— Сколько писем из Британии?

— Всего четыре.

— Поручите это двум-трем сотрудникам, — велел Макардл Варному. — Мне нужны имена всех, кого можно отследить, а затем необходимо допросить их. Это сделаем либо мы, либо местная полиция.

Варном усомнился:

— Не знаю, сэр, будет ли принято в суде заявление иностранцев.

— И все-таки они свидетели, — сказал Макардл. — Они могут способствовать раскрытию преступления, даже если

мы не сможем воспользоваться их показаниями в суде. Мы проверили банковские счета Софи. Никаких признаков того, что она получала платежи. И мы отследили того типа из Интернета, веб-сайт которого вы нашли.

— Мистера Игги Стикса?

— По сообщению местной полиции, он утверждает, что не видел убийства. А они заявляют, что не могут сами заглянуть в его компьютер, ибо это означало бы нарушение его прав.

— Вероятно, он не лжет, — заметил я. — Его сайт не обновлялся в течение двух месяцев.

— Я прав, считая, что любой человек в мире мог зайти на ее сайт?

— Если он о нем знал.

— Значит, круг наших поисков — весь белый свет, — вздохнул Макардл.

— Еще две оговорки, — добавил я. — Кто-то — возможно, сама Софи Бут, а возможно, и не она — запустил на ее почтовый аккаунт почтового паука, и тот активизировался как раз перед тем, как ее убили. Потому там так мало писем. Остальное стерто.

— Почтовый паук? — проговорил Макардл.

— Новый продукт компьютерных умельцев, сэр. Он сидит в почтовом ящике и никак себя не проявляет, пока его не активизируют. И тогда заменяет все, включая и себя самого, случайными комбинациями нулей и единиц. Обычное орудие тех, кто оберегает свою частную жизнь, что пока еще не запрещено законом.

— Отлично. Что еще?

Второе обстоятельство я выявил сам, хотя по моей просьбе его подтвердил Энди Хиггинс, и теперь я с гордостью выложил свой козырь:

— Я убежден, что все эти письма, кроме одного, были отправлены с незаконного сервера Софи Бут. Они присланы с разных адресов, но у всех у них совпадает один фрагмент кода.

Вот, вот и вот. — Я указал на одинаковую череду цифр в заголовках писем, пришедших одно за другим. — Думаю, она использовала аккаунт в «Интернет-Волшебнике» как бэкап или архив. Но есть одно письмо, направленное непосредственно туда на другой день после убийства, когда ее сервер был разломан. От некоего Барри Дина.

— Не знаю такого, — отозвался Макардл, поразмышляв с мгновение.

— Его допрашивали в отделе нравов две недели назад. Насчет дисков с порнографией, которые распространялись по школам. Т12 участвует в том деле, и я присутствовал при допросе.

— Тогда, полагаю, нам следует с ним поговорить.

— И лучше не откладывать, сэр. Он только гостит в этой стране. В настоящее время он постоянно проживает на Кубе.

8

Барри Дин верстал порносайты для мальтийской семьи Вителли, которая в добрые старые времена в начале века, до Инфвойны и закона о защите детей, а также до создания Лиги благопристойности, владела половиной варьете со стриптизом, порноклубов и лавочек интимных принадлежностей в Сохо. Не говоря о четырех ресторанах и одной кондитерской. Кондитерская и ныне принадлежала им, но большую часть своей деятельности Вителли перенесли за границу: прежде всего на Кубу. Однако для нас это ничего не значило, ибо кто угодно мог перенаправить факс через кубинский ретранслятор. Но имя Барри Дина стояло в послании, отправленном напрямую на аккаунт Софи Бут в «Интернет-Волшебнике». А файлы ХОЛМСа указывали, что полиция с ним давно знакома. Разные пустяки числились за ним, начиная с одиннадцатилетнего возраста: кражи в магазинах, ущерб собственности, подозрение в под-

жоге. Ему на десять лет запретили держать домашних животных после того, как он облил кошку керосином и поджег, чтобы посмотреть, хватит ли у нее сообразительности побежать к реке. Так по крайней мере он объяснил свой поступок. Тогда ему было пятнадцать лет. Три года спустя, когда он изучал компьютерные науки в Йоркском университете, его допрашивали в связи с пожаром в комнате у студентки, которой он докучал. Доказать ничего не удалось. Дина отпустили с предупреждением и позволили доучиться. Затем он попал под арест за непристойное поведение в Гринпарке, а вскоре после этого его уволили с должности программиста за то, что он изводил женщин, работавших в компании, электронными письмами скабрезного содержания.

«Я наблюдал сегодня за вами по пути на работу и разглядывал трусики через вашу юбку. А бюстгальтер вы носите?»

«Я хочу купить панталоны своей подружке. Женщины любят трусы без утолщения в промежности?»

К таким посланиям прилагались видеоклипы, где женщины ели дермо, подвергались избиениям или совокуплялись с животными, и клипы были выполнены так, что смущенные получательницы не могли отключить их демонстрацию.

Шесть месяцев спустя его привлекли по серьезному делу, связанному с матерью-одиночкой, которая время от времени промышляла проституцией, чтобы упрочить свое материальное положение. Ее нашли блуждающей по улицам, одурманенной экстази, с поверхностными ножевыми порезами на лице и на бедрах. Она не помнила, как ей нанесли эти порезы, но в ее квартире обнаружили бутылку кока-колы, сдобренной каким-то зельем, а когда у потерпевшей принимали официальное заявление, она упомянула имя Барри Дина. Он как-то раз был ее клиентом и с тех пор болтался вокруг ее квартиры, стучал в дверь рано утром и поздно ночью, бросал записки и букетики цветов в почтовый ящик, ходил за ней по улице. На допросе Дин решительно все от-

рицал, и у полиции не имелось доказательств, что это он подсыпал зелье в колу, а заявление женщины о преследованиях не рассматривалось, ибо при любой сколько-нибудь подобающей защите пришлось бы упомянуть о ее причастности к проституции. Но в карточку Дина попала отметка, и когда он вновь затеял нечто подобное года два спустя, ему досталось по полной.

На этот раз речь шла о женщине, которая держала питейный клуб на задворках Оксфорд-стрит. Та же история: он болтался вокруг места ее работы и жительства, ходил за ней, бросал записки, цветы, сыпал угрозами. Она обратилась в полицию через своего знакомого полицейского. После недолгого наблюдения Дина привлекли за преследование. При аресте у него нашли карманный нож. Дин предстал перед судом и получил девять месяцев тюрьмы. В тюрьме он держался особняком, быстро вышел на свободу, стал работать на Вителли и год назад переехал на Кубу.

Возникает вопрос: что он снова делает в Британии? И если он замешан в убийстве Софи Бут, почему он все еще здесь? И почему отправил то письмо?

Я как раз начал рыться в психиатрических отчетах по Барри Дину, когда вернулись два детектива, посланных по его душу: Кин и Хэмпсон. Они прошли мимо моего стола, направляясь прямо к кабинету Макардла. Я вошел следом и спросил:

— Он что-нибудь сказал?

Макардл ответил, надевая пиджак:

— Я люблю, чтобы перед тем, как войти в мой кабинет, люди стучались. Даже если дверь не заперта.

— Простите, сэр, я забыл о приличиях, настолько мне не терпелось узнать у детективов, удалось ли им прихватить нашего друга.

— Он снимал квартиру в Сохо, там мы его и нашли, — пожал плечами Кин. — Он спокойно пошел с нами. Шума не устраивал.

— Он ведь уже получал срок за сексуальное домогательство, — напомнил я. — И, наверное, привык, что его беспокоят.

— Забавный парнишка, — заметил Хэмпсон, тот самый молодой человек с как бы нарисованными усиками, которого увлек наш с Варномом недавний обмен любезностями. — Мастер покрасоваться. Держится так, словно он повелитель мира.

— Вы привезли его компьютер?

— Нас не просили, — ответил Хэмпсон.

— Он взял с собой мобильник, — добавил Кин. — Довольно странный на вид. Говорит, купил его на Кубе.

— Сказал, что мы можем получить скидку, если захотим купить такой же через него, — сказал Хэмпсон. — Я же говорю, он мастер покрасоваться.

— Не думаю, что вы догадались забрать у него мобильник.

— Нет, конечно, — приветливо улыбнулся Кин. — Мы исходили из того, что ведь он не под арестом.

— А я исхожу из того, что в телефоне могла оказаться интересная запись.

Хэмпсон ощетинился:

— Никто и словом не обмолвился о записях. Нам поручили доставить человека, мы это сделали.

Макардл отпустил Кина и Хэмпсона и повернулся ко мне:

— Мне безразлично, что может оказаться в мобильнике Дина. Я пока что не готов обращаться за ордером. Можете присутствовать на допросе, но вести допрос будем мы с Дэйвом Варном. А вы оставайтесь на заднем плане. Мне может понадобиться ваше мнение, если он заговорит о компьютерах. Это все. Понятно?

— Полностью понятно, сэр.

Макардл удостоил меня довольно тяжелым взглядом.

— Надеюсь. И не пытайтесь порочить моих людей. Мы все на одной стороне.

Эдуард Уилсон, поверенный семьи Вителли, ждал возле комнаты для допросов. Высокий джентльмен с тщательно причесанными волнистыми волосами. Его благородный профиль портил сломанный нос. Он курил черное «Собрание», а его портфельчик телячей кожи покоился меж мягких лакированных ботинок цвета бычьей крови.

— Здесь не положено курить, сэр, — сказал Макардл.

Уилсон выпустил клуб дыма.

— Тогда я выйду на улицу, старший инспектор. Несмотря на совет, мой клиент отказался от присутствия адвоката. Вы предъявите ему обвинение?

— Идет обычное дознание, сэр.

— Мой клиент пережил в прошлом слишком много обычных дознаний, инспектор. — Уилсон посмотрел на меня: — Включая и то дознание две недели назад, при котором присутствовал этот человек.

— То дознание вел отдел нравов, — уточнил я. — Меня пригласили как помощника и консультанта.

— А теперь вы помогаете вести еще одно расследование, из-за которого побеспокоили моего клиента, — холодно сказал Уилсон. — Чистое совпадение.

— Ваш клиент — известный сексуальный правонарушитель, сэр, — проговорил Макардл. — Так как он в вас не нуждается, я убежден, что вы легко найдете выход отсюда, если у вас нет здесь других дел.

Дэвид Варном с парнем в форме и Барри Дином ждали нас в комнате для допросов — крошечной каморке с голыми стенами. Дин оказался молодым человеком лет под тридцать, маленьким и вертким, как жокей. Я возвышался над ним на добрых два дюйма. Его волосы были зачесаны с широкого плоского лба и в беспорядке спадали маслянистыми космами на ворот дорогой красной кожаной куртки, размера на два больше, чем надо, так что он выглядел в ней, как ребенок, напяливший взрослую вещь. У него была очень белая

кожа и ярко-синие глаза, взиравшие на мир с живым интересом.

— Я помню вас по этому дурацкому делу о грязных дисках недели две назад — улыбнулся мне Дин. — Начинаю подозревать, что меня опять вызвали из-за них.

— Мне нравится поддерживать знакомства, Барри, — ответил я. — Как вижу, ты все еще не отчалил обратно на Кубу.

— Я всегда считал, что полицейские очень навязчивы, — снова улыбнулся Дин. — Это одна из причин, по которой я даже не пытался стать фараоном... Ну, и еще самоуважение.

У него был высокий ломкий голос, как у подростка. В интонации и во взгляде угадывалось лукавство, а язык высывался из уголка рта, будто зверь, выглядывающий из логова.

— Заткнитесь, — рассеянно буркнул Макардл то ли Дину, то ли мне. Он отпустил парня в форме, включил видеокамеру и сел напротив Дина, положив на стол распечатки писем. Я подпирал стену позади Барри, а Варном стоял за спиной у Макардла, следя за мной столь же внимательно, как я за Барри.

Макардл подался вперед:

— Тебе сказали, почему ты здесь, Барри?

Дин метнул на меня торопливый взгляд и передернул плечами внутри своей непомерно большой куртки.

— Когда я жил здесь, меня вызывали всякий раз, чуть где что стряслось. И я не обижался. Это скрашивало скуку жизни.

— Ты здесь, чтобы помочь нам в расследовании убийства Софи Бут вечером пятого июня. Тебе зачитали твои права?

— Да. — Взгляд Дина метнулся в сторону Варнома. — Меня ознакомил с ними этот славный инспектор.

— Подозреваемый указывает на инспектора Варнома, — прокомментировал Макардл. — Итак, Барри, я тебе их сейчас еще раз зачитаю... — Он повторил процедуру и, закон-

чив, спросил: — Ты подтверждаешь, что отказался от права быть допрошенным в присутствии своего адвоката или, если это невозможно, одного из дежурных адвокатов?

— Я не нуждаюсь в старом пердуне, который со мной пришел.

— Почему же?

— Потому что я невиновен.

— Насчет твоей невиновности я не уверен, Барри. Слишком уж грязное прошлое у тебя. Докучать женщинам у тебя в крови, не так ли?

— Я свое уже отсидел, — ответил Дин. — Однако я понимаю, как на это смотрит полиция. Вы считаете, что каждый должен платить снова и снова. — Он повернулся на стуле, чтобы взглянуть на меня, и произнес: — Вы поймали того, кто изготавлял эти грязные диски? Дайте мне знать, когда поймаете. Мои работодатели будут не прочь с ним потолковать, учитывая, что этот тип украл защищенный законом материал с их сайтов.

— Я спрашиваю тебя о твоих проблемах с женщинами, Барри, — с некоторым напором произнес Макардл. — Будь хорошим мальчиком и не трать мое время, я этого не люблю.

— Да это просто недоразумение. Пара безмозглых шлюх, которые прикинулись, будто не понимают, кто я и что. — Он попытался разом охватить взглядом нас всех троих. — Обе знали, кто я, но струхнули. И так всегда.

— И отчего же они струхнули, Барри? — поинтересовался Макарди.

Дин скрестил руки, потрещав кожей куртки, выставил подбородок и произнес слышавым бархатным голоском:

— Я реальный мужик. Не жалкий недоносок, как многие. Мужчина что надо.

— Значит, ты воображаешь себя умелым любовником? Усладой для дам?

— Ну уж нет. — Дин потянулся. — Послушайте, мне это надоело. У меня есть работа, и я знаю, бесполезно пытаться

вам это объяснить. Не считите за обиду, но я вижу у вас на пальце кольцо. Вы женаты. Значит, вы перешли на другую сторону.

— На какую другую сторону?

— На их сторону, конечно.

— Ты и впрямь много о себе воображаешь, сынок, и я не понимаю почему, — откомментировал Варном.

Дин оглянулся на него:

— Вы тоже небось женаты?

— Не твое дело.

— Значит «да», — заключил Дин. — Так что, полагаю, вы тоже меня не поймете. А вот этот кроха-инспектор может что-то уразуметь.

— Чего я не понимаю, — усмехнулся Макардл, — так это почему, если ты такой уж могучий мужчина, тебе приходится платить за секс.

— Если речь о той девке, которая вякнула, будто я ее порезал, так ей я не платил, потому-то она и пыталась меня потопить.

— Довольно об этом, — оборвал его Макардл. — Больше похоже на то, что у тебя кое-что не вышло, когда дошло до дела, и она не захотела больше тратить на тебя время, а ты обиделся. Она смеялась над тобой, Барри? Поэтому ты вернулся и порезал ее?

— Это не доказано.

— Что не означает, что это неправда. Ты связываешься только со шлюхами, а, Барри?

— Все бабы шлюхи. Я что, не прав? Они занимаются этим потому, что в этом их сила. Ваша жена шлюха. Ваша мать тоже.

Макардл оставил эти слова без внимания. Его шкура достаточно задубела, чтобы реагировать на дурацкие колкости Дина.

— Так вы утверждаете, что и Ева Холлет шлюха? — продолжал он.

— Конечно.

— А вы знаете, кто такая Ева Холлет?

— Шлюха, из-за которой меня засадили.

— Женщина, которая выдвинула обвинение, когда ты стал досаждать ей с намерением причинить физический ущерб.

— Еще одно недоразумение, — беспечно бросил Дин.

— Ты так считаешь?

— Старая песня, у меня от нее уши вянут. Скажите мне, что я, по-вашему, сделал, а я отвечу, что ничего об этом не знаю. Мы немного походим по кругу, а затем вы меня отпустите, потому что у вас ничего на меня нет. Как все знакомо... Как знакомо...

— Однако в этот раз ты скажешь то, что я хочу услышать, — весомо и ровно произнес Макардл.

Дин пожал плечами. Он проходил через подобное столько раз, что нынешняя ситуация его не беспокоила, но у него не хватало ума держать рот на замке. Профессионалы хранят молчание в комнате для допросов. Они ничего не говорят. Ничего не выдают. Они знают, что их молчание в суде может быть использовано как повод признать их виновными. Но они предпочтут такой риск, лишь бы не стать объектом психологических манипуляций опытных следователей. Они слушают, как полицейский рассказывает им, какой он ловкий и проницательный, как он отправил за решетку всех преступников, попадавшихся ему на пути. И они повторяют одно: «Мне нужен мой адвокат». Дин был слишком глуп — он считал, будто игра ему по силам. Он с удовольствием обсуждал все «почему» и «отчего», копаясь в старых грехах, ибо думал, что умнее нас. К тому же он не чувствовал вины ни в чем из того, что сделал. Наконец Макардл перевел разговор на убийство Софи Бут. Перевел — в упор глядя на Барри, дождавшись, когда тот утратил бдительность, и наступил роковой миг слабости.

— Расскажи-ка мне о Софи Бут, Барри. Расскажи, откуда ты ее знаешь.

— С чего вы решили, что я ее знаю? — поинтересовался Дин.

— Довольно! — Макардл хлопнул по столу ладонью так, что в комнате словно раздался пушечный выстрел, а затем, подавшись вперед самую малость, повысил голос: — До сих пор мы с тобой славно беседовали. Я выслушал твое глупое блеянье о женщинах и, откровенно говоря, не думаю, что у тебя все в порядке с головой. По-моему, ты не слишком хорошо понимаешь, каково нынешнее положение дел. Потому и вlip. Потому ты сейчас и здесь. Случилось так, что мне известно, что ты знаком с Софи Бут, и я хочу, чтобы ты поглядел мне в глаза и рассказал, как ты с ней познакомился.

— Я ее не знаю, — не сдавался Дин.

— Я хочу, чтобы ты взглянул вот на это. — Макардл достал лист бумаги, развернул и указал пальцем: — Тебе это знакомо?

Дин опять пожал плечами:

— Это распечатка электронной почты.

— Правильно. Ты отправлял это письмо? Взгляни-ка внимательней. Я хочу убедиться в том, что ты понял, что это такое.

Дин склонился над бумагой и вдруг отпрянул от стола, ножки его стула царапнули по плиткам пола.

— Что вы затеяли?

— Успокойся, Барри. Не заводись, тебе это не поможет.

— Я это в первый раз вижу!

Варном обошел стол, положил руки на плечи Барри Дина и заставил того сесть.

— Согласись, здесь твое имя. В этом заголовке, — спокойно сказал Макарди.

— Ну и что? Письмо мог отправить кто угодно.

Макардл развернул бумагу:

— «Ты моя навеки». Что это означает, Барри?

— Откуда мне знать? Я этого не отправлял.

— Тогда почему здесь твое имя?

— Наверное, мне нужен мой адвокат, — пробормотал Барри Дин.

— Мы можем позвать его, если хочешь, — кивнул Макардл. — Но тогда мы должны будем предъявить обвинение, принять твоё официальное заявление и забрать твой паспорт. Ты этого хочешь? Ты основательно влип, сынок, и для тебя лучше помочь мне во всем разобраться.

— Что вы мне предъявите?

— Заговор с целью убийства тебе как раз впору. Как повышему, Дэйв?

— Это ему куда больше подойдет, чем его куртка, — заметил Варном. Он держал Дина за плечи, а тот извивался в его хватке, точно безвольное дитя.

— Ты почувствуешь себя много лучше, если расскажешь нам правду, Барри, — произнес Макардл. — У тебя гора с плеч свалится.

— Пrikажите этому гаду меня отпустить, и я скажу вам, что думаю.

Макардл поднял бровь, и Варном, убрав руки с плеч Дина, отступил на шаг. Дин медленно проговорил:

— Мое имя может стоять в заголовке письма, но я его не отправлял. Письмо пришло с бесплатного аккаунта, его мог послать кто угодно, использовав мое имя. Это ничего не доказывает, не считая того, что кто-то хочет вывалить меня в дерьме.

— И кто бы это мог захотеть обидеть такого славного мальчика, как ты? — поинтересовался Макардл.

— Да хотя бы и он, — буркнул Барри Дин, оборачиваясь на меня.

— С чего бы это ему хотеть подставить тебя, Барри? — полюбопытствовал Макардл.

— Он в меня вцепился еще две недели назад, как только я сошел с самолета. Тогда он не смог со мной справиться, вот и пробует теперь другой ход.

Макардл взглядом призвал меня к молчанию и сказал, обращаясь к Дину:

— Ты обвиняешь сотрудника полиции в том, что он фабрикует против тебя обвинение в убийстве, так, Барри? Найди что-нибудь поубедительней. Я слышал, ты смышленый малый, но в действительности ты хватаешься за соломинку. Будем откровенны друг с другом. Начнем с того, что ты мне расскажешь, почему послал это письмо.

— Послушайте, если вы что-нибудь знаете о сети, то должны понимать, что мейл мог отправить кто угодно, — сказал Барри.

— Только не говори, что ты его не отправлял.

— Именно это я и скажу.

— Но здесь стоит твое имя, Барри. Ясно, как день.

— Повторяю, кто угодно может воспользоваться чужим именем. Имя ничего не значит.

— Твое имя стоит на письме, отправленном убитой девушки, Барри, это должно что-то значить.

— Это значит, что кто-то пытается меня подставить.

— У тебя есть враги, Барри? Тогда тебе не повредит, если ты назовешь их имена. Это очистит от подозрений тебя и может помочь нам поймать убийцу. Подумай, как хорошо мы станем обращаться с тобой после этого.

— А мы не могли бы взглянуть на ваш компьютер, Барри? — поинтересовался я. — Просто чтобы убедиться, что вы говорите правду.

— Да ради бога.

— В кэше браузера хранится информация обо всех посещенных сайтах, и мы легко узнаем, заходили ли вы на сайт мисс Бут.

— Вообще-то такое, я думаю, возможно, но ведь компьютер, которым я пользуюсь, совсем новый. Не отправлял я этого письма, и вы не можете повесить на меня это убийство, потому что, к вашему сведению, меня даже в стране-то в это время не было.

— А где вы были пятого июня, Барри? — поинтересовался Макардл.

— Ну, правду сказать, я был в Гаване.

— Для вас было бы лучше, если бы вы могли это доказать, — сказал Варном. — Звучит не слишком убедительно.

— Я вылетел из Хитроу в Схипхол, а затем из Схипхола в Гавану. Всю дорогу экономклассом. У меня даже билеты сохранились, — поспешил добавил Дин. Полез в свою куртку и выложил билеты на стол. — Будет легче легкого все это проверить.

— Мы проверим, — кивнул Варном. — Не беспокойся.

— Я всегда избегаю жарких мест, — похвастался Дин. Он расслабился. Электронное письмо было скверным сюрпризом, но теперь он разыгрывал карту я-не-попаду-в-тюрьму, которую прятал в рукаве именно на такой случай. — Жара вредна для организма, это всем известно.

— А что вы делали в Гаване? — спросил Макардл.

— Мне понадобилось вернуться, чтобы настроить сервер для моего работодателя, господина Андреаса Вителли.

— Компьютерное порно, — пояснил Варном.

— На Кубе это не запрещено, — с улыбкой заявил Дин. — Там у них свобода информации, как и почти во всем мире.

— Но здесь порнография незаконна, — напомнил Варном.

— Закон запрещает размещать порносайты на британских серверах, а мой провайдер не базируется в Британии, и я не несу ответственности за тех, кто смотрит сайты, которыми я занимаюсь. Информации необходима свобода, в конце концов! — и Дин покосился на меня.

— А по-моему, ты лжешь, Барри, — заявил Макардл. — И если даже ты в самом деле был в Гаване — а мы эту информацию проверим, можешь не сомневаться, — ты мог зайти на сайт Софи Бут и послать это письмо.

— Не представляю, как вы сумеете это доказать, — ухмыльнулся Дин.

— Ты когда-нибудь пользовался услугами анонимного ретранслятора?

— С чего бы это? Мне нечего скрывать от тех, с кем я общаюсь, — ответил Дин и обернулся к Макардлу: — Хотите, чтобы я оставался здесь, пока вы меня проверяете, или я могу быть свободен?

— Пока можешь идти, Барри, — кивнул Макардл. — Но мы, безусловно, с тобой еще поговорим. Так что не уезжай далеко. Двум полицейским, которые доставят тебя обратно, понадобится твой паспорт.

— Он мне потребуется через несколько дней, — предупредил Дин. — Скоро я закончу одну работенку здесь...

— Получишь расписку. Кроме того, ты обязан отмечаться в полицейском участке на Вайн-стрит в восемь утра каждый день, пока не получишь новое указание. Допрос окончен в 18.23.

— Мы еще увидимся, инспектор, — бросил мне Барри, когда я последовал за Варном и Макардлом в коридор.

— Что вы о нем думаете? — спросил Макардл, как только мы вернулись в его кабинет.

— Не думаю, что он имеет какое-то отношение к убийству Софи Бут. И прежде всего я не понимаю, для чего его сюда привозили, — сказал Варн, дернув подбородком в мою сторону. — Если только дело не в том, что вы действительно против него настроены.

— Не спорю, он мне не нравится, — признался я. — Впрочем, он не понравился бы ни одному здравомыслящему человеку. Он получил срок за домогательство, он явный женоненавистник. Но главное в том, что если он говорит правду и действительно не имеет никакого отношения к этому письму, то, кто бы ни отправлял послание, он явно пытался впустить Барри в убийство Софи Бут.

— Но ведь Барри, когда ее убили, находился на Кубе, — напомнил Варн.

— Если он не лжет, — уточнил я. — Нам следует как минимум проверить его компьютер.

— Я не намерен исключать его из дела, однако не собираюсь немедленно запрашивать ордер. Адвокат Барри наверняка подбросит нам какой-нибудь скверный сюрприз, а я не считаю, что у нас на данной стадии достаточно сильная позиция, — объявил Макардл.

— Даже если мы получим ордер, чтобы заглянуть в его компьютер и мобильный телефон, — добавил Варном, спеша поддержать шефа, — он знает достаточно, чтобы стереть все подозрительное из памяти. Дин только отвлекает нас от Джеймса Уайтхеда. От того человека, который живет по соседству с Софи Бут, который сбежал, который не отвечает на звонки по мобильному, который не давал о себе знать жене вот уже два дня. Вовсе не обязательно, что дело как-то связано с компьютером.

— Не считая того, что у нас есть электронные письма, доказывающие, что веб-камеры действовали, когда была убита Софи Бут, и что минимум тридцать человек видели это убийство, — заметил я.

— И мы попытаемся отследить стольких из них, скольких сможем, — сказал Макардл. — Вы проделали сегодня хорошую работу, Джон, но вам следует помнить, что Уайтхед сейчас для нас весьма важен. Где же он, Дэйв? Не пора ли ему уже появиться?

— Когда я проверял в последний раз, он еще стоял в пробке на шоссе М23. Там дорожные работы, сэр.

— Я жду встречи с ним. Проверьте расчетное время его прибытия, Дэйв, и зарезервируйте комнату для допросов.

Когда Варном удалился, Макардл обратился ко мне:

— Я должен задать тебе вопрос, Джон. Дин утверждал, что ты под него копаешь. Здесь нет какой-то доли правды?

— Ни малейшей, сэр.

Макардл наблюдал за мной несколько мгновений. Его хмурое лицо оставалось непроницаемым.

— Надеюсь, не возникнет нужда говорить об этом снова, — наконец сказал он.

— Нет, сэр.

Макардл кивнул. Казалось, он удовлетворен, но теперь я знал: что бы я ни сделал, что бы ни сказал, все будет запятнано подозрением, будто я играю не совсем честно.

— Давай разберемся, — предложил Макардл. — Дин утверждал, что любой мог создать аккаунт, с которого было отправлено письмо. Это правда?

— Конечно, но если он его не отправлял, значит, отправил кто-то другой — кто-то, кто его знает. Кто-то, кто знал адрес аккаунта Софи в «Интернет-Волшебнике». Кто-то, кто раньше нас узнал, что она мертва.

— Но это не обязательно был Барри Дин?

— Его имя попало в заголовок не без причины. Когда мы вошли в комнату, он сидел расслабившись и нисколько не беспокоился — он знал, что мы станем спрашивать о Софи Бут, а он уже подготовил свою версию. Так ведут себя виновные, если знают, для чего их вызвали. Но письмо — другое дело. Это явно вывело его из равновесия.

— Тем больше причин думать, что он его не посыпал.

— Тем не менее там его имя. С чего бы кому-то вздумалось втягивать его в историю? Особенно учитывая, что он вел себя так, как если бы ожидал нашего наезда, но не из-за письма. Думаю, он замешан, сэр.

— Ладно, — вздохнул Макардл. — Я поручу кому-нибудь проверить алиби Дина. И попрошу судмедэкспертов сравнить его ДНК с образцами спермы, найденными на простынях Софи Бут. Даже наскребу кое-что из моего скучного бюджета, чтобы организовать слежку за ним через эту сверхмощную систему наблюдения. Но я не собираюсь получать ордер на его арест, пока не узнаю больше.

— Его компьютер...

— Довольно, — оборвал Макардл. — Не все сразу. Если хочешь оставаться в моей команде, научись действовать по-моему.

— Простите, сэр.

В дверь постучали. Вошел Варном.

— Уайтхед будет здесь через час, сэр.

— Хорошо. У меня задание для вас двоих. Вы должны повидать дядю Софи Бут. Он вернулся из Шотландии и любезно согласился уделить нам время. Я бы очень хотел отправиться с вами, но мне не позволяет наш мистер Уайтхед, а затем мне надо доложить о результатах следствия помощнику комиссара Фросту.

— Шеф... — начал было Варном.

— Вы не разбираетесь в компьютерах, Дэйв, — твердо заявил Макардл. — Вам надо, чтобы кто-то с вами пошел и помог во всем разобраться.

— Я буду себя хорошо вести, — пообещал я.

9

Энтони Бут, дядя Софи Бут, явно умел жить. Его квартира находилась в новом здании у самой реки в Бэнксайд, в угловом пентхаусе. Тут можно было устроить модное фотостудии или убежище злодея из фильма о Джеймсе Бонде. Просторный балкон с настилом из настоящей древесины, высеребренной стихиями, нависал над изящной аркой пешеходного мостика, связывавшего северный берег с маленьким парком перед галереей Тэйт-Модерн. В удлиненной гостиной на полу лежал белый ковер из овечьей шерсти. Вдоль кирпичной стены стояли два дивана размером с двухспальню кровать, обтянутые мягкой коричневой кожей. Три другие стены были из стекла, а между диванами темнел огромный камин. На стене висели в рамках афиши всех шести фильмов о Звездных войнах, большой плоский телевизор, стерео от «Бэнги и Олуфсена», музикальный автомат «Вурлитцер» и самый большой гелиевый светильник, какой я когда-либо видел, выполненный в форме старомодной ракеты.

В углу полтора десятка небольших черно-белых мониторов демонстрировали виды ближайших улиц и набережных или отслеживали движения прохожих, переключаясь с одной камеры на другую.

Изящный таец в черном костюме от «Армани» внес поднос с напитками, подал стакан Варному, второй мне — и растворился. Варном поставил свою выпивку на столик, выполненный в стиле скандально известного дизайнера Алленна Джонсона: натурального размера и цвета тело нагой женщины на четвереньках с зажатым в зубах хлыстом. Теперь женщина на своей спине держала стакан Варнома, а сам он принял изучать вид из окна. Я же, потягивая ледяной, насыщенный вермутом «бомбейский сапфир», разглядывал стереостойку и DVD-диски над ней. По дороге мы едва ли перемолвились словом. Варном предупредил меня, что беседа с Энтони Бутом — его дело, что он не намерен терпеть мое вмешательство. Я не счел нужным спорить. Варном расстроился, что разговор Макардла с Уайтхедом состоится без него. Но я понимал, почему Макардл так решил. Варном был настоящей ищейкой. Он считал Уайтхеда убийцей и желал как можно быстрее закрыть дело. Он бросил бы в бой всю свою артиллерию, а Уайтхед скрылся бы за спиной своего адвоката, и мы бы ничего не узнали.

Я наполовину осушил стакан и переместился, чтобы взглянуть на мониторы, когда вошел Энтони Бут. Это был широкоплечий приземистый мужчина, как минимум лет на десять моложе своего единственного брата Саймона. Очки в тяжелой оправе из черной пластмассы с тонированными голубыми линзами, грубый полотняный пиджак поверх черной футболки, мешковатые полотняные брюки, сандалии с толстыми складчатыми швами.

— Кажется, все, кроме хозяина, получили выпивку, — улыбнулся он, подошел к подносу, подхватил стакан шелковистого мартини и бросил туда маслину, подцепив ее палочкой для коктейля. — Ваше здоровье, господа! — Он с одоб-

рением пригубил коктейль и опустился на диван. — С кем имею честь?

Варном представил нас обоих.

— Два инспектора, — произнес Энтони Бут, голубые линзы его очков полыхнули, когда он переводил взгляд с Варнома на меня и обратно. — Мне следует начать беспокоиться или почувствовать себя польщенным?

Его манера держаться была почти игривой, и от него исходило ощущение огромной внутренней энергии и ума.

— Я здесь в качестве компьютерного эксперта, — пояснил я.

— Что же, обещаю не слишком отклоняться от бейсика... то есть от темы. — Энтони Бут улыбнулся своей шутке. — Как продвигается расследование?

— Настолько удачно, насколько можно ожидать, сэр, — ответил Варном. — Обещаю, наш визит не отнимет у вас много времени.

— Был уверен, что именно так вы и скажете. — Энтони Бут снова пригубил мартини и словно растекся в объятиях дивана. — Впрочем, я надеялся, что вы будете со мной откровенны, насколько это возможно. Софи была мне очень дорога.

— Квартира, где она жила, принадлежит вам, не так ли? — спросил Варном. Он стоял, убрав руки за спину, будто принимая парад, на фоне грандиозного вида на реку, пылающих на закате стеклянных стен конторских зданий, купола Святого Павла и разрушенных зданий Сити.

— У меня долгосрочная аренда и на контору, и на квартиру. Это все, что я мог себе позволить после того, как оставил службу и продал дом, чтобы основать «Моботехнологию». Затем правительство пожелало усилить меры безопасности в Лондоне. Мой чип для «красной линии» выиграл конкурс, я выставил акции «Моботехнологии» на Фондовую биржу — и вот он я, сорвавший большой куш технократ. Все произошло очень быстро. После того как я переехал, было бы глу-

по, чтобы квартира пустовала, когда Софи негде жить. Она была очень счастлива, когда я ей это предложил.

— А как отнеслись к этому ее родители? — спросил Варнوم.

Бут пожал плечами. Паутинки серебристого света задрожали в его мартини.

— Софи считалась достаточно взрослой, чтобы решать самой. Я с удовольствием помог ей. Саймон и Анджела славные и добрые люди, однако едва ли честолюбивы. Они считают себя социалистами, но на самом деле проявляют себя в политике как реакционеры левого крыла: раздумья, сетования, преклонение перед взглядом меньшинства и этническая корректность. Софи не слишком ладила с ними последние несколько лет. Типичный случай отцов и детей. Я пытался держаться в стороне, но когда увидел место, где она поселилась после переезда в Лондон, предложил ей свою старую квартиру. Сам я слишком занят, чтобы возиться с продажей или сдачей жилья в аренду, так что квартира все равно пустовала, а Софи требовалось спокойное место, чтобы заниматься своей работой.

— Вы знали о ее работе?

— Я мало что смыслю в искусстве, — ответил Бут. — Я матерый компьютерщик. Технарь.

— Но вы помогали Софи. Купили ей компьютер.

— Подарок богатого дядюшки.

— Вы знали о ее веб-сайте?

— Конечно. Я платил за аренду канала и модернизировал ее компьютер.

— А вы когда-нибудь заглядывали на ее сайт, сэр?

Энтони Бут улыбнулся:

— Я типичный технарь-трудяга, инспектор. Двадцать четырех часов в сутки у компьютера. У меня нет времени погружаться в поп-культуру. Скажите, у вас уже есть подозреваемый?

— Мы пока изучаем общую картину, сэр, — ответил Варнум.

— Я слышал призыв Саймона в новостях в шесть часов. Кстати, кто одолжил ему пиджак?

Варном, поколебавшись, ответил:

— Один наш служащий.

— Саймон неплохо справился, он ведь преподает актерское мастерство, однако, по-моему, он совершил ошибку, взвывая к совести людей. Как правило, жадность бывает более сильной мотивацией. Я собираюсь предложить награду за сведения об истинном убийце.

— Вам придется обсудить это с моим начальником, сэр, — сказал Варном.

— Пожалуй, стоит.

— Когда вы возили Софи в Нью-Йорк? — поинтересовался я.

— Наверное, Саймон и Анджела вам уже об этом рассказывали. Они действительно были недовольны ее поездкой, но, как я уже говорил, Софи было больше восемнадцати, и она могла сама принимать решения.

Варном устремил на меня тяжелый взгляд. Я проигнорировал его и продолжил:

— Я видел открытки, которые она там покупала, они были засунуты за раму ее зеркала в ванной. Если, как вы говорите, ей было больше восемнадцати, значит, поездка состоялась не более двух лет назад.

— Честно говоря, это было в ее девятнадцатый день рождения. — Энтони Бут искоса поглядел на меня. — Я несколько устал с дороги и потому, возможно, не вижу связи вашего вопроса со смертью Софи.

— А что вы делали в Шотландии, сэр? — в свою очередь спросил Варном.

— Деловая поездка. Беседовал с проектировщиками на заводе по изготовлению чипов близ Глазго. Мы внедряем усовершенствования в нашу технологию «красной линии».

Я постучал по стойке с мониторами:

— Они принимают сигналы с камер, подключенных к «красной линии», не так ли, сэр?

— Честно говоря, это прототип, — ответил Энтони Бут, — Как только сеть была смонтирована и запущена, она стала почти живым существом. Я не мог убить свое первое дитя и перемонтировал свою сеть. Она не очень умна, но ведь она еще учится. И никогда не перестанет учиться, как вы или я. В этом, конечно, ее красота.

— Снаружи вашей старой конторы была камера скрытого видеонаблюдения, — заметил я.

— Все по-прежнему говорят «скрытого», но в действительности это система открытого видеонаблюдения, — поправил Бут. — В этом — гигантская разница. Система скрытого наблюдения замкнута на трансляции некоординированных сигналов от камер на пульт центральной диспетчерской станции, я же назвал свою систему открытой потому, что она открыта для активного разумного вмешательства сети, населенной взаимосвязанными чипами «красной линии», способными принимать решения и действовать на основании собственных решений.

Варном бросил на меня еще один тяжелый взгляд и спросил:

— А та камера над вашей старой квартирой, сэр, не была частью вашей первой сети?

— Разумеется, мы использовали ее как часть демонстрационной системы. Одна камера постоянно установлена над дверьми, остальные расставлены по улице. Мы высылали на улицу с полдюжины одинаково одетых людей, дабы показать потенциальным клиентам, что система способна их различать, выделять каждого человека в отдельности и следить за ним.

— А вы бы узнали, сэр, не была ли камера недавно активна?

— Система перекрывает Шордич и Хокстон. Полагаю, моя малютка могла туда подсоединиться. Вы думаете, она могла зафиксировать того, кто напал на Софи?

— Можете не сомневаться, мы вникали во все, — заявил Варном. — Вы что-нибудь знаете о друзьях Софи?

— Я видел очень немногих. Особенно после того, как она переехала.

— А молодые люди?

Бут задумчиво потягивал свой мартини.

— Не думаю, чтобы у нее кто-то был. Во всяком случае, не было того, кого вы или я назвали бы «молодым человеком».

— Меня это несколько озадачивает, сэр, ведь вы сказали, что были близки с ней и знали ее лучше, чем ее родители.

— Я сказал, что она мне очень дорога.

— Но вы не знаете, был ли у нее молодой человек?

— Я не спрашивал, — проговорил Бут, пожалуй, чересчур поспешно. — Вдобавок нынче молодежь, как мне кажется, не вступает в подобающие отношения.

— Вы ее часто видели?

— Раз в месяц или около того, если был в городе.

— Где вы с ней виделись?

— Большей частью здесь.

— А не в квартире в Хокстоне?

— Нет.

— Она когда-нибудь приводила сюда кого-нибудь?

— Вы имеете в виду какого-нибудь приятеля? Нет.

— А что вы делали и что делала Софи, когда она посещала вас?

— Что делали?

— Ну, о чем вы разговаривали?

— О том, о сем. Я что, под подозрением, инспектор? Вы к этому ведете?

— Вы не говорили о ее работе?

— Конечно, нет.

— Хотя вы, в сущности, спонсировали ее, купив ей дорогой компьютер и арендовав для нее интернет-канал.

— Едва ли я назвал бы это спонсорством, инспектор. Она не любила говорить о своей работе, так как не все еще было

закончено. — Энтони Бут снял очки и зажал переносицу между большим и указательным пальцами, вид у него стал до странности уязвимым. — Она работала над своим дипломом. На ее защите я бы его увидел.

— Вы водили ее в рестораны? — Варном разыграл представление, раскрывая свой мобильник. — «Оксо Тауэр»? «Опера»? «Луксор»? «Айви»? «Метрополис»? «Манга Манга Манга»? «Трип»?

— Я не особенно хорошо запоминаю названия, — ответил Бут. — Где вы взяли этот список? У Саймона и Анджелы?

— Мы нашли картонки из-под спичек на квартире Софи. Это очень фешенебельные заведения, если позволите заметить, сэр.

— Мне они по карману, инспектор. На случай, если вы не обратили внимания, у меня много денег.

— И Софи брала кого-нибудь с собой, когда вы ходили в рестораны?

— Нет.

— Значит, только вы и она.

— Порой одна из моих подружек.

— Так у вас больше, чем одна подружка, сэр?

— Как трудяга-технарь цепляет подружку? — Бут улыбнулся. — Он выводит свою компанию на Фондовую биржу. Я пользовался деньгами, которые нажил. Вряд ли это преступление.

— Вы водили Софи куда-то еще, сэр?

— Может, разок-другой на открытие выставок. Кинопремьеры и прочее. Простите, инспектор, я не веду записи о своих выходах в свет. Если вы дадите мне время, попытаюсь что-нибудь вспомнить.

Варном убрал мобильный.

— Мы пришлем кого-нибудь за списком имен и адресов ваших подружек.

— Это означает, что допрос окончен?

— Спасибо за сотрудничество, сэр, — кивнул Варном. — Да, и еще. Нам нужен образец вашей крови.

— Правда? Зачем?

— Мы проводим анализ ДНК с места преступления, сэр. Нам надо исключить любого, кто мог побывать там до того, как произошло убийство. Вы ведь жили там, прежде чем туда въехала Софи, и, хотя не можете вспомнить, не исключено, что навестили ее разок-другой.

— Да... Да, конечно.

— Кто-нибудь позвонит вам и объяснит порядок, сэр. Можете, если пожелаете, обеспечить присутствие адвоката, когда будут брать образец, но, уверяю вас, это совершенно заурядная процедура.

— Разумеется, я обойдусь без адвоката.

— Конечно, сэр.

— Тогда нет проблем, — заключил Бут. Он поставил мартини и хлопнул в ладоши. Мгновенно в дверях появился таец. — Боб проводит вас. Звоните. И, пожалуйста, имейте в виду: о награде я говорил серьезно.

Когда мы выходили, я проронил:

— Кстати, примечательная коллекция фильмов.

Бут резко встрепенулся.

— Я не делаю тайны из моих вкусов.

— Вижу, — согласился я и последовал за Варномом и двоцким Бобом по длинному коридору.

У пентхауса Энтони Бута имелся отдельный лифт. Размером примерно вдвое больше гроба, обитый ярко-красной кожей. Спускаясь, мы с Варномом стояли плечом к плечу. Его одеколон щекотал мне ноздри.

— Итак, — холодно произнес Варном, — к чему это замечание о фильмах?

— У него большая коллекция порнухи. Американская продукция, большая часть из 1970-х. Он ведь вам не понравился, верно?

Варном изучающе уставился на меня сквозь очки в стальной оправе. Помолчав, он сказал:

— Давайте обобщим то, что мы узнали: ее родителям не нравилась ситуация, а у него есть собрание порнухи, выставленное напоказ.

— Чем ворон похож на конторку?

Варном пропустил это мимо ушей. Я продолжил:

— Вы намерены сопоставить его ДНК с ДНК спермы, взятой судмедэкспертами с простыней Софи? Не обижайтесь, но вы попали пальцем в небо.

— Не больше, чем вы с Барри Дином.

— Тушё.

— Вы представили перед нами во всей своей красе: шмякнулись лицом в грязь. Я бы на вашем месте оставил подозрительные смерти специалистам и вернулся к сопровождению вешдоков.

Дверь лифта открылась в ярко освещенный вестибюль.

— Может, я и ошибся с Барри Дином, но и вы намудрили, потому что вас не оставили для встречи с Уайтхедом. Я вас не виню, однако это не причина подозревать родных Софи Бут.

— Бут вполне мог любоваться своей племянницей, находясь в Шотландии. Технически это возможно, не так ли? Сеть связывает весь мир. А дядя Энтони любит порнуху, как вы сами отметили. Если бы мы получили доступ к его компьютеру, то проверили бы, что он смотрел.

Я покачал головой.

— Не уверен. Учитывая, кто он такой, а также круг его знакомств и шаткость ваших умозаключений. — Я начал жалеть, что намекнул «напарнику» о небольшой коллекции Бута.

— Он мог видеть убийство, — настаивал Варном. — А это делает его важным свидетелем.

— Для того, кто видел это зрелище, он держится слишком спокойно...

Мы вышли из здания. Горячий ветер дул с реки, поднимая палую листву и взметая ее высоко над освещенными прожектором фигурно подстриженными хвойными деревьями. Камера видеонаблюдения висела над вращающейся дверью, другая была укреплена высоко на стене дома через дорогу. Я мысленно спросил себя, а уж не связана ли с ними система Энтони Бута.

— Сегодня он играл на своем поле, — задумчиво проговорил Варном. — Посмотрим, как он будет держаться в комнате для допросов.

— Не знаю, как вам, а мне необходимо выпить. И чего-нибудь покрепче. Хочу избавиться от привкуса мистера Энтони Бута.

Варном усмехнулся:

— Думаю, вы понимаете, что я вам компании не составлю.

— Надеялся, что вы примете мое предложение, — вздохнул я. — В конце концов, мы же классическая пара эксцентриков. Вы образец благопристойности, а я вольный бродяга, отверженный, и при этом вестник новой жизни. Мы могли бы сгенерировать энергию, которая расколола бы этот орешек.

— По моему мнению, людям вроде вас не место на службе, а уж к убойному отделу таких лучше и близко не подпускать, — с напором произнес Варном. — Вы в свое время насвиначили, и четыре человека из-за вас погибли, а один из них был моим добрым другом.

Я мог бы упомянуть о том, что комиссия по расследованию меня оправдала, или о куске металла у меня в ноге, на который реагируют системы безопасности в любом аэропорту, или о четырех зубах, которые, строго говоря, не мои, а выращены из имплантированных клеток, но я давно оставил подобные попытки. Ведь я был столь же виновен, как и погибшие. Возможно, они умерли из-за того, что сделали с девушкой, но это я не остановил их. Я бежал. Меня спасла моя трусость.

Я попытался сбить накал.

— Знаю, вы были другом Тоби Паттерсона. Меня не удивляет, что я не нравлюсь вам, но давайте попробуем относиться друг к друга с уважением.

Варном поглядел на меня:

— Я знаю правду о том, что произошло в Спиталфилдсе. Не официальную версию, а предсмертное заявление Эндрю Фуллера. Если вы останетесь в этом деле, я так вас обгажу, что вам даже место регулировщика не дадут. Ступайте и напейтесь. А я намерен заняться оформлением бумаг.

10

И я отправился пить.

Набережная была полна туристов и прогуливающихся парочек. Орава ребятишек пронеслась мимо на мотоскейтах, оставив за собой хвосты выхлопов. Волны бились о булыжный мол, воздвигнутый вдоль илистой прибрежной полосы. В незапамятные времена мы с Ником обследовали ее, разыскивая осколки фарфора и стекла, гляняные трубки, квадратные корабельные гвозди. Однажды мы нашли даже старинный пени, гладкий и почерневший. Теперь вода в реке всегда стояла, как в час прилива, и шли разговоры о сооружении нового защитного комплекса на Темзе. Скользкая пена водорослей налипла на камни, вытянувшись вдоль кромки воды. Воздух был наполнен запахом разложения с привкусом инсектицида. Баржи, поставленные на якорь на стремнине, качали воздух в водную бездну, словно медики, пытающиеся вернуть к жизни угасающего пациента. Пена клокотала вокруг них, сползая вниз по течению.

Несмотря на скверный запах и непрекращающийся стук насосов на баржах, столики на открытом воздухе возле прибрежных пивных были повсеместно заняты. Я перешел реку по мосту Блэкфраерс. В глубине пивной возле бара нашлось местечко. Там я и уселся под фризами черного с золотом

мрамора и гипсовыми черными изображениями монахов. Я заказал мясной пирог и пинту холодного как лед «Кроненбурга»; одним глотком выпил полпорции, рассеянно вгрызся в пирог и принял между делом листать свежий выпуск «Ивнинг стэндарт», которую кто-то оставил на столе. Репортаж об убийстве Софи размещался на странице пять: под фотографией убитых горем родителей четыре скупых абзаца, излагающих только факты. И ни слова ни о веб-камерах, ни о незаконных серверах, ни о доморощенной порнографии.

Я попытался сосредоточиться на сути, но враждебность Варнома вывела меня из равновесия, а детали (отсутствующие жесткие диски, основательность, с которой было спланировано и осуществлено шоу-убийство, факс, отправленный через кубинский ретранслятор, электронные письма и заявления Барри Дина о том, что его подставляют, легкая настороженность Энтона Бута, замаскированная показным добродушием) не желали складываться в общую картину.

Мне не хватало информации. Или, может быть, не хватало верной информации. Вот если бы кто-нибудь попробовал разработать шкалу качества, которую можно было бы применять к информации! Это бы существенно облегчило нам жизнь.

Я прикончил пирог, допил пиво и взял еще кружку. Стrela Варнома вошла глубоко, пусть даже предсмертное заявление Фуллера — лишь часть правды. Несмотря на комиссию по расследованию, посттравматическую работу психологов и дальнейшую их помощь, я все еще верил, что Тоби Паттерсон и остальные не погибли бы, если бы я вел себя иначе. И два террориста тоже остались бы живы. Я не мучился бы один бременем вины.

Каждому есть что порассказать об Инфвойне. О том, где они были, когда взорвались бризантные снаряды и микроволновые бомбы, и вспыхнули тысячи пожаров от перегревшихся компьютеров. О том, как они справились с полной утратой своих счетов в банках, с отсутствием обеспечения

кредитных карт, перебоями энергии, нормированием пищи, с молчанием телефонных линий или, наоборот, с хаотичными соединениями, недоступностью Интернета, с тем, что сплошь все телевизионные каналы передавали порнуху либо бредовые речи, сгенерированные компьютерами. Или только снег. Тогда все светофоры Лондона заклинило на красном, метро закрылось, на улицах шли демонстрации, то и дело вспыхивали бунты. А потом в город ввели войска.

Моя личная история стала достоянием публики. Из меня сделали героя, пережившего фантастический теракт. Такова была официальная версия — ничего похожего на то, что случилось в действительности или же на предсмертное заявление Эндрю Фуллера, которое, вне всяких сомнений, Варном слышал лично. Не такой он тип, чтобы пробавляться пустыми угрозами.

Я думал об этом, а еще о злорадном удовольствии, с каким Барри Дин сообщил нам о своем алиби. Я не сомневался, что оно окажется подлинным, но чем больше я об этом размышлял, тем сильнее уверялся, что это — свидетельство его вины, а не его невиновности. Он крепко замешан в убийстве Софи Бут, спору нет, несмотря на негодующее удивление, с которым он посмотрел на письмо.

Я осушил вторую пинту пива и, поскольку моя машина стояла на парковке возле Скотленд-Ярда, прошел весь путь до дома пешком по жарким темным улицам, в тревоге и смятении, едва заметно хромая. Мне требовалась пробежка, мне требовалось встряхнуться. Не хотелось думать о Спиталфилдсе, о жаре и алых отсветах горящих вдоль всей улицы зданий, о черном снеге, падающем сквозь задымленный воздух, о скользких битых стеклах на булыжной мостовой, где посреди клубка полицейских извивалась девушка. Рука, зажимающая рот, безумные ищащие глаза, другие руки занимающиеся ее одеждой. Прямая дорога в ад...

Когда я добрался домой, здание было погружено во тьму. Не горели и уличные фонари, не светилось ни огонька в ок-

нах домов на другом берегу канала. Через восемнадцать месяцев после Инфвойны вирусы, которые поразили систему контроля электросети, все еще вызывали то приливы, то прекращение подачи энергии. Чтобы подняться по лестнице, я воспользовался карманным фонариком. В квартире я зажег свечи и открыл скользящую стеклянную дверь, чтобы выпустить накопившееся за день тепло. Огоньки маленьких свечек, трепеща, заплясали на слабом ветерке. Точки света отразились в круглых стеклянных глазах Архимеда — чудовы, покачивавшей головой туда-сюда и наблюдавшей за мной, пока я расхаживал по квартире.

Джули прислала открытку с Писающим мальчиком, одетым в полицейскую форму. Мартини и две пинты легкого пива, а также немигающий взор Архимеда вызвали у меня желание ей позвонить.

— Ты за мной наблюдала? — спросил я.

— Не валяй дурака.

— Твой несносный робот на меня игриво смотрит.

— У него есть собственный разум. Может, он счел тебя интересным.

Я вспомнил, что говорил Энтони Бут о прототипе АРЭСН. О своем первом детище. Не очень умное, но еще учится.

Джули рассказала мне о своей работе и о ресторане, в котором проводила вечер:

— Он называется «Де ультиеме халлусинати», — сообщила она. — Это переводится примерно как «Полный отпад». И название не лжет, Диксон. Дивное заведение столетней давности в стиле арт-нуво, набитое золотыми статуями и витражами. Поистине потрясающее. Оно компенсировало занудство моих сотрапезников. Я пришлю тебе фото.

— Кто делал последнее, которое ты мне прислала? То, в кафе?

— Тим.

— Тим?

— Тим Лейленд. Мой сообщник по преступлению, по этой вылазке. Вы встречались. Ему сорок с чем-то лет, дурацкий конский хвостик, жуткие гавайские рубашки.

— Он составлял тебе компанию?

— Здесь нешуточная затея. Даже мне иногда нужна помощь, а Тим говорит по-французски лучше меня. — Пауза. Мертвый воздух затрещал у меня в ухе.

— У тебя что-то случилось, — сказала Джули. — И не пытайся отрицать.

— Кажется, я все глубже влезаю в это дело об убийстве.

— Той несчастной девушки?

— Ее самой.

Я выбрался на террасу, под мягкую и тонкую противомоскитную сетку. Архимед наблюдал за мной со своего поста через стеклянную дверь.

— Ты можешь об этом рассказать? — спросила Джули.

— Да нечего особенно рассказывать.

— Это касается компьютера? Давай, Диксон, рассказывай.

Она пыталась относиться к этому легко. Она знала официальную версию произошедшего в Спиталфилдсе. Но знала также, что я не могу собраться с духом и рассказать ей всю правду. То была одна из причин, по которой мы расстались. Это — и еще мое упрямство, поглощенность собой, приступы черной меланхолии, внезапные вспышки тоски и общая надломленность. Я ответил Джули, стараясь говорить небрежно:

— Если бы у твоего телефона имелась защита, как у полицейской сети, то почему бы и нет.

— Телефоны с шифрованием здесь не запрещены. Они законны везде, кроме Британии и Китая, да еще пары репрессивных режимов. Я могу сходить, в открытую купить такой прямо сейчас, и никто ни о чем не спросит. Подумай о качестве снимков, которые я тогда смогу тебе прислать, Диксон.

— Сколько ты выпила в ресторане?

— У меня опять язык развязался?

— Немного.

— Я выпила три бокала белого вина, а теперь потягишаю джин с тоником из мини-бара. Давай, Диксон, поделись со мной информацией. Поговорить всегда полезно.

— Так вот ты мне и расскажи, как ты там.

Женщины слишком чувствительны к оттенкам голоса. Даже по телефону. Даже в подпитии.

— Фу! — фыркнула Джули. — Иди к черту!

— Прости. У меня выдался скверный вечер.

— А ты не отыгryvайся на мне.

— Давай поговорим, Джули. О чём хочешь.

— Не будь ты так поглощен собой, понял бы, что меня задевает, когда я вижу, как ты страдаешь, а я не могу к тебе приблизиться.

— На самом деле ничего такого, о чём стоит рассказывать. Просто я сегодня весь день занимался этим делом.

— Я верю в тебя, Диксон. Ты это знаешь. Не верь я в тебя, прежде всего, я бы перестала тебе звонить. Ведь это же хорошо, правда, что ты делаешь какую-то настоящую полицейскую работу?

— Надеюсь, — ответил я.

Мы поболтали еще немного, но оба чувствовали, что зашли в тупик. Когда мы наконец простились, электричество все еще было отключено. Я сидел на балконе в теплой тьме, пил пиво и курил, зажигая новую сигарету от окурка предыдущей. С каждой затяжкой кончики сигарет потрескивали все ярче, и красные искры-двойняшки сияли в стеклянных глазах наблюдавшего за мной Архимеда.

11

— Все, что от тебя требуется, это сообщить мне, откуда у тебя взялись эти записи, — сказал я мальчику.

Половина десятого. Лондон, район Хайгейт, кабинет директора Беллингемского колледжа. Высокотехнологичная

учебная база, субсидируемая полудюжиной транснациональных корпораций. Несколько сотен учеников, а подключенных к сети компьютеров и разнообразного электронного оборудования больше, чем на старой Фондовой бирже. Три огромных здания. Дикая смесь реакционной дисциплины и новых технологий. Форма, общие физические упражнения по утрам, скандирование признаний в преданности делу и десятиметровая спутниковая антенна, нацеленная в небо со дна спортивной площадки.

Апокалиптический солнечный свет падал сквозь широкий эркер кабинета, заливая слепящим сиянием незапятнанную стальную поверхность директорского стола. Мы впятером сидели в креслах из кожи и стали, расставленных перед столом полукругом: директор, доктор Кристофер Лейн; адвокат мальчика, старший партнер фирмы, высокий, с посеребренной головой, болезненно худощавый, в светлой полосатой рубашке; констебль Шина Гилберт; я, принявший аспирин от головной боли. И, конечно, сам мальчик — тринадцатилетний Бен Перри. Он сидел выпрямившись — сизая школьная форма, светлые волосы, зачесанные изящной волной назад, бледное угрюмое лицо. Он решительно отказывался отвечать на любые вопросы. Констебль Гилберт помахивала диском, держа его большим и указательным пальцами. Яркие солнечные блики от серебряного футляра метались по комнате.

— Ты ведь не один продаешь их, Бен, — обратилась к мальчику Гилберт. — Мы знаем, что кто-то дал тебе партию, знаем, что ты вошел в дело, продавая их своим друзьям.

— Какую прибыль ты получал? — спросил я.

Адвокат откашлялся:

— Не думаю, что вопрос о прибыли уместен, инспектор.

— Он будет уместным, если придется дать делу ход. Но надеюсь, что сговорчивость вашего клиента позволит мне проще взглянуть на вещи.

— Уверен, что дело не потребуется выносить за ворота школы, — проворчал директор. Он был моложе меня, бес-

кровно-чопорный, в белой рубашке с коротким рукавом и коричневых слаксах; стриженный под ежик и в круглых швейцарских очках без оправы. Его отличали бдительные бледно-голубые глаза и тонкий патрицианский нос, ноздри которого раздувались, словно у журналиста, ощущившего запах скандала.

Констебль, полагаясь на сочувствие, спросила:

— Может, кто-нибудь из приятелей снабжает тебя этим, Бен? Нам понятно, что ты не хочешь проблем для своих друзей, но, отмалчиваясь, ты делаешь только хуже себе.

— Ответь на вопрос, Перри, — посоветовал директор.

— Сэр, да, сэр!.. Нет, мэм... Я не хочу никого втягивать в беду.

— Этот человек работает в школе? — поинтересовался я. — Кто-то старше тебя? Кто-то, кого ты боишься? Обещаю тебе: никто не узнает, что ты мне сказал. Можешь шепнуть мне на ухо или написать на клочке бумаги. Или кто-то из присутствующих здесь может на минутку выйти за дверь. Это останется между тобой и мной, Бен. Когда ты мне скажешь, ты почувствуешь себя много лучше. Ты избавишься от не- нужной тяжести, поверь мне. Но если не скажешь мне этого сейчас, можно поспорить, что мне скажет кто-нибудь другой, и скорее раньше, чем позже. Если ты хорошо соображаешь (а я думаю, что это так), то будешь первым. Если нет — ну тогда, Бен, придется тебя наказать. Ты понимаешь?

— Сэр, да, сэр!.. Простите, но мне больше нечего сказать, сэр!

И так продолжалось еще двадцать минут.

Адвокат задержался, чтобы перекинуться словечком с Гилберт и со мной, когда мы направлялись к своим машинам.

— Надеюсь, вы не принимаете это всерьез, — неловко проговорил он. — В самом деле, это же не более чем очередная мальчишеская глупость. В конце концов, мальчики в этом возрасте все любопытствуют по поводу секса...

Он всего лишь отрабатывал свои деньги, но его снисходительность задела чувства констебля Гилберт, явно упивавшейся своей праведностью.

— Записи были куплены у подпольных продавцов, связанных с серьезными преступлениями, сэр! — воскликнула она. — Это не просто банальный секс, что было бы само по себе дурно! Это даже не анальный секс, и не золотой или радужный дождь — если вы не знаете, сэр, я поясню: это когда женщина мочится на мужчину во время соития. Это женщины в туфлях на шпильках, которые топчут цыплят, хомяков и мышей. В одном пятиминутном клипе нагая женщина катается в ванне, полной сверчков. Есть весьма убедительно воспроизведенные эпизоды пыток и насилия. Желание смотреть такие вещи не совпадает с моим представлением о том, что можно назвать нормальным здоровым мальчишеским любопытством в отношении секса.

Адвокат помрачнел.

— Тем не менее Бен Перри несовершеннолетний, и я полагаю, было бы мудро не выносить грязное белье за ворота школы. Пусть с этим справляется директор Лейн.

Констебль Гилберт завелась еще круче:

— Это часть большого расследования, сэр! Мы не можем от этого отмахнуться. Мы должны защищать детей.

— Констебль Гилберт имеет в виду, что файл Бена Перри будет некоторое время оставаться открытым, но мы можем и не принять мер, если нам удастся найти главного поставщика, — добавил я.

— Мы постараемся, чтобы сведения об этом деле не стали достоянием общественности, но, боюсь, пока я больше ничего сделать не могу. Полагаю, вам лучше взять мои координаты, — ответил адвокат и протянул нам с констеблем Гилберт по визитке. Потом сел в гладкий серебристый «БМВ» 18-й серии и укатил.

Накануне мне не хватило времени забрать свой «мини» из Скотленд-Ярда, так что я поехал с констеблем Гилберт в

ее служебной машине. Там пахло так, словно на заднем сиденье перевозили тяжелобольного. Пахло радужным дождем.

— Хотела бы я услышать, что сказал бы этот сукин сын, если бы его заставили просмотреть диски, — заметила Гинберт. Ей было чуть за тридцать, крепкого сложения, черные волосы, деловой «конский хвост». Она возглавляла подразделение лиги благопристойности на своем участке.

— Мы хорошие стрелки, но не думаю, что огневая мощь служителей закона способна одолеть упрямство школьника, — ответил я. — Вдобавок Бен Перри едва ли опасный преступник. Он глупый ребенок, жаждущий произвести впечатление на товарищей, как водится в их возрасте.

— Он испорчен. Именно так действует порнография. Простите, сэр, но вы, похоже, слишком легко к этому относитесь.

— Я позабочусь, чтобы на эти записи взглянули как можно скорее, но самое большее, чего мы вправе ожидать, — это известие о том, что их уничтожили там же, где и прочие.

— Я знаю, что кое-кто в полиции по-прежнему не одобряет закон о защите детей, — сурово сказала Гинберт, — но он соответствует своему назначению. Он действительно защищает детей. Он представляет взгляды обычных достойных семейств...

Я мог бы ответить ей, что закон о защите детей навязан обществу морализаторами, захватившими монополию на суждение, что хорошо, а что плохо, рядящимся в плащ исконных британских семейных устоев и прибегающим к силе закона для насаждения своих взглядов, поскольку в открытом споре им не победить. Я мог бы добавить, что эти самозваные защитники добродетели не что иное, как синие чулки, ненавидящие все, что отлично от них самих. Они надменны, бесчувственны и нетерпимы. Им недостает воображения и теплоты. Они полные невежды по части многообразия человеческого опыта. Но я промолчал. Хоть режьте меня, жизнь слишком коротка, чтобы ввязываться в споры с теми, с кем спорить бесполезно.

полезно, ибо их убеждения основаны не на разуме, а на следствии вере.

Мы подъехали к станции метро «Кентиш-Таун».

— Пожалуйста, высадите меня здесь. У меня есть дело.

Констебль Гилберт предпочла оставить последнее слово за собой. Остановившись на перекрестке, она сказала:

— Если мы застрянем на мертвой точке, боюсь, что потребуется долгий и серьезный разговор с родителями. Мы им покажем, какой гнусностью приторговывает их милый мальчик. Десять минут такого просмотра, и самый бесхребетный левый либерал захочет отречься от своего дорогого и близкого чада.

Я проехался в метро от «Кентиш-Тауна» до «Энджел», Ислингтон, и вошел в здание Т12. Оставил материал у Энди Хиггинса и задал ему пару вопросов о технаре, занявшемся отслеживанием имен и адресов людей, писавших по электронной почте на аккаунт Софи Бут в «Интернет-Волшебнике». Потом зашел к себе в комнату, чтобы проверить почту. Казенные циркуляры и новые сообщения о компьютерных преступлениях. Новые файлы от Джули. И письмо с анонимного кубинского сервера с приложенной фотографией.

Расскажешь об этом кому-то еще, и больше ничего не получишь. Дай мне знать, если хочешь увидеть больше. Не пользуйся полицейским компьютером или любым провайдером Королевства.

Меня бросило в дрожь. Потом в жар. Так и тряслось, пока прогонял файл через антивирусную программу. Чисто. И я вскрыл его.

Труп женщины в кресле. Обнаженный, снятый в резком освещении настольной лампы, расположенной справа. Руки связаны за спиной, кожа бледная и чистая, полоска тьмы между белых ног. Голова откинута к плечу, похоже, будто женщи-

на смотрит в угол комнаты, не помня ничего о том, что с ней делали. Смертельное порно, в главной роли — Софи Бут.

Я распечатал письмо целиком, вместе с заголовком, и провел мозговой штурм, пока ехал на метро в Скотленд-Ярд. Убийство Софи Бут транслировалось по сети, и кто-то не только видел его, но и сохранил изображение. Кто-то, кто знает, что я участвую в расследовании. Кто-то, кто любит играть. Кто-то, кому нравится кокетничать. Вероятнее всего, отправитель Барри Дин, но есть вероятность, что это Энтони Бут. Или даже кто-то совсем другой, кто-то, причастный к убийству, возможно, тот самый, кто отправлял письмо от имени Барри Дина — мистер Икс. Одновременно вызов и соблазн... Может, я проглочу наживку?

Я прибыл к самому концу совещания группы Макардла. Детектив Кин объяснял, что веревка, которой связали Софи Бут, представляет собой обычную бечеву, какую продают в универмагах Уол-Март. Анализ ее химического состава, возможно, уточнит дату производства, а сам он тем временем проверяет отчеты о продажах всех шести магазинов графства.

Следующим был детектив Фергюсон, круглицый и лысющий. Он коротко отчитался о данных судмедэкспертизы. Тип ДНК семени на простынях определен, ФЛИНТС выдала отрицательный результат: семя принадлежит мужчина, который ранее никогда к суду не привлекался. На веревке же никаких следов ДНК не обнаружено, не считая ДНК самой Софи Бут. Перед использованием веревку обработали каким-то раствором, а убийца действовал в перчатках. Следы ДНК в образцах пыли, взятой с места преступления, не дают четкого результата. Помимо специального раствора, преступник обработал всю квартиру материалом, собранным с сидячих мест в метро или в автобусе. Предварительный анализ показал, что там присутствует ДНК нескольких сотен человек. Даже если удастся всех их определить, и среди них окажется известный преступник или подозреваемый,

будет сложно доказать, что он находился в комнате в момент убийства. Вывод: убийца знал что делает, и разыскивать его придется долго.

Совещание закончилось. Варном проплыл мимо меня, не удостоив ни словом, ни взглядом. Я как можно небрежнее подошел к доске отдела убийств и посмотрел на фотографии места преступления, не сосредоточиваясь особенно ни на одной. Затем посмотрел внимательней. Софи Бут, обнаженная и мертвая, в серебряном кресле, истекшая кровью и до чиста вымытая, как и на изображении, что мне прислали. Но здесь, на снимке, сделанном двенадцать часов спустя после убийства, она казалась одетой в черные гольфы: посмертная синева — ткани потемнели от избытка крови, скопившейся в ногах из-за того, что сердце перестало бороться с силой тяжести. Фото, присланное на мой компьютер, не иначе как сделали сразу после ее смерти, и это подтверждало мое подозрение, что отправитель — один из свидетелей убийства.

Барри Дин, щеголяющий своими познаниями.

Энтони Бут, лелеющий месть.

Мистер Икс.

Я вцепился в старшую по вещдокам, Дениз Лири, и взглянул на факс, переданный анонимом с Кубы. Да! И факс, и электронное письмо, полученное мной сегодня, передавали через одну и ту же машину с именем «aglet.cu». И что еще важнее (имя можно подставить любое, имена в сети мало что значат), прежним был IP-адрес: 158.152.221.123.

Сандра Сэндс установила, что Барри Дин говорил правду. Он отправился из Хитроу в Гавану двадцать восьмого мая, а вернулся шестого июня. Она вручила мне папку со словами:

— Будьте уверены, сэр, я звонила в иммиграционную службу Хитроу и спрашивала, сохранились ли у них еще снимки пассажиров с рейса «КЛМ».

Я пробежал взгляда кадры и обнаружил два четких изображения Барри Дина, улыбающегося прямо в камеру.

— Никак, птичка вылетела, — заметил я.

— Он славно вышел на фото, верно, сэр?

— Хорошая работа, констебль Сэндс. Не могли бы вы оказать мне маленькую услугу и выявить имена всех прочих пассажиров этих двух рейсов?

— Какая-то особая причина, сэр? — Сегодня Сандра Сэндс была в изящном черном брючном костюме и зеленой блузке. Ее светлые волосы, убранные назад, удерживал своего рода деревянный зажим. В итоге Сандра выглядела вызывающе молодой и пылкой.

— Мне пришло в голову, что Дин мог путешествовать не один. А что с Уайтхедом?

— Допросили и отпустили.

— И?

Сандра Сэндс пожала плечами:

— Не могу сказать, сэр.

— Где вы были сегодня утром? — спросил Тони Макардл, когда я постучал в приоткрытую дверь кабинета. В его резкости не было гнева, только усталость.

— Я работаю еще над одним делом, сэр. Диски с порнофильмами, продающиеся по школам. Ничего важного.

— В мое время был такой журнал «Здоровье и эффективность». Я даже не знал, что у женщин есть волосы на лобке, пока мне не стукнуло шестнадцать.

Я положил фотографии ему на стол.

— Барри Дин и впрямь вернулся из Гаваны шестого июня. Вот его фотография. Смотрит в камеру и лыбится, как при дурок.

— Видел я это, — вздохнул Макардл. — Скажите это Дениз Лири и забудьте пока о Барри Дине.

— Не все знают, что их фотографируют на иммиграционном контроле, сэр, но Барри Дин знал. Взгляните на него. Он постарался обеспечить себе алиби, прежде чем мы его вызвали. Он заранее хотел, чтоб мы знали, где он был в это время.

— То, что может оказаться в ноутбуке Уайтхеда, куда важнее. Утром я отправил железку в Т12 и хотел бы, чтобы вы сейчас пошли туда и занялись ею.

— Вы хотите сказать, сэр, что в чем-то подозреваете Уайтхеда? Я думал, его отпустили.

— Я не предъявил ему обвинения, — покачал головой Макарди, — но это не означает, что утратил к нему интерес.

— И как он объяснил, почему вдруг унесся в Брайтон?

— По его словам, у него была работа, и с браком у него какие-то сложности, поэтому он не говорит о своей жене. Мы продолжаем над этим работать. Варном отслеживает записи транспортных камер, чтобы проверить, не ездил ли Уайтхед ночью в Лондон, вместо того чтобы податься прямо в Брайтон, как утверждает. И он с охотой предоставил свой ноутбук, хотя адвокат был против. Вас поблизости не было, поэтому компьютер отправили в Т12.

— Что сказал Уайтхед о Софи Бут?

— Что она была славной девушкой. Держалась сама по себе, шумные компании не любила. Сказал, что жила онатише, чем миссис Панопулос.

— Та соседка с телевизором?

— Уайтхед сообщил, что ничего не знал о сайте Софи Бут, но я не думаю, что он говорит правду. Изучите его ноутбук, Джон. Я хочу, чтобы вы извлекли оттуда все, что может быть полезно, и как можно скорее. Разберитесь и немедленно возвращайтесь с тем, что найдете.

— Если Уайтхед что-то скрыл в своем компьютере, техникам придется повозиться, чтобы это отыскать. А пока мы ждем, если позволите, мне бы хотелось допросить пару человек.

Макардл откинулся на стуле и уставился на меня.

— Вы отрабатываете свой подход, Джон? Пытаетесь найти быстрый путь? Если да, подумайте как следует. Я не терплю своеволия.

— Могу ли я спросить, сэр, как в точности определена моя роль?

— Насколько я могу судить, компьютер представляет собой гибрид дорогой пишущей машинки и плохого телевизора. Вы здесь, инспектор, чтобы обеспечить экспертизу в области, где я полный ноль.

— И вы собираетесь контролировать все мои действия?

— О чём вы, Джон? Вытонули в маленьком унылом болоте, которое существует лишь потому, что о нем все забыли, и вдруг являетесь, как Рейган и Картер.

— Сэр?

— «Суинни». Не говорите мне, что это было до вас. Поразительная программа. Если бы вся полиция была такой, работать было бы легче.

— Вы рассказали мне, сэр, как умерла Софи Бут, когда я впервые сюда явился.

— Это так.

— Это завладело моим вниманием, сэр, самым неприятным образом. Я захотел поймать типа, который с ней это сделал, так же отчаянно, как и вы. Буду счастлив, если вы меня поддержите. После того, конечно, как я переговорю с главным техником Т12 и объясню, что компьютер Уайтхеда нужен срочно.

Макардл вздохнул:

— Вы хотите допросить кого-то?

— Да, сэр, хочу поговорить о компьютерах.

Я изложил ему все, что вчера вечером сообщил Энтони Бут и что я узнал сегодня от Энди Хиггинса. Макардл обдумал новые сведения, затем сказал:

— Она могла это продать.

— Могла. Но почти наверняка кому-то, кого знает. Или даже родителям. Я надеюсь это проследить. Жесткие диски из ее квартиры унесли, равно как и любые диски или ZIP-накопители, которые могли там быть. Кто-то не хотел, чтобы мы добрались до информации, которую они содержали.

Возможно, что-то сохранилось в старом компьютере Софи. Может, эта информация окажется для нас полезной.

— Я не хочу, чтобы вы действовали в одиночку. Как на счет детектива Сэндс?

— Неплохая мысль.

— Надеюсь, здесь не найдет коса на камень, как с Дэйвом Варном. Кроме того, Сандра — специалист по связям с семьями, ее нужно обязательно подключить к этому делу. Надеюсь, это себя оправдает.

— Я тоже, сэр.

12

Саймон и Анджела Бут обитали в трехкомнатном домике с окнами-фонарями в окружении надменных небоскребов центрального Крайдона. Никто не отвечал на звонки, поэтому мы с Сандрай Сэндс прошли в ворота и обнаружили Саймона Бута стоящим на коленях посреди наполовину подстриженного газона. Он возился с перевернутой косилкой. Несмотря на то что Сандра предупредила о предстоящем визите, казалось, наше появление застигло врасплох хозяина, и тот далеко не сразу поднялся на ноги. Выглядел он старше, чем под ярким светом телевизионных юпитеров. Неловкий, неуверенный в себе и ошеломленный человек, словно боксер наутро после последнего в его карьере нокаута.

— Наверное, вы не откажетесь выпить чаю, — предложил он. — Большинство полицейских не отказывается.

— Да, если это вас не затруднит, сэр, — ответила Сандра. А я заметил:

— Славный у вас участок, мистер Бут.

Сад был длинным и узким. Аккуратный газон, обрамленный посадками цветов, овощей и земляники на возвышающихся грядках, да полдюжины узловатых яблонь среди дич-

кой травы. Нехитрые качели (пара веревок и деревяшка) свисали с крепкого сугубой большой яблони.

— Предстоит еще один жаркий день, — вздохнул Саймон Бут. Он был одет в мешковатые белые шорты и выцветшую футболку с символикой Лондонского марафона 2002. — Я думал, что успею закончить Анджела на работе. — Мы прошли через кухню в гостиную. — Ей так легче. Садитесь. Я займусь чаем.

— Если не трудно, — кивнула Сандра.

— Не трудно, — эхом откликнулся хозяин и вернулся на кухню.

— По-моему, он на транквилизаторах, сэр, — сообщила мне Сэндс.

— Я его не осуждаю.

— Я к тому, что от него может оказаться немногого толку.

— Мы здесь больше для того, чтобы посмотреть, а не ради расспросов. Не беспокойтесь, я буду осторожен. Даже не стану упоминать о конопле, которую он выращивает среди подсолнухов.

— Об этом мы знали и раньше, сэр. Не думаю, что именно сейчас стоит затрагивать эту тему.

Ни один из нас не чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы сесть. В комнате царил беспорядок. Диван и два пухлых кресла, журнальный столик, заваленный книгами и газетами, еще книги в дешевых полках под эркером, комнатные растения в вазонах, оплетенных нитями макраме. Я перебрал старые пыльные пластинки, прислоненные к древнему стереопроигрывателю. «Пинк Флойд», «Джетро Талл», «Гонг», «Дженезис», «ЭЛО», Джонни Митчелл, Нил Даймонд. Не считая двух пластинок Дайр Стрейтс, ничего позднее середины семидесятых прошлого века. Несколько пластинок классики, кассеты с кубинской и африканской музыкой. Одну стену целиком покрывали фотографии в тонких рамках. Семейный отпуск. Софи Бут на всех этапах детства, на пляже в купальнике, в лесу в походной одежде.

Полтора десятка фотографий смуглолицых ребятишек. Более ранние снимки Саймона и Анджелы Бут в сандинистских футболках и в соломенных шляпах посреди поля сахарного тростника, на банановой плантации, за длинным столом, среди множества улыбчивых латиноамериканцев.

— Там мы и встретились, — сообщил Саймон Бут, входя в комнату с подносом. — Эль-Сальвадор, 1986. Мы прибыли туда собирать урожай кофе, чтобы выразить солидарность их революции. Софи родилась два года спустя. Надеюсь, вы не против кружек.

Я размешал две ложки сахара в чае, сдобренном молоком. Щербатая кружка была выпущена в память о забастовке горняков.

— Давненько я таких не видел, — признался я.

Саймон Бут слабо улыбнулся. Он выглядел очень усталым, много старше своих пятидесяти пяти. Его седые волосы были растрепаны, а на щеке осталось маслянистое пятно. Травяная пыль налипла на футболку.

— Полагаю, мы могли встречаться по разные стороны баррикад, инспектор, — заметил он.

— Сомневаюсь, сэр. Тогда я еще был маленьким.

Не совсем маленьким. Будучи молодым полицейским, я слушал рассказы опытных коллег о том, как они крушили внутреннего врага. Они тогда пошли в полицию, чтобы действовать, и видели множество горняцких забастовок в 1984 году, охраняли электростанции, сопровождали грузовики с углем, разъезжали по стране в фургонах, разгоняя пикеты забастовщиков. Они помахивали скомканными банкнотами перед бастующими шахтерами — рабочими, лишенными любых средств к существованию, кроме благотворительных, ибо фонды профсоюзов были конфискованы, и горнякам предстояло всю жизнь получать пособие по безработице. Тогда в стране насчитывалось три миллиона безработных.

— Восьмидесятые — наш звездный час, — признался Саймон Бут. — У нас были настоящие враги. Настоящее дело.

Беда в том, что, победив, наша сторона стала тем, против чего боролась. И все-таки мы с Анджелой пытаемся делать что можем. Я видел, что вы разглядывали нашу большую семью. Нам просто удалось дать им всем университетское образование. — Он стал указывать на одну фотографию за другой. — Альфонсо и Клара — врачи, Марта, Хосе, Мария и Алео — учителя. Хесус страдал врожденным пороком сердца. Сейчас занимается биологическими исследованиями в Военно-медицинской школе Гарварда.

— Мы пришли, чтобы побеседовать с вами о компьютерах Софи, мистер Бут, — сказал я. — Постараемся не отнимать у вас много времени.

— Да, конечно. Приступайте. Я готов.

— У нее было два компьютера, сэр. Один, насколько нам известно, ей купил ее дядя.

— Мы редко с ним видимся. Мы очень разные, я и мой младший брат. Он во многом дитя восьмидесятых, поклонник Тэтчер. Самолюбивый и лихой, напористый, лишенный сострадания.

— Я с ним знаком, сэр.

— У Анджелы не было для него времени, и она всегда это подчеркивала. Она весьма честная женщина, моя жена.

Я продолжил:

— У Софи было два компьютера, сэр. Один совсем новый, купленный дядей. Другой примерно трехлетней давности.

— Идеальный товар, правда? Устаревают до того, как их распакуешь, и все-таки новые модели мало чем отличаются от старых. Энтони подарил Софи новый компьютер всего месяц назад, на день рождения. Хотя ее старый ноутбук, который он подарил ей годом раньше, был еще в полном порядке. — Саймон Бут, потягивая чай, несколько мгновений безмолвно взирал в прошлое. — Из-за этого мы немного спорили, как обычно. Анджела хотела отослать компьютер обратно, Софи отказалась. Энтони очень привязался к Софи, но Анджеле он никогда не нравился. Были ссоры, и такие

скверные, что он перестал к нам приходить. Мы очень разные, я и мой младший брат. Он хорошо себя обеспечил, но не думаю, что он по-настоящему счастлив. Он посвятил всю свою жизнь работе. В нем не было глубины. Анджелу беспокоило, что Софи от него всякого наберется.

— Компьютер, купленный вашим братом, скорее всего G10.

Саймон Бут махнул рукой.

— Я ничего не смыслю в этих марках и моделях.

— А другой компьютер Софи, тот, что у нее был раньше — его вы купили?

Бут испустил долгий вздох.

— Боюсь, мой бюджет такого не позволит, инспектор. Нет. Она сама заработала деньги, чтобы его купить. Провела лето после первого курса, рисуя туристов в Ковент-Гарден, ездила с друзьями во Францию и там заработала еще, собирая фрукты. На это она купила компьютер.

— Это было три года назад?

Новый вздох.

— Наверное, так. Да.

— А ваш брат купил ей сначала ноутбук, а затем G10. Вы знаете, что случилось с ноутбуком?

— Если вы хотите спросить, не у меня ли он, нет. Точно нет. Я не люблю компьютеры. Они у нас, конечно, есть в школе. Хочешь не хочешь, но в наше время детей нужно учить компьютерной грамоте, потому что большинство этих ребят скоро за скромное жалованье попадут в кабалу к какой-нибудь транснациональной корпорации. А лично мне от компьютеров пользы никакой.

— Вы не знаете, что с ним сделала Софи?

— Вероятно, выбросила. Старые компьютеры не особо ценятся, верно ведь? Он что, действительно вам поможет? То есть я имею в виду найти того, кто это сделал?

— Мы проверяем каждую версию, мистер Бут, — вступил в разговор Сандра. — Вы позволите нам пройти в комнату

Софи? Она могла оставить какие-то диски или что-то еще. И это может оказаться для нас полезным.

— Уверен, она ничего не оставляла, — покачал головой Саймон Бут. — Она забрала с собой все, что имеет отношение к компьютерам, когда переехала в Лондон.

— Если это вас не слишком затруднит, мы хотели бы удостовериться. Это займет всего минуту.

Саймон Бут пожал плечами. Его молчание было до жути красноречивым. Сандра Сэндс подалась вперед, пытаясь поймать его взгляд.

— Вы бы не хотели подняться с нами наверх, Саймон? — спросила она.

Бут тяжело поднялся со стула.

— Убежден, вы знаете, что делаете, — ответил он. — Я буду в саду, если понадоблюсь. Надо все-таки починить эту дурацкую косилку. Траву необходимо стричь.

Комната Софи оказалась длинной, узкой и необычайно душной. Там были узкая кровать со сложенным серым пуховым одеялом, дешевый белый платяной шкаф, два книжных шкафа, видающий виды сосновый письменный стол. К розово-желтым полосатым обоям приклеены скотчем изображения поп-групп и афиши крупных художественных выставок в галерее Тэйт-Модерн и в Королевской Академии. Стены над столом покрывало обилие карандашных рисунков в рамках: цветы, пейзажи, яблони в глубине сада.

Сандра сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

— Вы не здоровы?

— Она была просто обычновенной девушкой.

— Здесь душно. Давайте-ка откроем окно и за дело.

— Комнату уже обыскивали, сэр.

— Мы ищем компакт-диски и диски для ZIP-накопителя. Вы берете на себя кровать и платяной шкаф. Проверяйте все подряд. Я займусь остальным.

Книжные шкафы хранили в себе старые детские книжки, исчирканные красным и синим карандашами, поп-ежегодни-

ки, какие-то ужастики. Тут стояли Толкин, Терри Пратчетт, Дж. К. Роулинг, ряд пухлых фэнтези, сочиненных американскими авторами. Судя по выведенным карандашом ценам на титульных страницах, все приобреталось в магазинах подержанных книг. Выбеленные морские раковины, школьные тетради. Любительские записи групп, афиши которых взирали со стен. Ящики стола пустовали. Я переворачивал их на случай, если что прилеплено снизу. Люди оставляют дубликаты баз данных в самых неожиданных местах. Но Софи не оставила здесь ничего из своей новой жизни.

— Что-нибудь нашли? — спросил я, когда мы завершили поиски.

— Обычная девичья спальня, полно вещей из детства, которые бросили без оглядки.

— Она много рисовала.

— Она же изучала искусство, сэр.

— И была достаточно хорошим художником, чтобы зарабатывать деньги, рисуя портреты туристов в Ковент-Гарден. Но здесь нет портретов ее родителей.

— Возможно, где-то в другом месте...

— Возможно. Книги все подержанные, и никаких дисков или дискет, одни аудиокассеты.

— Возможно, все диски она забрала с собой.

— А диски с музыкой, на которой выросла? Спорю на двадцать фунтов, в ее квартире нет ничего подобного. И еще на двадцать, что уйма одежды из той, что осталась, — домашнего шитья.

— Почему, сэр?

— Ее родители живут бедно. Оба работают, но все в доме самодельное или чиненое-перечиненое. Газонокосилка еле дышит. Машины нет: пятен бензина в воротах не заметно.

— Они преподаватели, сэр. И поддерживают детей из третьего мира.

— Могу себе представить, как тяжело было Софи расти без вещей, какие были у всех ее друзей. Видеть, как родите-

ли все глубже уходят в свое прошлое, знать, что они заботятся о чужих не меньше, чем о ней.

— Но ведь у нее был богатый дядюшка.

— Да, был. И что с того?

Я поставил на место ящики, помог Сандре поправить постель. Когда мы спускались по лестнице, косилка наконец заработала.

13

Задолго до часу дня воздух в тесном ущелье Черинг-Кросс-роуд сгустился и стал липким от жары. Троє мужчин в синих комбинезонах стояли вокруг зеленого распределительного щита, на крыше которого пристроились две бумажные кофейные чашки и бейсболка. Рабочие наблюдали за четвертым, исследовавшим тестером пучки проводов внутри щита. Пара японских туристов — тощий парень и девушка, с одинаковыми залихватскими челками, в аккуратных синих джинсах и белых нейлоновых куртках с изображениями электрогитар изучали карту на экране мобильника, пытаясь соотнести глобальные масштабы с реальностью. Из ворот главного корпуса колледжа искусств и дизайна небольшими группами выходили студенты.

Получив указания у дежурного, я поднялся на верхний этаж, где, как сообщила большая надраенная латунная табличка, размещалась лаборатория цифровых искусств «Волшебная кукла», открытая 18 марта 2007 года мистером К.Р. Чоем, президентом корейской корпорации «Волшебная кукла».

Наставница Софи Бут Лора Силлс занимала кабинет напротив большой студии, где две сосредоточенные молодые женщины снимали на видеокамеры ползавших туда-сюда многочисленных черепаховидных роботов длиной в фут, оснащенных механизмами и проводами, хорошо различимы-

ми сквозь прозрачную оболочку. Понаблюдав с минуту, я постучал в матовое стекло двери кабинета.

Лора Силлс оказалась стройной женщиной под сорок. Волосы ее были коротко острижены и выкрашены в флуоресцентный оранжевый цвет. Она носила свободные черные джинсы с петлями, пряжками и карманами и линялую зеленую футболку с оторванными рукавами. На левом плече была вытатуирована роза. Владелица кабинета ссгустилась над столом с бумагами. У ее локтя на экране «Макинтоша» — самом большом и плоском, какой мне приходилось видеть — в качестве заставки пикировали серебряные летающие блюдца среди невероятно красных скал под звездным небом. Несмотря на раскрытое настежь окно, в комнате было жарко и душно от табачного дыма. Мятая сигарета тлела в пепельнице. Другую Лора Силлс держала в левой руке, делая правой пометки на аккуратно распечатанных листах — видимо, в сочинении одного из своих студентов.

Я представился. Она не глядя махнула, чтоб я сел. Я присел на один из двух явно непарных стульев между столом и книжным шкафом, вытянувшимся от пола до потолка, набитым толстыми папками и громоздкими книжками. На расшатанной тумбе близ дверей медленно умирал кактус; хрупкие елочные шары в форме мобильных телефонов свисали с примитивной арматуры лампы дневного света. Коллаж из рисунков, фотографий, открыток и афиш покрывал каждый клочок свободного пространства на стенах.

Наконец Лора Силлс отложила ручку и взглянула на меня. Губная помада алым шрамом выделялась на маленьком эльфийском личике.

— Конец семестра, а я не успеваю в срок с итоговыми оценками, — объяснила она. — Как я понимаю, у вас вопросы относительно Софи Бут? Я-то думала, ваши парни узнали у меня все, что хотели.

— Я только что вступил в эту команду, — пояснил я и спросил, можно ли курить.

— Конечно. Это отгоняет студентов, пока я работаю, большинство бедняжек упали бы в обморок, глотнув табачного дыма. Хотя качество воздуха на улице хуже, чем здесь.

Я отказался от предложенной ею полупустой пачки «Голуаз» без фильтра и достал свой «Тропик».

— Уф, — удивилась она, когда я поднес ей зажигалку, — могли бы не беспокоиться. Знаете, вы совсем не такой, как другие полицейские, которые ко мне приходили. Вы...

— Более компактный?

— Я собиралась сказать «старомодный». Ваши запонки, платок в кармане пиджака, то, как вы держите сигарету. Вы больше смахиваете на частного сыщика из телесериалов, чем на полицейского.

— Могу показать служебное удостоверение.

— Убеждена, что вы настоящий коп. Не желаете кофе или чаю?

— Нет, спасибо.

— Мудрый шаг. Я сыплю растворимый кофе в воду из горячего крана, а что до чая, я пока не освоила английский способ его заварки.

— Вы американка?

— Канадка. Если точнее, уроженка Квебека. Не смущайтесь, это обычная ошибка. Итак, чем я могу вам помочь?

— Я изучаю дело с компьютерной стороны. Особенно интересует меня веб-сайт Софи. Вы о нем что-нибудь знаете?

— Это была часть ее работы. Все студенты должны написать теоретические тезисы и представить образцы своей работы для нашего итогового экзамена. Софи с самого начала увлекалась компьютерным дизайном. Я поощряла ее в этом направлении.

— То есть вы знали о содержании ее сайта.

Лора Силлс покачала головой и выпустила облако дыма.

— У нас такой порядок. Студент сам должен выбрать направление. Мое дело — поощрять и советовать, а не стоять над душой. Софи, разумеется, показывала мне завершенные фраг-

менты. В последнее время она работала над видео с участием своих друзей. Использовала куски какой-то старомодной программы, применяя к ним эффекты видеоискажения и преобразования, накладывала новый звук. Лучшие ролики были прямо-таки поразительными. Она говорила, что собирает электронные письма людей, которые видели ее работу по сети, и собирается вставить эти письма в свои произведения.

— Значит, вы не знали, что она транслирует по сети секс-шоу?

Лора Силлс улыбнулась:

— Нет! Нет, я не знала. Хотя слышала, что она выставляет фотографии собственной повседневной жизни на своем сайте. Как раз этим она особенно увлекалась, и один из ее тезисов весьма недурно иллюстрировал побуждения, стоящие за подобными попытками. Хотя я не слышала, чтобы она создавала... Как вы это назвали?

— Секс-шоу.

— Да. Ну, у нее, конечно, было смутное стремление к экспибиционизму. Страстная девушка с почти невротическим ощущением собственной значимости. И какого рода секс-шоу она устраивала? Если только вас не смущает необходимость об этом говорить.

— Наверное, вы сочли бы, что оно скопировано с порно-журналов.

Лора Силлс рассмеялась. Когда она потянулась к пластмассовой чашке, чтобы стряхнуть туда пепел, я увидел пучок черных волос у нее под мышкой. Я был уверен, что она не носит бюстгальтер. Лора снова улыбнулась, поймав мой взгляд, и сказала:

— Ее родители исступленно либеральны, и Софи из чувства протеста стремилась зайти как можно дальше, нарушая принципы приличия. На первом курсе она спала со всеми, с кем только удавалось. Думаю, у нее накопилось немало эмоциональных проблем, и она пыталась их разрешить. Как и многие юнцы, она жаждала выплеснуть всю свою жизнь в

искусство. Она не могла их разделить. По правде говоря, я не считала ее большим художником. Она не пыталась найти в себе что-нибудь по-настоящему оригинальное. Вдобавок она была слишком замкнута, чтобы обладать прирожденной широтой истинного художника. Вероятно, она закончила бы как бледное подобие Трейси Эмин или Сары Лукас. Вы ведь человек грамотный и понимаете меня? О мертвых или хорошо, или ничего. Но я полагаю, вы предпочли бы правду.

— Ценю вашу откровенность.

— Я очень откровенная женщина. Это моя сильная сторона, именно ею я увлекаю студентов.

— Мне нужен список ее молодых людей.

— Не думаю, чтобы у нее такие были, но позвольте мне кое-что вам показать.

Она порылась в ящике стола, извлекла оттуда диск и вставила его в компьютер, тут же стремительно пробежалась по клавиатуре пальцами, запятнанными никотином. Внезапно пейзаж исчез, начался фильм.

— Это работа, представленная Софи к концу первого курса, — объяснила Лора Силлс, откинувшись на стуле и наблюдая за мной, в то время как я следил за экраном. Лица мужчин. Портреты, снятые анфас, словно для документов, медленно трансформируются друг в друга на небесно-голубом фоне. Большинство лиц молоды, типичные студенты. Вызывающий взгляд, робость в глазах, отрешенная улыбка. Лора Силлс прокомментировала: — Это те, с которыми она спала на первом курсе колледжа. Она фотографировала каждого сразу после секса. Ничего особенного, но не без достоинств.

— Догадываюсь, что кто-то убрал имена.

— Я давала им копии. Как многие хорошеные девушки, Софи была уверена в себе. Смена партнеров была попыткой самоутверждения. Но она прошла эту фазу и рассталась с ней без каких-либо привязанностей. Меня всегда поражала ее рыбья холодность вкупе с отчаянным желанием всем понравиться.

— Вы, кажется, не слишком-то ее любили.

— Знаете, раз уж мы дошли до такой откровенности, могу ли я спросить вас, не хотите ли выпить? Время ленча. Доступ к сети и телефонная связь блокированы каким-то гремлином, уцелевшим со дней Инфвойны, а я проторчала в этом кабинете все утро.

Лора Силлс объявила двум пастушкам роботов, что вернется в течение часа, и если они намерены прерваться на ленч, пусть наведут порядок и запрут студию, а потом мы вышли на улицу и направились к бару в подвалчике на Флит-стрит. Оранжевые кожаные диваны и высокие изящные стальные столики расположились на черном полу с голубыми и зелеными прозрачными вставками. Мы устроились на табуретах у стального прилавка. Бармен вручил бокал белого вина Лоре и бутылку легкого пива мне. На ближайшем диване отдохнули две девушки: коротко стриженные светлые волосы, вязаные топы и облегающие шорты. Отрешенно вытянув длинные ноги, они обсуждали кого-то по фамилии Пирс, очевидно, несколько занудного типа.

— Ваше здоровье! — провозгласила моя спутница, как только мы получили напитки. Губная помада оставила яркий отпечаток на ее бокале. — Итак, мы говорили о сексе.

— Я нашел кое-какие картинки. Их выставил на своем сайте один из поклонников Софи. Она устраивала стриптиз, а затем мастурбировала.

— Уф! — Левая нога Лоры Силлс, обутая в яркую пластиковую сандалию, бесцельно покачивалась взад-вперед. Ее педикюр был тоже ярко-красный, на большом пальце ноги — серебряное кольцо. — Порнография в чистом виде?

— Ничего не оставлено воображению. Кажется, вы не потрясены?

— Студенты, естественно, тяготеют к вызывающему в искусстве. Это фаза, через которую они проходят. Легче бунтовать против общепринятых норм, чем преобразовывать их или обогащать мир собственными передовыми мыслями.

Несколько лет назад — я тогда преподавала в Торонто — один из моих учеников сделал фильм якобы по сексуальному проповеданию. Как он сам мастурбирует в кровати, драпированной красным бархатом и красиво освещенной свечами. — Она улыбнулась мне и добавила: — У него это очень хорошо получилось.

— Мы доверяем друг другу?

— Если вы о том, буду ли я выступать с этим перед прессой, то нет. У меня в доме они уже побывали. И на работе тоже. Я велела им всем убираться.

— Понимаю ваши чувства.

— Это часть моих обязанностей. Они пихали мне в почтовый ящик разные бумаги. Там был конверт с двумя банкнотами по пятьдесят фунтов. Я вышла и подожгла их. Меня сфотографировали, к моему большому смущению. Подозреваю, это все из-за прославленного дяди Софи.

— Если просочится информация о порнографии, газетчики налетят, как стая ворон. — Я почувствовал, что можно выложить все начистоту этой решительной и честной женщине. — Думаю, что убийца Софи увидел ее по сети и разузнал, где она живет. Ее убийство также транслировалось по Интернету. В живом эфире.

Лора пригубила вино. Ее улыбка исчезла.

— У меня уже был долгий разговор с двумя вашими сотрудниками о Софи, но это что-то новое.

— У нас появились новые нити. Она когда-нибудь жаловалась вам, что кто-то посыпает ей гнусные или просто неприятные электронные письма? Или что кто-то ходит за ней по лягушкам?

Лора покачала головой:

— Нет. Точно нет. Вы сможете установить, кто это сделал?

— Надеюсь.

— Она не заслужила смерти. Я всегда советую своим студентам не ездить в метро после восьми вечера. Если им надо выехать в город, то советую не возвращаться домой поодин-

ночке. Но я не предлагаю им сидеть взаперти безвылазно, не отворяя ни дверь, ни окно. Мы не можем жить в страхе из-за горстки психов, правда? Я всегда ношу с собой баллончик со слезоточивым газом и рекомендую ученикам следовать моему примеру. И парням, и девушкам.

— Разумно, хотя и незаконно.

— Я купила его в Париже, там это не запрещено. Изящный маленький блестящий алюминиевый цилиндр. Вещь что надо. Пришлось бы, так пустила бы в ход, не задумываясь.

— Сомневаюсь, чтобы добрый старый фараон что-то имел против.

— Это вы о себе: «добрый старый фараон»?

— Я хочу добраться до убийцы Софи.

— Рада это слышать. — Лора Силлс допила вино и взглянула на часы. — Мне пора возвращаться. Нужно убедиться, что все оборудование убрано. Недавно у нас было несколько краж.

Мы расстались у ворот. Лора Силлс взяла мою визитную карточку и обещала, что позвонит, если что-то придет ей на ум.

— Никогда не думала, что скажу такое полицейскому, но я действительно хочу помочь, — призналась она.

Я наблюдал, как она удаляется, огибая прохожих на людном тротуаре, затем повернулся и направился в другую сторону.

Я посетил один из магазинов электроники на Тоттенем-Корт-роуд и поехал обратно в Скотленд-Ярд. Сандра Сэндс оказалась в буфете. Мы нашли тихий уголок. Я предложил ей сигарету, но она сообщила, что не курит.

— Тем лучше для вас. Вредная привычка.

— Все равно здесь курить запрещено, сэр.

— Тьфу! — вырвалось у меня, но я оставил незажженную сигарету в зубах.

— Я проверила рейсы, как вы просили. Один пассажир летал на Кубу и обратно тем же самолетом, что и Барри Дин. Его зовут Дэмиен Наццаро.

— Макардлу уже сообщили?

— Он как раз сейчас допрашивает господина Наццаро, сэр.

— А за этим господином Наццаро что-нибудь числится?

— Ничего. Прибыл к нам с Мальты года два назад. Менеджер театрального клуба на Брюэр-стрит. Клуб принадлежит семье Вителли.

— На которую также работал и Барри Дин. Ну, возможно, тут просто деловое знакомство.

— Вы же так не думаете, сэр?

— Мне надо поговорить с друзьями Софи, и желательно, чтобы кто-нибудь был со мной.

— Полагаю, вы намекаете на мое присутствие, сэр?

— Мне все равно, кто будет находиться при разговоре, но ваше сочувствующее лицо и умные речи — это смертельная комбинация.

Сандра Сэндс наградила меня выразительным взглядом. Мне пришло в голову, что она ненамного старше Софи Бут.

— Вам никто не требовался, когда вы ездили беседовать с доктором Силлс, сэр, — заметила Сандра.

— Она не подозреваемая и не важный свидетель, констебль Сэндс. Но, как выяснилось из допроса, эти юнцы помогали Софи Бут с ее видеопроектом. Я хочу знать, чем она занималась, и это важно для дела.

— Насколько важно именно мое присутствие, сэр?

— Я не могу вам ничего приказать, но могу попросить Тони Макардла о вашей помощи. Честно говоря, я предполагал бы, чтобы вы сами захотели поехать со мной.

— Если только я вам действительно нужна, сэр. И если вы не будете курить в машине.

Тим Ковени снимал комнату в таунхаусе, расположенном в грандиозном, но приходящем в упадок районе Чок-фарм. Он не ответил на дверной звонок, а когда я набрал номер мобильника, на втором гудке включился автоответчик.

— Вы не собираетесь оставить сообщение, сэр? — спросила Сандра Сэндс.

Я в последний раз затянулся сигаретой и загасил ее.

— Нет, в таких делах важна неожиданность.

С Люси Мэтьюз, обитавшей в комнате общежития Ральф Уэст на другой стороне реки, в Баттерси, нам повезло больше. Мы с Сандрой Сэндс уселись на узкую кровать, точно родители, приехавшие навестить студентку, а Люси Мэтьюз устроилась на мате, прижав к груди подушку. На шатком пластиковом столе были расставлены церковные свечи. Свечи также торчали из дешевых подсвечников кованого железа. Карнизы обивали неровные полосы и лоскуты пурпурного бархата. Стая резиновых летучих мышей свисала с потолка. Шкаф ломился от романов в бумажных обложках: Стивен Кинг, Энн Райс, Поппи З. Брайт, Ким Ньюмен. Пластмассовые ножи и вилки, расплавленные и превращенные в скульптуру. Пробковая доска, усеянная квадратными полароидными снимками. Лица, превращенные в волчьи морды посредством каких-то манипуляций с фотогелем. Два потрепанных постера в готическом стиле: «Дракула 1972» и «После Тьмы». Обильный подбор китайских фонариков, соединенных с датчиками движения, так что свет слабеет, а затем становится ярче, если рядом привести рукой.

Люси Мэтьюз, пухленькая девушка, куталась в свободное, длиной по щиколотку, черное платье, из-под которого выглядывали новенькие «мартенсы» с высоким голенищем. Длинные волосы выкрашены в густо-черный цвет. Черной краской подведены глаза, фиолетовая губная помада. Юный и наивный вампир, дитя, опьяненное романтикой смерти. Я не без жестокости подумал, что эта романтика навсегда выветрилась бы из нее, если бы она увидела снимки Софи Бут в серебряном кресле, обмякшей над лужей крови.

Люси Мэтьюз немедленно признала, что несколько раз помогала Софи Бут с ее видеоработами.

— А что примерно вы делали перед камерой? — поинтересовался я.

— По правде сказать, какую-то чушь. Я по-настоящему не занималась перформансом. — У нее был необычный прерывистый голос, и она все время разглядывала свои переплетенные, унизанные кольцами пальцы.

— Так чем же вы занимались?

Ее плечи поднялись и снова опали под свободным платьем.

— Не знаю. Наверное, большей частью графикой и дизайном. Рисовала обложки для дисков с выпускной работой.

Можно себе представить.

— И что же вы делали с Софи? — настаивал я.

— Да что угодно. Внутри и снаружи.

— Внутри и снаружи?

— В ее комнате, и это попадало на сайт. А снаружи — для камер безопасности.

— Вроде той, что над дверью здания?

Люси кивнула и крепко прижала к себе подушку, больше похожая на двенадцатилетнюю, чем на двадцатидвухлетнюю.

— Значит, вы давали представление и для камер видеонаблюдения.

Новый кивок и тихий голос:

— Все зависело от ситуации.

И вдруг она заревела. Слезы размывали ее косметику, оставляя на щеках черные полосы. Я посмотрел на Сандру Сэндс, та подалась вперед и мягко заговорила:

— Я понимаю, это страшное горе, Люси, но то, что вы нам рассказываете, может серьезно помочь.

Шмыганье носом, всхлип. Я вытащил две сигареты, предложил одну Люси, она приняла ее, я поднес зажигалку и сказал:

— Если бы вы рассказали, как помогали Софи с ее вебсайтом, это действительно принесло бы пользу.

— Мы делали то, что она называла Обрядом со Свечами. Только ничего не вышло, потому что уровень освещения был

недостаточен для ее веб-камер. Мы надели взятые напрокат монашеские одежды, так что оказались видны только лица; держали свечи и двигались, совершая разные движения. Затем, опять же в ее комнате, изображали живые картины. Ну, знаете, когда все замирают, как статуи, но каждые тридцать секунд меняют позы. Это были сцены для фильма. Во всяком случае, так сказала Софи.

— Теперь я должен задать нелегкий вопрос, — осторожно произнес я. — Но он важен. До сих пор вы помогали нам и, надеюсь, сможете ответить откровенно. Эти представления каким-нибудь образом касались секса?

Сандра метнула на меня резкий взгляд. Люси Мэтьюз тоже на меня посмотрела, вдоль ее щек ниспадали черные волосы, под левой ноздрей сверкала яркая капля. Она фыркнула и ответила:

— Я знаю, что Софи делала тот сюжет на первом курсе, но затем она изменила поведение. Ей нравилось флиртовать, но не более.

— Что еще вы с ней делали?

Новое движение плечами.

— Еще с зеркалами. Не так уж скверно выглядело. Удавалось добиться кое-каких и впрямь захватывающих эффектов. Снаружи мы устраивали фейерверки. Для них брали те, которые дают тучи парящего пепла... Глупо, конечно... И ей нравилось, чтобы мы болтались рядом и разговаривали. Так что любопытствующим людям казалось, будто у нас очень бурная жизнь и уйма общения. Это мне не особенно нравилось. Никогда ведь не знаешь, кто может смотреть на тебя.

Я подумал о представлении, которое Софи Бут разыгрывала в одиночку. Очевидно, у нее уже не было той проблемы с камерами, как при Люси Мэтьюз. Дверь на запоре, занавески задернуты, только сама Софи, камеры и весь белый свет. Дурацкая игра. И дерзкая.

— Вас всегда было трое, — продолжал я. — Вы, Софи и Тим Ковени.

— Иногда Софи валяла дурака только вдвоем с Тимом. Он готов был следовать за ней повсюду, но не думаю, чтобы это переросло во что-то серьезное. Софи была замкнута на себе. Она знала, чего хочет, и манипулировала людьми, чтобы добиться желаемого.

— Послушать вас, так вы ее не очень-то любили. Хотя дружили с ней и помогали в ее работах.

Движение плечами.

— Все в порядке, Люси, — мягко вставила Сандра. — Все, что вы можете нам рассказать, нам сильно поможет.

— Я даже не знаю, нравилась ли она мне, — призналась Люси Мэтьюз, — но я ею восхищалась. У нее было столько энергии, и она знала, как сделать то, что нужно.

— А именно?

— Она всегда говорила, что хочет быть богатой и знаменитой. Но это так. Для виду. На самом деле ее больше всего увлекало искусство, но ей не хотелось, чтоб люди это поняли. Она считала это слабостью.

— Могу я задать вопрос о компьютерах, которыми пользовалась Софи? Нам известно, что один из них месяц назад ей купил ее дядя. И еще один он купил за год до того. Ноутбук.

Кивок.

— Но в квартире Софи мы нашли совсем новый компьютер и еще один, более старый, который она использовала для поддержки веб-сайта. Нам хотелось бы знать, что случилось с ноутбуком, который дядя купил ей в прошлом году.

— Может, Софи его кому-нибудь отдала, Люси? — осторожно спросила Сандра Сэндс. — Нам необходимо установить, куда он делся. Если он попал к кому-то из ее знакомых, с ними беды не случится. Нам надо просто его увидеть, чтобы связать концы с концами. Так отдавала она кому-нибудь ноутбук?

Люси Мэтьюз глубоко затянулась, выпустила дым и проклинила, как он рассеивается. Лишь потом ответила:

— Софи никогда в жизни никому ничего не отдавала. Она собиралась его продать. Предлагала мне, но я себе такое позволить не могу.

Сандра спросила:

— Вы не знаете, кому она его продала? Может, какому-то вашему знакомому?

— Почему это так важно? Другие полицейские не спрашивали о компьютерах.

— Мы предполагаем, что в старом компьютере Софи могло оказаться что-то такое, что нам поможет.

— Нам нужно просто взглянуть на него, Люси, — повторил я.

— Она собиралась продать ноутбук, но его украли у нее из машины.

Мы вернулись к дому Ковени. Он вновь не ответил на звонок, и я стал звонить соседям. Наконец некий молодой человек высунул голову в открытое окно и сонным голосом спросил, что нам нужно.

— Мы ищем вашего соседа Тима Ковени. Знаете такого?

— Его нет, — отрезал молодой человек и удалился. Я давил на кнопку звонка, пока он не вернулся.

— Убирайтесь, или я вызову полицию, — заявил он.

— Мы сами из полиции. Тим далеко?

— Уехал пару дней назад.

— Вы можете сказать куда?

— Он мне не говорил. Я встретил его на лестнице. У него был рюкзак на спине. Он попросил меня забирать его почту. Это все, что я знаю. А что, он влип?

— Пока нет.

Сандра Сэндс пробежала стенограмму допроса Тима Ковени на своем мобильнике и сказала, что у него есть работа в мастерской в Хокни.

Я не сразу отыскал это место: узкое двухэтажное кирпичное здание, втиснутое на треугольный участок в тени желез-

нодорожного моста в стороне от Кингсленд-роуд. Владелец, Роджер Курт, был тощим, сорока с чем-то лет, со взъерошенными волосами, в очках с круглыми линзами. Тим Ковени работал сегодня утром, как он нам сказал, но отпросился на вторую половину дня.

— Не могли бы мы узнать кое-что о Тиме у вас, сэр? — спросил я.

— Почему бы и нет? Заходите. Чай не желаете? Я как раз вскипятил чайник.

Казалось, Курт надел синий комбинезон прямо на голое тело. И я понял почему, очутившись внутри. Там было жарко, словно в одном из внутренних кругов ада. Рабочие столы с громоздящимися на них кипами листов формованного стекла стояли по одну сторону помещения, две длинные приземистые печи размером с автомобиль — по другую. Со стойки свисали сверла, инструменты для шлифовки, громадные черпаки и щипцы, которым самое место было в подвале средневекового замка. Под ногами хрустели куски стекла. Повсюду лежала белая стеклянная пыль.

— Я большей частью делаю крупномасштабную работу, — сообщил нам Курт. Он приглушил видавший виды радиоприемник, настроенный на «Деловой Лондон», затем разлил кипяток из такого же древнего чайника по трем грязным щербатым кружкам. — Ванны, раковины, душевые кабины и столешницы для архитекторов и частных клиентов и кое-что покрупней — для коммерческих заказчиков. Делал даже инсталляцию из стеклянных кирпичей для одной из площадей Кенери-Уорф.

Едва теплый чай был излишне сдобрен молоком, но я и за такой был благодарен. Выхлопы на улицах и невероятная жара в мастерской иссушали мне глотку.

— Что здесь делает Тим? — спросила Сандра Сэндс.

— Занимается мелкими изделиями — чашками, тарелками и прочим. Сдает понемногу в один магазинчик в Кэмден-маркет. Ему нравится отслеживать производственный

процесс, и особенно его увлекает хитрое стекло. — Роджер Курт поднял прозрачный стеклянный шар и встряхнул. Внутренность шара заполнилась короткими шипами, которые исчезли, когда Курт встряхнул его снова. — Это что-то для его роботов, — пояснил он. — Жутко сложная штука, ее делают послойно из особых сплавов.

— С вашей стороны великодушно помогать ему расти, — заметила Сандра.

— Он талантливый парень. Я подумываю, не оставить ли его, когда он получит диплом. Но вы тут из-за убийства его знакомой, верно?

— Просто кое-что перепроверяем, сэр.

— Наверное, Тим еще толком не опомнился. Полегче с ним, если можно.

— У нас и впрямь несколько заурядных вопросов, — успокоил я. — Он много об этом говорил?

— Не особенно. Он показался только сегодня утром, сказал, что хотел бы опять приступить к работе. У него сейчас кое-какие изделия в печи. Он отпросился еще до того, как они остывли, но сказал, что вернется за ними завтра.

— Каким он вам кажется?

Курт пожал плечами. Одна из лямок комбинезона упала с плеча, и он рассеянно ее поправил.

— Спокойный паренек. Малость впечатлителен, малость замкнут, но смышленый и способный.

— Он говорил с вами об убийстве?

— Нет, а я и не спрашивал.

— Полагаю, вряд ли вы знаете, была ли у него девушка, сэр?

— Вообще-то у него есть невеста. В Ливерпуле. Послушайте, он всего лишь молодой парень, а тут такой ужас...

— Мы будем с ним осторожны, — пообещал я.

Я оставил Роджеру Курту свою визитку. Он обещал позвонить, если объявится Тим Ковени.

Движение на улицах было плотное, и у меня ушло более получаса, чтобы провезти Сандру четверть мили до ближайшей станции метро. Мы как раз прослушали одну сторону аудиокассеты — группа «Клэш», концертное выступление в декабре 1978-го, подпольная запись.

По пути мне позвонил сержант Аллан Радд, детектив из отдела нравов, который работал со мной по делу о порнодисках. У него были новости.

— Скоро буду, — пообещал я.

— Точно?

— Точно, жди.

Мы с Сандрой Сэндс как раз пытались подвести безутешные итоги.

— Сколько человек в команде считает, что она на это нарывалась? — спросил я. — Не надо имен, если, конечно, вы не хотите их называть.

— Мы же новая усовершенствованная полиция, сэр. Никто теперь таким образом не думает.

— Да, конечно, я забыл, что времена изменились. Теперь никто так не думает за исключением членов лиги благоприятности, которые считают, будто каждый, у кого есть свой стиль жизни, получает то, что заслуживает.

Молчание длилось большую часть песни «Кэпитал радио». Наконец Сандра вновь заговорила:

— Он выследил ее, не так ли, сэр? Через ее сайт?

— Иначе я бы не участвовал в расследовании, ведь киберслежка относится к епархии НСКР. — Отвечая, я вспомнил детектива Дэвис.

— Дэйв Варном утверждает, что сосед Джеймс Уайтхед годится на роль подозреваемого не меньше, чем любой другой.

— То, что он уехал, вовсе не означает, что он виновен. Все вокруг нас чувствуют себя преступниками.

Мы едва ползли вперед, прориаясь сквозь пробку. Компьютеризированная система управления транспортом была

уничтожена в ходе Инфовойны, три попытки вернуть ее к жизни провалились. Заторы на дорогах стали образом жизни. Лучи солнца гневно полыхали на стекле и металле.

— Простите, но я пропаду без сигареты, — вздохнул я. — Стекла опущены, и мое курение будет не страшнее выхлопов.

— Не могу видеть, как вы страдаете, сэр.

— Благослови вас Бог.

— Я еще никогда не ездила в «мини».

— Классический дизайн, — заметил я.

— Как-то непривычно ехать на уровне выхлопных труб остальных автомобилей.

— Вероятно, вышло бы быстрее, если бы вы двинулись пешком, детектив Сэндс.

— Мне здесь совсем неплохо, спасибо, сэр. И я хотела бы знать, почему вы так упорно ищете Тима Ковени?

— Вам известно, что он уже попадался полиции?

— Это не означает, что он украл компьютер Софи Бут.

— Будем надеяться, что украл, или эта линия расследования оборвется.

— Если мы даже найдем старый компьютер Софи Бут, вы уверены, что там еще есть что-то полезное для нас?

Я рассказал Сандре Сэндс то, что знал о свойствах памяти. Очень трудно для кого бы то ни было уничтожить информацию с жесткого диска компьютера. Дополнительные хранилища системных файлов, резервные копии документов, файлы подкачки, которые увеличивают оперативную память, выгружая данные во временный буфер на жестком диске... Даже полное форматирование диска не способно уничтожить следы документов. Информация не исчезнет, став эфиром, когда нажимаешь клавишу «Delete» или когда перетаскиваешь файл в корзину. Все, чего можно этим добиться, так это удалить данные о расположении файлов на диске и освободить пространство, так что на нем можно записать новые данные. Но стертые файлы можно восстановить, даже если

сверху что-то частично записано. На каждый блок данных отводится, как правило, тридцать два килобайта, что достаточно для двадцати страниц обычного печатного текста. Даже если этот объем используется вновь, какие-то данные остаются в том или ином уголке, и сверхчувствительные датчики способны уловить призрачные следы информации из магнитных секторов перезаписанных треков.

— Если вы хотите бесследно уничтожить некий файл и точно знаете, где он расположен, вам нужно перезаписать его сто или более раз, — пояснил я. — А лучше всего нагреть жесткий диск до такой степени, чтобы он раскалился — тогда-то вы уж точно добьетесь нужного результата.

— Или можно извлечь жесткий диск из компьютера, — догадалась Сандра, — и бросить в речку, в надежде, что его никто не найдет.

— Да, можно.

— Наверное, это и случилось с жесткими дисками, вынутыми из компьютера Софи Бут.

Сандра выключила магнитофон, чтобы прослушать мою небольшую лекцию. Я опять запустил его ради «Другой девушки. Другой планеты».

— Вы не против? Это помогает мне думать.

— Мой отец любил оркестры ударных и волынок, сэр. После этого я способна слушать что угодно.

— Я потерял свои компакт-диски и катушки, когда выгорела моя квартира. Это все, что у меня осталось.

— Катушки, сэр?

— Вы наверняка слышали о них, детектив Сэндс, хотя, возможно, ни одной не видели.

Автомобиль перед нами продвинулся вперед на добрых три фута. Когда я не потрудился подкатить «мини», водитель машины сзади нетерпеливо забибикал. «Другая девушка» сменились песней «Почему ты не убил себя?».

— Вы хорошо разговаривали с Люси Мэтьюз, — заметил я.

— Приятно слышать это от вас, сэр, ведь раньше вы были переговорщиком.

— Я вам вовсе не льщу, Сандра. Можете расслабиться. Я действительно так думаю. Вы понимали и когда меня надо поддержать, и когда сменить курс. Такого рода восприимчивости трудно обучить.

— Надеюсь, это не означает, что мы станем ближе друг к другу или что-то еще, сэр.

— Я все-таки хочу побеседовать с Тимоти Ковени. Вы могли бы помочь мне подготовиться к этой беседе.

— Яросла в большой семье, сэр. И родилась предпоследней. В таких условиях быстро учишься просить то, что тебе нужно.

14

Пробило только шесть, когда, высадив Сандрю Сэндс у станции метро «Далстон», я прибыл в Т12. Лаборатория на верхнем этаже опустела, но Энди Хиггинс ждал меня в своем кабинете — ноги на столе, клавиатура на коленях. Он посасывал незажженную трубку и быстро что-то печатал. Не отрываясь, он сообщил:

— Я поработал с жестким диском мистера Уайтхеда. Его отформатировали, но я почти все восстановил. Я искал файлы с изображениями, как ты просил.

— Повезло?

Энди извлек трубку изо рта и серьезно произнес:

— Нашел кое-что гнусное, Джон. Мерзейшее из всего, что когда-нибудь видел.

— Догадываюсь.

Энди метнул мне коробку с диском.

— Я скопировал все сюда. Это что, на самом деле нужно для работы?

— Я составлю для тебя письменный отчет. Кстати, что слышно о ноутбуке журналиста? О том, который изъяли при обыске в Уолтемстоу?

— Понятия не имею. Наверное, ждет своей очереди.

— Пора бы уже, — ответил я. В конце концов, я же сам передвинул ярлык на доске. — Дай мне знать, если появится какая-то информация.

— Предлагаешь тоже прислать тебе письменный отчет?

Я подписал бланки, забрал диск и отправился вниз к своему компьютеру. Сорок пять файлов с изображениями. Уайтхед был в деле почти с самого начала и оставался в нем до конца.

Софи Бут умирала долго.

Щелк.

Она уже обнажена, привязана к пластмассовому креслу, на лице отчаяние и страх, смотрит на что-то справа от себя.

Щелк.

Убийца в кадре. Склонился над девушкой, полностью заслонил ее. Стоит спиной к камере, но, похоже, он довольно крупный мужчина. Одет в темный спортивный костюм. Длинные светлые волосы низвергаются водопадом: может, и свои, но вероятнее всего парик. Даже дебилы, угрожающие правлениям жилищных кооперативов бутафорскими ружьями, нынче знают, что недостаточно натянуть на голову капюшон куртки, и выходят на дело с таким количеством накладных деталей на физиономии, что Лоуренсу Оливье и не снилось.

Щелк.

Он замахнулся, чтобы полоснуть ее ножом.

Щелк, щелк, щелк.

Опять склонился над ней. Кровь на белой коже. Ее лицо мilosердно затенено.

Щелк, щелк, щелк.

Иглы, электропровод от лампы и, наконец, мilosердный нож.

Щелк, щелк, щелк.

Она умерла между 18.55.32 и 18.56.33. Сам смертельный удар, прекративший ее страдания, не зафиксирован, но позднее убийца позировал перед камерой, откинув голову девушки и приставив длинный кривой нож ей под подбородок с левой стороны. Лицо убийцы скрыто карикатурной маской Маргарет Тэтчер, взирающей в камеру.

Щелк.

Картина, которую я уже видел: ее нагое тело, голова опущена, кровь светится черным на белой коже.

Щелк.

Убийца держит ее голову за волосы, точно трофей.

У меня заныла челюсть. Оказывается, я стискивал зубы. Самым скверным было не само убийство, а свидетельство того, что убийца делал свое дело с любовью. Я ощутил холодный и чистый гнев на него, на людей вроде Уайтхеда, которые смотрели, как умирает Софи Бут, но ничего не сделали, а почувствовали вину только тогда, когда сообразили, что их могут поймать. Я тоже был виновен. Я никому не обмолвился о фотографии, которую мне прислали. Лишь теперь я испытал облегчение, зная, что скрывать уже нечего.

Изучать последовательность кадров во второй раз, полтора часа спустя, было тяжелей. Когда просмотр закончился, Макардл погасил окурок и закурил новую сигару. Он курил «Блумсбери», крепкий сорт, способный очистить калифорнийский ресторан быстрее, чем канистра слезоточивого газа.

— Жена ругается, что я опять начал курить, — сообщил он и протянул мне пачку.

— У меня есть сигареты, сэр.

— А-а, я и забыл, вы любите эти, слабые.

Я закурил «Тропик Ультра». У нее оказался противный сладковатый вкус, точно у китайской благовонной палочки,

и на миг мне почудилось, будто я заболеваю. Кабинет Макардла, освещенный только экраном компьютера и настольной лампой, казался раскаленным, лишенным воздуха местом. Общее помещение убойного отдела за открытой дверью было пустым и темным. После первого лихорадочного дня расследование вошло в колею и велось от восьми утра до шести вечера. Может, время и не ждет, но бюджет не позволяет платить слишком много сверхурочных.

Макардл отодвинулся от стола и со вздохом произнес:

— Надеюсь, что никогда больше не увижу ничего подобного.

— Это был не Барри Дин, — сказал я.

У Макардла под глазами синели круги, и, хотя он недавно брился, в глубоких складках и вмятинах его мясистого лица виднелась седая щетина.

— Уверен, это был и не Уайтхед, но для полной гарантии нам необходимо больше информации. Ваши соображения?

— Уайтхед был дома в Оксфорде. Его жена отсутствовала. Он хотел отвлечься от работы. Зашел на веб-сайт Софи. Увидел убийство и всполошился. Может, он ездил в Лондон, чтобы проверить, не случилось ли в действительности то, что он увидел. Может, сразу помчался в Брайтон. Но он на этом не успокоился и постарался избавиться от свидетельства, отформатировав свой жесткий диск. Он попытался скрыть то, что видел.

Макардл обдумал это предположение.

— Мы могли бы привлечь его за препятствие следствию и сокрытие улик, но это не продвинет дело вперед. И все-таки мне не нравится, когда мне врут. Вы оформили сверхурочные в Т12?

— Нет, но с меня сняли часть бумажной работы.

— Хорошо. Думаю, вам следует еще разок побеседовать с мистером Уайтхедом, и как можно скорее.

15

Джеймса Уайтхеда доставили час спустя. Он стоял, когда мы вошли в комнату для допросов.

— Садитесь, пожалуйста, сэр, — предложил Макардл. — Формальности излишни.

Когда Уайтхед занял свое место, вошел адвокат, успокаивающе похлопал его по руке. Я включил видео- и звукозапись. Макардл назвал дату, время и имена присутствующих. Потом он обратился к Уайтхеду:

— Спасибо, что вы так скоро пришли, мистер Уайтхед. Уверен, вы понимаете, в чем дело.

Вместо Уайтхеда заговорил его адвокат:

— Мой клиент хочет заявить, что присутствует здесь добровольно и на добровольной основе готов сообщить любые сведения, которые могут помочь следствию.

Адвокат был полным молодым человеком с кожей белой и гладкой, точно воск. В пастельно-полосатом деловом костюме и лакированных туфлях шоколадного цвета, стоявших, вероятно, больше, чем я получаю за шесть месяцев работы, он выглядел поистине добродорядочным гражданином.

Макардл закурил и, посмотрев прямо в глаза Уайтхеду, произнес:

— Мы должны поговорить с вами о том, что нашли у вас в компьютере.

Адвокат ровным голосом сообщил:

— Заявляю, что мой клиент позволил вам осмотреть свой портативный компьютер совершенно добровольно.

Макардл оставил его слова без внимания.

— Вы знаете, что мы нашли? — обратился он к Уайтхеду. — Вопрос в том, хотите ли вы об этом говорить.

— Разумеется, хочу, — заверил Уайтхед. — Ведь я здесь, не так ли?

Типичный вызванный в полицию щенок. С гладким лицом, искусственным загаром и непринужденными чарующи-

ми манерами. Черные волосы выбриты на висках и оставлены на макушке, как если бы какой-то зверек уснул у него на черепе.

— Просто вышла дурацкая ошибка, вот и все.

Макардл затянулся и переспросил:

— Ошибка, сэр?

— Можно мне тоже покурить? — Уайтхед, не дожидаясь разрешения, вытащил тонкую прозрачную пачку черных сигарет, одну из которых тут же и закурил. — Вам бы эти по-пробовать, — посоветовал он с обворожительной улыбкой, извлек две непочатые пачки из внутренних карманов куртки и бросил на стол. Он носил свободные брюки из некой серебристой синтетики, безрукавку того же материала и белую рубашку, застегнутую доверху, но без галстука. Дешевые неуклюжие часы болтались, позывая, на его запястье. Во весь циферблат мерцал штамп: звезда в круге — эмблема американской компании, торгующей инвентарем для атлетов. Тот же логотип просматривался и на серебристой ткани штанов и куртки, он часто повторялся, но был виден только под определенным углом. Макардл кротко напомнил:

— Вы упомянули об ошибке, сэр.

— Конечно, — кивнул Уайтхед. — Простите, я просто неравнодушен к этим сигаретам. Итак, дело вот в чем. Я говорил раньше, что ничего не знаю о веб-сайте Софи. Боюсь, это не было правдой.

— И вы порой заглядывали на него, сэр?

— Конечно, но лишь в порядке дружеской услуги. Софи говорила, что ей нужны отклики посетителей.

— Вы заглядывали на ее сайт, потому что ей были нужны отклики?

— Да.

— И какую форму принимали эти отклики? Вы посыпали ей, например, электронные письма?

— Нет, о таком мы не договаривались.

— Вы когда-нибудь высказывались как-либо о ее сайте?

— Не по электронной почте. Ей был нужен материал, который она могла бы потом использовать в своей работе, но я сказал, что не хочу участвовать в этом. Так что это осталось между нами.

— Между вами.

— Ну, мы ведь соседи. Мы разговаривали. Я предоставлял ей свои услуги эксперта. Вот, собственно, и все.

— Напомните мне еще раз, сэр. Как хорошо вы знали Софи Бут?

— Я знал ее как соседа. Не считая сайта, других тем для разговора у нас не было. Иногда я давал ей кое-какие образцы, но это часть моей работы.

— Образцы?

— Сигареты. Демо-версии компьютерных программ. Футболки... Все в таком роде. Я руковожу группой студентов, продвигающих новые товары. Мы рекламируем новейшие компьютерные программы, пиво, сигареты, шоколад. Всякая мура. Знакомим людей с новыми брендами. Иногда у меня кое-что оставалось, и я отдавал это Софи. Наверное, я должен был сказать вам это раньше.

— Все в порядке, сэр... Итак, вы давали ей эти образцы, и она как-то сказала вам о своем веб-сайте.

— Она объяснила мне, что это такое, и я подумал, что стоит заглянуть. И сюда я пришел, чтобы сказать вам, что действительно зашел на сайт в тот самый вечер.

— В тот вечер, когда ее убили?

— Да. — Уайтхед склонился к Макардлу, страстно желая все ему выложить. — Я получил от нее электронное письмо, где она сообщала, что собирается дать одно из своих представлений, и я подумал, а почему бы и нет? Мне показалось, что это малость чересчур по сравнению с ее прежними затеями. Но я и подумать не мог, что это не розыгрыш. Лишь когда вы нашли меня в Брайтоне, я понял, что стряслось. И тут уж я перепугался. Прямо до одури.

— И вы не рассказали нам правду на предыдущем допросе из-за того, что вас очень испугало увиденное?

Уайтхед энергично кивнул.

— Чистая правда. В смысле, я до сих пор ни во что подобное не впутывался.

Макардл сверился с документами, которые принес с собой, затем произнес:

— Вы сказали, что ничего не знали о сайте Софи Бут.

Уайтхед опять кивнул.

— Да. Но теперь признаю, это было глупо. То, что я увидел...

— Мы сейчас к этому вернемся, — прервал его Макардл. — Вы дарили мисс Бут всякую всячину, а она позволила вам смотреть ее сайт. Это происходило регулярно?

— Затрудняюсь ответить.

— Каждый вечер или чаще?

— Наверное, реже.

— Раз или два в неделю?

— Вообще-то это не мое, — ответил Уайтхед.

— Вы имеете в виду экспериментальный жанр в искусстве или обнаженную молодую женщину у себя в комнате?

— Гм... И то, и другое.

— Но вы знали заранее, что Софи Бут выставляет себя подобным образом?

Уайтхед покраснел под искусственным загаром.

— Конечно. Она мне сказала.

— Должен возразить, — оживился молодой холеный адвокат. — Я нахожу, что допрос принял агрессивное и унизительное для моего клиента направление и является вторжением в его частную жизнь. Он пришел сюда добровольно и признал, что знакомился с веб-сайтом мисс Бут, а также то, что стал невольным свидетелем ее убийства. Он сожалеет, что по глупости скрыл от вас эти факты в ходе его первого допроса, но теперь добровольно признал свою ошибку. Если

только у вас нет каких-то особых обвинений, я должен попросить вас прекратить допрос.

— Еще не все, сэр, — возразил Макардл. — Вероятно, мне следует напомнить вам, что это мы попросили мистера Уайтхеда сюда явиться. Он вовсе не пришел добровольно.

— Тем не менее он добровольно принял решение сказать правду, — не уступал адвокат.

— Да, — согласился Макардл. — Но я должен заметить, что есть некоторые нюансы, которых я не понимаю. Давайте же попытаемся их уточнить. Согласны?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Уайтхед. Он откинулся на спинку стула, напустив на себя беспечный вид, но рука его дрожала, когда он подносил сигарету к губам.

— Вы видели кадр за кадром убийство Софи Бут, но не вызвали полицию.

— Потому что я думал, это представление.

— И в тот же вечер вы покинули ваш дом в Оксфорде и отправились в Брайтон.

— У меня там была кое-какая работа. В торговле Брайтон называют бойким местом. Тьма студентов и молодых одиночек, с хорошим доходом и готовых тратиться, уйма клубов. Лучше не найдешь.

— Но вы не сообщили жене, куда поехали.

— По правде говоря, мы в тот вечер малость повздорили. Мы подумываем о разводе, но пока живем вместе.

Макардл загасил сигарету.

— Вы повздорили. Ваша жена отправилась на работу. А вы заглянули на веб-сайт Софи Бут.

— Я проверил свою почту, — нетерпеливо уточнил Уайтхед. — В одном письме говорилось, что Софи дает представление. Ну, я и пошел.

— А затем отправились в Брайтон.

— Это так.

— Вы сказали нам на первом допросе, сэр, что были дома, когда ваша жена вернулась. Вы подтверждаете свои слова?

— Ну, возможно, мы разминулись на несколько минут.

— И вы поехали прямо в Брайтон.

— Да.

— По какому шоссе?

— Не знаю. Наверное, по обычному маршруту. M40, M25, M23.

— И вы не видели в новостях об убийстве мисс Бут?

— Нет. Я нечасто смотрю телевизор.

— И вы не отвечали на звонки вашего мобильного телефона. Мы узнали номер у вашей жены, мистер Уайтхед, и звонили вам несколько раз.

— Я включаю автоответчик, этого требует моя работа, — ответил Уайтхед. — Работаю ночью, сплю днем, понимаете?

— Но вы нам не позвонили.

— Думаю, это было ошибкой с моей стороны.

— Несмотря на тот факт, что вы видели нечто, напоминающее убийство.

Уайтхед загасил сигарету, избегая взгляда Макардла.

— Да, это была ошибка. Я сгупил. Но это не преступление.

— Вы не позвонили нам, но пытались уничтожить доказательство, что вы это видели. — Макардл посмотрел на меня: — Что он сделал?

— Переформатировал жесткий диск, — ответил я.

— Однако это не уничтожило файлы с изображением?

— Мы сумели их восстановить.

— Послушайте, я же вам говорил: я испугался, — сказал Уайтхед.

— Значит, к тому времени вы были убеждены, сэр, что видели, как убивали Софи, — заметил Макардл. — И все-таки не связались с нами.

Вмешался адвокат:

— Надеюсь, что это куда-то ведет, старший инспектор.

— Я намерен установить, почему мистер Уайтхед пытался уничтожить информацию на жестком диске своего компьютера, — объяснил Макардл.

— Больше ничего не нужно говорить, Джеймс, — предостерег адвокат. — Если только вас в чем-то не обвинят.

— Нет, — возразил Уайтхед. — Я хочу, чтобы все стало ясно до конца... А что, если я понял, что вижу, как Софи Бут убивают? Это же совсем другое дело, чем если бы я при этом присутствовал, правда? Я просто смотрел картинки на своем компьютере.

— Да, — согласился Макардл. — Картинки с хорошенькой юной девушкой, вашей соседкой, которая подарила вам средство подглядывать за ней в любое время. Я могу это понять. У вас не заладилась семейная жизнь, вы проводите долгие вечера в одиночестве. Ничего дурного нет в том, чтобы поглазеть на женские прелести, тем более если объект согласен. И это к тому же искусство. Даже больше. Не считая того, что кадры, которые вы видели в субботу пятого июня, отобразили подлинное убийство, и, загрузив их, вы стали сообщником убийцы.

Уайтхед молча покачал головой. За него ответил адвокат:

— Если я правильно понимаю, вы хотите предъявить моему клиенту обвинение в убийстве?

Макардл не обратил на него внимания.

— У вас были половые сношения с Софи Бут, мистер Уайтхед?

— Мой клиент не будет отвечать на этот вопрос, — произнес адвокат.

— Нет, — резко возразил Уайтхед. — Я хочу ответить. И ответ мой — нет.

— Поскольку мастурбация — не настоящий секс, верно? — заметил Макардл. — И вы этим занимались вечером в субботу, когда ее убивали?

— Теперь и впрямь достаточно, — заявил адвокат.

— Позвольте мне переговорить наедине с моим адвокатом, — попросил Уайтхед.

Мы с Макардлом ждали за дверью. Несколько минут спустя адвокат вышел к нам и с мрачным видом объявил:

— Мой клиент совершил глупую ошибку, но он желает сделать на этот счет официальное заявление.

— Он видел убийство и не сообщил о нем, — произнес Макардл. — Он солгал насчет своего алиби, а кроме того, попытался скрыть улики.

— Алиби было его искренним заблуждением, — возразил адвокат. — Однако сейчас он готов к сотрудничеству.

— Он вполне мог поехать в Лондон и совершить убийство.

— У вас есть доказательства? — спросил адвокат.

— Мы пока еще проверяем его алиби, — признал Макардл.

— Понятно. Значит, если вы не найдете подтверждения тому, что мой клиент не был там, где он, по его словам, находился, я полагаю, он свободен.

— Я проверял прошлое вашего клиента. Он получил два предупреждения еще будучи студентом. Одно за распитие спиртных напитков в общественном месте, другое за хранение марихуаны. Кроме того, у него плохая кредитная история, а его карточки заблокированы.

— Едва ли это делает его опасным преступником, — нахмурился адвокат.

— Кто знает, что еще мы нашли бы, если бы копали основательно?

— Не думаю, что это потребуется, — заметил адвокат.

— Не могу ничего обещать, — предупредил Макардл, — но, вероятно, с мистером Уайтхедом все будет в порядке, если он согласится сделать подробное заявление. Такое, какое включало бы все аспекты его отношений с Софи Бут, без умолчаний. Он признал, что его брак фактически распался, значит, на этот счет ему беспокоиться нечего.

Адвокат задумался секунд на тридцать, затем кивнул. Он знал, что Макардл вправе выписать ордер на раскрытие информации, и тогда в поисках всего, что предполагает преступную деятельность, полиция сможет вскрыть электрон-

ную почту Уайтхеда, изучить содержимое кэша его браузера, переворошить банковские счета, сведения по кредитной карте и телефонным разговорам, прогнать все данные через специальную программу, которая воссоздаст жизнь Уайтхеда и, возможно, найдет что-то действительно незаконное. При такого рода расследовании мало кто оказывается абсолютно невиновным. Регулярное обращение за наличными к одному и тому же банкомату предполагает привычку к наркотикам. Необъяснимые операции по кредитной карте, коррелирующие с посещением определенных веб-сайтов, предполагают тягу к порнографии. Приобретение книг или дисков в зарубежных интернет-магазинах предполагает как минимум уклонение от уплаты пошлин, а в худшем случае — импорт продукции, запрещенной законом 2006 года о контроле за электронной коммерцией и содержанием интернет-сайтов. Перышко вашей невиновности никогда не уравновесит массу информации, которая накапливается в течение всей вашей жизни.

— Я дал понять моему клиенту, насколько серьезно его положение, — заверил адвокат. — Он явился сюда, чтобы оказать вам содействие, и я убежден: он будет сотрудничать.

— Неплохо бы, — отозвался Макардл. — Иначе, обещаю вам, я буду смотреть на него очень долго и очень сурово.

— И еще кое-что, — продолжил адвокат. — Мой клиент хотел бы знать, когда он сможет получить назад свой компьютер. Он говорит, что компьютер нужен ему для работы.

16

Было почти одиннадцать, когда я вернулся домой. Я откупорил пиво, достал замороженную пиццу и распаковал свою новую игрушку.

Руководство было составлено каким-то идиотом с техническими познаниями четырехлетнего ребенка, а потом пе-

реведено на английский с японского тупицей, явно не владеющим ни одним из этих языков. В лучшем случае переводчик иногда заглядывал в карманный словарь. Но примерно через час я все-таки разобрался, как пользоваться основными функциями этой штуки. Это была веб-книжка размерами и толщиной со старомодный коврик для компьютерной мыши, образчик нелегально импортированного электронного устройства, пользование которым явно нарушало закон 2006 года. Она была оснащена беспроводным интерфейсом, уже настроенным на лицензировавшего продукцию бесплатного американского провайдера, тачпадом и программой голосового управления. Сама же книжка представляла собой гибкий экран на органических светодиодах, толщиной всего пятьдесят нанометров, расположенный на полимерной подложке. Можно было скрутить его в трубочку и использовать как мухобойку. Ну, или настроиться на близлежащего провайдера и вызвать браузер со встроенной почтовой программой. Что я и сделал.

Я продиктовал электронное письмо.

Теперь мы можем поговорить приватно. Если вы тот, за кого себя выдаете, вы знаете о чем. Ни обещаний, ни гарантий, но я выслушаю то, что вы готовы сказать.

Казалось, и этого слишком много. Или слишком мало. Я отправил это письмо в ответ на сообщение, которое получил через кубинский ретранслятор.

Пять минут спустя зазвонил мой мобильник. Сердце у меня перевернулось, но это оказалась всего-навсего Джули. Ей захотелось рассказать мне, как она провела свободный вечер.

— Ты не поверишь, но меня пробрало насекомый. Театр марионеток.

— Марионеток?

— Ему около двухсот лет. Парень, осуществлявший связь между нами и администрацией учреждения, настаивал, чтобы мы пошли. Чем дольше находишься в этой стране, тем все необычнее. А у тебя как прошел день, Диксон? Как дела?

Я рассказал о некоторых событиях. И добавил:

— Хотелось бы, чтобы это поскорее закончилось. Но, кажется, ни одна версия ничего не дает. Конечно, нам может повезти, и судмедэксперты отыщут волоконце, которое получают лишь с коз, пасущихся на южном склоне некой горы в Перу, а наш подозреваемый случайно посетил эту гору в прошлом месяце.

— О, у вас есть подозреваемый?

— У нас около ста подозреваемых по всему белому свету, и большинство скрывается за анонимными аккаунтами.

Я сидел на крохотном балкончике своей квартиры, раздетый до трусов. Только что миновала полночь, но старые кирпичные стены до сих пор излучали тепло, а воздух был зноным и тяжелым. Далеко на севере грохотала гроза. Всякий раз, когда горизонт на миг озарялся, телефонная связь квакала и трещала. Чудо-сова Архимед восседал на своем насесте, вид у него был мудрый и внимательный. В исполнении Лу Рида звучала песня двадцатилетней давности о последнем Великом Ките Америки.

Джули рассказывала о беджах, которые они с Тимом Лей-лендом раздали конторским работникам. На каждом была проставлена должность и пять основных направлений деятельности, читаемые крохотными сканерами, прикрепленными к стенам. Теперь компьютер может воссоздать картину человеческого общения в учреждениях, показать сеть взаимосвязей, образцы негатива и предпочтения. На основании этих данных психологи создадут пространственный синтаксис, который применят к новому порядку размещения столов, служб и отделов.

Я встал и прошел внутрь квартиры, чтобы захватить из холодильника новую порцию пива, зажав мобильник между

ухом и плечом. Архимед повернул голову на сто восемьдесят градусов, следя за мной.

— Ага! — вскричала Джули. — Еще одно пиво! — И тут же поинтересовалась: — Что это там у тебя, Диксон?

Я остановился перед схемами, которые когда-то дала мне Джули. Повинуясь дурацкому сентиментальному побуждению, я приколол их к доске объявлений на кухне. Они едва различались мраке. Стадион, контора рекламного агентства, больница, разрезы с коридорами, площадками и помещениями, густо исчерченными штриховыми линиями всевозможных оттенков — от зеленого к желтому, далее через оранжевый к красному, — утолщающимися, утончающимися, дающими сгустки там, где собираются люди. Ассоциативные узлы, петли единения, густые каналы потоков. Ниже маленькая фотокопия схемы, которую я нашел в «Следах губной помады» Грейл Маркус, где воспроизводились передвижения студентов в шестнадцатом районе Парижа в течение года. Черное наложение на карту Парижа выглядело, как возбужденный москит, расплывшийся из-за долгой экспозиции. Джули спросила:

— Что, рассказы о моей дивной трудовой жизни утомляют тебя? Я уже пыталась тебе звонить, как только вернулась со спектакля, но твой мобильный был отключен.

— Я присутствовал на допросе.

— А потом я уснула, пока смотрела воистину дурную телепередачу. Почему все ТВ в Европе такое ужасное?

— Никто не думает, что телевидение — это культура.

Раздался слабый шорох металла: Архимед передвинулся на жердочке у окна.

— На что это ты смотришь во тьме, Диксон? — спросила Джули. — Надеюсь, не тоскуешь?

Разумеется, я тосковал. Но признать этого не мог.

— Я думал о Несокрушимом Эрике.

— А-а, это, кажется, музыкант. Погоди, я его знаю. Самая знаменитая песня называлась «Реконна»?

— И еще «Весь белый свет». У него два хита.

— Я даже помню отрывочек. — И она напела строку припева.

— Он был одним из рок-музыкантов, подписавших контракт со «Стифф рекордз». Выпустил несколько синглов, один хуже другого, дал пару концертов и записал пластинку, которая вовсе не пользовалась спросом. Возник перед публикой на краткий миг, а затем бесследно исчез.

Джули рассмеялась:

— Он что, подозреваемый?

— Я навещал свое прошлое. Вещи, которые знаешь, принимаешь как нечто само собой разумеющееся... и вдруг хочется найти подтверждение тому, что ты прав.

— А ты спроси Ника. Или поищи в сети. Там можно найти что угодно.

— Я всегда считал это обманом.

— Именно там течет вся информация, Диксон. Там сейчас и мы с тобой — в пространстве между нашими двумя телефонами.

— Ты думаешь, это настоящее пространство. А я считаю, что нет.

— Между нами нет расстояния, вот насколько оно реально. Оно может быть прямо у тебя в ухе, Диксон. Я могу прятаться прямо у тебя в голове.

— Как москит.

— З-з-з, з-з-з, з-з-з, — негромко пропела Джули и отключилась.

17

Я сидел в фургоне вместе с ребятами в форме более двадцати минут, пока Алан Радд — «Человек с Планом», не забрался на переднее пассажирское место и не сказал, что можно ехать.

Хотя наш фургон и был припаркован с тенистой стороны двора участка на Уэйн-стрит, внутри стоял невыносимый зной и пахло потными полицейскими. Было еще только десять минут одиннадцатого утра, а температура за бортом перевалила уже за двадцать восемь градусов. Имелась пятипроцентная вероятность дождя. Уровни озона, двуокиси азота и угарного газа превысили предельно допустимые концентрации. Пожиным людям и сердечникам рекомендовалось оставаться дома... Элисон Сомерс попала в список дающих показания на судебном процессе Мартина сегодня после полудня... Ответа на свое электронное письмо я так и не получил...

Алан Радд сказал парням:

— Будете ждать снаружи, пока не получите приказ, ребятки. Никакой самодеятельности, идет? Дайте настоящим профессионалам проделать все быстро и аккуратно. Нам сегодня нужен материал, а не теплые трупы.

Парни кивнули. Они жаждали действия. С точки зрения доброго старого британского бобби, нет ничего лучше лихого налета с утра пораньше, чтобы весь день не покидало бодрое настроение.

Алан Радд получил ордер на обыск лавочки в самом центре Кингс-Кросс: первый настоящий прорыв в деле. Он настроил АРЭСН на слежку за Беном Перри, и вчера вечером, менее чем через двенадцать часов после допроса в кабинете директора, система проследила путь мальчика от его дома в Западном Хемпстеде вдоль по Северной линии к Кингс-Кросс, а дальше к подпольному порномагазину. Алан даже показал мне на своем мобильном нечто вроде кино — два кадра в секунду, сухое холодное повествование, только действие и никаких комментариев. Маленькая фигурка Бена Перри с бледной аурой, невольная звезда экрана, почти исключительно на дальнем плане, по ходу переключения системы с камеры на камеру поднимается по эскалатору Кингс-Кросс и выходит на улицу. Пойманные этим безжалостным бдящим взглядом, все мы низводимся до неуклюжих напы-

щенных кукол, личная драма любого из нас предстает не более чем цепью заурядных случайностей.

— Как я и предвидел, он решил пополнить запас, — произнес Алан, когда мальчик, только что стоявший на той стороне улицы, исчез в лавке. — Маленький дикарь жаждет как можно скорее вернуться к делу.

— Вы с ним уже говорили?

— Думаю, мы займемся им после того, как справимся с лавочкой. В конце концов, он все равно весь день проторчит в школе.

Скользкий ход, но ничего лучше у нас не было. Никто пока не достиг прогресса в поисках производителя этих записей. Слухи о том, что их нелегально изготавливают в арендованных на короткое время помещениях на окраине Сити, обернулись пшиком. Алан Радд считал, что кто-то повеселился за наш счет.

Как только фургон притормозил на желтом сигнале светофора, мы тут же выгрузились и бросились к магазину. К какой-то чудак, одной рукой державший собачку на поводке, а другой сжимающий банку пива, ехидно ухмыльнулся. Парни в форме заняли позиции. Мы с Аланом Раддом прошли через пластиковые полосы, завешивавшие вход. Внутри оказалось не просторнее, чем в одноместном гараже. Давным-давно, вероятно, в прошлом веке, эту клетушку выкрасили в белый цвет. Вдоль одной стены выстроились стойки с компакт-дисками — обложками наружу. Подбор диснеевских фильмов свисал, точно сияющий плод, с металлического дерева, увенчанного мультишной вороной в фетровой шляпе. Вентилятор перемешивал затхлый теплый воздух. Алан Радд предъявил ордер прыщавому парнишке за прилавком и немедленно приступил к делу.

— У меня ордер на обыск в этом помещении по закону о защите детей.

Паренек читал толстую книгу «Физиология насекомых», лежащую на прилавке между замызганным кассовым аппа-

ратом и шестидюймовым монитором камеры видеонаблюдения, укрепленной над дверью. Он захлопнул книгу и устало произнес:

— Берите что надо и идите, договорились? Я здесь только работаю.

— Сколько вам лет, юноша? — спросил Радд.

— Послушайте, мне сказали, что здесь все законно. Об этом узнают в моем колледже?

— Только если вы сами пожелаете рассказать. Когда я здесь все закончу, можете позвонить владельцу. Полагаю, он захочет знать, что мы тут делаем. А пока уделите мне минутку и выслушайте это.

И Алан Радд принялся читать вслух текст ордера. Я позвал ребят в форме, и мы прошли за прилавок. В крохотной кладовой пахло плесенью, слабая электрическая лампочка висела на потертом шнуре. Сломанная раковина в углу, груда пустых картонных коробок, четыре абсолютно одинаковых серых металлических шкафчика. Я погремел запертыми дверцами. Один из парней вытащил громадные кусачки и срезал ими один за другим дешевые висячие замки. Шум и лязг разнеслись по всей кладовке.

Никаких компакт-дисков. Лишь груды глянцевых журналов в пластиковой упаковке. Датские и немецкие, с обычными заголовками и обложками. «Анальное буйство». «Анальная услада». «Утехи школьницы». Назидательно-феминистское «Во какие сиськи!». Пылкое исследование нежнейшего момента соития «Дрожь по всему телу».

Я бросил подборку на прилавок, и Алан Радд спросил мальчика:

— Никогда ничего из этого не продавали?

— Честное слово, инспектор. Никогда этого не видел.

— Выкладывай все, паренек, — потребовал Алан Радд. — Может, это товар, который положено отпускать особым клиентам? Тем, кто знает, что спросить?

— Это магазин видео, — напомнил мальчишка, — на случай, если вы не заметили.

— И вы продаете только кошерную продукцию? — поинтересовался я.

Мальчик пожал плечами. Алан Радд вздохнул:

— Ничего не видел, ничего не слышал, да? Я записал твоё имя и адрес, и хозяину ты позвонил, так что забирай свой талмуд и вали отсюда. Найди себе более приличную работу, чтобы оплачивать студенческий заем. Давай топай.

— Я должен дождаться...

— Мы и без тебя сумеем поговорить с твоим шефом. Сильно сомневаюсь, что он будет в настроении выплатить тебе выходное пособие, так что предлагаю валить, пока я не придумал, какое тебе выдвинуть обвинение.

Когда мальчик запихнул свою книгу в рюкзак и поспешил выбраться наружу, Алан еле слышно добавил:

— Юный идиот.

Мы с Аланом Раддом стояли на улице, пока наши спутники доставали из машины пластиковые контейнеры для вещдоков и приступали к их загрузке.

— Так я и знал, что к нашему приходу здесь все будет кошерно, — заметил я. — Кому-то было известно об операции.

Алан выудил диск из контейнера, который нес один из наших ребят. На этикетке значилось: «Белоснежка».

— Надо будет просмотреть все диски, — бросил он. — На случай, если они не те, чем называются.

— Дорк, Слоппи, Гручо, Пипи, Ретардо и еще одного забыл. Почему всегда забывается имя последнего гнома?

Радд засмеялся:

— Во-первых, вы назвали только пятерых...

— Я имею в виду «Белоснежку и шесть гомов» Уоллеса Вуда. Это пародия, а не мультфильм. Ну попробуйте вспомнить настоящие имена.

— Профессор, Ворчун, Весельчак. Чихоня, Соня. Молчун... Тьфу!

— Я же говорил!

— Я смотрел этот мультик раз сто. Мои дети его обожают. Я всегда думал, что было бы гораздо увлекательней, окажись один из гномов шпионом. Работал бы под прикрытием, скажем, на Злую Мачеху.

— У нее был свой способ наблюдения, насколько я помню.

— Впечатляющая получилась бы сцена, если б гномы застигли его за диверсией. И внезапно поняли бы, почему его зовут Молчун.

Было славно стоять на солнышке и мирно дурачиться, пока ребята в форме загружают в фургон трофеи. Большинство британских полицейских тратят свободные минуты на занудные жалобы или на треп о футболе. Мы жалкие любители в разговорных интерлюдиях по сравнению с коллегами из Штатов, которые, если верить книгам и кинофильмам, так изящно и гладко философствуют, что можно без всяких правок размещать подобные цитаты на страницах серьезных газет. Что ж, сдается, мы с Аланом Раддом внесли свой вклад в устранение дисбаланса. Я спросил:

— Ты, часом, ничего не знаешь о налете в минувшее воскресенье? Журналист в Уолтемстоу.

— Что там искали?

— Ужастики. В этом участвовал один из моих коллег. Ему любопытно, привлекли того журналиста или нет.

— Такие экспедиции обычно бывают итогом глупой мелкой свары между соседями. Урожай, как правило, не стоит преследования. Одна сторона доносит на другую, и вот мы ломаем дверь, выходим оттуда с собранием фильмов какого-нибудь дурня и ставим еще одну галочку в криминальной статистике. И если только не всплывает какая-нибудь порнушка, дело заканчивается официальным предупреждением и конфискацией любого нелицензионного материала. Концерт окончен.

Двухместный серебряный «мерседес», похожий на переднюю половину обычного авто, разрубленного пополам ту-

пым мужланом, резко затормозил позади нашего фургона. Алан Радд взглянул на часы:

— Даже если бы мы включили сирену с мигалкой, то все равно добирались бы дальше!

Крепко сбитый мужчина средних лет с перекошенным лицом и копной неестественно черных волос выбрался из машины. На нем был желтый шерстяной костюм с красным платком в нагрудном кармане и черные лакированные туфли, украшенные золотыми цепочками поверх язычков. Мистер Жаба, выдрессированный Александром Маккуином.

— Знакомый тип, — шепнул мне Алан Радд. — Прежде чем Сохо превратили в Мир Диснея, он заправлял секс-шопом на Флит-стрит. Его привлекали за несоответствие торговому стандарту: сбывал секс-комедии семидесятых под видом жесткого порно.

— Боже мой, — произнес этот тип, указывая на идущего к фургону полицейского с упаковкой журналов в руках, — боже мой, мистер Радд, нет у вас права так со мной поступать!

Радд вручил ему копию ордера и указал на один из журналов.

— Мы нашли его в ваших владениях, Гарри. Не говорите мне, что хранили их по просьбе друга.

— Я их никогда прежде не видел, — возмутился тот. — Вы их мне подбросили, мистер Радд. Я потрясен.

— У меня есть также основания предполагать, что ряд видеофильмов, продававшихся на вашей территории, нелегально ввезен из Соединенных Штатов. Я уверен, вам известно, что закон запрещает продавать записи, не одобренные Британским управлением сертификации фильмов. Гарри, ведь вы уже давно в этом бизнесе.

Гарри достал платок из верхнего кармана пиджака и вытер пылающее лицо. Пальцы его оттягивали золотые перстни.

— Журналы, должно быть, принадлежали предыдущему арендатору. Я никогда не отпирал эти шкафчики, мистер Радд. У меня даже ключей не было.

Радд вытащил телефон, поводил ручкой по пустому экрану и лукаво спросил:

— А кто мог быть предыдущим арендатором, Гарри?

— Вам следовало бы запросить агентство, мистер Радд. А пока вы это делаете, я, пожалуй, переговорю с моим адвокатом. И он наверняка захочет это изучить. — Гарри хлопнул ладонью по копии ордера.

— На вашем месте, Гарри, я бы связался со своим адвокатом немедленно, — посоветовал Алан Радд.

— Я добропорядочный бизнесмен, — ответил Гарри. — Да вы и сами знаете, мистер Радд. Мне нечего бояться.

Парни в форме несли последнюю порцию. У них кончились пластиковые упаковки, и они воспользовались картонными коробками. Я обратился к Гарри:

— Вы не помните, случайно, имени седьмого гнома в «Белоснежке»?

— Я их продаю, — ответил он, с большим достоинством убирая платок в верхний карман, — но я вовсе не обязан их смотреть.

Он уже обдумывал, как вновь завезти товар и найти замену благоразумно смывшемуся пареньку. И он знал, что мы не добыли ничего важного.

18

Я помогал Аллану Радду разбирать улов, когда позвонил Роджер Курт. Тим Ковени появился в мастерской, забрал свои изделия и удалился. Я спросил:

— Каким он вам показался?

— Вы о чем?

— Может, он выглядел встревоженным или возбужденным?

— Пожалуй, был чем-то поглощен.

— Вам что-нибудь сказал?

— Ничего. Ничего необычного.

- И не сказал, куда направляется?
- Нет, просто упаковал свои изделия и унес.
- А вы о моем вчерашнем посещении не упомянули?
- Я запускал печи, а он паковал изделия, — ответил Роджер Курт. — Мы едва успели десятком слов обменяться.

Я извинился перед Аланом Раддом, позвонил на базу и сообщил оператору номер банковского счета Тима Ковени, который вчера вечером узнал от Тони Макардла. В буфере моего мобильника хранился файл с данными на Тима Ковени, включая и копию его водительского удостоверения. Всю информацию я передал по линии.

— Слушаю, — ответил я, когда оператор АРЭСН наконец перезвонила мне.

— Мы удовлетворим ваш запрос как можно скорее, сэр, но сейчас мы работаем на мощности всего восемьдесят семь процентов, — уведомил женский голос в трубке.

Я в своем «мини» продирался через транспортную пробку на Пиккадилли-серкус, так что мне ничего не оставалось, как завести разговор с оператором.

— Как вас зовут?

— Дана, сэр.

— Послушайте, Дана. Подозреваемый, вероятно, идет пешком, возможно, едет в автобусе, где-то в районе Кингсленд-Далстон. У вас есть там камеры. У вас есть восемь критических точек физиономии. Сделайте, пожалуйста, для меня все, что в ваших силах...

— Ничего не могу обещать, но постараюсь, сэр.

— Какой смысл шлепать фотографии на водительские права, если вы не можете ими воспользоваться?

— Права двухлетней давности, сэр.

Я метался среди такси, автобусов и фургонов вдоль Шефферби-авеню, проскочил на желтый на Кембридж-серкус, за что мгновенно получил яркую вспышку предупреждающей системы безопасности — прямо перед глазами будто взорвалась звезда.

— Твою мать!

— Сэр?

— Сплошные пробки, Дана. Помогите мне его найти.

— Он уже в системе, сэр. Идет поиск. Пожалуйста, потерпите.

Я выиграл немного времени, проскочив задворками в Блумсбери. Знойный грязный воздух вырывался в открытые окна «мини». Камеры слежения висели на каждом углу. Незримая электронная сеть раскинулась по Лондону, пульсируя, всматриваясь и выискивая. Огромный разум, холодный и бесстрастный. Я стоял в хвосте у светофора, ожидая возможности свернуть на Грейс-Инн-роуд, когда Дана сообщила:

— Похоже, его засекли, сэр.

— Где?

— Вероятность распознавания только 81 процент, сэр. Водительские права...

— У него есть с собой какие-нибудь вещи?

— Через плечо перекинута сумка. Он входит на станцию «Далстон Кингсленд».

Я быстро прикинул маршрут и вырвался из хвоста машин. Взревели гудки, новая звезда возникла перед моим ветровым стеклом, когда я двинул круто влево на красный свет и понесся к Кингс-Кросс.

— Он на платформе Северной Лондонской линии, сэр, — сообщила Дана. — У меня есть патрульная машина примерно в десяти минутах езды, если вам требуется поддержка.

— Попробую справиться сам, Дана.

Движение на однополосном шоссе, вливавшемся в Юсон-роуд, было очень плотным. Я вылез из «мини», вскочил на капот и увидел, как четыре транспортные полосы сливаются к двухрядному контрольно-пропускному пункту. Дана бъявила:

— Прибыл поезд. Объект вошел в вагон. Он в объективеamerы вагона.

— Вот уж не знал, что вы и так можете, — улыбнулся я.

Вновь сев в машину, я выбрался на пустую полосу для автобусов (очередная звезда взорвалась перед глазами), про несся вперед до самого барьера, остановился и махнул удостовериением перед блюстителем порядка.

— Присмотрите за машиной, — бросил я ему и побежал.

Подлетев к турникету на «Кингс-Кросс», я опять взмахнул удостовериением перед ошеломленным контролером и чуть не скатился кубарем, когда прыгнул на забитый народом эскалатор. Мне повезло — поезд еще стоял у платформы Северной линии. Я успел. Первые две остановки я качался, держась за ремень и обливаясь потом. Наушник моего мобильника был зацеплен за ухо. Дана сообщила, что Тим Ковени все еще в Хайбери-Ислингтон, в поезде у «Каледониан-роуд».

Почти все вышли у «Кэмден». Держа удостоверение над головой и выкрикивая: «Полиция, срочно!», я не мог заставить людей убраться с дороги. Когда наконец миновал турникет наверху эскалатора, Дана сказала:

— Вижу вас, сэр. Подозреваемый выходит из поезда на «Кэмден-роуд».

Я уже мчался мимо стеклянно-стального навеса центрального офиса Сейнсбери и через тридцать секунд был у входа на станцию, как раз когда появился Тим Ковени.

— Осторожней, — предупредил Тим Ковени. — Это мой заработок.

Мы сидели на деревянной скамье в небольшом треугольном парке — кусты и сухая трава через дорогу от станции. Я разглядывал неглубокие чаши в пузырчатых полиэтиленовых упаковках, лежащие внутри его черной прорезиненной на плечной сумки: белое стекло со спиралью из переливчатой бронзы; густопузырящееся зеленое стекло; прозрачное стекло с чередующимися слоями парящих искорок — золотых,

серебряных и аквамариновых; прозрачное стекло, вспыхивающее под пальцами нежно-фиолетовым...

— Сколько за это можно получить? — поинтересовался я.

— Пятьдесят фунтов за штуку. По спецзаказу — дороже.

Тим Ковени был высоким худым парнишкой. Волосы он стриг коротко и красил в черный цвет. В ухе носил серебряное кольцо. Выцветшая зеленая футболка была неглажена и разодрана по шву под рукавом, а спереди усеяна прожженными дырочками. Мешковатые камуфляжные армейские штаны, грязно-белые кроссовки. Тим заметно успокоился, когда я закрыл его сумку и вернул ему.

— У тебя здесь более чем достаточно, чтобы уехать из Лондона, — заметил я. Он не отреагировал, а я продолжил: — Роджер Курт рассказал тебе о моем визите, так ведь? Он сообщил, что тебя разыскивает полиция, и ты решил быстренько заработать денег, чтобы иметь возможность смыться из города.

— Ничего подобного.

— Но ты направлялся к Кэмденскому рынку, верно? Там ты и продаешь свою посуду.

— Я сказал: так я зарабатываю на жизнь.

— Так ты сказал. Беда в том, что я тебе не верю. Ты оставил свою комнату, а теперь ищешь способ быстрее заработать. Кто-нибудь более подозрительный, чем я, мог бы подумать, что тебе есть что скрывать.

— Я уже много чего сказал. Почему ко мне опять цепляются?

— Хочу кое-что уточнить, — ответил я. — Мы можем посидеть здесь, отышаться и потолковать, или можем сделать это в официальной обстановке. Я мог бы обвинить тебя в учинении препятствий расследованию. Комната для допросов. Магнитофон, видеокамера. Или приятный разговор здесь, на солнышке. Выбирай.

— Да не о чем мне с вами разговаривать, я ничего не сделал.

— Успокойся, Тим, успокойся. Не хочешь закурить?

— Господи, да у вас и настоящего курева нет!

Я прикурил сигарету и выпустил дым.

— Ты всегда такой нервный?

— Мне действуют на нёвры типы вроде вас, — со слабыми потугами на браваду выдал Тим Ковени.

— Что ты имеешь против полиции, Тим?

— Послушайте, я не хочу больше об этом говорить, понятно? Не хочу, и все. У меня голова кругом идет. — Он посмотрел на меня и попросил: — Дайте-ка мне сигарету.

Я протянул ему пачку и зажигалку. Он закурил, пытаясь скрыть дрожь пальцев.

— Где ты сейчас живешь, Тим?

Молчание.

— Я же говорил тебе, что знаю — ты бросил свою комнату.

— У приятеля. Не стоит его в это дело впутывать.

— Мне нужен его адрес.

Тим Ковени выпустил дым и назвал адрес.

— Почему ты переехал из своей комнаты?

— Потому что чувствовал, как у меня голова раскальвается.

— Но ты все же нашел в себе силы немного поработать.

— Я не скрывался, иначе не пошел бы в мастерскую.

— Давай начистоту. Ты вернулся, чтобы забрать эти изделия, потому что тебе срочно понадобилось добыть денег. Ты чего-то боишься. Почему ты мне об этом не расскажешь? — Вновь тишина. — Давай поговорим о работе Софи. Ты помогал ей в шоу, которые она транслировала на своем сайте.

Тим Ковени пожал плечами, не сводя глаз с ползущих по дороге машин. Трава в парке была сухая, выбеленная солнцем. На потрескавшейся почве под кустами поблескивали мятые жестянки и осколки стекла.

— Я не единственный ей помогал. Это была просто ерунда. Для смеху... Послушайте, я уже об этом рассказывал.

— Мне всего лишь нужно еще раз с тобой по этому пройтись, чтобы уточнить детали. Сам знаешь, Тим, полицейским всегда нужно все десять раз переспросить. И только. Мы просто спокойно поговорим. Никаких подтверждений фактов, никакой записи. Я уже беседовал с Люси Мэтьюз, и она описывала мне то, что вы проделывали втроем. Кто-нибудь еще участвовал?

— Вряд ли.

— А вы с Софи делали что-нибудь без Люси?

Он опять пожал плечами, и я добавил:

— Люси говорила, такое бывало. Чем вы занимались?

— Я уже сказал: откровенная ерунда.

— Позволь рассказать тебе кое-что о работе полиции, Тим. Большой частью мы пытаемся докопаться до истины. Иногда по каким-то причинам людям бывает трудно говорить правду полиции. Даже честные люди кое-что пропускают, когда беседуют с нами. Иногда преуменьшают свою роль, или говорят, например, что не видели того, что на самом деле прекрасно видели. А все потому, что не хотят, чтобы их впутывали. Что вполне естественно, ибо работа полиции имеет отношение к грязной стороне человеческой природы. Но это означает, что полиция очень хорошо понимает, когда говорят правду, а когда нет. Боюсь, ты не слишком откровенен со мной, Тим. Так что давай начнем все сначала. И давай будем во всем откровенны, потому что я думаю, в глубине души ты хочешь сказать мне правду.

— Я и говорил правду. Мы маялись дурью. Что еще?

— Ты невысокого мнения о ее искусстве.

— Вы это о чем?

— Ты сказал, что вы маялись дурью, но это же был ее курсовой проект. И для нее он был столь же важен, как для тебя твоя стеклянная посуда.

— Ничего подобного. Искусство перформанса, концептуальное искусство и все такое — это совсем не одно и то же.

— Тебе оно не нравится.

- Я считаю это мошенничеством.
- Но ты помогал Софи.
- Почему бы и нет? Как говорится, для друга ничего не жалко.
- Значит, она была твоим другом.
- Ну, была.
- И чем вы двое занимались как друзья?
- Там не было ничего такого.
- Какого такого, Тим?
- Никакого того, что может быть у вас на уме.
- Ты все крайне усложняешь, Тим...
- Он не ответил, и я решил сменить тему:
- Как вы подружились? Вы занимались искусствами совершенно разного рода, вышли из совершенно разной среды.
- Вряд ли это может что-то значить, — проронил он не без горечи. — И уж всяко, ничего не значит в колледже.
- Но это имеет значение.
- Да. Вот почему эта страна так протухла. Люди видят только то, что хотят. Значит, кто-то вроде меня, парня из Ливерпуля, из рабочей семьи, непременно должен быть кем-то вроде хулигана, так?
- Как я понимаю, у тебя не много друзей в колледже?
- У меня тьма приятелей.
- И у тебя есть девушка, Тим, правда?
- Это не имеет никакого отношения к Софи, — резко вскинулся он. А потом снова ссгутился, сжался на краешке скамьи — локти и колени торчком. Не человек, а клубок нервов.
- А другая студентка, которая помогала Софи, Люси Мэтьюз? О ней ведь не скажешь, что она вроде тебя?
- Люси — гот. Единственный гот во всем колледже. Настолько ископаемое, что даже иронии не стоит.
- Значит, вы оба вроде белых ворон.
- Пожалуй.

— А Софи тоже казалась белой вороной?

— Она ни о ком не говорила гадостей. Это мне в ней и нравилось.

— Ты был ею увлечен, Тим? Знаю, вопрос слишком личный, но мне бы помогло, если бы я мог понять ваши отношения.

— Она мне нравилась, — ответил он после долгого молчания.

— И ты ей нравился.

— Да. Я ей тоже.

— У нее был молодой человек?

Он пожал плечами.

— Люси Мэтьюз сказала, что Софи была склонна флиртовать, Тим. Она с тобой флиртовала?

— Мы были друзьями. И ничего такого.

— Ты когда-нибудь заходил на ее сайт?

— Может быть, раз или два. Для смеху.

— Это был не просто перформанс, верно? Она занималась совсем другим. Я уже говорил об этом с ее преподавателем.

— Она всегда держала камеры включенными, да. Сами знаете, транслировала свою жизнь в сеть. Невелика хитрость. Это делают миллионы людей.

— Не в этой стране. Или по крайней мере она делала не совсем это. Я видел, Тим. Я знаю, что она держала сайт на нелегальном сервере. Как часто ты туда заглядывал?

— Да просто иногда для смеху.

— Ты видел, как она мастурбирует, Тим?

— Что? Нет, погодите, это не...

— Дело в том, что я сам видел: она этим занималась, Тим. Один из ее поклонников скопировал кадры на свой сайт. Пусть это останется между нами. Мне надо знать, что еще она делала... — Вновь воцарилось молчание. — Ты ведь хочешь, чтобы убийцу Софи поймали?

— Конечно, хочу!

— Тогда забудь обо всех законах, которые она нарушила. Теперь это не важно. Просто ответь на мои вопросы.

— Я же правду говорю. О Господи, я рассказал вам все, что знаю.

— Я читал стенограмму твоего допроса, Тим. Оттуда мало что можно почерпнуть. Например, ни слова о компьютере Софи.

— И что с ним?

— Не о том, который дядя купил ей месяц назад. Не о G10. И не о старом, который она использовала как сервер. О том, что остался у тебя. О ноутбуке.

— О том, который укради? Я ничего о нем не знаю.

— Не лги мне, Тим. Ячу твою ложь, и ты из-за нее начинаешь нравиться мне все меньше и меньше.

— Ноутбук укради, — повторил он.

— Если укради, как тебе удавалось использовать его, чтобы заходить на сайт Софи?

— Это неправда.

— Но ты признался, что заходил на ее сайт.

— Я использовал компьютеры в колледже.

— Мне известно, что за тобой числится в Ливерпуле, Тим. Проникновение со взломом, угоны автомобилей. Как сорвиголова вроде тебя попал в такое уютное местечко, как Сент-Мартин?

— У меня талант. В деканате знают, что за мной числится. Все это детские глупости. Я ничего такого не сделал с тех пор, как стал жить здесь.

— Любопытно, — заметил я. — Любопытно, а не остались ли где-нибудь отпечатки твоих пальцев? Может, вчера вечером, когда тебя было так трудно найти?

— Вчера вечером я был в пивной.

— Можешь это доказать?

— Это «Старая молельня» в Кентиши-тауне. Я играл там в бильярд и выпил немало. Меня там знают.

— Если это подтвердится, я проверю и все остальные вечера. Не думай, будто я этим пренебрегу, Тим, раз уж оказалось, что ты мне врешь. И ты знаешь, я что-нибудь найду. Тогда я посажу тебя в камеру и получу ордер, чтобы поискать ноутбук в твоей квартире и в жилище твоего приятеля. Я знаю, что компьютер у тебя, потому что ты не выбросил бы такую дорогую и полезную вещь. Я даже знаю, что вы с Софи провернули это вдвоем, потому что читал твое личное дело и читал ее заявление о выплате по страховке. Ты вскрыл дверцу ее машины, старого «пежо 205», насколько я помню. Отмычку ты бросил в машине, чтобы нашла полиция, а Софи сообщила страховой компании, что у нее похитили портативный компьютер. И вот ты получил ноутбук, а она деньги по страховке.

— Погодите, если я объясню, что сделал, вы мне дадите передышку?

— Сперва послушаем, что ты скажешь.

— Главное, что мы с Софи были друзьями, понимаете? Не-разлей-вода и все такое...

— Так это ты все придумал?

— Нет, придумала она. Ей хотелось немного встряхнуться, как она выразилась. Однажды она заперла в своей машине ключи, и я показал ей, как могу вскрыть дверцу. Когда ей пришла идея с ноутбуком, я сказал, что лучше всего разбить стекло, потому что все так делают. Никто не стал бы возиться с отмычкой или даже линейкой. Но она не хотела платить за новое стекло. Она сказала...

— Что же она сказала, Тим?

— Что так элегантнее.

— И она не побоялась заработать на парне вроде тебя?

Тим сделал последнюю затяжку и втоптал окурок в землю.

— Вы ее совсем не знаете.

— А на допросе ты и не подумал об этом рассказать...

— Я не знал, что это имеет какое-то отношение к ее смерти.

— Мне нужно взглянуть на ноутбук, Тим. Ты ведь не возражаешь?

— А там ничего нет. Софи избавилась от всей своей порнушки, прежде чем передать компьютер мне. Она специально отнесла его в контору своего дяди, и там кто-то его почистил.

— Солидно. Зачем ей это понадобилось?

— Не знаю. Но это правда. Так что вы там ничего не найдете.

— И все-таки я хотел бы взглянуть. Где компьютер? До сих пор все шло хорошо, Тим, и давай не будем портить отношения.

Он опять замолчал, наблюдая за транспортом. Затем вздохнул, сдаваясь, и тихо произнес:

— Он в моей комнате.

— Хорошо. А не давала ли она тебе чего-нибудь еще?

— Это вы о чем?

— Я о дисках, флэшках, о чем-нибудь подобном.

— Нет. — Ответ прозвучал, пожалуй, слишком быстро.

— Иногда люди так поступают — обмениваются резервными копиями с теми, кому доверяют. Она тебе доверяла, Тим?

— Я же сказал. Мы были друзьями.

— Достаточно близкими, чтобы она доверяла тебе свои бэкапы?

Он ничего не ответил.

— Я буду их искать, Тим. У тебя в комнате. И если не найду там, переверну вверх дном жилище твоего приятеля.

— Вы ничего не найдете.

— Ну и где же диски?

Вновь никакого ответа.

— Там может содержаться информация, с помощью которой удастся найти человека, убившего Софи.

— У меня был только один диск.

— И где он?

- Я отправил его по почте.
- Кому?
- Себе. В колледж.
- Ты знаешь, что там было?
- Я не смотрел. Она сказала, это для ее программы.
- Для выпускной программы?
- Она сказала: если что-нибудь случится, я должен буду его посмотреть.
- Если что-нибудь случится. Примерно что?
- Она не говорила мне. Но ее это очень волновало. Она сказала, что все увидят... — Он пошевелил пальцами. — Дайте мне еще одну сигаретку.

Я достал сигарету и дал ему прикурить. Он затянулся и спросил:

- Насколько крепко я влип?
- Не знаю, Тим. Почему ты думаешь, что влип?
- Она получала прорву электронных писем по поводу своей работы. В основном всякая чушь. Сосунки просили показать еще. Кто-то даже предложил ей выйти за него замуж. Но был один тип... Он писал другое. Гадости всякие.
- Откуда приходили эти письма?
- С Кубы. Поэтому Софи особо и не боялась.
- Письма с анонимного кубинского ретранслятора? Тим, он мог находиться где угодно. Мог даже быть ее соседом.

Тим Ковени пожал плечами:

- Я-то этого не знал. Он писал, что знает о ней все. Писал, что он один ее понимает. Называл себя Мститель. Жуткий тип. Она сохранила эти письма на всякий случай. Да вы их, наверное, уже читали.

- Ее компьютеры были выпотрошены.
- Вот черт... Но у нее был еще один почтовый ящик. Она туда пересыпала копии всех писем. И еще у нас был список электронных адресов всех, кто оставлял комментарии о ее шоу.
- В «Интернет-Волшебнике». Знаю. Я нашел этот ящик, но его уже почистили.

Тим глубоко вздохнул.

— Так и знал. Он хитрый гад. Она пыталась поставить фильтр, чтобы его не пускать, но он его обошел. Наверное, он хакер. Говорил я ей, чтоб была осторожней, но она только смеялась. И отвечала, что у нее все под контролем.

— Тебе известно, что она имела в виду?

— Она говорила, что заключила с ним сделку. Она вела себя, как если бы у нее была великая тайна.

— Когда это случилось?

— Несколько дней назад. Мы об этом поспорили. Я ей сказал, что этот тип чокнутый, что ей не следует его поощрять.

— Вероятно, такие советы бесполезны, Тим, но ты был прав.

— И еще одно. Я заглядывал на ее сайт в тот вечер. И раньше тоже заглядывал вечерами. И не только когда она меня просила. Хотел увидеть, что она делает. В этом было что-то жуткое, такое, что не отпускает, если начнешь смотреть. — Теперь он говорил сам с собой. Парень хотел выговориться, и я ему позволил. Мне казалось, я знаю, к чему он ведет. А он тем временем продолжал: — В любом случае в тот вечер она прислала мне сообщение, чтобы я непременно взглянул на нечто особенное. Я так и сделал и видел ее. С ней был мужчина. Я наблюдал минуту-другую, и вот она голая в кресле. Я не понимал... Не понимал, что это такое. Если бы понял, я бы что-нибудь сделал. Вызвал бы полицию... Что-нибудь сделал... Но я не понял... — Он посмотрел на меня с вызовом и с испугом.

— Ты увидел самую малость и разозлился, — подсказал я.

— Я думал, она просто издевается. Я думал, она это делает, чтобы отплатить мне за наш спор. Мне стало дурно. Прямо по-настоящему. Я отключился.

— И что же ты сделал потом, Тим? Давай выкладывай. Тебе станет легче, когда выскажешься. Не стоит больше носить это в себе.

Тим не смотрел на меня.

— Если бы я знал... Но ведь я не знал. Я вышел из дому, выпил... И все время...

— Я знаю, что ты делал, — кивнул я. — Думаю, этого было недостаточно для тебя, чтобы осознать, что в действительности происходит.

— Я мог бы ей помочь, — выдавил он.

— Не думаю, — возразил я. — Ты же был в другом конце Лондона. Пока бы добрался, все бы уже закончилось.

— Значит, все произошло очень быстро?

— Да, — солгал я. — Быстро. Но не думай об этом. Думай о том, что видел ты. Там не было ничего такого, что ты узнал бы? Ничего, что могло бы нам помочь?

— Я видел, как она сидела в кресле. Она была голая, а этот тип стоял позади нее.

— Крупный такой мужчина.

Он взглянул на меня:

— Вы тоже видели это кино?

— Я хочу знать, что видел ты, Тим.

— Он был крупный, да. Прямо верзила. Длинные волосы.

— Продолжай, Тим. Ради Софи.

— Ну, он держал ее груди. Поднимал их и стискивал вместе. Вот почему я подумал... — Он перевел дух. — Я подумал, что это секс.

— Ты узнал его?

— Нет. И потом, он на себя что-то напялил. Маску, что ли.

— Какую именно?

— Сумасшедшей старухи из прошлого века. Софи прошила меня посмотреть, и вот я это увидел. Он нацепил маску, поэтому я и подумал, что вижу одно из ее дурацких представлений... — Теперь Тим плакал. Слезы ручейками сбегали по обе стороны от его носа и капали с подбородка. — Она не хотела, чтобы люди были с ней близки. Я думал, она с ним трахается, чтобы поиздеваться надо мной.

Понемногу я вытянул из него все остальное. Он не сохранил два последних кадра. Он отключил компьютер, пошел в пивную и напился. Он ревновал. Злился. Он думал, что увидел нечто, рассчитанное на то, чтобы его подразнить. А когда осознал, что произошло, когда разобрался, что было на самом деле, он перепугался. Он сказал, что уехал из своей комнаты из-за того, что понял: письмо скорее всего было от убийцы Софи, а не от нее самой, и убийца наверняка знает о сайте Софи и наверняка заполучил ее список контактов, список людей, которые писали ей по электронной почте.

— Она собиралась использовать их письма в своей работе, в виде саундтрека или чего-то еще, — пояснил Тим.

— И ты думаешь, он написал каждому из этого списка?

Тим кивнул.

— Так обычно поступала Софи перед тем, как мы запускали одно из ее представлений. Поэтому мне надо мотать из города. Тип, который ее убил, знал обо мне.

19

Я отправился с Тимом Ковени на квартиру его друга за ноутбуком, затем проехался в метро до станции «Холборн» и прошел оттуда до главного здания колледжа Сент-Мартин на Саутхемптон-роуд, где попросил одного из технических служащих принести мне конверт, который Тим послал сам себе.

Мой «мини» был там, где я его оставил: на полосе для автобусов у заграждения. Под одним из дворников торчала квитанция на оплату штрафа. Местные блюстители порядка с невозмутимым видом наблюдали, как я выдергиваю ее и отъезжаю.

Час спустя в Т12 я включил свой компьютер и вставил туда диск Софи Бут. Экран погас. На какой-то миг я решил, что активизировался некий вирус, но тут же возникло изоб-

ражение Софи во весь экран. Она сидела скрестив ноги на постели в той комнате, где ее позже убили, глядя на веб-камеры в углу потолка, одетая в джинсы и большую не по росту белую рубаху с рукавами, закатанными и открывающими белые руки. Горстка звездочек мерцала на потолке. На камине горели свечи. Софи улыбнулась и сказала:

— Извини, Тим. Знаю, ты с ума сходишь, пытаясь понять, где я. И потому взглянул на то, что считал моей резервной копией, верно? Я не могу сказать тебе, где я. Я тебе ничего не могу сказать. Знаю, это тяжело, но так надо. Довольно скоро все станет известно, и тогда ты поймешь, как я проделывала свои фокусы. Помнишь, я говорила, что судьба вознаграждает смелых? Так вот, я этого заслуживаю. Тим, я увидела свою добычу и отправилась за ней. И теперь меня нет.

Я уставился на свое грубое отражение на внезапно помертвевшем экране. Защелкал и затрещал привод, безуспешно пытаясь выгрузить диск наружу. Пришлось перезагрузить компьютер. Теперь диск оказался пустым. Откуда я мог знать, что файл, который оставила Софи Бут, самоуничтожится? Я убрал диск в футляр и поднялся наверх. К тому времени Чарли Уиллз завершил работу с ноутбуком Софи.

— Кто-то здорово с ним повозился, — сообщил мне Чарли. — Жесткий диск отформатировали около месяца назад, отменно чистая работа. Работал умник, в точности знаяший, что делает. Каждый сектор несколько раз заполнялся случайными данными, прежде чем была установлена операционная система и программы.

— А как насчет кэша браузера?

— Он настроен на ежедневную очистку, но проблем нет. Мне удалось вернуть большинство файлов, накопившихся после форматирования. — Чарли Уиллз раскачивался на стуле. Его длинные волосы были сегодня распущены и ниспадали вдоль спины поверх чистого белого лабораторного халата. Он вручил мне диск и сказал:

— Я нашел здесь немало грязных фильмов, как ты и ожидал.

Я попросил его взглянуть на диск Софи Бут, вернулся к своему компьютеру и принял смотреть плоды трудов Чарли. Начало спектакля убийцы, обрывавшееся перед тем, как убийца приступил к работе, подтверждало рассказ Тима Ковени. Десяток клипов с доморощенными порнографическими выходками Софи и три эпизода, где она играла не одна. Я внимательно просмотрел одну групповую сцену и пробежался по двум другим. Все лгут полиции. Еще один фильм, снятый за три дня до убийства.

Ночь. Средним планом с угла узкая улица у того здания, где жила и умерла Софи Бут. Софи стоит в свете фонаря, на ней длинное белое платье. В нижнем левом углу нечто вроде серийного номера, дата и время. Таймер терпеливо перебирает секунды и минуты.

Софи простояла неподвижно более двух минут, судя по часам. Затем медленно распростерла руки, так что рукава распахнулись, точно крылья ангела, и вдруг пропала. Осталася лишь фонарь и темная улица позади него, да часы невозмутимо отсчитывали время.

Я вновь внимательно просмотрел этот сюжет. И еще раз, пытаясь понять, что я вижу. Судя по ракурсу, это снималось камерой слежения над дверью конторы, той, с участием которой Энтони Бут демонстрировал возможности прототипа АРЭСН на заре своего бизнеса. Не иначе как Софи имела доступ к этой сети, произвела запись, а потом просто-напросто вырезала и склеила в нужном месте. Чтобы казалось, будто она исчезла, и добавила часы.

«Вот она, великая простота лучших цирковых фокусов, — подумал я, просматривая фильм в четвертый раз. — И ведь не отпускает». Темная улица, девушка в неоновом сиянии, которая внезапно становится ангелом и тут же исчезает.

Зазвонил телефон. Чарли Уиллз. Похоже, диск как следует очищен, вся поверхность перезаписана нулями, не считая пожирающего файлы вируса в загрузочном секторе.

— Старательная мелкая тварь, — заявил Чарли. — Судя по всему, вирус был запущен после открытия особого файла.

— Похоже. Ты ничего не можешь восстановить?

— Не получится. Он стер все, кроме себя, около ста раз. Даже призрака не осталось.

На экране Софи Бут улыбнулась, простирая руки. И пропала.

Ни Тим Ковени, ни его друг не ответили на звонок в дверь высокого узкого дома на Кентиш-таун, где Тим нашел убежище, но я решил, что знаю, где он может быть.

«Старая молельня» представляла собой старомодное заведение с двумя стойками, высокими потолками и задней комнатой, где расположился большой плазменный телевизор и два бильярдных стола. Лет десять назад здесь сделали легкий косметический ремонт, но заведение осталось отчаянно безликим, если только лицо не в том, чтобы пить, курить и смотреть спорт по телику. Пивная как пивная. Несмотря на то что была середина недели и лишь начало вечера, с полдюжины крепко выпивших молодых парней повисли у стойки, точно моллюски у края лужи, оставшейся после отлива. На экране, установленном над шеренгами бутылок, в самом разгаре шло состязание лесорубов из Словении.

Тим Ковени сидел на одной из скамеек в задней комнате. Зажав кий между колен, с пинтой «Гиннесса» в руке он наблюдал, как парнишка его лет в мешковатых шортах и в дырчатой футболке потянулся через стол и не справился с ударом в угол. Я сел на табурет у стойки, заказал «Кроненбург», закурил и стал ждать, когда Тим Ковени меня заметит. Он был в тех же армейских штанах, что и днем, и в хлопчатобумажной рубашке, распахнутой на груди. Под правым соском висело кольцо. Тим с приятелем играли осмотрительно, методично, медля перед каждым ударом, как шахматисты, словно желали предельно растянуть партию, стоившую два фунта.

На телеэкране медленно и плавно упала сосна. Старый ханыга, скорчившийся на скамье в углу, тут же пробудился, выудил откуда-то плоскую флягу виски, глотнул и снова погрузился в сон. Где-то минут десять спустя Ковени допил «Гиннесс» и направился за новой кружкой, но увидев меня, замер на полпути.

— Глазам своим не верю, — протянул он.

— Я уже заказал тебе выпить, — сообщил я.

Я и впрямь заказал. И второй «Кроненбург» для себя.

— Я в бильярд играю. У нас середина партии.

Я прошел к столу, подмигнул юнцу в дырчатой футболке, закатил черный шар в одну из угловых луз и предложил парню испариться, когда тот начал возникать.

— Есть разговор, — обратился я к Тиму. — Условия такие же. Можно потолковать здесь, а можно в уютной комнатке для допросов.

Мы сели за угловой столик. Я как следует вытянул левую ногу. Она противно болела, глубоко в бедренной кости резко дергало. Пожалуй, пора опять начать бегать. Тим сгорбился, описывая пальцем петли по наружной стенке запотевшего стакана с бархатистым черным питьем.

— Когда я получу обратно компьютер?

Я рассмеялся, не таясь.

— Не считая того факта, что он — вещественное доказательство в деле об убийстве, я думаю, что страховая компания тоже может предъявить на него права.

— Но ведь компьютер мой. Вы обещали, что не будете им ничего говорить... Послушайте, к чему все это?

— Мы спокойно беседуем, Тим. Только ты и я. Никаких дополнительных подтверждений, никаких записей. Ни честной игры, ни нечестной. Понимаешь?

— Давайте быстрее.

— Хорошо, спрошу тебя напрямик. О том, что вы откладывали с Софи.

— Я уже рассказывал.

— До известного места. А теперь мне нужно еще несколько деталей.

— Это поможет поймать урода, который ее убил?

— Надеюсь. — Я встретился с ним взглядом. — Хочу, чтобы ты был со мной честен, Тим. Теперь ничто не может повредить Софи, и если ты что-то утаиваешь, считая, что это ей на пользу, ты этим никому не помогаешь. И меньше всего себе.

Он опустил глаза.

— Ладно.

— Ты говорил, что занимался с Софи всякой ерундой для ее проекта. Иногда участвовали ты, Софи и Люси Мэтьюз, но иногда только ты и Софи. Я хочу знать правду о ваших затеях вдвоем.

Он по-прежнему избегал моего взгляда.

— Я говорил правду.

— Большинство людей думают, будто что-то знают о компьютерах, Тим. И некоторые действительно что-то знают. Софи, например. Но большинство заблуждается. Там, где я работаю, в Т12, очень хорошо умеют восстанавливать компьютерные файлы, которые люди, как они воображают, стерли. Например, дрянные фильмы, снятые тобой и Софи.

Он вскочил и побежал. Извернувшись, сбил табурет, когда я кинулся за ним. Преследуя его, я вылетел из дверей, пересек тротуар и выпрыгнул на дорогу. Визг тормозов, блеянье гудков, гневные выкрики. Я ударился о крыло ржавой «вектры», разворачивавшейся у меня на пути. Лицо водителя расплылось белым пятном. Он что-то вопил, но слов я не слышал. Впереди меня Тим перекинул через квадратный капот припаркованного «вольво» и неловко приземлился с другой стороны. Я схватил его, прежде чем он успел подняться. Он попытался встать, но я хорошенъко ухватил его запястья, мы оба проковыляли шаг-другой вперед и снова рухнули. Колеса такси прошуршали буквально в фуре от наших голов. Кто-то, уворачиваясь от машин, бежал к нам. Сандра Сэндс.

Я заорал Тиму, хотя наши лица были на расстоянии сантиметра друг от друга:

— Скажи мне, Тим! Скажи, что ты ее поимел!

Он наклонил голову и начал изрыгать бурую гущу. Не все попало на мои ботинки. Тим отплевывался, кашлял, затем посмотрел на меня и произнес:

— Я убил ее, да?

Сандра сказала, что Тони Макардл узнал об организованном мной наблюдении АРЭСН за Тимом Ковени, когда в убойный отдел прибыли бумаги ему на подпись. Сандру послали переговорить с Тимом. АРЭСН проследила за ним до «Старой молельни».

— Я прекратила наблюдение, сэр. И мне приказано доставить его обратно.

Взгляд у нее был решительный, лицо бледное в рыжем свете уличных огней. Одной рукой она цеплялась за Тима чуть выше локтя.

— Я в дерьме по горлышко, так что еще десять минут разницы не составят.

— Старший инспектор Макардл просто вне себя от гнева, сэр.

— Можете подождать в машине, детектив Сэндс. Или помогите мне.

— Это приказ, сэр?

— Безусловно.

Мы вернули Тима Ковени в пивную и усадили в углу. Я заказал колу и два двойных «Джека Дэниелса». Управляющий, молодой человек в дешевом костюме и с прилизанными волосами, не больно-то хотел меня обслуживать. Он все бурчал даже после того, как я показал ему служебное удостоверение.

— Я чуть не вызвал полицию, — сказал он. — Даже если вы тоже из полиции, мне-то что? Вы же не местный.

— Дайте нам выпить, — попросил я. — Обещаю, мы будем вести себя смирно.

— Ботинки бы почистили, — проворчал он, ставя стаканы на прилавок. — Вонь невыносимая.

Когда я подвинул к Тиму его порцию, он заявил:

— Терпеть не могу виски, — и тут же выпил половину, вытер губы тыльной стороной ладони и наградил меня свирепым взглядом.

Я закурил сигарету и пригубил «Джек Дэниелс». Руки у меня почти не дрожали.

— А теперь что? — спросил Тим.

Я сделал еще глоток и ответил:

— Мне нужно это знать наверняка, Тим.

Подключилась Сандра:

— Ты хочешь поговорить об этом здесь, Тим, или предпочел бы более спокойное место?

— Я согласен на разговор, — вздохнул он.

— Вот и ладно. — Я кивнул. — Скоро ты почувствуешь себя гораздо лучше, Тим. Это правда. Вы были вдвоем, и это была ее идея?

Он кивнул.

— Мне не нужны подробности, но когда это случилось?

— Она хотела, чтобы больше народу видело, чем она занимается, вот и додумалась до этого. Ей уже надоела та ерунда, которую она делала в одиночку...

— Все в порядке. Я знаю. Ей теперь нельзя сделать больно, Тим.

— Ну, так у нее был не единственный такой сайт в сети, с камерами в комнате. Таких тысячи. И на многих из них люди имеют друг друга. Софи взбрело в голову, что ее сайт станет более популярным, если она выдаст такое шоу. Тем более что это незаконно. Я согласился поучаствовать, но не до самого конца, а...

Я погасил полувыкрученную сигарету.

— Одно за другое...

Тим кивнул. Он выглядел совсем юным и глубоко несчастным. Я представил, как они вдвоем под перекрестным взглядом

дом веб-камер подначивали друг дружку, точно шаловливые дети.

— А потом ты загрузил эти клипы с ее сайта себе, Тим. Когда это было?

— Это началось примерно с месяца назад.

— Как раз перед тем, как она получила новый компьютер на день рождения.

— Последний раз мы занимались этим за три дня до ее смерти. Понимаете? Дошло до вас? Он увидел нас, гнусная скотина, и стал ревновать.

— Необходимо сделать заявление, Тим, — сказала Сэндс. — Мы позаботимся о безопасности...

Тим Ковени допил виски. Он уставился в потолок и произнес:

— Я думал, что будем только я и она. То есть я знал, что там веб-камеры, но я думал, что забуду о них. А вышло так, что не забыл, и они не имели никакого значения. — Он поглядел на меня. — Напротив, это еще больше заводило. Мне было лучше, чем когда-либо.

Пока Сандра и детектив Вайн получали от Тима заявление, на меня напустился Тони Макардл. Его не особенно смягчило, когда я дал ему диск с фильмами, которые добыл Чарли Уиллз из ноутбука Софи Бут, и рассказал о посланиях, которые она получала от кубинского анонима.

— По словам Тима Ковени, этот так называемый Мститель в нее вцепился. В какой-то момент она заблокировала ему доступ, но он обошел фильтры да еще и посмеялся над ней. Думаю, Софи пыталась продемонстрировать ему собственную независимость, занявшись любовью с Тимом Ковени. Тут-то он и ударил. Из-за этого он и убил ее. Или нанял убийцу. Я уверен, без Барри Дина тут не обошлось, сэр, — закончил я.

Макардл постучал диском себе по подбородку.

— Мне кажется, кто-то действительно нанял убийцу, здесь вы правы, но я не думаю, что это Барри Дин. У него

железное алиби, и с местом преступления его ничто не связывает. Забудьте о нем.

— Софи думала, что владеет положением. Она скопировала все его письма на аккаунт в «Интернет-Волшебнике» из предосторожности. Но он вложил паука в одно из своих писем, а может, и в несколько, и вся почта исчезла. А когда она попыталась показать, что может делать все, что захочет, занимаясь перед камерами сексом с Тимом Ковени, он устроил себе алиби и убил ее перед теми же объективами.

— Дешевая психология, и только, — возразил Макардл. — У нас нет ничего, чтобы связать Дина и Софи Бут. И хуже всего то, что вы считаете, будто она сама напросилась.

— Нет, сэр, я так не считаю.

— Был такой разговор в группе. Я этого не потерплю.

— Она не понимала, что надвигается, сэр. Не видела, что он за тип.

— Мне следует подать на вас рапорт за то, что вы натворили. Вы же могли лишить нас важного свидетеля.

— Я должен был знать наверняка, сэр. Я думаю...

— Не важно, что вы думаете. У нас есть серьезный подозреваемый, и когда я закончу с вами, я собираюсь поговорить с ним.

— Подозреваемый, сэр?

Макардл откинулся на стуле, сплел пальцы у себя на макушке и проговорил:

— Мы установили, чья сперма найдена на простынях. Энтони Бута.

Ощущение было такое, как будто я еду в экспресс-лифте в полной непроницаемой тишине. Я сказал:

— Это не означает, что Бут убил Софи.

— Нет. Но, разумеется, это дает ему мотив, не так ли? Дядя, который сожительствует с племянницей и при этом находится в центре общественного внимания, мог подумать, что история, чего доброго, попадет в прессу. Почему бы ему тогда не прибегнуть к убийству, чтобы сохранить тайну? А

если Софи удалось записать одну из таких встреч, это объясняет, почему жесткие диски были выломаны из компьютеров. У вас не очень счастливый вид, Джон.

— Пожалуй, вы меня ошеломили, сэр.

— Мы ждем, когда прибудет Энтони Бут. Со своим адвокатом, разумеется. Если понадобится, мы проговорим с ним всю ночь. Ни слова об этом никому за пределами команды. Надеюсь, новость не распространится.

— Могу ли я спросить, сэр — НСКР может вмешаться?

— Они уже участвуют. Я просил их проследить происхождение факса, переданного через ретранслятор.

— Если они пообещали вам, сэр, что найдут информацию, они заблуждаются. Куба ничего не выдаст.

— У меня другое мнение.

— Но...

— Разговор окончен, — оборвал меня Макардл. — Вы тут натворили достаточно, Джон. Помните, что я говорил об игре в команде?

— Если вы об АРЭСН, сэр, так мне надо было срочно найти Ковени. Казалось, что лучше всего...

— Дурацкая выходка. Она могла скомпрометировать важного свидетеля. Считайте, что вам повезло. Я не упоминаю вас в рапорте. Идите домой, Джон. Если понадобитесь, я вас вызову.

Дэвид Варном ждал за дверью кабинета Макардла. По тому, как он улыбнулся мне в лицо, когда я проходил мимо, я понял: он слышал все и знает, насколько плохи мои дела.

Часть вторая

НЕСОКРУШИМЫЙ

20

Я отправился домой. Переоделся в шорты и футболку, разморозил пару лепешек с мясной начинкой и, устроившись на балконе, съел их. Выпил бутылку пива и несколько минут поболтал с Джули — так, о чем-то несущественном. Затем открыл еще бутылку и просмотрел досье на Барри Дина, которое скопировал в свой мобильник. Было жарко. Небо на востоке становилось свинцовым, возможно, надвигалась гроза... Кружил вертолет, беспокойно ощупывая лучом прожектора скопление небоскребов... Совсем рядом завывали сирены... В многоэтажном доме по ту сторону канала, окаймленного рядами деревьев, орала музыка... Где-то плакал ребенок.

Я думал о Софи Бут, вспоминал предостережение Макардла и ухмылку Дэвида Варнома.

Я понял, что не могу оставить все так, как есть.

Откупорил еще одну бутылку пива. Прослушал первые четыре песни из альбома «Клэш» «London Calling», потом включил «The Boatman's Call» Ника Кейва. Звуки рояля и густой проповеднический бас Кейва заставили меня действовать.

Я покрыл два листа бумаги именами и стрелочками, затем порвал их и начал сначала.

За Дином водилась привычка подглядывать, хотя он при этом не придерживался определенной тактики. Одной из жертв была мать-одиночка двадцати двух лет. Цвет ее волос напоминал отстоявшуюся воду, в которой перемыли груду грязной посуды. Она всегда глядела настороженно, а резкие черты ее лица носили отпечаток нищеты и тяжелых жизненных неудач. Другая жертва — сорокалетняя разведенная деловая женщина средиземноморского типа. Темные курчавые волосы и черные, точно оливки, глаза. Мать-одиночка проживала в муниципальном здании-муравейнике на Эссекс-роуд, где Дин снимал комнату после того, как его выставили с первого и единственного места работы. Вторая женщина владела небольшим питейным заведением, где отребье преступного мира перемешивалось с толпой телевизионных актеров, писателей-детективщиков и журналистов старой школы. Вероятно, Дин пристал к этим женщинам лишь по той простой причине, что они были рядом и он видел их каждый день.

Я вспомнил фотографию Софи на белой доске в отделе убийств — юное смеющееся лицо, пышущее здоровьем.

Интересно, как же Барри Дин нашел ее, почему заглянул именно на ее сайт? Сайтов ведь много. То, что это была случайность, не казалось удачной версией...

Теперь я почти не сомневался, что он и был тем самозванным Мстителем.

Интересно, думал я, а Дэмиен Наццаро, который ездил с Дином на Кубу и вместе с ним вернулся, исполнитель или подставное лицо?

Я размышлял о сделке, которую собирались заключить Софи. Она спровоцировала Тима Ковени на кражу ноутбука из ее машины. Она бросила вызов всему миру. Она ненавидела своих родителей. Она терпеть не могла добровольную нужду, разросшуюся семью, благотворительность. Она любила выделяться, ей нравилось ощущение возбуждения, нравилось рисковать.

Я размышлял и об Энтони Буте, любителе порнушки. Он не делал из этого тайн. Он позволял племяннице пользоваться его старой квартирой, покупал ей компьютеры и одолживал большие суммы денег, чтобы она могла оплачивать свои сайты. Интересно, наблюдал ли он за ее нехитрыми сексуальными играми? Пошел ли он дальше простого наблюдения? Я все думал об этом пятне спермы. И об извращениях в сети, и о шантаже...

Я допивал уже четвертую бутылку пива, то и дело бросая через всю комнату тряпичную мышку — развлечение для Архимеда. Робот-сова с радостью бросался с высоты на игрушечную мышь. Он ловил ее клювом, вперевалку пересекал комнату и бросал игрушку к моим ногам, а потом взлетал на свою жердочку и выжидательно следил, когда я повторю развлечение. Раздался звуковой сигнал, и лишь через минуту я осознал, что исходит он не от Архимеда, а от моей веб-книжки.

Это было послание.

Я тебя вижу. Наливаешься пивом, когда надо работать.

Я выключил свет, подошел к незанавешенному окну и выглянул. На обсаженной деревьями дорожке вдоль канала — никого. Может, на детской площадке перед многоквартирным домом или на одной из подъездных дорожек к этому зданию? Наконец я решил ответить:

Ты подключился через мобильный телефон?

Не пытайся меня обнаружить. Я хочу с тобой поговорить. Могу и передумать. Зажги свет, чтобы я мог тебя видеть.

Я не стал зажигать свет. Я вышел из квартиры, нажал кнопку лифта. Пока ждал кабину, отправил ответ.

О чём же ты хотел побеседовать?

В лифте книжка не работала, но когда я вышел из подземного гаража в теплую плотную ночь, услужливо запищала:

Ты же сам знаешь о чем.

Я поспешил зашагал по шоссе к мосту над каналом.

Если тебе что-то известно, ты должен продолжить говорить.

Ответа не последовало.

Ты же хочешь мне что-то сказать. Если бы ты был невиновен, ты бы не вляпался в эту историю. Если не хочешь встретиться со мной напрямую, можно придумать что-то другое.

Ты знаешь, что я совершил. Знаешь — и не можешь ничего с этим поделать.

Я перешел на другую сторону канала. Ворота, ведущие к каналу, оказались заперты. Я быстрым шагом направился вдоль высокого ограждения мимо детской площадки в сторону многоквартирного дома.

Мы могли бы встретиться в любое время, когда захочешь. Напрямую.

Тебе будет обидно, если учесть, что я сделал... А ведь ты не сможешь ничего доказать.

Ты собирался о чем-то поговорить, — напомнил я. — Если уж решил, то говори.

Попробуй четвертый уровень.

Я пустился бегом вверх по первому маршруту ступеней. Пригибаясь, оглядывался по сторонам, чтобы видеть освещенную аллею. Никого. Обернувшись, я начал одолевать следующий маршрут. На четвертом уровне я обнаружил надпись, наложенную из пульверизатора свежей красной краской поверх ранее написанных белых слов.

Мститель.

Краска смазалась под кончиками моих пальцев. По главной дороге проехала машина. Я помчался к дальнему концу аллеи и успел увидеть поспешно удаляющийся серебристый автомобиль.

21

Сохо. Десять вечера. Туристы и завсегдатаиочных клубов столпились в очереди у ворот службы безопасности на Олд-Комптон-стрит, наблюдая за работой полиции. Узкие улицы кишили народом. Толпы разодетых геев (а большая часть территории вокруг Олд-Комптон-стрит по-прежнему принадлежит им, несмотря на попытки Лиги благопристойности прикрыть их пабы и клубы), туристы, представители служб массовой информации и третье поколение япки сновали у дверей пабов и дешевых кафе. Улица пестрела актерами в костюмах старого веселого Лондона: разносчики пирожков, продавцы овощей, акробаты, пожиратели огня, уличные кокетки. Был даже городской зазывала в красном камзоле и в треуголке, беспрестанно звонящий в колокольчик. Перед витриной магазина «Нинтендо» толпа ребятишек разглядывала мультишную лисицу. Старомодный джаз в полосатых жилетках и котелках играл «When the Saints...». Комедийный актер с телевидения сопровождал двух юных дам в Сохо-Хаус. Среди спешащих пешеходов сновали рикши. На углу Уор-

дур-стрит и Бруэр-стрит девушки в серебристых шортах и топах на бретельках, в усыпанных блестками туфлях вручали всем бесплатные стаканы зеленовато-золотой жидкости, в которой плавали какие-то хлопья.

Все это находилось под наблюдением множества камер, прикрепленных скобами к фонарным столбам и стенам зданий. С тех самых пор, как началось расследование, мне было известно о неустанном наблюдении, о невероятной сообразительности и хитрости, скрытыми за этими видеокамерами.

«Двадцатый век Эрос» был театральным клубом, разместившимся в подвальчике на Бруэр-стрит. Женщина за окошком в будке у входа продавала билеты. Рядом на стене табличка — флуоресцирующие зеленые буквы на шокирующее розовом фоне: «Живые девушки! Реальное шоу!» Так вот эта женщина сразу поняла, что я из полиции. Она догадалась об этом прежде, чем я успел раскрыть рот, и сообщила, что знать не знает никакого Дэмиена Наццаро, как только я задал ей вопрос, где можно его найти.

— Вы что, не знаете своего босса?

— Обычно я ничего не знаю, и мне так больше всего нравится, — ответила она.

Крашеная блондинка лет сорока с лишним. Волосы с жесткими, точно проволока, завитками. Вокруг зорких глаз «гусиные лапки». Оранжевая губная помада и перламутровые тени для век — традиционный клоунский макияж. Она сидела на высоком табурете, лениво помахивая пластмассовым веером, имеющим форму лотоса, который рекламировал клубный веб-сайт. Ее короткая красная виниловая юбка задралась кверху, давая возможность хорошенько разглядеть белые бедра и красные трусики. Она заметила мой взгляд и подмигнула:

— Это все входит в представление, дорогуша. На все это есть лицензия.

— Мне нужно поговорить с менеджером, — настаивал я. — Кем бы он ни был.

— Подождите, — вздохнула она и нажала кнопку рядом с устройством для приема платежей по кредитным картам.

Где-то в отдалении послышался звонок. Эхом к нему по крутым ступенькам загрохотали тяжелые шаги крепко сбитого молодого человека. Выбитая голова. Золотые цепи на бычьей шее. В ушах и на руках — золотые кольца. Прышающий подбородок — похоже, результат злоупотребления стероидами. Грубые шпоры-запонки с пластмассовыми наконечниками торчат из-под рукавов пиджака, сшитого под Армани.

Он сверкнул на меня глазами:

— Вали отсюда. Это частное заведение.

— Не спеши, парень, — ответил я, но до него не дошло.

Прежде чем я успел что-нибудь добавить, он обхватил меня, точно партнер в танце, поднял безо всякого усилия, сделал два шага и уложил навзничь в канаву. Рикша резко свернула в сторону, отчаянно звоня, когда я попытался подняться. Семейная группа туристов остановилась поглазеть, без сомнения, считая, что это часть развлечения, предлагаемого данной улицей.

— Он из полиции, — громко заголосила женщина из будки. — Менеджер ему понадобился.

— Серьезно? Ну, извини. — Вышибала потащил меня вверх, чуть ли не откручивая мне руку.

Я поправил пиджак и заметил, что один из карманов порвался.

— Это тебе еще повезло, парень, что шпоры были в ножнах. — Вышибала снял пластмассовый колпачок с одной из своих громадных запонок, чтобы я увидел черный, острый как бритва коготь. — Новая штучка, парень. Берет у тебя твои клетки, выясняет это самое гребаное ДНК, изготавливает такие паршивые росточки, сует тебе под кожу и те вырастают. И свирепое же дермо! В драке вещь незаменимая!

— И ты думаешь, тебе понадобится драться в этой ловушке для туристов?

— Ты не поверишь! — воскликнул он, приложив колпачок на место. — Мне эти рожки только что поставили. Я с ними теперь вроде быка, парень.

— Или вроде козла, — оборвал я. — Проводи-ка меня к твоему шефу, сынок. До того места, откуда ты уже не сможешь спустить меня с лестницы.

Как описать этот клуб? Это был усовершенствованный туалет с мерцающими огнями и громкой музыкой, от грохота которой сотрясался низкий потолок. Было жарко и душно, воняло потом и дезинфекцией. Кирпичные стены были расписаны грубыми лунными пейзажами, состоящими из кратеров и зазубренных гор под звездным небом. Над крошечным баром стоящие на полке телевизоры показывали черно-белые фильмы: «Люди Икс», «Доктор Кто» и «Степто и сын». А в баре официантка в серебристых шортах и в таком же бюстгальтере, с двумя звездочками, поблескивающими на ленте ~~вокруг~~ головы, беседовала с невозмутимым барменом. Компания случайных посетителей в кабинах, расставленных полукругом, разглядывала девушку в белом виниловом бикини, с искусственным загаром и в спингфилдском парике.

Я проследовал за вышибалой за занавеску из бусин в узкий коридор, освещенный жужжащей флуоресцентной лампой, который казался еще более узким из-за стоящих там бочонков с пивом. Оттуда — в крошечный офис, где напоминающий гнома лысеющий человечек низко склонился над столом, заваленным бумагами.

Когда я сунул ему под нос свое удостоверение, он едва на него взглянул.

— Если вы пришли проверить лицензию, так она не просрочена. Все в полном порядке... Костюмы наших девочек полностью согласованы.

— Вы Дэмиен Наццаро?

Человечек откинулся назад:

— Нет, сынок, я — Тим Барроу. А к чему бы это вам понадобилось побеседовать с Дэмиеном Наццаро?

— Я правильно понял, что вы его знаете?

Выцветшие голубые глаза Барроу, увеличенные очками, насторожились. Ему было крепко за шестьдесят, лицо сморщенное, волосы плохо расчесаны, рукава рубашки засучены до локтя, обнажая татуировку на руках.

— Иди, Трой, — велел он вышибале и повернулся ко мне: — Присядь-ка, сынок. Расскажи, в чем тут дело.

Я уселся на кухонный табурет, втиснутый между столом и дверью. Над головой Барроу жужжал вентилятор, перемешивая затхлый горячий воздух.

— Выпьешь со мной, надеюсь? — спросил Барроу, извлечная из ящика стола бутылку виски «Белла».

— Если только это не та разбавленная водой дрянь, которую вы продаете клиентам, — ответил я.

— Ну, прямо уж...

Он разлил виски в два грязных стакана. Мы выпили, и я закурил сигарету.

— Вижу, пытаешься бросить, — заметил Барроу. — Или так хочет ваша подружка?

— И каково это — работать на Вителли?

— Знаете ли, я работал в подобном месте, когда впервые попал в Лондон. Полный круг завершил, да? Но это только временно. Предыдущий работник на этой должности внезапно уехал, я занял его место. Ходят слухи о скором падении статуса клубов, и никто не лелеет далеко идущих планов. Через годик-другой это заведение, несомненно, станет еще одной лавочкой Диснея — или фитобаром.

Зазвонил мой мобильник. Я вытащил его и отключил.

— Я так понимаю, Дэмиен Наццаро здесь главный, — сказал я. — Вы хорошо его знаете?

— Разумеется, я с ним знаком. Недавно с Мальты приехал, старший сын свояченицы Андреаса. Он не так-то мно-

го знает, но воображает, будто во всем разбирается. По бумагам он менеджер, но это только потому, что старина Андреас любит, чтобы в каждой дырке этого бизнеса сидел человек из его семьи. Так вот. Этот тип является сюда раз в неделю. Час у него уходит на то, чтобы просмотреть все книги. Есть еще парочка обязанностей — скажем, он обслуживает игровые автоматы...

— Способный парень?

— Мало знает, но неглуп. Отличный послужной список, прекрасная машина, модные костюмы. К бабам неравнодушен. Голову бреет, чтобы выглядеть крутым. А что у него за неприятности?

— Да в общем-то никаких.

— В самом деле?

— Да. В самом деле. Я всего лишь хочу уточнить, ездил ли он на Кубу в последнее время, и кто его сопровождал.

— Он действительно ездил. На днях ему как раз пришлось заняться делами Вителли — этими долбаными компьютерами и Интернетом.

— Где я могу его найти?

— В это время суток? Он сейчас как раз собирается заглянуть в один из клубов. Может быть, вы найдете его в игровом зале — тут, за углом.

— В том, что на Уордур-стрит?

— В том самом. Он обожает боевые игры.

Я допил скотч и поднялся.

— Возможно, я вернусь. Надеюсь, к тому времени вы поработаете над манерами ваших служащих.

— Трой не из моих людей, — поправил меня Барроу. — Он из охранной фирмы. Мы пользуемся ее услугами. Я с ним потолкую, но вы не вправе обвинить его в этом недоразумении. Не в обиду будь сказано, но вы меньше всего похожи на полицейского из всех людей, с какими он обычно имеет дело.

* * *

Опознать Дэмиена Наццаро было легче легкого: его высветил луч лазера в центре галереи. Он метался и приседал на своего рода трамплине, пистолет в его руке соединялся при помощи кабеля с большим изогнутым телеэкраном. Лазерные лучи плотной сетью оплетали туловище и вспыхивали на чисто выбритом затылке. Белая футболка оттеняла и подчеркивала натренированные мускулы, картину дополняли облегающие серые штаны, пояс с золотыми звеньями и безупречный стальной «Роллекс». На большом экране перед Наццаро аватар повторял все его движения, отклоняясь в стороны, прячась между грудами булыжников и выгоревших автомобилей в постапокалиптическом Нью-Йорке. Наццаро крушил оборванных зомби, которые выглядывали из-за дверных проемов или высовывались из-за разбитых ветровых стекол поврежденных машин. Выстрелы и шлепки истлевшей плоти акцентировал хеви-метал саундтрек. Несколько бледных парней стояли в сторонке и одобрительными криками поддерживали Наццаро.

Осмелев от принятой ранее порции виски, я вошел в конус лазерного освещения и помахал рукой перед самым лицом Наццаро, из-за чего форма головы аватара причудливо исказилась. Подстреливая очередного зомби, Наццаро промахнулся, вновь прицелился и угодил ему прямо в грудь, затем отшвырнул пистолет и только тогда заметил мое удостоверение, которое я поднял перед собой, точно щит.

Парни, которые до сих пор наблюдали за Наццаро, внезапно заинтересовались машинами в дальнем конце помещения. Наццаро пожал плечами и вышел с игровой площадки. У него над головой вспыхнул и погас конус лазерных лучей.

— У вас тут есть какой-нибудь офис? — поинтересовалася я.

— Мы как раз в нем. Можете здесь со мной поговорить, как делают все остальные. Кстати, у вас жутко дурацкое имя

для полицейского. Вы кто, двоюродный брат того старого телевизионного детектива? Надо было перекраситься в блондина и нарядиться в кардиган и брюки клеш.

— Вы путаете его с актером, который его играл.

— Неужели? Все равно вы здорово похожи на того Коломбо. Только у вас нет грязного дождевика.

— И еще не хватает стеклянного глаза. Но это — дело на живное. Я правильно понял, что вы здешний менеджер?

Он передернул плечами — одновременно высокомерно и небрежно:

— Эта одна из моих должностей... Да... Люблю игры. Знаю о них все.

— А дядя поддерживает? Ну, Андреас Вителли?

Он внезапно насторожился: его дядя был щекотливой темой для разговора.

— К чему это все?

— Да просто несколько формальных вопросов.

Брови Наццаро вытянулись в прямую узкую линию над переносицей. Но вот в середине между ними появился просвет.

— Это узаконенное предприятие, — произнес Наццаро. — На двери вывешена лицензия, а дважды в неделю нас инспектируют. Можете осмотреть, что хотите, но у нас везде полный порядок.

— Ваши помещения меня не интересуют. Я просто хотел расспросить вас о недавней поездке на Кубу.

— О ней вы со мной уже говорили.

— Это был не я.

— Значит, какой-то другой полицейский.

— Вы ездили на Кубу вместе с Барри Дином?

— Я не выбирал, с кем ехать.

— Но вы его сопровождали?

— Дядя сказал: «Отправляйся с этим засранцем. Если ты не поедешь, он вляпается в неприятности». Ну, я за ним и присматривал. Там — и на обратном пути. Я летел эконом-

классом, а он — туристическим. Мы останавливались в американском отеле, лучшем в Гаване. Я развлекался, пока он работал. Эта Гавана, чтобы вы знали, настоящее дермо. Я скоро снова туда собираюсь, и на этот раз беру с собой свою девушку.

— Значит, мистер Дин там работал.

— Какие-то компьютеры налаживал. У нас в Гаване чертова уйма этих гребаных компьютеров.

— А какой-то из них принадлежит анонимному пользователю?

— Об этом мне ничего не известно.

— Странно, потому что большинство доходов вашего дяди до нынешнего дня поступало от компьютерной порнографии.

Кажется, улыбка Наццаро обнажила больше зубов, чем бывает у человека. Один из его коренных резцов, верхний с левой стороны, был прикрыт черной керамикой с вкрапленным алмазом.

— Своих женщин я предпочитаю любить обычным способом. Все остальное — для людей второго сорта.

— А Барри Дин здесь тоже работал?

— Полагаю, да.

— Он живет на Кубе и приехал сюда недели две назад. Не думаю, что у него отпуск, значит, он должен работать.

— Ну раз вы так говорите...

— А здесь вы за ним не присматриваете?

— Время от времени я к нему наведываюсь.

— Но не знаете, чем он занят. Верится с трудом.

Наццаро провел ладонью по выбритой голове:

— Это все компьютерные дела. Можете его самого спросить.

— Должно быть, тяжелый труд — постоянно нянчиться с ним?

— Ему нравится думать, будто он крутой. Но на самом деле это не так. Присматривать за ним проще простого. А зачем вы задаете все эти вопросы?

— Мы очень заинтересовались Барри Дином. Он у нас под наблюдением двадцать четыре часа.

— Правда?

— Мы наблюдаем за ним и за его квартирой.

Наццаро снова продемонстрировал все свои зубы:

— Желаю удачи, дружище. Вопросов больше нет?

— Вы очень помогли нам, сэр. Желаю и вам удачи в вашей работе.

Квартира Барри Дина находилась на верхнем этаже четырехэтажного здания в нескольких шагах от паба Джона Сноу, сразу же за границей защищенной зоны. Я назвал скрежещущему домофону свое имя и род занятий, прекрасно сознавая, что нахожусь в пределах действия телекамеры, подвешенной на углу паба.

— Не собираюсь с вами разговаривать, — услышал я ответ.

Я рискнул солгать:

— Или ты сейчас будешь говорить со мной и без записи, или я вернусь с целой толпой полицейских. Выбирай.

Барри Дин нажал кнопку. Что-то зажужжало, и дверь распахнулась. Он ждал на верхней лестничной площадке, одетый опрятно, точно мальчик из церковного хора, в белую рубашку и в тесные синие джинсы. На лице та же самая усмешка, которую я видел у него в комнате для допросов.

— Любой может подумать, будто я что-то натворил, судя по тому, как вы со мной разговариваете, — буркнул он.

Я заставил себя притиснуться вплотную мимо него и войти в квартиру. Она производила впечатление необжитой, напятой на короткое время. Хорошего качества ковер, картина, выполненная в чистых голубых тонах, и большой телевизор с плоским экраном висели на одной стене, напротив помещалась розово-желтая кушетка и заваленный окурками стеклянный журнальный столик. На столике — ноутбук, подсоединенный к мобильному телефону. По стенам развешаны глян-

цевые постеры обнаженных девиц, посылающих воздушные поцелуи или выставляющих на всеобщее обозрение свои груди, если подойти слишком близко. Дорогой музыкальный центр стонал джазом, напоминающим дурную какофонию.

— Очень мило, — одобрил я. Раздвинув жалюзи, я выглянул наочные крыши. — И вид прелестный. Где у тебя телескоп?

— Вы это о чем?

— Я думал, ты любишь наблюдать за другими людьми.

— А вы, должно быть, считаете себя сообразительным копом. — По его интонации я заключил, что усмешка вернулась на место.

— Да, — согласился я. — Пришел, чтобы узнать, что ты замышляешь.

— Я — волна будущего, — заявил он.

Я повернулся, чтобы видеть его лицо. Оно не было таким ехидным, как я ожидал.

— Я бы не утверждал этого с такой уверенностью, Барри.

— Скажите, зачем вы явились. Я хочу вернуться к своей работе.

— Отправлять электронные письма и создавать порно-сайты? Надеюсь, ты не занимаешься порнографией в Британии? Здесь это противозаконно.

— У вас ничего на меня нет. Потому-то вы были вынуждены отпустить меня.

— Но ты же этого не оставишь так просто, верно, Барри? Поэтому я здесь, и ты это знаешь.

— За старое я расплатился. И никто никогда ко мне не цеплялся. И вы не будете.

— Да, но ведь тебе хорошо известно, как это бывает, Барри. Раз уж ты заработал определенную репутацию в полиции, нам придется время от времени тебя навещать, чтобы убедиться, чем ты тут занят. Может, мне нужно как следует все обыскать, как ты думаешь? По крайней мере я мог бы найти парочку краденых жестких дисков.

— У вас нет доказательств того, что я занимаюсь чем-то незаконным, — заявил он, усаживаясь на мягкую желтую кушетку.

Я почувствовал, как что-то внутри отпустило меня, и сумел расслабиться.

Дин совсем недавно постригся. С боков волосы стали очень короткими, а к темени взбиты. Из-за этого он выглядел моложе, чем обычно. Усмехнувшись мне в лицо, он продолжал:

— Я — добродорядочный гражданин. Имею постоянную работу. Зарабатываю кучу денег. Известно даже, что я налоги плачу.

— И что же это за работа, Барри?

— Сейчас я работаю над блоком программы, дающим не-предсказуемый результат. Невозможно дважды получить одно и то же развитие событий. Например, две или три молодые девушки снимают друг с друга одежду и показывают все, что у них есть, с самых разных углов зрения. Хотите поглядеть? Очень сексуально.

Барри облизнул верхнюю губу. Он старался выглядеть равнодушным, но его костлявое тело напряглось. Он ерзal на самом краешке кушетки, словно готовясь вскочить.

— Я из Т12, Барри, — сообщил я. — Я всякое повидал. Не думаю, что твои поделки чем-нибудь сильно отличаются. И тебе следовало бы знать, что в этой стране полицейским порно не показывают.

— Знаю я о Т12. Поговаривают, они скоро закроются. Жальность какая! Не думаю, что вы в состоянии оценить, на что я способен. Наверное, вам лучше уйти.

— Да, через некоторое время. Мы здесь просто беседуем, только и всего. В конце концов, у тебя же есть алиби. Тебе не о чем беспокоиться.

— Если вы его проверяли, то знаете, что оно надежное.

— Ты убедил свидетелей, что это так, улыбаясь в камеру. Не следовало тебе этого делать, Барри. Ты, вероятно, считал

такое поведение очень умным ходом, но этот умный ход может причинить тебе множество неприятностей. К тому же ты еще отправил факс...

— Понятия не имею, о чём вы говорите.

— Ты все прекрасно понимаешь. В Скотленд-Ярд пришел факс, и в нем говорилось, что убита женщина по имени Софи Бут. Факс был отправлен анонимно с компьютера, находящегося на Кубе, а там ты и находился во время убийства.

— Его мог послать любой, — парировал Барри. — В этом суть анонимного ретранслятора.

— Но ведь факт в том, что ты слишком уж позаботился, устраивая себе алиби. А то, что тебе случилось быть на Кубе, когда убили Софи Бут, еще не говорит о том, что ты к этому убийству непричастен. Ты видел это преступление, и ты отправил факс. Ты считаешь, тебя нельзя привлечь, уверен, что можешь делать что угодно. Но я с этим не согласен.

— Если хотите знать мое мнение: глупая девчонка, которая дала себя убить, сама на это напрашивалась.

— Стало быть, ты считаешь, что она заслужила, чтобы ей преподали урок?

— Так что такого! Она ведь его и получила, разве нет? — Барри Дин улыбнулся. — Жестокий урок получила эта шлюшка.

— А почему бы тебе не признаться, что ты видел это убийство, Барри? Я же знаю, что видел, и ты знаешь, что я знаю. Нас ведь здесь только двое, так давай поговорим откровенно. Признайся. Ты все видел, и на тебя это сильно подействовало. И ты был уверен, что тебя нельзя привлечь, даже прислал мне фото.

— Да идите вы к черту! — вскипел он. — Вы еще не знаете, на что я способен.

— Рассыпать отвратительные картинки — вот твой уровень. Да еще подглядывать за молодыми девицами по сети.

— Вы понятия не имеете, на что я способен, — повторил Барри Дин. — Вот только посмотрите. Я вам докажу. Могу показать.

Глаза у него сверкнули — плоские, точно кто-то сунул два осколка стекла в маску телесного цвета. Внезапно стало очень тяжело находиться с ним в одном помещении, но я знал, что если проявию малейшую слабость, он одолеет меня в момент.

— Мы просто беседуем, Барри, — напомнил я. — Не более. Мы ведь не хотим ввязаться во что-то серьезное, правда? Расскажи мне о своей работе, Барри. Я знаю, она тебе очень нравится.

— Секс — это то, в чем нуждается каждый. О нем все думают. Большая часть материалов в сети касается секса, и многие из этих сайтов принадлежат мне. Я самый лучший. Зарабатываю кучу денег. Больше вашего. Куда больше.

— Жаль, что с такими записями ты можешь работать только на негодяев вроде Вителли.

— Порно — уважаемый бизнес. За мной заботливо ухаживают. У меня нет никаких жалоб, и на меня никто не жалуется.

— Да, но мне кажется, твои наниматели будут огорчены, когда услышат о тайной стороне твоей жизни.

Он промолчал.

— Как они отнеслись к тому, что тебя забрали позавчера?

— Они же знают, как обстоят дела между мной и полицией. Если бы мне нужен был адвокат, я бы его получил. Но ведь я в нем вовсе не нуждаюсь, верно?

— Ты куда-нибудь выезжал, Барри?

— Я уезжаю куда захочу, делаю то, что пожелаю, и не оставляю следов. Я человек-невидимка.

— Возможно, кто-то пригласил тебя прокатиться. Может быть, Дэмиен Наццаро? Интересно, какая у него машина?

— Понятия не имею.

— Серебристая, так ведь?

Дин пожал плечами.

— Расскажи о себе и о Софи Бут, Барри.

— Я вам уже говорил. Я был в Гаване. Если я даже что-то и видел, в этом нет ничего дурного, закон не нарушался. А иначе вы арестовали бы меня.

— Но никто из прочих, видевших убийство, не был связан с ней, — напомнил я. — А ты был. Вот почему я здесь. Я знаю, у нее было что-то, что она хотела продать. Она считала, что ты сможешь ей помочь, разве не так? А ты тем временем собирался убить ее.

— Да вы спятили, если вообразили, что я вам расскажу. — Дин улыбнулся с большим усилием, как будто забыл, как это делается, но изо всех сил пытается вспомнить.

— Ты зарабатываешь на торговле порнографией, Барри?

— Да, и побольше, чем когда-нибудь удастся вам.

— Интересно, сколько же пришлось тебе заплатить, чтобы ее убили? Но ведь для такого человека, как ты, который много зарабатывает, цена не имеет значения.

— Не понимаю, на что вы намекаете. — Он покачал головой, но на этот раз окинул меня встревоженным взглядом.

— Ты за это заплатил, Барри. Заплатил кому-то, кто это сделал, пока ты был на Кубе. Заплатил и наблюдал за тем, как все происходит.

— Да не желаю я больше с вами разговаривать, — отрезал он.

— Кто же это был, Барри? Если профессионал, мы найдем его достаточно быстро. Не так-то их много. Или это кто-то из твоих знакомых? Кто-то, с кем ты познакомился в тюрьме?

Эти слова попали в цель.

— Да пошел ты отсюда на хрен ко всем чертям! — Он вскочил, сжал кулаки. — Не знаю, что я сделаю, если ты не уберешься.

— Прекрасно, Барри, потому что я уже закончил разговор с тобой. Но не уезжай слишком далеко. Я скоро вернусь.

Он шел за мной по пятам до самого выхода из квартиры. Было очень трудно не оборачиваться, но мне это удалось.

— Ничего ты не знаешь! — прокричал он, когда я спускался с лестницы. — Ты даже не понимаешь, что я могу тебе сделать...

Я заплатил штраф за парковку «мини» возле многоэтажного здания автостоянки в китайском квартале и почти немедленно попал в транспортную пробку за станцией метро «Лестер-сквер». В киоске у входа в метро продавали свежие газеты, и я увидел сотни копий лица Софи Бут, сложенных в многочисленные кипы.

Я выскочил из машины, купил «Сан», «Миррор», «Мейл», «Гардиан», пробежал взглядом статьи, держа газеты в левой руке. Находясь в пробке, я то стоял, то ехал, но очень медленно.

Все было там: все, что Макардл хотел скрыть от прессы. Жуткие подробности смерти Софи, ее сайт в Интернете, фотография «кибернетической» комнаты («Сан»), портреты партнеров Софи по «сексуальным играм» («Миррор»), трагические «студенческие шалости» («Мейл»). «Мейл» спрашивала, почему британская коллегия искусств поощряет порнографию. А «Миррор» поместила эксклюзивные фотографии, сделанные после убийства. Груди и бедра Софи Бут были покрыты черными полосами, что выглядело отвратительной пародией на расчленение, и крупным планом — расплывчатый портрет убийцы в маске. И все же ни малейшего упоминания об Энтони Буте... Хотя это только вопрос времени.

Было уже после полуночи, когда я попал домой.

У дверей я увидел дюжину ящиков с бананами.

22

На следующее утро в половине седьмого мне позвонил Аллан Радд.

— Вот черт, — сказал я. — А я-то думал, что смысл быть заместителем в том, чтобы оставлять ранние утренние рей-

ды на совесть Департамента налогов и сборов и Таможенного управления.

— Приходится перерабатывать, чтобы оплатить все мои неоправданно высокие расходы. Стало быть, ты не получил моих посланий?

— Очевидно.

— Я оставил сообщение на твоем мобильнике. И в Т12 оставил еще одно, но это уже не важно. Помнишь, мы обыскивали множество магазинов в поисках доказательств?

— Смутно, — ответил я, зевая.

Солнце вовсю жарило сквозь плотную ткань желтых портьер, образовывая звездный узор на простынях моей постели. Дверь спальни была открыта, и я мог видеть в дальнем конце гостиной Архимеда. Он сидел на своей жердочке — аккуратная тень от жгучего солнца на фоне застекленных дверей. Красный огонек у основания жердочки свидетельствовал, что он заряжает аккумуляторы. Если спиши, как я в эту ночь, такая способность кажется весьма полезной.

Накануне поздней ночью я провел несколько часов, прослушав куда больше вариантов «Гринсливс», чем был в состоянии, вперемешку с выбранными наудачу фрагментами всех «Времен года» Вивальди, неплохим запасом записей классических «Роллинг стоунз» и с десятками слезливо-сентиментальных мелодий, чтобы обнаружить целую цепочку команд в онлайн-супермаркет — команд кого-то, кто мог принять решение прислать бананы. Заказ был подлинным, оплачен моей кредитной картой. В конце концов у меня состоялся разговор с администратором, который, хотя и отказался поверить в то, что какой-то хакер мог проникнуть сквозь брандмауэр его компании, наконец допустил, что, возможно, причина в какой-то опечатке, и пообещал, что бананы будут приняты назад без всякого штрафа.

Пока я пробивался к администратору сквозь звуковые помехи, я еще успел продиктовать послание веб-книжке и отправил его по электронному адресу кубинского ретранслятора.

* * *

Хочешь сделать из меня обезьяну?

Ответ пришел через десять минут после того, как я покончил с администратором.

Ты не лучше других полицейских. Никто из вас не сможет меня достать.

— Давай поговорим, — обратился я к веб-книжке, уверенный, что разговариваю с Барри Дином. — Ты же хочешь побеседовать. Если тебе легче говорить так, чем лицом к лицу, я счастлив продолжить нашу беседу. Скажи, чего ты добиваешься. Сообщи, что я могу для тебя сделать.

Последовала пауза, достаточно долгая, чтобы успеть выпить чашку чаю. Я не понял, была ли задержка вызвана прохождением письма или же мой корреспондент напряженно размышляет. Возможно, он отключился. У меня начал затекать правый локоть. «Поговори же со мной, — шептал я, наблюдая, как слова возникают на экране. — Мне ведь случалось говорить с людьми, чтобы спасти им жизнь. Мне это хорошо удавалось. Если не хочешь признаться с глазу на глаз, признайся теперь. Покхвастайся же, ты, говнюк. Ну же, проговорись!»

Веб-книжка запищала. Я вздрогнул. Чай разлился по моей босой ноге.

Я намерен с этим покончить. И вы ничего не сможете сделать.

Я стер все слова с экрана и сказал:

— Поговорим о Софи Бут. Расскажи мне, как ты ее нашел. Скажи, что тебе было нужно от нее.

Другим полицейским до этого дела нет. Вы один такой. Что вы намерены с этим делать?

— Зачем тебе понадобилось ее убивать?

Вы ничего не можете с этим поделать. Ничего вы не можете. Потому что вы трус. Спиталфилдс это доказал.

— Мне известно: Софи считала, что заключает сделку с тобой. Расскажи мне об этом.

Ответа не последовало.

Ночь я провел скверно. Архимед вперевалку бродил по спальне, царапая когтями деревянный пол. Крылья шуршили, когда он пытался поймать электронные призраки. Мои мысли беспокойно вращались вокруг догадки о том, что человек в маске вовсе не был професионалом, а всего лишь каким-то знакомым Барри Дина. И каким образом сперма Энтони Бута попала на простыни его племянницы? Была ли какая-то связь между Бутом и Дином? Даже если Энтони Бут трахал свою племянницу, возможно, это не имело отношения к ее убийству... Я перебирал все снова, снова и снова, а когда наконец заснул, мне снились такие сны, что пересказывать их я бы не рискнул.

Так что я проснулся еще только наполовину, когда Аллан Радд сказал мне прямо в ухо:

— Мы нашли несколько коробок, в которых когда-то лежали чистые диски.

Я нащупал пульт и включил телевизор. На круглостоичном канале новостей лицо Софи Бут появилось и растяло, возникла фигура репортера в три четверти. Он вешал, стоя у того дома, где ее убили. С левой стороны от двери перед телевизионными камерами застыл полицейский в форме.

— Это еще ничего не значит, — ответил я Аллану Радду.

— К стенке одной из коробок был приkleен стикер — квитанция от ФедЭкс.

— И адрес на квитанции не был адресом магазина?

Теперь показывали пресс-конференцию с Тони Макардлом.

— Скоро ты станешь великолепным детективом, мой мальчик, — пообещал Аллан Радд. — Вчера вечером я получил выговор с предупреждением. Собираюсь нанести небольшой визит без предварительного оповещения.

Он продиктовал мне адрес небольшого бутика, расположенного как раз к западу от Уордур-стрит за барьерами защищенной зоны Сохо. И добавил:

— Он принадлежит Вителли.

— Серьезно? — Это было уже интереснее. — Не думаешь ли ты, что семья Вителли хранит диски в одной из своих лавочек?

На экране появилась мать Софи Бут. Она билась в истерике на руках у своего мужа.

— Я вовсе не рассчитываю на такую удачу, — ответил мне Аллан. — Но думаю, поблизости должно быть подходящее место для склада.

— Слишком мелко для Вителли.

— Возможно, у кого-то из их многочисленных потомков имеются побочные доходы. А может быть, это часть чего-то другого. Не перестаю удивляться, — добавил Аллан Радд, — неужели этот маленький ошметок деръма, который мы выставили две недели назад, может, в конце концов, не иметь к нему ни малейшего отношения?

Один диктор наблюдал за другим, и это напомнило мне о трех юнцах, найденных застреленными в квартале заброшенных офисов в Хаммерсмите.

— Барри Дин? — спросил я.

— Он самый. Мне только нужно еще раз перекинуться с ним парой слов. Во всяком случае, если хочешь принять участие в этой небольшой увеселительной прогулке, приезжай туда через час.

Женщина, прогуливавшая свою собаку по Клэпхем-Коммон, серьезно ранена выстрелом из проезжающего мимо автомобиля.

— Ты готов? — спросил Алан Радд.

В реке Ли найдено тело женщины, привязанное к трупам двух собак.

Нетерпеливым щелчком я отключил телевизор.

— Я там буду. И даже куплю тебе завтрак.

— Должен тебя предупредить, я тебя разорю, — заявил он.

Компьютер вывалился из окна в два приема. Сначала монитор. Хрустнув, он взорвался, когда ударился о мостовую. Затем — системный блок с торчащими из него проводами. Тот раскололся в нескольких футах от полицейского фургона.

Один из констеблей с явным отвращением взглянул на обломки — видимо, повидал таких немало.

— Я бы дал шесть-три за такой причудливый вид. А если бы он действительно ударился о наш фургон, получил бы все десять баллов...

Алан Радд долго звонил в дверь офиса «Протемпо продакшн», одной из основных компаний Вителли, откуда выпал разбившийся компьютер.

— К чертям собачьим, — выругался наконец полицейский и вышиб дверь ногой.

Я следовал за ним по пятам, когда он ввалился в тусклый бесцветный коридор. Слева находилась запертая на висячий замок дверь, и мы галопом помчались вверх по узкой лестнице. Дверь на площадке первого этажа была открыта, она вела в жаркую и зловонную комнату, в одном углу которой стоял письменный стол, в другом — раскладушка со спальным мешком. В раскрытой коробке на столе лежала наполовину съеденная пицца, а у кровати сгрудились пустые бутылки из-под пива. Вдоль одной из стен громоздились картонные коробки. Костлявый мужчина средних лет в куртке и грязных трусах скакал посреди всего этого, пытаясь натянуть брюки.

— Поживее, — скомандовал ему Радд. — Я прочту вам ордер. А вы, — обратился он к подоспевшим полицейским, — проверьте верхние помещения.

— Это частная квартира, — попытался протестовать мужчина и запоздало загородил лицо ладонью, когда я вытянул к нему свой мобильник с открытой фотокамерой.

— Мы прочли вывеску на двери, — заявил Радд. — Так что же она в точности означает?

— Ничего я об этом не знаю. Я здесь только сторож.

Мужчина пытался застегнуть ремень, но руки у него дрожали. Зачес с лысины сбился на сторону, превратившись в сальную занавеску возле небритой щеки. Седые волосы запутались в воротнике куртки.

Засигналил мой мобильник. С полдюжины строк простилило на маленьком экране.

— Пэт Клодси, — сообщил я Аллану Радду. — Приговорен к заключению восемь лет назад, освободился только в прошлом месяце.

— Восемь лет? — удивился Аллан Радд. — Так у нас в руках опасный тип.

— Кража со взломом при отягчающих обстоятельствах. Он изнасиловал восьмидесятилетнюю женщину после того, как ворвался в ее квартиру.

— Ненавижу современный мир, — прошипел Пэт Клодси.

— Значит, ты теперь на Вителли работаешь, Пэт? — поинтересовался Аллан Радд. — Ох, и отчаянные они, должно быть, люди, что наняли такую шваль, как ты!

— Я только сторож, — повторил Клодси. — Никакого отношения к их бизнесу я не имею.

— Интересно, знает ли твой надзирающий коп об этой работе, — сказал я.

Клодси поморщился:

— Не наступайте на большую мозоль. Я меченый. Мне даже пописать нельзя без уведомления полиции. Ни разу я в

эти коробки не заглядывал. Ясно? Насколько мне известно, это предприятие законное. Я только сторожу его по ночам.

Радд насмешливо протянул:

— А я твоя крестная фея, и вот твое бальное платье, а эти мыши превратятся в лошадок...

Где-то наверху раздались приглушенные голоса.

Негодующий женский вопль, потом кто-то начал спускаться по лестнице.

— Не любит красавица, когда прерывают ее сон, — прокомментировал Клодси.

Алан Радд осмотрел штабель картонных коробок.

— Она что, какие-то вольности себе позволила?

— Хотел бы я... — Клодси усмехнулся, обнажая полный рот темных гнилых пеньков.

— Правда? А я-то подумал, что она для тебя слишком молода.

Перочинным ножом Радд вспорол ленту, обвязывающую одну из коробок, оттянул клапаны и вытащил целую горсть дисков, упакованных в картонные конверты.

— Что бы только подумала Лига благопристойности, — покачал он головой, показывая их мне.

«Колоссальный отсос», «Очаровательные лизуны», «Розовые блондинки».

— Я не знал, что в этих коробках, — сказал Клодси.

Алан Радд вскрыл другую коробку. На этот раз конверты, да и сами диски, были без опознавательных знаков.

— Заканчивай одеваться, — поторопил Радд, обращаясь к Клодси. — Мы все это изымаем, пойдешь с нами и подпишешь протокол, когда мы его составим.

— Не могу я ничего подписывать. Я же только...

— Ничего, подпишешь, — настаивал Радд. — Хочешь — подпиши здесь, а хочешь — на Уэйн-стрит. Выбирай.

— Не можете вы меня забрать. Ради Христа, имейте жалость!

— Можем. За сопротивление представителям закона, — пояснил Радд. — Тебе не следовало выкидывать компьютер из окна.

— Очевидно, никто тебе не объяснял, какие твердые эти жесткие диски, — съязвил я.

— А это мне, наверное, кошмар приснился, — нашелся Клодси и выдавил из себя неловкую улыбку. — Приступ паники, ясно?

Радд спросил:

— Тебе приказали уничтожить компьютер в случае появления полиции?

— Не понимаю я, о чём это вы. — Клодси старательно изобразил удивление. — Я только пнул его хорошенъко, вот он и выпал из окна.

Радд велел одному из констеблей отвести Клодси вниз, а потом обратился ко мне:

— Твоя улика — пшик.

— Не совсем. Компьютер он, конечно, уничтожил, но мы извлечем жесткий диск и попытаемся восстановить информацию, а это уже кое-что.

Я поудобнее устроился за своим столом и проверил по-чту в веб-книжке, третий раз за утром. Ничего. Затем просмотрел файл Барри Дина и позвонил по телефону в Вандсворт. Перекачал пару файлов из ХОЛМСа. Позвонил в патрульную службу. Откинулся на спинку стула и задумался над тем, что обнаружил. Всеказалось очень простым. Команда Маркардла должна выявить это так же быстро, как и я. Но они не принимают Барри Дина всерьез.

Я поднялся наверх. Жесткий диск и диски, полученные во время нашей операции, находились в системе, ожидая очереди. Но портативный компьютер, конфискованный у журналиста, друга Ника, был наконец возвращен в хранилище вещдоков. Я оформил его, позвонил Нику и сообщил хорошую новость. Я убивал время, оставшееся до свидания за ленчем,

подписывая скопившиеся на столе циркуляры и отправляя их по инстанциям. Я не особенно утруждал себя их прочтением, полагая, что, если они и содержат что-то важное, в скором времени я об этом услышу. Я сортировал и раскладывал документы по переданному НСКР делу, которое, однако, должно быть прекращено до того, как поступит в суд, потому что главный подозреваемый умер от сердечного приступа.

В былые времена бумажная работа имела для меня первостепенную важность. Хаотично собранные бумаги — производные очередного дела — превращались в четыре или пять ящиков аккуратно рассортированных, идентифицированных и снабженных стикерами протоколов допросов, описаний места происшествия, бланков федеральной службы и фактов, рассортированных по времени. Теперь же я был всецело поглощен убийством Софи Бут. Бездобный ветерок обдувал меня, я чашками пил кофе. Каждые полчаса я поднимался со стула, выходил на пожарную лестницу и выкуривал сигарету до самого фильтра, прикидываясь, будто в состоянии ощутить ее вкус. Я снова и снова просматривал небольшой клип, где исчезала Софи. Или чертил в своем блокноте диаграмму вероятных отношений и мотивов — и тут же перечерчивал ее на полях. Когда чертеж делался слишком запутанным и слишком перегруженным наблюдениями и неистовыми догадками, я сводил его к голым фактам. До одного только факта, который мне необходимо было узнать.

В конце концов я пustился в рискованное предприятие, пытаясь войти в контакт с человеком, который мог бы точно назвать, что именно собиралась делать Софи Бут. Но у меня не было номера личного телефона Энтони Бута, а я никак не мог продвинуться дальше любезного секретаря его компании, чьему обещанию сообщить о моем звонке можно было верить не более чем словам Барри Дина. Вероятно, и от этого разговора толку не будет, думал я, вешая телефонную трубку. Если я спугну Энтони Бута, у него достаточно веса, чтобы прихлопнуть меня, точно комара.

Около одиннадцати ко мне в кабинет вошла Рейчел Суинни и присела на краешек моего стола. Когда-то у меня стоял еще один стул, но кто-то его на время «одолжил», а я не особенно заботился, чтобы получить его назад. Вот я и остался с единственным вращающимся стулом, покрытым проптертой желтоватой набивной подушкой, с тремя довольно новыми шкафами серого цвета, напоминающими боевой корабль, и столом с металлической столешницей, на котором главное место отводилось компьютерному монитору. На одной из стен мой предшественник, занимавший прежде эту комнату, повесил плакат, изображающий швейцарскую деревню. Я хорошо его изучил. Настолько, что мог бы скопировать любое выстроенное из местного камня и дерева шале с остроконечной черепичной крышей, и даже горшки с геранями на балконах.

— Говорят, вы вчера немного переработали, — заметила Рейчел Суинни.

— Не буду претендовать на дополнительную оплату. Мне известно, что бюджет ограничен. Да к тому же есть такая новость: я отстранен от дела.

— Я знаю. Тони Макардл звонил, не особенно внятно извинялся за НСКР.

— Не думаю, что они справятся, шеф.

— Разумеется. — Сегодня начальница надела темно-коричневую юбку и соответствующий по цвету жакет, а губы накрасила помадой лилового оттенка. Рейчел пригладила непослушную прядь волос, своевольно выбившуюся из ее аккуратной французской прически, и добавила: — Я бы не стала удивляться тому, что именно из НСКР произошла утечка информации насчет убийства.

— У меня есть одна идея по этому поводу, но пока я не готов ее изложить, — ответил я. — А как там дело Мартина?

— Подведение итогов сегодня. Вот почему я не могу тратить время на то, чтобы устроить вам головомойку. Ведь это вы упустили мяч.

— Считайте, что я наказан.

Рейчел Суинни наградила меня долгим задумчивым взглядом — взглядом утомленной снисходительности и хорошо расчитанной жалости. Взглядом, который она часто тренировала на рецидивистах, мошенниках и на зеленых новобранцах, с которыми ей приходилось иметь дело.

— Как долго вы здесь проработали, Джон? — неожиданно спросила она.

— Год — может, чуть меньше или чуть больше.

— Помню этот кабинет в то время, когда вы впервые заняли его. Здесь все по-прежнему. И о чем это вам говорит?

Я выжидал. Рейчел Суинни продолжила:

— Мне это говорит о том, что вы не ощущаете себя частью нашей команды. Это говорит мне: вы думаете, будто этот пост — временное пристанище до тех пор, пока не настанет время выйти на пенсию. Что ж, может быть, это и в самом деле тихая заводь, но никак не дом отдыха. Вы должны работать в упряжке. В моей упряжке. Вы должны признавать мой авторитет. Я являюсь вашим начальником — или нет?

— Были бы вы мужчиной, так я назвал бы вас Мужчиной с большой буквы.

— Я и есть Мужчина с большой буквы. И имейте в виду, в следующий раз вам следует проявить себя лучше. Так каков прогресс в деле с этими порнодисками?

Я рассказал ей об утренней операции, хотя пренебрег такой подробностью, как связь с Вителли, которому недавно случилось нанять на службу Барри Дина.

— Продолжайте разрабатывать эту линию. Возьмите на себя активную роль, это принесет вам пользу. Вы уже побледнели над этими бумагами.

— Мне нравится работа с документацией. Мне нравится регистрировать информацию. Мне нравится писать отчеты. Это у меня хорошо получается, и всегда получалось. Эта работа соответствует пуританской части моей души.

— Но все-таки... И еще — вам надо как-то оживить свой кабинет, Джон. Следить за его видом.

— А мне нравится этот плакат. Я хочу жить там. Хочу бродить по швейцарским цветочным лугам и вести за собой ватагу ребятишек, распевая веселые песни.

— Следует повесить на стены что-нибудь другое — изображение каких-нибудь растений, например, а на столе поставить фотографию вашей любимой девушки.

— Наверное, подошли бы эдельвейсы или олениха?

Рейчел Суинни наградила меня долгим оценивающим взглядом.

— Вы все смотрите на часы, Джон. Я вас задерживаю?

— Есть у меня кое-какие дела в городе.

— Если теперь за дело об убийстве взялась НСКР, мы можем расслабиться. Конец истории. Сосредоточьтесь на подпольных дисках. Много славы они нам не принесут, но хоть что-то...

«Это «нам» прозвучало трогательно», — думал я, направляясь к машине на свое свидание во время ленча. Я испытывал ощущение полета, какое бывало, когда я прогуливал школу. По дороге я заглянул в отдел освобождения заключенных на поруки. Там снова сказали, что меня вызовут, как только человек, с которым я желаю поговорить, вернется в офис.

Лора Силлс надела пурпурную футболку с таким глубоким вырезом, что виднелась верхняя часть ее грудей, свободные шорты цвета хаки и те же прозрачные сандалии, что и в прошлый раз. Теперь ее ногти на руках и ногах были выкрашены оранжевым, но иного оттенка, чем волосы. В ее офисе сигаретный дым стоял стеной, и она выкурила еще две сигареты, пока слушала, как я рассказывал то немногое, что, как я считал, мне известно.

— Думаю, Софи взяла что-то у своего дяди, — сказал я. — Я в точности не знаю, что это такое, догадываюсь только: она считала, что может за эту вещь получить кучу денег, так что скорее всего этот предмет связан с чипом «красной линии»

или с системой видеонаблюдения. По какой-то причине дядя питал слабость к Софи. Он покупал ей новый компьютер на каждый ее день рождения, хотя настаивал, чтобы она очищала старый от всей имеющейся информации, прежде чем избавиться от него. Это заставляет меня прийти к мысли, что информация на жестком диске имела какое-то отношение к «красной линии», и что Софи знала что-то об этой системе, или дядя сказал ей, и она вынудила его дать ей доступ к «красной линии», что бы эта «линия» собой ни представляла. Я видел всю последовательность действий, которые она выполняла. Они вроде бы убирали камеру слежения у того дома, где она жила, ту камеру, которой когда-то пользовался ее дядя, чтобы демонстрировать систему слежения...

— Не так быстро, — попросила Лора Силлс. — Тут многое надо понять...

Я отпил большой глоток, затянулся сигаретой, до отказа наполнив дымом легкие. И, выпуская этот дым, сказал:

— Извините. Только теперь все случившееся сложилось в единую стройную картину.

Лора Силлс погасила сигарету о край пепельницы, тут же закурила новую.

— У меня создалось ощущение, что вы пытаетесь меня убедить, будто, по вашему мнению, Софи убили из-за того, что она натворила.

— Некоторым образом, — не стал спорить я. — Но чем больше я о ней узнаю, тем сложнее все это представляется. Тем больше разных версий.

— Мужчины вечно находят проблемы в женской сексуальности, — сказала Лора Силлс. — Думаю, что и к полицейским это относится. Вы можете пытаться изо всех сил не думать ничего подобного, но в глубине души всегда считаете, будто бы, когда на женщину нападают, она сама на это напрашивается. Что она появилась там, где ей не следовало быть, что она не так оделась, что сказала не те слова не тому человеку. Что во всем случившемся есть и ее вина.

Такое происходит из-за искусственного ограничения той сексуальности, какую женщины позволительно обнаружить. Потому что проблема не в том, что делают женщины, а в том, что делают мужчины.

— Репортеры все еще вам надоедают?

— Не особенно — с тех пор, как я сменила свой номер телефона.

— Сожалею.

Лора закурила еще одну сигарету, швырнула коробок со спичками в хаос на поверхности своего письменного стола. Она была полна неуемной энергии. Ее оранжевые волосы были зачесаны наверх маленькими торчащими пучками. Она качнулась на стуле назад, потом вперед и сказала:

— Секс и убийство — абсолютно подходящее сочетание в этой стране. Публика может получить дешевое возбуждение и одновременно урок морали. Ее убили, Джон, и ее могут презирать за то, что она проявила свою сексуальность.

— Вот уж не думаю, что убийство имело какое-то отношение к сексу. Я нашел старый ноутбук, принадлежавший Софи. Он оказался у одного из ее друзей-студентов. Информация на жестком диске была удалена профессионалом. Друг Софи пользовался этим компьютером, чтобы посещать ее сайт. Я нашел клип, который передавался камерой слежения, установленной перед домом, где жила Софи. Сама Софи в этот раз была одета ангелом. Вдруг она взмахнула крылышками и исчезла. Я вначале подумал, что она просто проникла в систему наблюдения, к которой относилась та камера. Когда-то камера принадлежала ее дяде, и он ею пользовался, чтобы продемонстрировать первый вариант «красной линии». Но я также обнаружил, что она пыталась что-то продать, после чего ее убили. Я начинаю подозревать, что она имела доступ к «красной линии» и надеялась найти человека, который поможет ей продать что-то ценное. Однако этот человек ее убил.

— Как она его нашла? Кто он?

— Это он ее нашел, через ее сайт. Софи решила, что сможет использовать этого человека, но получилось наоборот — он использовал ее. Он — нехороший человек, Лора. Это некто, потративший время на тайное преследование, он одержим постоянной психопатической навязчивой идеей. Порой такие люди продолжают слать письма своим жертвам уже после того, как их арестовали и посадили в тюрьму. Они постоянно меняют способ нападения, используя любую слабость несчастной. Они следуют за своей жертвой из страны в страну. Раз уж такой человек привязался к кому-то, он не отстанет, пока не решит преследовать кого-либо другого.

— Или пока не убьет свою жертву, — закончила Лора.

— Не каждый преследователь заканчивает свой марафон убийством. Не все они испытывают тягу к насилию. Но в данном случае это так. Я думаю, это он убил Софи... Он ее убил, чтобы завладеть тем предметом, который она хотела продать. Он устроил так, чтобы убийство смотрели в Интернете, а сам в то время находился за пределами страны. Таким образом, он достиг цели и получил алиби.

Лора обдумывала мои слова. Она скрестила запястья и легонько похлопала себя по коленям. Совсем по-детски засунула нижнюю губу. Улыбнулась, когда заметила, как пристально я за ней наблюдаю.

— Ему пришлось положиться на кое-кого постороннего. Соучастник не может его выдать, не выдав и самого себя. Но дело в том, что человек, который устроил убийство Софи, хочет, чтобы это преступление раскрыли: он просто умирает от желания. Хочет, чтобы всем стало известно о его участии. Именно таковы люди, подобные ему. Они не выносят, когда их считают заурядными. Вот почему я хотел еще раз побеседовать с вами о Софи. Я подумал, что в одном из ее клипов может найтись какая-то разгадка: что же она получила от своего дяди.

— А точнее... насколько это может оказаться важным?

— Я лишь ищу способ подобраться к убийце, — пояснил я. — Вы показали мне один из ее фильмов...

Лора кивнула:

— Есть еще два.

Первый фильм был тем, что Люси Мэтьюз назвала «обрядом при свечах». Бледные, едва различимые контуры, которые могли быть людьми, располагались друг возле друга в темноте среди мерцающих пятен, под аккомпанемент многоголосого шипящего шепота.

Второй же представлял собой нечто иное...

Лора спросила:

— Что с вами?

— Мне знакомо это место, — ответил я.

Это было там, где я увидел, как лисица попала под безжалостный взгляд системы слежения.

Парк Шордич. Ночь. Фигура в развевающемся белом платье, в лучах света, которые с механической грацией переливаются и скользят по ней. Но в отличие от лисы она могла танцевальными движениями выскользнуть в ночь. Огни гаснут один за другим, а потом, после небольшого перерыва в темноте, все они внезапно снова вспыхивают одновременно, соединившись на ее плавно двигающемся силуэте.

Это продолжалось пять минут, а в конце камера показала студию Гейнсборо в дальнем конце парка и зажужжала, демонстрируя фигуру, стоящую у освещенного окна.

— Она не говорила о том, как проделала этот трюк? — спросил я.

— Нет, — ответила Лора. — Помню, что она лишь хитро улыбнулась, когда я задала ей тот же вопрос.

Мы сидели за шатким угловым столиком в пабе — рядом с Сент-Мартином, наклонившись друг к другу, чтобы иметь возможность разговаривать. В заведении было очень жарко и душно. Здесь набилось полно туристов и их ненавистников. Лора заказала себе слабое корейское пиво, я пил виски «Джек Дэниелс» пополам с колой.

— Люси Мэтьюз тоже не знала.

Лора еще сильнее наклонилась вперед, чуть ли не прикоснувшись своими коленями к моим. Какой-то дюйм отде-

лял нас друг от друга. Я едва не уткнулся носом в небольшую ложбинку между ее маленькими, но крепкими грудями. И тут она произнесла еле слышно:

— Вот из-за этого трюка ее и убили, верно? И это не имело ничего общего с преследованием.

Еще самое крохотное движение — и мы могли бы поцеловаться.

— Начаться могло с этого, но победила жадность, — сказал я.

— Что-то такое есть в нашей цивилизации, что заставляет нас вмешиваться в жизнь других людей. Желание подглядывать за эротическими сценами — мы хотим принимать участие в жизни других из-за того, что одна их заурядность утверждает нашу неповторимость... Софи играла этой идеей, использовала ее для самоутверждения. Думаю, она нуждалась в таком же внимании, какого жаждет кинозвезда. Она хотела быть желанной. Она кое-что рассказывала мне о своих родителях и об их разросшейся семье. Однажды даже призналась, что в собственном доме ощущает себя призраком.

Я подумал о Барри Дине. У него это чувство перешло в отчаяние. Он неистово мечтал получить то, чего у него не было и чего он не в состоянии понять. Заурядная жизнь, заурядные чувства.

Я начал было говорить это вслух, но Лора перебила:

— Не надо! — и на мгновение приложила палец к моим губам. — Дайте мне рассказать вам о Софи.

— Ладно, — согласился я. Место, где она тронула меня, покалывало.

— Интернет дает возможность людям раскрывать перед всеми свою жизнь. В этом и заключается истинно притягательная сторона Интернета. Секс привлекает, но большинство людей вовсе не из-за него заинтересовываются определенным сайтом. Они заинтригованы, потому что им дают возможность реально принять участие в той жизни, которая вовсе не их собственная. Все это может в конце концов

прекратиться, как уже случилось с миллионами сайтов, показывающими миллионы заурядных жизней, но тут есть обещание, что ты и в самом деле способен заглянуть в другие жизни, чтобы убедиться, насколько мы все разные. Софи об это и споткнулась. Она не особенно анализировала то, что делала, она ощупью искала свой путь. Но я видела, как это повлияло на ее самоутверждение. Она начинала понимать себя, а это первое необходимое качество художника. Вернее, поиски понимания. Она увидела путь к самоутверждению, свое отличие от других. И тут ее убили. И не имеет значения, что она сделала, но на это она не напрашивалась. Она не заслужила такого конца.

— Я хочу посадить человека, который это сделал, — сказал я.

— Даже если для этого потребуется нарушить закон?

Зазвонил мой мобильник. Это был тот патрульный, с которым мне нужно было связаться. Он продиктовал адрес, я записал.

— Извините, — произнес я.

— Вам нужно куда-то идти? — улыбнулась Лора.

— Да, мне надо кое-что сделать, — кивнул я.

Лора вытащила ручку, написала что-то на краешке картонной подставки под пивной кружкой, оторвала его.

— Обычно я так не поступаю, — вздохнула она. — Это номер моего телефона. Звоните в любое время, когда захотите поговорить со мной.

— Позвоню, — пообещал я.

23

— Мы можем выследить любого человека и в любом месте. Мы делаем дело. Да мы здесь просто чудеса творим, Джон!

Я находился где-то глубоко под Уайтхоллом, в одном из бомбоубежищ эпохи холодной войны, задуманных для того,

чтобы защищать министров и государственных деятелей высшего ранга от последствий ядерной атаки. Теперь здесь располагался один из центров наблюдения лондонской полиции: помещение размером с небольшой ангар, спроектированное, должно быть, архитектором — большим любителем научно-фантастических фильмов шестидесятых годов. Операторы на вращающихся стульях, сгорбившиеся перед стойками с телевизорами. Лампы, дающие слабый свет кроваво-красного оттенка, запах нагретого пластика, треск статического электричества. Напряженная тишина, нарушаемая лишь стрекотом компьютерных клавиатур, шелестом кондиционеров да редкими голосами операторов, мужчин и женщин, которые бормочут что-то в микрофоны, управляя камерами на расстоянии.

Я сидел перед одной из телевизионных стоек, напротив экрана большого главного монитора, разделенного на четыре канала: вид на Мраморную арку, Оксфорд-стрит и изображения двух встречных потоков пешеходов. Дон Фаулер по прозвищу Дональд Дак ловко орудовал джойстиком, отслеживая группу парней в футболках, мешковатых свитерах и соломенных шляпах, двигавшихся сквозь толпу. Он выделил изображение коротко стриженного парня с эмблемой оленя на груди — логотипом старинной американской топливной компании, нажал кнопку на джойстике, и один из вспомогательных мониторов переключился на отслеживание подростка.

— Только посмотри на этих прыщавых подонков, — прорычал Фаулер. Сам он был крепкого сложения. Аккуратно отглаженная рубашка с коротким рукавом была на размер меньше, чем требовалось, так что пуговицы чуть ли не вырывались из петель. Пористая бледная кожа напоминала кожный покров пещерного животного. При этом он постоянно облизывал нижнюю губу, поддерживая ее во влажном состоянии. Линзы очков бликовали, когда он переводил взгляд с одного монитора на другой. — Они так заняты тем,

чтобы выглядеть крутыми, что совсем забыли о камерах. Я ведь точно знаю, что рано или поздно они попытаются совершить какое-нибудь мелкое преступление. У меня глаз напоминает. А система хорошая, умная, и учится постоянно. Но все равно она не так хороша, как я — слишком долго думает.

Изображение на мониторе переключилось на другую камеру. Я вспомнил, как та лисица металась взад и вперед, пытаясь вырваться из захватывающих ее кругов света. Я вспомнил, как Софи Бут беспечно кружилась в танце, уплывая прочь от внимания камер.

Фаулер объяснял:

— Камеры расположены выше зоны прямой видимости, поэтому мало кто их замечает. Большинство людей вообще о них забыли. Откровенно говоря, я считаю, их нужно выкрасть оранжевой флуоресцентной краской и снабдить сверкающими огнями и надписями: «КАМЕРА ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ». Вот это могло бы снизить количество правонарушений. А так, как оно есть, ловля преступников напоминает отстрел рыбы в бочке.

Он немного помолчал.

— Можно настрелить целую бочку рыбы... Мы можем обеспечить камерами слежения автобусы, поезда метро, почти все крупные универмаги. В одном только Центральном Лондоне у нас установлено полмиллиона камер слежения. И если подозреваемый уедет из Лондона, не важно, на какое время, АРЭСН живо его подцепит, как только он вернется. Она найдет его в машине на шоссе M25 или засечет, как только он выйдет из поезда. Она никогда не спит, никогда не устает. Это какое-то хреновое волшебство. — Он откинулся на спинку стула, сложил руки и наконец-то посмотрел на меня. — Ну, так кто тот человек, за которым ты хочешь последить?

Я познакомился с Фаулером, когда начал работать переговорщиком. Дон был оператором и управлял камерой раз-

мерами и формой с фрисби, снабженной тремя большими гироскопами, бесшумным двигателем, круговым обзором и микрофонами, способными уловить крысиный писк на расстоянии пятисот метров. Теперь же он работал начальником смены операторов и всегда был счастлив продемонстрировать свои игрушки. А кроме того, он был худшим в мире водителем — постоянно пренебрегал правилами парковки, посадки и высадки пассажиров, двойными желтыми линиями и красными сигналами светофоров. Больше всего Дон гордился достижением, когда ему пришлось две мили вести задним ходом машину по шоссе A10, после того как он дважды промахивался мимо химчистки.

— Вы уже за ним наблюдаете, — ответил я и дал ему адрес и имя Барри Дина.

Дон Фаулер повернулся к своему компьютеру и вошел в базу данных.

— Да, мы за ним следили, — согласился он. — Наблюдение закончилось вчера после полудня. Оно продолжалось тысячу семьсот часов. Я могу приказать возобновить слежку и официально увеличить ее срок максимум на двое суток, но нужно, чтобы все это время можно было оправдать результатом.

— И сколько на этот раз?

— Восемь, — улыбнулся Фаулер.

— Могу освободить тебя от пяти. — Вчера я получил четыре штрафные квитанции: за проезд на красный свет, за движение по полосе, предназначенной только для общественного транспорта, за парковку в запрещенной зоне.

— Нет, мне нужно восемь, — вздохнул Фаулер. — Эти засранцы собираются отобрать у меня права, — и откинулся на спинку кресла. Блик от экранов мониторов скользнул по стеклам его очков.

— Вот она, красота системы. Раз уж кого-то зацепила, не остановится, пока ее хорошенъко не попросят — или пока не кончатся деньги.

* * *

Час спустя я уже тащился по душным горячим дорогам среди пустошей Эссекса, где-то за Уолтемстоу — по шоссе A10, A503 и A406. Половина полос на A503 была разворочена и разрыта — шли дорожные работы. Под клубами едкого дыма кипели огромные баки со смолой. Желтые асфальто-укладочные машины изрыгали густую жирную копоть. Я мучительно медленно полз по мосту неподалеку от Ферри-Лейн, в магнитоле играла кассета с траурно-похоронным диском «Нью Ордер», окна в машине были открыты, и я хорошо разглядел место преступления: навес, установленный у бетонного русла реки Ли. Бело-голубая лента все еще весело трепыхалась на жарком пыльном ветру.

Офис охранного агентства «Квадрат» располагался на краю заброшенной промзоны. Приземистое одноэтажное здание с плоской крышей выглядело так, будто хороший ветер запросто может снести его вместе с припаркованными рядом легковушками и белыми фургонами, украшенными логотипом «Квадрата», да еще прихватить пустоши, простирающиеся в сторону набережной у шоссе M11. На охранника мое удостоверение ни малейшего впечатления не произвело, он велел мне сидеть и ждать.

Я сел и выкурил три сигареты подряд, стряхивая пепел прямо на покрытый царапинами линолеум, наблюдая за снующими по коридору мужчинами в дешевых коричневых брюках, белых рубашках и коричневых галстуках. День выдался жаркий и душный, пахло какой-то химией — тот же запах, что в подвальчике «Эроса». Наконец появился тучный мужчина в полосатой рубашке и красных подтяжках и обрадовал меня: он, дескать, может мною заняться.

— Малcolm Робинсон, — представился он, протягивая бледную потную руку. Когда я не выразил намерения ее пожать, он перешел к делу: — Вы хотите взглянуть на наши графики дежурств. Ну, так я начальник отдела по работе с персоналом, так что это моя область. В чем, собственно, ваш вопрос?

— Он связан с делом об убийстве.

— Боже! Ладно, проходите сюда, разберемся. Я покажу свою документацию. Мы всегда рады помочь полиции, ведь мы, можно сказать, одним делом занимаемся.

Он болтал не переставая, пока провожал меня в комнату, расположенную в задней части здания, где на видавшем виды столе громоздились ящики и коробки. Зарешеченные окна были широко распахнуты, но проходивший через них воздух был горячим и вонял собачьим дерьямом. На широкой бетонной площадке под окном в тени металлических навесов лежали, свесив языки, восточноевропейские овчарки. Некоторые из них попытались залаять, но при этом не раздавалось ни единого звука — по-видимому, у собак были перерезаны голосовые связки.

— Как вы можете выносить этот запах? — поинтересовался я.

— От собак-то? К этому быстро привыкаешь, они — наш хлеб, в конце концов. Куда дешевле и надежнее, чем люди. Присядьте, инспектор. Так о чем речь?

Малcolm Робинсон и в самом деле стремился угодить — слишком уж стремился и из-за этого даже нервничал. Под мышками у него виднелись круги выступившего пота, а волосы лоснились от грязи. Он оттянул узел своего галстука от верхней пуговицы рубашки и попытался улыбнуться.

Я положил на стол листок бумаги и сказал:

— Для начала, сэр, я хочу узнать имена всех, кто дежурил на прошлой неделе вот по этому адресу.

— Это не займет много времени. — Робинсон начал перебирать распечатки.

— Как вы защищаете свой компьютер?

— Без затей, но эффективно — парольный доступ, ежедневное антивирусное сканирование, еженедельные бэкапы. Резервные копии хранятся в сейфе.

— Кто имеет к ним доступ?

— Только я и технический директор. Лишь мы двое имеем доступ к записям. Мы очень строго следим за безопасностью, детектив. Не беспокойтесь, графики дежурств аккуратнейшим образом фиксируют все передвижения наших сотрудников. Любой суд ими удовлетворится.

— Надеюсь, — кивнул я. — Однако проблема в том, что не все указанные здесь имена реальны.

Робинсон вспыхнул, нездоровые красные крапинки выступили на его потном лице.

— Не понимаю вас.

— Ведь вы говорите неправду, разве не так? Сдается мне, что одно из имен, которое вы мне сейчас назовете — Крэйг Стивенс. Он числится охранником, но согласно его официальным показаниям выполняет у вас обязанности сторожа.

— Не спорю, иной раз некоторые из наших сотрудников выполняют кое-какую дополнительную работу. Ведь мы теряем опытные кадры, поэтому руководству приходится проявлять гибкость.

— Не сомневаюсь. Давайте побеседуем о той работе, которую выполнял Крэйг Стивенс вечером пятого июня.

Робинсон пролистал списки, водя пальцем по колонкам.

— Он был в составе дежурного патруля, но я думаю, это временно, и уж во всяком случае, он не имеет отношения к тому адресу, о котором вы спросили.

— И все-таки я считаю, мне нужны подробности.

— Я бы попросил вас не курить, — поморщился Робинсон. — У меня астма.

— Тогда сядьте у окна и дышите свежим ароматом собачьего деръма. И объясните мне, по какой причине вы держите на должностях секьюрити известного преступника, человека, который только недавно вышел из заключения.

Я почувствовал уверенность, что получу от этого нервного толстяка все, что мне надо. Меня по горло снабдили секретной информацией.

— Это компетенция начальника кадрового отдела, — промямлил Робинсон.

— А могут ли кадры мне сообщить, где мистер Стивенс находится теперь... или вы сами это сделаете?

— Послушайте, я всей душой готов вам помогать в этом деле, но не начинайте с обвинений. Мы уважаемая фирма, у нас много клиентов самого разного уровня.

— Ваши клиенты заключают с вами контракты лишь потому, что берете вы дешево — можете себе это позволить, ведь вы нанимаете негодяев, которых вышвырнули с предыдущей работы или которые предъявляют фальшивые документы. Людей, которые просто не в состоянии устроиться в приличное место.

Робинсон начал было подниматься со стула, бурча, что не желает выслушивать подобное.

— Ведите себя прилично, — посоветовал я. Глядя на себя со стороны, я не мог не признать, что слишком уж наслаждаюсь происходящим, но мне было плевать. — Сядьте. Разумеется, вы проглотите все то, что я говорю. Вам же велели со мной сотрудничать: ведь ваши начальники желают узнать, за кем я охочусь. Они всегда так делают, когда дермо всплывает на поверхность. Уверен, как только мы с вами закончим разговор, вы сейчас же помчитесь на доклад, как и положено хорошему мальчику, но пока что вы должны мне сказать, работал ли ваш Крэйг Стивенс по обеспечению безопасности у дверей этой ловушки для туристов в Сохо.

Я разгладил второй лист бумаги на столе, повернул его так, чтобы Малcolm Робинсон смог прочитать, и продолжил:

— Контора принадлежит Вителли, и я не удивлюсь, если там подтвердят мои догадки. Мне нужна копия служебного списка Крэйга Стивенса — всех мест, где он работал, и время его работы там.

Робинсон вытер пот с лица рукавом рубашки, вытащил какие-то документы и буркнул:

— Вы не можете забрать оригиналы.

— Этого достаточно. Пока вы делаете копии, может, вы мне скажете, где я могу его найти?

— У него сегодня выходной. Наши люди работают пять дней подряд — потом день отдыхают. Сегодня у мистера Стивенса как раз выходной.

— Тогда... где он живет?

— Мне придется спросить в отделе кадров.

— Так сделайте это, а заодно снимите для меня копию списка, пока я восхищаюсь видом из окна и дышу свежим воздухом.

Робинсон вышел, а я закурил еще одну сигарету и стал любоваться на собак в вольерах на площадке, залитой солнечным светом. Я был уверен, что моя догадка верна, и Барри Дин виновен в смерти Софи Бут. Но он не мог убить или не пожелал делать это своими руками, поэтому устроил так, чтобы ее убили, пока он находился в Гаване, и воспользовался для совершения убийства помощью какого-то своего знакомого, того, с кем сидел в тюрьме. Тот же человек проник к ней в компьютер, потому что там содержалась некая программа, которая давала доступ к АРЭСН. Я был убежден, что Барри Дин воспользовался этой системой, чтобы наблюдать за всеми передвижениями полиции в месте убийства. Таким образом, он отметил мою футболку...

Когда Робинсон вернулся, я взял у него документы и сказал:

— Чрезвычайно ценю ваше сотрудничество, сэр. Но остается еще одно. Мне необходимо осмотреть ваш офис.

— Мой офис?

— Ведите. Это займет совсем немного времени.

На столе толстяка располагались плоский монитор, клавиатура и фотография в рамке — три молодые девушки. Когда я выдвинул ящики стола и прощупал пальцами их внутреннюю сторону, Робинсон не выдержал:

— Там вы его не найдете, инспектор.

— И где же он?

— Я не так глуп, чтобы оставлять пароль где попало. — Он постучал себя по лбу. — Все здесь. Запомнить его довольно легко — он основан на днях рождения моих детей.

— Понятно. Будем надеяться, что хакерам не придет в голову эта мысль. А теперь можете звонить вашему начальству. Да, и не забудьте доложить, что больше всего меня интересует убийство Софи Бут.

На обратном пути я читал досье на Крэйга Стивенса, когда из-за пробок приходилось больше стоять, чем ехать. «Квадрат» был той еще конторой, но бумаги действительно оказались в порядке. Я получил копии графиков Стивенса на каждый его рабочий день, копии всех секретных донесений и даже размытую фотокопию его удостоверения личности.

Стивенсу было за пятьдесят. Карьера преступника. По сведениям ХОЛМСа, он только что отбыл десятилетний срок за убийство — после матча «Спурс» — «Арсенал» нанес одному из болельщиков тяжкие телесные повреждения, используя для этого выломанный из ограждения деревянный кол. Жертва через неделю скончалась. Еще он был уличен в краже со взломом и в нападении при отягчающих обстоятельствах — ворвался в частный дом, связал владельцев и избивал их до тех пор, пока они не сообщили, где хранят ценности. А еще четыре года заработал при вооруженном нападении на ювелира, ранив того ножом, когда он отказался открыть сейф. Камера, где Стивенс отбывал срок, находилась в том же крыле здания тюрьмы, где сидел Барри Дин — Дин как раз отбывал наказание за преследования и причинение беспокойства. Два человека с одинаковыми мыслями и наклонностями достаточно много времени провели вместе, чтобы раскрыть друг другу свои фантазии. Стивенс знал Дина. Он артистически управлялся с ножом и работал в охранной фирме, которая обслуживала офис, принадлежавший Энтони Буту — а тот, в свою очередь, снимал квартиру над этим офисом для своей племянницы. Стивенс мог и не входить в со-

став патруля в ту ночь, но он имел доступ к ключам от парандной и задней дверей здания и в любое время мог заказать у слесаря дубликаты — их сделали бы за несколько минут.

Стивенс проживал в Тутинге, в верхней квартире раздленного на две половины викторианского двухэтажного дома с террасами, на тихой спокойной улице в Южном Лондоне. Я припарковался и стал присматриваться к квартире, попивая колу из жестянки и поглощая поздний ленч, состоявший из сомнительной свежести мясного пирога и двух пакетов чипсов с сыром и луком, которые купил в лавчонке на углу. Занавески на окнах Стивенса были задернуты.

Даже при том, что я опустил все стекла в автомобиле, салон «мини» превратился в настоящую духовку.

Я позвонил Нику, предупредил, что, возможно, не смогу встретиться с ним вечером:

— Ноутбук у меня, проблема не в этом. Я просто... Ну, тут кое-что произошло.

— Ты в порядке, Джон? Голос у тебя какой-то странный...

— Я нахожусь в эпицентре сам не знаю чего, Ник. Свяжуся с тобой позже.

Я позвонил Сандре Сэндс, и она опять сказала, что не должна со мной разговаривать.

— Это просто дружеский звонок, хочу узнать, как живут мои старые друзья из убойного отдела.

— Мне и в самом деле жаль, что вас отстранили от этого дела, сэр, но это...

— Джон! Теперь я Джон, раз я больше не занимаюсь этим делом. Я тут раздумывал, нельзя ли снова с вами встретиться? Можно было бы посидеть, выпить. Как насчет шести часов?

— Вы ставите меня в неловкое положение, сэр.

— Я не нарочно. Всего лишь выпить кофе, что вы на это скажете?

— Моя смена кончается в восемь. Могу с вами встретиться в полдевятого. Только на десять минут, по пути домой.

Сандра Сэндс назвала мне паб, и я записал адрес на тыльной стороне ладони. Потом опять наблюдал и ждал, пока школьники небольшими группами не начали возвращаться по домам вдоль мерцающей в послеполуденном летнем свете улицы. Голоса их звенели высокими нотами, точно у птиц. Я вылез из «мини», потянулся и перешел на другую сторону улицы. В каждую квартиру вела отдельная дверь. Я позвонил в звонок Стивенса. Никакого ответа. Я набрал его телефонный номер и, стоя за дверью, слушал, как внутри квартиры трезвонит телефон. Посмотрел через щель для почты и увидел с полдюжины рекламных листовок на коврике. Внутри не висело никакого ключа на нитке, не оказалось его и под пластмассовым горшком с увядшей геранью возле двери.

В доме через дорогу у окна стояла женщина. На стекле перед ее лицом были наклеены стикеры Лиги благопристойности и добровольной организации «Бдительные соседи». Я перешел улицу, показал ей свое удостоверение, и минуту спустя она открыла мне дверь на ту ширину, которую позволяла цепочка. Пухлая черноволосая женщина чуть за пятьдесят в свободном платье с набивными цветочками. Она мало что знала о Крейге Стивенсе. Только то, что сюда он переехал три недели назад и что работает в «Квадрате» — во всяком случае, его часто подвозил домой один из фургонов с фирменным логотипом, иногда даже ночью. В субботу она присутствовала на свадьбе своей крестницы и не знает, где он был в тот день.

— А сегодня вы его видели?

— Он сделал что-то дурное? — Женщина приложила ладони к горлу, и глаза ее расширились. — Я так и знала!

— Небольшое формальное дознание, мэм, — объяснил я. — Беспокоиться не о чем.

— Не говорите ерунду. Я же видела ваше удостоверение — вы из какого-то там спецотдела, а не из местной полиции.

— Это чистая проформа, но я попрошу вас не сообщать никому о нашем разговоре. Так вы видели сегодня мистера Стивенса?

— Я в супермаркете работаю, в Сейнсбери, дальше по дороге. Так я там была с семи утра и до часу дня. — А потом, чуть подумав, добавила: — Я могла бы сразу сказать, что он нехороший человек — по тому, как он курит. Сигарету в кулаке прячет. Не знаю, правда ли он работает на охранную фирму, но то, что недавно из тюрьмы вышел — это точно.

Я дал ей описание Барри Дина, и она, извинившись, заверила, что никогда его не видела.

— Не сделаете ли вы мне большое одолжение, — попросил я. — Мне нужно зайти в квартиру мистера Стивенса. Так как вы член местного отделения «Бдительные соседи»...

— Координатор улицы, — с гордостью уточнила она. — Люди ругают эту компьютерную войну за то, что она привела к нынешнему положению вещей. Мой муж, так он хранитель мира, а я координатор улицы — вот уже пять лет. В будущем году на этой улице установят камеру наблюдения, потому что мы составили петицию... Мы рады выполнять свой долг.

— Значит, координатор... Это еще лучше, — одобрил я. Записал в блокноте номер своего мобильника, вырвал листок и отдал ей. — Я бы хотел, чтобы вы покараулили, не идет ли мистер Стивенс. Если увидите его на улице, а я еще буду внутри, позвоните по этому номеру и сообщите.

— Не знаю уж, — засомневалась женщина. — Это, наверное, не положено...

— Я работаю в Т12, в компьютерном спецотделе. У меня особый ордер — ордер на раскрытие информации. Мне необходимо проникнуть в место жительства мистера Стивенса, чтобы обнаружить кое-какую информацию.

— Наверно, вы все-таки не имеете права, — снова усомнилась женщина. — То вы ждете снаружи столько времени, а то хотите войти в квартиру один.

— Теперь я вижу, почему вас назначили координатором. Вы заметили, как я только что говорил по телефону? — Она кивнула. — Я уточнял свою задачу с начальником и получил его приказ.

Дешевый «американский» замок на двери квартиры Стивенса легко поддался моей кредитной карте. Я бесшумно поднялся по узкой неосвещенной лестнице, сдерживая дыхание. Сердце неистово колотилось, я почти ожидал увидеть, как из темноты, царящей на верхней площадке, материализуется Барри Дин — там, где витражное стекло пропускает красные и зеленые лучи света на вытоптанный ковер. Я пожалел, что именно в этот раз не взял пистолет.

Квартира оказалась не слишком большой: крохотная ванная на верхней площадке лестницы, позади нее спальня и еще гостиная, в угол которой втиснули кухоньку. Почти всю спальню занимал грязный двуспальный матрас, сверху скрючился, точно кокон, спальный мешок, пропахший потом Стивенса. За дверью призраком свисал с плечиков костюм; в углу обнаружился пластмассовый мешок, набитый одеждой. Окна, выходившие на крошечный садик, заросший сорняками, были плотно зашторены.

Я натянул пару виниловых перчаток и принялся обследовать мешок с одеждой, выкладывая вещи одну за другой на матрас, но пятен крови найти не удалось. В гостиной перед кушеткой, накрытой выцветшим красным бархатным покрывалом, на небольшом столике стоял телевизор. На телевизоре помещалась видеокамера. Она была подключена, но в ней отсутствовал диск.

Я стоял посреди комнаты и не спеша исследовал все, ища чего-то необычного, не находя ничего. Ни одной отходящей половицы, за шторами — пусто. Между желтыми страницами в справочнике по Южному Лондону за 2006 год со множеством загнутых уголков, лежащем возле телефона, никаких закладок; в маленьком холодильнике возле раковины — банка легкого пива, пакет просроченного молока, коробка с пакетиками чая да две жестянки консервированного томатного супа. Ванная комната — прохладная и чистая, на крышке туалетного бачка — отбеливатель и чистящее средство с запахом лимона. Ванна и унитаз так и сверкали. Одну за дру-

гой я проверил пробковые плитки на полу, заглянул внутрь бачка, сделал шаг назад и увидел то, что так долго искал.

Одна из панелей на боку ванны была слегка погнута. Я поддел ее кончиком перочинного ножа. Панель отошла, на пробковое покрытие выпал конверт размера А4. Внутри лежал диск.

Я проверил, плотно ли задернуты шторы, включил телевизор и вставил диск в камеру. Опустился на четвереньки и стал смотреть.

Снег, затем краткий момент наплывающей черноты, медленный размыв — и появилось изображение: внутренность какого-то офиса, снятая трясущейся камерой низкого разрешения. Пока камера фокусировалась, двигались какие-то смутно различимые тени, так что трудно было разглядеть, вокруг чего она поворачивается.

Обнаженная девушка, блондинка, сидит на стуле, светлые волосы ниспадают на ее белую спину, руки вывернуты и очень туго связаны проволокой. К объективу придвигнулось большое белое пятно. Пальцы что-то расправили. На мгновение нарушилась контрастность, изображение перескочило. Теперь обзор камеры стал устойчивым, она смотрела прямо на обнаженную девушку и на мужчину, который склонился над ней — мужчину, одетого в черные джинсы и черный свитер. Мужчину в маске Маргарет Тэтчер.

Я вздрогнул всем телом и покрылся потом. Пытался отвернуться, но не мог. Мне хотелось проникнуть прямо туда и спасти ее, даже несмотря на то, что знал: она уже мертва. Я смотрел, как он нанес первые раны, слышал ее приглушенные крики... Едва успев добежать до ванной, я исторгнул содержимое желудка в чистый унитаз. Попил из крана над раковиной, вернулся в гостиную. Рывком отключил телевизор, вытащил из камеры диск.

Я получил то, что хотел, но точно не знал, как смогу это использовать. Убийство, которое я только что наблюдал, походило на убийство Софи Бут, вплоть до прямого отноше-

ния к нему Стивенса, но кто эта девушка? Имела ли она что-то общее с Барри Дином и были ли у нее какие-то дела с Софи Бут, или же Стивенс убил ее по каким-то своим причинам?

Поразмыслив немного, я обтер диск чистым носовым платком, снова упаковал его в конверт, засунул тот под ванну и поставил на прежнее место панель. Почистил унитаз, навел на него глянец и вышел из дома.

Та женщина все еще сидела на своем посту у окна. Залезая в «мини», я махнул ей, но прошло добрых десять минут, пока я перестал дрожать всем телом и смог отъехать.

Паб, в котором мы договорились встретиться с Сандрой Сэндс, располагался неподалеку от паспортного стола Пети-Франс, напротив Веллингтонских казарм. Туристы полудюжины национальностей заняли все столики на тротуаре. Внутри же набились мужчины и женщины в деловых костюмах. У них к лацканам были пришпилены беджи с названием конференции, а у ног громоздились сумки с ноутбуками и деловые портфели.

Я успел расправиться со второй порцией «Джека Дэниелса», когда появилась Сандра Сэндс. Я заказал для нее белое сухое вино, а она тем временем извинилась, что не может сидеть со мной долго.

— Я не хотел говорить по полицейской сети, — начал я, — потому что каждый звонок фиксируется, но, я думаю, здесь мы в достаточной безопасности.

Сандра отхлебнула вина, глядя на меня поверх краешка бокала.

— Ваш голос звучал так, будто что-то случилось, — заметила она.

— Для меня очень ценно то, что вы пришли.

— Вы охотитесь на Барри Дина.

— Теперь я под наблюдением, или это вы просто так предположили?

— Дэвид Варном говорит, что вы крепко вцепились в Дина, поэтому Макардл и отстранил вас.

Мы сидели в углу бара и разговаривали вполголоса.

— Меня отстранили потому, что к этому делу привлекли НСКР. Кстати, это и в самом деле Дэйв Варном сообщил все подробности газетам?

— На самом деле это некто из Сан-Франциско. По имени Глен Бауэр. Он был на сайте Софи Бут и видел убийство, но не понял, что ее убивали на самом деле, пока мы с ним не связались. Он восстановил фильм из кэша своего браузера и продал одному агентству новостей, а это агентство продало его десяткам газет, сайтов и телеканалов по всему миру, включая и «Миррор». Редакция «Миррор» не стала скрывать от нас материалы, которые у них имеются, а мы не могли запретить публикацию, потому что к тому времени они уже напечатали фотографии кадров убийства, и по всему Интернету распространились копии. Мы были вынуждены провести конференцию.

— И каково состояние дел теперь? Собираются ли предъявить обвинение Энтони Буту?

— Именно такие вопросы задают девушке на первом свидании? — ответила вопросом Сандра Сэндс.

Мы говорили полуслухом и продолжали держаться той же легкомысленной интонации именно потому, что оба понимали, насколько это серьезно.

— Так его еще не обвинили, верно? — спросил я. — Ведь газеты моментально подняли бы шум.

— Он присутствует в кадре.

— Это действительно так?

Она наградила меня одним из своих невинных взглядов и ответила:

— Я весьма сожалею.

— А не кажется ли вам довольно странным, что сперма Энтони Бута оказалась как раз на простынях его племянницы в ее квартире? Я был там в то время, когда Варном впер-

вые его допрашивал. Бут — умный человек. Слишком умный, чтобы пропустить что-то подобное.

Сандра Сэндс не стала спорить. Мне понравилась ее неторопливость. Она задумалась и сказала:

— Вы считаете, это была подстава?

— Или, может быть, он на самом деле спал с Софи, но это не имеет никакого отношения к ее убийству. После того как ее убили, квартиру буквально наводнили всячими ДНК, так что зашло бы в тупик любое следствие. Если ее убил Бут, так с чего бы это он стал оставлять на месте преступления простины с собственной спермой? Нет, в это невозможно поверить. Что же тут не так?

Сандра Сэндс улыбнулась:

— Не могу не заметить, сэр, что ваша манера говорить зависит от того, кто ваш собеседник.

— А я вообще очень непостоянный, Сандра. На меня оказывает сильное воздействие манера речи других людей. Это считалось ценным качеством в работе переговорщика. Когда пытаешься кого-то разговорить, всегда следует подражать его речи, влезать в его шкуру.

— Так вы этим сейчас и занимаетесь, сэр? Влезаете в мою шкуру?

— Что вы, я бы не осмелился даже пытаться. Так мы беседовали об Энтони Буте.

— Заместитель Макардла получил распоряжение насчет портативного компьютера Энтони Бута, и ноутбук отправили в НСКР. Я не думаю, что имею право сообщить вам что-то еще.

— Энтони Бут достаточно разбирается в компьютерах. Если бы в его лэптопе содержалась информация, которую он не хотел бы распространять, он уничтожил бы ее так, что и следа не осталось бы от записей. Ведь именно это он и проделал с ноутбуком Софи, когда та сообщила ему, что намерена продать компьютер Тиму Ковени. Мне и в самом деле надо было еще разок побеседовать с Тимом.

— Его отпустили, сэр. Он уехал домой в Ливерпуль.

— Вот черт!

— Едва ли вы смогли бы его арестовать, сэр.

— Он действовал в сговоре с Софи Бут, чтобы одурачить ее страховую компанию. Он не оказывал вам полного содействия во время первой беседы, и я сомневаюсь, что выложил всю правду на допросе.

— Мы взяли у него показания и проверили все нити. Еще раз допросили Энтони Бута и проследили все его передвижения по Шотландии во время убийства.

— Проверяли, наверное, дорожные камеры. Варному нравится воображать, будто они способны отслеживать людей по всей стране.

— А также проверяли всех, с кем Бут связан по работе, и всех его девушек, сэр.

— Его девушек?

— Сегодня мы допрашивали трех. Он любит высоких гибких блондинок, но какой же мужчина таких не любит! И все они к тому же хорошо обеспечены. Но ведь и он тоже. Что с вами, сэр?

— Ничего. Я превосходно себя чувствую.

— Они еще и работают, — добавила Сандра Сэндс.

— Что вы говорите!

— Очевидно, мистер Бут не против. Он сказал, что лучше заплатить за то, что хочешь иметь, чем трудиться, отыскивая себе подходящую девушку и обхаживая ее.

— Он так и сказал? Обхаживая?

— Ну да. Сейчас ведь есть даже специальные сайты, которые вполне официально принимают кредитные карточки. Можно заказать себе девушку на любой вкус. Мы живем в двадцать первом веке.

— И что, его блондинки очень похожи?

— Да, и не только физически, они будто отштампованы по одному образцу. Хорошенькие, довольно образованные,

живут в дорогих квартирах в престижных районах. — Она сморщила нос. — Я таких терпеть не могу.

— Вы довольно откровенны со мной, детектив Сэндс. Ценю. Позвольте мне отплатить тем же. — Я дал ей адрес квартиры Крэйга Стивенса и добавил: — Не ходите туда одна. И особенно тщательно осмотрите ванную. Вы найдете там кое-что интересное. Больше ничего не могу сообщить вам на эту тему — я ведь там даже не был.

— Но вы имеете представление о том, что я могу там найти?

— Уже вошло в традицию, что у меня появляется идея, а после я вам все объясняю. Но скажу вам вот что: Крэйг Стивенс работает в охранном агентстве «Квадрат». Эти люди охраняли покинутый офис этажом ниже квартиры Софи Бут. Стивенс имел доступ к ключам от парадной и от задней дверей. А если вы проверите списки заключенных, то убедитесь, что он сидел в тюрьме с Барри Дином. Стивенс отбывал срок за убийство, и о нем известно, что он умеет орудовать ножом. Никому больше этого не говорите, Сандра. Работайте сами. А когда сложите все вместе, идите к Тони Макардлу. Он человек справедливый. И воздаст вам должное.

— Он догадается, что за этим стоите вы, сэр.

Я осушил свой стакан с «Джеком Дэниелсом» и со стулом поставил его на стол.

— А вы это отрицайте.

— Куда вы направляетесь, сэр?

— Наверное, пойду и натворю что-нибудь ужасно глупое, детектив Сэндс. Я чувствую себя до жути несокрушимым.

24

— Это я, — произнес я час спустя или чуть позже.

Барри Дин впустил меня. Он стоял на верхней лестничной площадке, сложив руки на груди, глядя на меня сверху

вниз, пока я поднимался к нему. Обычная улыбочка застыла у него на губах.

— Повезло вам, что я в хорошем настроении, не то я сейчас же посоветовал бы вам убираться к чертям собачьим. Ну а раз уж вам повезло, постараитесь управиться побыстрее. Я как раз собираюсь уходить.

— Твое настроение роли не играет, — возразил я. — Как и то, что ты собирался уходить.

Меня воодушевляли добытые мной секретные сведения и «Джек Дэниелс», две порции которого я выпил в пабе, ожидая детектива Сандру Сэндс. А потом я добавил еще две в заведении Джона Сноу, когда заводил себя, чтобы достичь состояния, в котором можно сделать дело. Я протиснулся мимо Барри в квартиру. Ноутбук, как и в прошлый раз, стоял на журнальном столике. Когда Дин догнал меня, я указал на компьютер и осведомился:

— Мы хорошо потрудились, да, Барри?

— Скоро узнаете.

— А я уже знаю. Интересно, есть ли, например, в этом компьютере что-нибудь любопытное. Что-нибудь, связанное с чипом для «красной линии» или с АРЭСН?

— Если бы у меня и было что-нибудь подобное, неужели вы думаете, что я стал бы держать это здесь?

— Нет, конечно, — если бы ты был таким умным, каким себя воображаешь. Но ведь ты не мог удержаться и не поиграть с тем, что украл у Софи Бут, правда, Барри? Информация должна быть свободной?.. На самом деле не особенно умно было с твоей стороны утверждать обратное...

Он не ответил.

— Мне известно, что между тобой и Софи была заключена какая-то сделка, Барри. Или по крайней мере Софи считала, что у нее с тобой есть договоренность. Но в конце концов ты вместо того, чтобы выполнить условия соглашения, пошел и убил ее.

— Я в это время находился на Кубе, — буркнул он, — а теперь собираюсь туда снова.

— Без паспорта?

— Мне его уже вернули. Вы ничего против меня не имели, когда его забрали, и до сих пор ничего не имеете.

— Ты вообще-то сегодня выходил из дома, Барри?

— Иной раз я целыми днями из дома не выхожу, — ответил он. — Не больно-то и надо. Вся жизнь происходит у меня в голове. Мне этого вполне достаточно.

— Ты так и в тюрьме себя вел, да, Барри?

— Я не допустил того, чтобы тюрьма затронула мою внутреннюю жизнь. Я много читал. Триллеры, всякую там философию...

— Я бы предположил, что извращенцу вроде тебя в тюрьме приходится довольно тяжко. Это ведь смешно, хотя и трогательно, Барри, но ты, наверное, согласишься, что самые крутые мужики в тюрьме терпеть не могут извращенцев. Это выходит что-то вроде двойного извращения, а, Барри?

— Обычно я над этим не задумываюсь, — ответил Барри Дин. — Это меня не задевает.

— Здесь ты неправ, Барри. С того места, где я теперь стою, видно, сколько у тебя комплексов. Нет, скоро ты вернешься туда и станешь хлебать баланду, погрузившись в свой внутренний мир, но на этот раз у тебя не будет никого, кто станет заботиться о тебе снаружи. Ведь именно это делал для тебя Крэйг Стивенс, да? Или это было что-то еще более значительное, чем помочь? Возможно, вы были любовниками? Он давал, а ты брал?

При упоминании имени Стивенса физиономия Дина внезапно изменила выражение. Эта перемена напоминала тот момент, когда тень от облака пробегает по солнечной лужайке.

— Давай сэкономим массу времени, Барри, — предложил я, — перейдем прямо к делу. Ты мне признаешься, что знаком с Крэйгом Стивенсом с тех самых пор, как вы вме-

сте с ним отбывали срок, что все у вас было славно и полюбовно в камере Уондсвортса. Расскажи, как вы с ним встретились, когда его выпустили из тюрьмы — как раз в прошлом месяце, — когда ты впервые за последний год приехал в Лондон с Кубы. Расскажи о том небольшом дельце, которое вы вместе с ним провернули. Ведь кое-что о нем я уже знаю, Барри, и когда соберу воедино все детали, вам сильно достанется. То есть это в том случае, если ты не решишься помогать мне.

Он сделал два шага по направлению ко мне, затем налетел на кушетку, даже не заметив этого. Лицо его исказилось гневом, он как будто бы пережевывал горькую жвачку.

Меня охватило дикое желание бежать. Я приказал, очень громко, как если бы прикрикнул на лунатика:

— Стоять, Барри!

Он заморгал, длинный язык высунулся между его тонких губ.

— Я могу убить тебя прямо здесь, и никто не узнает!

— Не будь идиотом, Барри. Ни один коп в стране не получит отпуска, пока ты на свободе. АРЭСН не спускает с тебя глаз двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Камеры зафиксировали, как я сюда зашел.

— Я невидимка. Никто не сможет меня поймать.

— Теперь никто не сумеет спрятаться, Барри, в том числе и ты. Даже если ты воспользуешься тем, что украл. Видишь, мне известно и об этом. И о той девушке я тоже знаю. О блондинке, которую убил Крейг Стивенс. Точно таким же способом, как он убил Софи Бут. Да, я видел то небольшое кино, которое снял Стивенс. Ты там присутствовал, Барри? Или вы просто любовались сценкой, сидя на желтой кушетке? Думаю, последнее больше в твоем духе.

У Дина вырвался резкий смешок, напоминающий лай тюленя. Левая рука нырнула в карман синих слаксов и появилась оттуда, сжимая нож-бабочку. Он держал нож у себя перед глазами. Неуловимым движением открыл лезвие, бы-

стро шевельнул запястьем и снова закрыл его. И произнес, как бы обращаясь к себе самому:

— Всегда они поднимают шум, когда видят нож... Вот оно опять и начинается. Придется мне заставить его заткнуться.

— Довольно, — перебил его я. Страх наползал на меня, карабкался по спине. Я больше чем наполовину верил, что это уже не приступ дурацкого хвастовства. Барри слишком нервничал, чтобы что-то совершить. Это выглядело так, будто в комнату вошла опасная собака, из тех, что ведут себя тихо и не теряют спокойствия перед атакой. — Я ведь знаю, каков ты, Барри. Романтик, который иной раз способен допустить, чтобы безвредный импульс стал слишком серьезным. Ты не в силах от него избавиться. Гнев накапливается, пока не вынуждает его выпустить. Ведь так было с Софи и с той, другой девушкой? Кстати, кто она такая была? Как ты с ней познакомился?

— Не понимают они меня! — взвыл Дин. — Это верно. Они не понимают, на что я способен.

Он все еще поигрывал ножом, то открывая, то закрывая лезвие. Кажется, он даже не замечал, что делает.

— Я не уверен, что ты и в самом деле способен на это, Барри. Такой славный парень с университетским образованием. Выглядишь крутым, но ведь это всего лишь показуха.

— Да не беспокойся ты о моих способностях. — И он добавил с наводящей холод гордостью: — Волна будущего — вот кто я такой!

— Так ведь мы уже побеседовали относительно твоего будущего, — напомнил я. — Оно наступит быстрее, чем ты думаешь, если ты не уберешь этот нож.

— Я мог бы заставить тебя уйти. — Барри Дин приблизился ко мне еще на шаг и начал размахивать ножом взад-вперед, непрерывно ухмыляясь мне прямо в лицо. Глаза у него остекленели, а язык застрял в уголке рта.

В промежутке между взмахами я сделал выпад и ухватил Барри за руку, но он оказался сильнее, чем я рассчитывал, и

я слишком много выпил перед визитом. Он наполовину вырвался из моего захвата и хлестал ножом по воздуху взад-вперед, в то время как я старался завладеть этим оружием. Тыльную сторону левой ладони обожгла боль, оттуда фонтаном вырвалась струя ярко-красной крови. Однако мне удалось ухватить его запястье правой рукой, и я навалился на него всей своей тяжестью и держал, пока он не выпустил нож. Я пнул нож ногой так, что тот перелетел через всю комнату, отпихнул Дина и обхватил свою левую руку правой.

— Я тебя порезал! — Барри Дин захихикал.

— Ничего страшного. Пусть это тебя не волнует.

Но по моему запястью шел глубокий порез, врезаясь в плоть левой ладони. Кровь била прерывистыми струями.

— Не хочется мне, чтобы вы испортили мой ковер, — проворчал Дин. — Наверное, вам лучше уйти.

— А я считаю, что тебе следует отправиться в ванную и принести бинты. Иди давай.

Я облокотился на оконную раму, так, чтобы не была видна дрожащая рука. Тут-то и понял, каким дураком был, когда явился сюда с пустыми руками, считая, что смогу одолеть негодяя. Так бывает только в романах.

Дин угрюмо удалился, хлопнув дверью. Я прошел через комнату и подобрал нож. Когда наклонялся, голова у меня закружилась. Я закрыл лезвие и положил нож к себе в карман — интересно, а что еще может у него оказаться? Возможно, еще один нож, а может, пистолет. Десять минут в нужном баре, и пистолет за цену хорошего обеда в приличном ресторане у вас в руках. Второй раз за день я пожалел о том, что не экипирован как настоящий полицейский.

Когда Барри Дин вернулся, он держал руку за спиной и улыбался. Я спрятал левую руку в карман пиджака и накрыл ею нож. Дин это заметил, его улыбка сделалась шире, он швырнул мне скатанный бинт и клок ваты. Белый клочок, наложенный на рану, моментально пропитался кровью и покраснел.

— Рана тяжелая, — заметил Дин со счастливым лицом. — Я и в самом деле считаю, что вам следует показаться врачу.

— Ты от меня так легко не отделаешься. Для этого потребуется куда больше. Слушай, Барри, я понимаю, почему ты перепугался.

— Вовсе я не перепугался. Уж только не я.

— Ты, кто же еще? Ты испугался, что я взял твоего друга Крэйга Стивенса, который делил с тобой камеру в Уондсворте и который теперь работает в охранной фирме, в «Квадрате». Именно эта фирма охраняет офис в здании, где жила Софи Бут и где ее убили. Стивенс умел ловко управляться с ножом, и я не удивлюсь, если окажется, что он совершил убийство по твоей просьбе. Да, он прекрасно подходит на роль убийцы Софи Бут, и он действует в кадре с другой девушкой, блондинкой. Интересно, что Стивенс теперь скажет в свое оправдание? Он ведь может просто-напросто назвать твое имя, как ты считаешь?

Барри Дину удалось улыбнуться:

— Я считаю вас мешком с дерьямом.

— Когда Вителли обнаружат, что я разыскиваю Крэйга Стивенса, когда они поймут, по какой причине я его разыскиваю, не думаю, что тогда ты сможешь пользоваться услугами их адвоката. Не думаю, что ты сможешь продолжать у них работать или жить в этой уютной квартирке. Все могло бы сложиться лучше, Барри, если бы ты всерьез задумался о том, чтобы помочь мне, потому что совсем скоро уже ты станешь нуждаться в моей помощи.

Напряжение в воздухе сделалось прямо-таки оглушительным. Боль пульсировала у меня в руке.

— Я ни в чем тут больше не нуждаюсь, — улыбнулся Барри Дин. — Я уезжаю. Считайте, что уже уехал. Вы увидите. Увидите, какой я умный.

— Не думаю, чтобы ты был умен, Барри. А это значит, что, когда мы увидимся в следующий раз, дело будет закрыто.

* * *

Внизу на улице я увидел припаркованную машину, серебристый «сааб» с тонированными стеклами. Как только я вышел из дома, дверца со стороны пассажирского сиденья открылась, и оттуда показался детектив Дэвид Варном. Он так усиленно улыбался, что казалось, будто у него совсем нет губ — акулья улыбка, от уха до уха.

— Залезайте, — скомандовал он и сжал мою руку над локтем. — Залезайте живей.

Я вскарабкался на заднее сиденье. Водитель повернулся, чтобы посмотреть на меня. Это была Анн-Мари Дэвис из НСКР.

— Очень надеюсь, что не помешал вашему свиданию, — съязвил я.

— А я надеялся, что вы расскажете нам, для чего вы нанесли визит Барри Дину, — парировал Варном.

Только тогда я понял, что происходит. Что именно эти двое состряпали. Кем был мой таинственный корреспондент. Испытывая такое ощущение, словно падаю в открытый космос, я выговорил:

— Я так понимаю, что вы здесь не потому, что вам нравится Барри Дин, убивший Софи Бут.

Я все придерживал свою левую руку правой. Из насквозь пропитанной повязки текла кровь. Я чувствовал, как теплый мокрый червь ползет по рукаву моей куртки. Рана начинала ужасно болеть.

— Я здесь, потому что вы чертовски грязный полицейский, — ответил Варном.

Детектив Дэвис наблюдала за нами в зеркало заднего вида.

— Дэйв Варном не любит меня из-за Спиталфилдса. А у вас какой предлог не любить меня? — обратился я к Дэвис. — Вы что, поете в одной церкви?

Тут я понял. Мне следовало понять раньше. Простая проверка персонала подсказала бы мне ответ.

— Вы ведь оба были в Хендоне с Тоби Паттерсоном.

— Я здесь, чтобы помочь коллеге, — произнесла она ходячо.

— Она осуществляет нашу связь с НСКР, — уточнил Варн. — Хоть вы и отстранены от дела, вам должно быть это известно, потому что Тони Макардл совершенно ясно вам это объяснил. И все-таки вы здесь. Вы выходите из дома человека, который, возможно, причастен к убийству. От вас несет спиртным. Догадываюсь, что вы приехали сюда на той развалюхе, которую называете автомобилем, следовательно — вы еще и нарушили закон, управляя транспортом в состоянии алкогольного опьянения.

— Так вы меня выследили, да? Были уверены, что я стану преследовать Дина?

— Не желаю знать, что вы хотите сказать этим, — оборвал меня Варн.

— Вы знали о пересылке электронной почты с Кубы, потому что именно оттуда пришел факс об убийстве Софи Бут. Я же вам все о нем и сказал, и вы распорядились, чтобы детектив Дэвис направляла через это звено электронные послания. Вы прикинулись Барри Дином, вы подразнивали меня темой убийства Софи Бут, хитростью выманили меня из квартиры к стене с текстом Барри Дина, которым тот имел обыкновение подписывать электронную почту, посылаемую Софи Бут.

— Хотел бы я видеть, как вы все это докажете, — буркнул Варн.

— Вы подслушивали меня, когда я докладывал Макардлу о посланиях, которые получает Софи Бут. Бьюсь об заклад, что в бардачке этой машины имеется баллон с аэрозольной красной краской. И я убежден: если у меня будет возможность взглянуть на записи в вашем телефоне, я обнаружу, что это вы посыпали электронные письма по адресу определенной веб-книжки.

— Такой возможности вы не получите, — отрезал Варном. — Для вас все кончено, коп-убийца.

Я кинулся было на него, но слишком ослабел от потери крови и шока, и он с легкостью меня отпихнул. Мне удалось всего-навсего залить своей кровью его рубашку.

— Господи, — простонал он, пытаясь стереть кровь с рубашки носовым платком. — Да вы и в самом деле грязный полицейский.

— Это всего лишь производственная травма.

Детектив Дэвис повернулась на сиденье и осветила меня фонариком.

— Его порезали, Дэви.

— А может быть, он сам нанес себе рану, — прошипел Варном, все еще возясь со своей рубашкой и с носовым платком. — Боже, да из него льет, как из свиньи.

— Пустяки, — фыркнул я, хотя знал, что это не так. Я чувствовал сильную усталость. Из-за боли в руке трудно было связывать слова между собой.

— Я везу его в госпиталь, — заявила Дэвис.

— Только после того, как мы получим от него заявление, — уточнил Варном.

— Я распознаю артериальную кровь, когда ее вижу, — возразила Дэвис и завела мотор. — Не хочу, чтобы его смерть повесили на нас.

Варном обратился ко мне:

— Ну, госпиталь там или не госпиталь, но вы все равно должны объяснить, на каком основании связались с подозреваемым.

— Поберегите ваш пыл, — посоветовал я. — Просто у нас с мистером Дином была приватная беседа. К тому же он, по вашему мнению, вовсе не подозреваемый. — Я плотно придерживал левую руку правой, но, кажется, так и не смог остановить кровотечение. Рукав пропитался кровью с манжеты до самого локтя. Я добавил: — Может, вам следовало бы

чуточку прибавить скорость, детектив Дэвис. Кажется, вы не ошиблись насчет артериальной крови.

— Посмотрите на него, — возмутился Варном. — Пьяный грязный полицейский, считающий, будто в одиночку может справиться с психопатом.

— Вы можете ненавидеть меня до самых печенок, — возразил я. — Но я-то думаю, что мы оба должны заботиться о справедливости. Барри Дин — в центре этого дела, есть у него алиби или нет. Он близок к тому, чтобы все мне рассказать, и я не уверен, откроется ли он кому-то еще.

— Чушь собачья, — бросил Варном. — У нас ничего на него нет. Он был на Кубе во время убийства Софи Бут. Этим все сказано. И если раньше вы могли заниматься хотя бы делопроизводством, теперь я сомневаюсь, что вам доверят даже это. Из-за вашей некомпетентности погибли четыре прекрасных полисмена, а вы продолжаете думать, будто способны работать в полиции. Вас необходимо остановить. Для вашего же блага и для блага полиции.

— А как насчет вас, детектив Дэвис? — поинтересовался я. — Мне известно, что вы должны были помочь этому человеку отправлять те послания через анонимный кубинский ретранслятор, потому что, если честно, я не думаю, что Варном умеет даже печатать на машинке. Я знаю, вы это сделали, потому что вы подруга Тоби Паттерсона. Но неужели вы действительно хотите, чтобы Дин оставался на свободе? А ведь именно это и произойдет, если мне не удастся заставить его заговорить.

— У вас большие неприятности, — отозвалась Дэвис. — И вам не поможет, если вы начнете предъявлять такие дикие обвинения. Но если вы нам все расскажете, Джон, я обещаю, что мы арестуем Дина за нападение на сотрудника полиции.

— Это не его вина, — проговорил я.

Она взглянула на меня в зеркало заднего вида. Очень холодный расчетливый взгляд, более пристальный, чем взгляд Варнома, полный гневного отвращения.

— Не понимаю, почему вы невзлюбили Дина. Но у него твердое алиби на момент убийства Софи, и вам известно, что ДНК свидетельствует против Энтони Бута.

— Ловко же вы все представили, — заметил я. — Но это ничуть не поможет вам стать накоротке со мной.

— Я лишь хочу вам помочь, чтобы вы сделали правильный выбор, Джон, — покачала головой Дэвис. — Если вы подадите жалобу на Дина, если подробно объясните нам, что вы там делали, мы сможем арестовать его за то, что он вас ранил.

— Его долги куда больше, — не отступал я. — Кроме того, я вовсе не собираюсь обвинять себя самого и подавать на него жалобу. Выполняйте свои обязанности. А я полицейский не того плана.

— Нет, — покачал головой Варном, когда мы подъехали и остановились у входа в Вестминстерский госпиталь. — Вы долбаный идиот.

Варном повел меня к дверям, хотя я не переставал повторять, чтобы он убирался ко всем чертям. Он сопровождал меня до самого приемного покоя, где сестра велела мне успокоиться и прекратить ругаться.

— Полиция, — пояснил я, достал одной рукой удостоверение и стукнул им о высокий деревянный барьер, чтобы оно раскрылось. Свет был слишком ярким, он слепил меня, а гравитация, кажется, почему-то усилилась: я просто вынужден был вцепиться в барьер. И залил его кровью.

Сестра взглянула на мое удостоверение и сказала:

— Это не имеет значения. Здесь со всеми обращаются одинаково.

— Убежден, это произведет впечатление на кого угодно, — презрительно вымолвил Варном. — Мы, разумеется, будем об этом помнить, когда в следующий раз кто-то из наших явится сюда с тяжелой резаной раной, и вы позовете людей, чтобы они с этой раной управились. А сейчас, мисси, руки в ноги и приведите этому человеку врача.

— Да пошел ты, — выругался я. — Ты такой же, как я, когда доходит до того, чтобы разыгрывать тяжелый случай.

Мне хотелось сесть. Из-за того, что ряды оранжевых пластмассовых стульев вместе с сидящими на них кое-где пациентами, потрепанными, израненными и искалеченными, находились слишком далеко — меня отделяло от них целое поле сверкающего чистотой линолеума, — я уселся прямо на пол под самым барьером, но, кажется, плюхнулся несколько сильнее, чем рассчитывал, и услышал, как кто-то где-то позвал врача.

Меня запихнули на каталку и повезли в одноместную палату, где худющий молодой человек в белом халате проделывал с моей рукой всевозможные болезненные штуки, а я смотрел на него, испытывая блаженство от того, что лежу и что избавился от Варнома. Отчаянно хотелось курить, но я понимал, что не время просить сигарету.

— Мне нужно всего несколько стежков, — небрежно обронил я.

— Думаю, вам нужно кое-что еще, — сказал врач. — Вам проткнули радиальную артерию, ту, откуда поступает вся кровь. Вам повезло, что не поврежден нерв. Ведь это был нож, да?

— Он у меня в кармане, — сообщил я.

— Боже, как я ненавижу ножи! — пробормотал доктор. — Каждый субботний вечер мы получаем два десятка тяжелых ножевых ранений. Они могут быть опаснее пулевых. На прошлой неделе нам досталась перфорация кишечника — пяти-десятисантиметровая дыра, дошла почти до позвоночника, ее нанесли японским мечом. Ну и воняло... Вы бы не поверили.

Он натянул перчатки и прикрыл линзы своих очков в стальной оправе защитными акриловыми стеклами, потом снял повязку и прощупал рану тупой стальной иглой, пошевелил каждый мой палец.

— Нужно на вашу артерию наложить шов, — заключил он, — а после я зашью рану.

— Но, доктор, когда-нибудь мне можно будет снова заняться онанизмом?

— Снова онанизмом, — повторил он рассеянно, в то время как сестра начала раскладывать стальные инструменты на зеленой бумаге, застилавшей каталку.

— Сделайте мне одолжение, — попросил я. — Скажите моему коллеге в вестибюле, что я пробуду тут всю ночь. Мы с ним работаем над важным делом, и я не хочу, чтобы он попустил тратил время.

— Я за этим прослежу, — пообещала сестра. — Лично мне его помощь не нужна.

— Мне тоже, — обрадовался я.

Я не почувствовал никакой боли от шва, который закрыл мне поврежденную артерию, но пятнадцать швов, залатавшие рану, оказались весьма чувствительными. Доктор выписал мне болеутоляющее. После того как мне оформили рецепт и выдали лекарство в больничной аптеке, я вышел через главный вход, мимо запертого цветочного магазина и торговых автоматов. Еще даже и полночь не пробило. Я набрал номер на мобильнике, потом почти свалился в такси и дал увезти себя домой.

25

Пару часов спустя зазвонил мой мобильник. Голый, я выскочил из кровати и ответил на звонок.

Это оказалась Сандра Сэндс. Она звонила из телефонной будки.

— Произошло еще одно убийство. — Она назвала мне адрес. — Переждите часок, там сейчас работает следственная бригада, — и повесила трубку.

Я воспользовался обратным звонком, но никто не ответил.

Лора Силлс включила прикроватный свет и села, прости-
ня сползла с ее маленьких бледных грудей. Она смотрела, как
я подбираю с пола свои боксерские трусы и натягиваю их.

— Знавала я и более долгие свидания.

— Я еще вернусь.

— Говорила мне мама, чтоб не дружила с копами.

По крайней мере Лора забавлялась.

— Права была твоя мама.

— Это не из-за того, что...

— Я был уставший. И пьяный. И вообще, в таком стран-
ном состоянии...

— Ты потерял много крови.

— И это тоже, — согласился я, благодарный за любое
объяснение.

Хуже всего было то, что, прежде чем мы решили прекра-
тить старания и попытаться уснуть, это напоминало попыт-
ку протаскивания мертвой гусеницы сквозь игольное ушко.
Я добавил:

— И еще я слишком много болтал.

— Наверное, ты слишком долго хотел рассказать кому-
нибудь эту историю, но вовсе не обязательно именно мне.

— Хороший ты человек.

— Я безотказная женщина, — фыркнула Лора Силлс, по-
прежнему улыбаясь. — Между прочим, — заметила она, — у
тебя опять рука кровоточит.

Лора повела меня в сверкающую чистотой ванную и
развязала повязку. Она обнаженная, а я в боксерских тру-
сах — мы отражались в сверкающем хроме, белом кафеле
и фаянсе.

— Наверное, теперь я заслужила твое внимание, — ска-
зала Лора, закончив с перевязкой и ушипнув меня, что ока-
залось еще чувствительнее через десять минут, когда я влез в
свою «мини» — уже после того, как шепотом высказал свои
сожаления и полуправдивые обещания и обменялся с ней
застенчивыми поцелуями.

Было чуть за полночь, редкие автомобили проезжали под оранжевыми уличными огнями. По дороге к месту убийства на меня среагировали две камеры слежения, но мне, честно говоря, было плевать.

Адрес, который дала Сандра Сэндс, был мне знаком. Разрушенное офисное здание, сразу за серебристыми грифонами, которые сидели по обе стороны от шоссе A10 на своих постаментах и охраняли границу Сити. Все стекла в окнах первых двух этажей были выбиты, а металлические щиты, накрепко привинченные к стальным оконным рамам, испещрены граффити и антикапиталистическими и ситуационистскими лозунгами («Нулевой год», «Мы живем, как насекомые», «Кинг Моб», «Ищите берег!»), поверх которых красовались просто хулиганские надписи («Ивонна всем дает», «Трахну по самые гlandы», «Энкоу — педик»).

За этим разрушенным зданием руины простирались до освещенных зелеными и желтыми фонарями навесов. Их поставила корейская компания на останках Бродгейта и Нью-Бродгейта — пена от гигантских мыльных пузырей в покинутых цитаделях того, что некогда было самозванным финансовым центром всей Европы.

Сандра Сэндс ждала меня возле стальных ворот, украшенных логотипом охранной фирмы «Квадрат». Они преграждали проход в здание.

— Мне, конечно, не следовало этого делать, — сказала она, когда один из двух охранников отпер ворота.

— Вы получили ордер на обыск квартиры Стивенса?

— Мы нашли то, что вы хотели, если вы это имеете в виду. И идентифицировали ту женщину: это одна из подружек Энтони Бута.

— Спорим, что у Дэйва Варнома была эрекция? Как вы узнали, что она была убита именно здесь? Ее тело все еще внутри?

— Нет, тело сбросили в Ли.

Я вспомнил белый навес, торчащий под раскаленным солнцем возле бетонного русла реки.

— Женщина, привязанная к двум собакам, — догадался я.

— Да, сэр. К двум восточноевропейским овчаркам.

— Не те ли это овчарки, у которых перерезаны голосовые связки?

— Не знаю, сэр.

— Как их убили?

— Накормили сырыми гамбургерами, сдобренными варфарином.

— Умный ход. Дешевые охранные фирмы вроде «Квадрата» держат своих собак голодными по ночам, чтобы те оставались на страже... Женщина была убита здесь? Вы так и не сказали, как обнаружили это место. И вы говорили, что произошло еще одно убийство.

— Да, сэр. Нашли Крэйга Стивенса. Я потом расскажу. А здесь криминалисты почти ничего не оставили.

При помощи карманного фонарика Сандра Сэндс отыскала выключатель. Загорелось около полудюжины люминесцентных ламп. Известняковый пол холла был расчищен от мусора, но на нем еще сохранились следы копоти от нескольких костров. Мраморная поверхность стола на ресепшене, похоже, подверглась нападению кувалды — из столешницы были выбиты куски мрамора. Компьютерный терминал превратился в огромный ком почерневшего пластика. Высокие, по пояс, брусья турникетов безопасности были согнуты и перекручены. Кожаные сиденья кресел выгорели до металлического основания.

Сандра Сэндс спросила:

— Что с вами, сэр? Вам плохо?

Когда я в последний раз видел это место, оно еще дымилось от пожара. Мимо него на большой скорости проехал полицейский фургон, лавируя между перевернутыми выгроевшими автомобилями — преследовал двух бандитов на

скутере. Слишком резко повернув по направлению к Спигтфилдсу, скутер вошел в занос и упал. Водитель фургона ударил по тормозам, и меня сбросило со скамьи на ребристый металлический пол, так что я не видел, как бандиты ринулись в разных направлениях. Когда я выбрался через заднюю дверь фургона, увидел только девушку и четырех полицейских, преследовавших ее.

Шел третий день Инфвойны. После марша протеста на шоссе G7 конференция переросла в бунт. И бунт все ширился. Хакеры и микроволновые бомбы уничтожили телефонную связь по всей стране, Интернет и широковещательные сети, стерли базы данных банков и всю информацию по кредитным картам, разрушили суперкомпьютеры Национальной службы коммуникации и хранения данных. После того как подложенные в машину бомбы превратили в руины ключевые здания лондонского Сити, разгоряченные бунтовщики сделали все, чтобы разрушить остальное. Мятежи организовывались спонтанным союзом либеральных анархистов, антикапиталистов, зеленых радикалов и неолуддитов. Группировки ирландских монархистов воспользовались суматохой и принялись производить автомобильные бомбы, но так и осталось неясным, кто заплатил хакерам и кто заложил микроволновые бомбы. Власти обвиняли нечестивый союз Кубы, Ливии и внутренних врагов, но никаких доказательств не было — только противоречивые факты и голословные утверждения. Это была современная война.

Всего несколько часов назад я рассказал свою военную историю Лоре Силлс. Я страдал от головокружения и всхлипывал, лишь наполовину что-то соображая, оглушенный злополучной смесью болеутоляющего и «Джека Дэниелса». Разумеется, это была моя личная версия произошедшего, а истиной была самая большая катастрофа, вызванная Информационной войной. После Инфвойны не осталось ничего определенного. Факты перестали быть абсолютными, они

сделались неуловимо призрачными. Даже собственной памяти нельзя теперь доверять.

Я руководил эвакуацией документов из офисов страховой компании, которая лишилась всех окон из-за разорвавшейся неподалеку бомбы, и участвовал в операции взвода Тоби Паттерсона. Мы ехали через развалины Сити. Время близилось к полуночи. Уличные фонари не горели, но небо было чистым. Бледная, точно кость, луна освещала высокие фасады офисных зданий. Окна разбиты, на улицах полно обрывков бумаги и обломков стекла. Огромный кратер в том месте, где микроволновая бомба врезалась внутрь фургона — одна из трех, чей электромагнитный импульс уничтожил всю информацию на жестких дисках компьютеров лондонского Сити. Станции метро «Ливерпуль-стрит» и «Бродгейт» все еще полыхали, и только благодаря этим огням Тоби Паттерсон, вооруженный автоматом, направлял свой мотоцикл...

Та девушка не могла убежать далеко: она повредила ногу, когда упала со скутера. Тоби Паттерсон и его люди кинулись за ней почти тотчас же. И вскоре я услышал крики, почти нечеловеческие. Когда я подбежал, Тоби Паттерсон смотрел, как трое полицейских избивали распростертую на земле девушку дубинками. Неуклюжие, словно средневековые рыцари, в бронежилетах и защитных шлемах. Их полицейские дубинки поднимались и опускались, будто поршни какой-то жуткой машины. Боже, как они ее избивали! Отыгрывались за все три дня оскорблений и гнева. Девушка свернулась в жалкий комочек, издавая гортанные выдохи всякий раз, когда удар по ребрам прерывал ей дыхание.

Я закричал на Тоби Паттерсона, он подошел ко мне и вложил в руку свою полицейскую дубинку.

— Или мы — их, или они — нас, — сказал он. — Делай свой выбор.

Двое из его людей остановились, наблюдая за нами, третий продолжал уродовать девушку, целясь в колени и локти.

Я сунул дубинку Паттерсону в руки и сказал, что сейчас позвоню и вызову подкрепление. Мои мысли натыкались на клаустрофобный рев в голове, но я совершенно четко, хотя и разрозненными кусками, осознавал происходящее. Как в замедленной съемке, я увидел Тоби Паттерсона, сделавшего шаг назад и занесшего руку. Его дубинка с резиновым наконечником, начиненным свинцом, двигалась к моему лицу с ленивой неизбежностью поезда, терпящего крушение. Затем все ускорилось. Дубинка влетела в лицо, разбила губы и сломала челюсть. Выбила четыре зуба и опрокинула меня на землю.

— Не выпускайте ее! — крикнул кто-то, а потом раздался другой голос: — Дайте мне! Дайте мне!

Я стоял на коленях, прикрыв ладонью поврежденную скулу, сплевывая кровь и окровавленный гравий. Совершенно четко помню, как разглядывал собственную кровь, заливавшую неровный слой битого стекла и кирпичных осколков.

Девушка корчилась на земле, двое мужчин схватили ее за руки и держали, а Тоби Паттерсон пытался стащить с нее джинсы. Подбежал еще один полицейский, вытащил пенис и помочился на нее; один из тех, кто держал девушку, отступил назад, потому что струя попала ему на сапог, девушка начала брыкаться и уже почти вырвалась, когда ее джинсы опустились ей на лодыжки. И тогда тот, кто мочился, поставил сапог ей на шею. Лицо девушки, белое и отчаянное, находилось всего в нескольких футах от моего.

Не помню, пытался ли я снова кинуться на них. Помню только, как бежал к фургону. Лицо у меня горело и немело, но в голове была только одна мысль: хотя по всей стране телефонная связь выведена из строя, в фургоне под передним сиденьем есть неуклюжая армейская радиостанция. Я уже почти добежал до фургона, когда кто-то, опустив голову, промчался мимо меня, размахивая руками. Я увидел его лишь мельком — к тому времени мой правый глаз распух и зак-

рылся, — но я был уверен, что это возвращается один из мотоциклистов, чтобы спасти свою подружку. Он что-то выкрикивал. Думаю, звал ее, но на самом деле я просто не помню. Затем он бросил бомбу. Взрыва я не слышал. Помню только, как ударился о боковую стенку фургона под градом раскаленного металла.

Наверное, я мог бы его остановить. Он ведь проскочил мимо меня почти вплотную, я мог бы опустить руку ему на плечо — уж это-то наверняка было в моих силах. В конце концов, я мог бы просто повиснуть на нем. Наверное, он и тогда взорвал бы бомбу: он был готов это сделать. Тоби Паттерсон и остальные трое полицейских не погибли бы. Может быть, и девушка осталась бы жива. Они ее крепко избили, но вряд ли успели убить.

Около года я решал это простое алгебраическое уравнение, да так и не решил его для себя. Судьба других полицейских меня совершенно не волновала, но ведь я мог спасти девушку. Меня оправдали в том, что я выжил, но предсмертное заявление Эндрю Фуллера о том, что я испугался и побежал, когда отряд противостоял двум террористам, никто не пытался скрыть, так что многие теперь презирали меня. В худшие моменты жизни я и сам в это верил: вина всегда преувеличивает наши страхи и отравляет доверие к собственной памяти. Причина, по которой я никогда не рассказывал свою историю Джули, заключалась не в страхе, что она мне не поверит. Нет. Я боялся не поверить себе самому...

Так что меня переполняли ядовитые опасения, когда я поднимался за Сандрай Сэндс по двум маршрутам давно выведенных из строя эскалаторов на второй этаж. Наверху передо мной предстала картина разгромленного офиса, где полусгоревшие остатки столов баррикадой громоздились вдоль одной из стен, мотки проводов свисали из дыр, пробитых в низком потолке, сбитый ковер на полу белел следами водяных потоков, и повсюду лежали кучи собачьего дерьма.

Я прошел по периметру этого загаженного пространства. Горячий спертый воздух до сих пор был пропитан гнилью и гарью. Жуткое место, совершенно неподходящее для того, чтобы отдать концы. Люди, участники преступления, давно исчезли, но они оставили после себя стул, на котором скончалась та блондинка, а зеленая краска, покрывавшая стол со стальной столешницей, была испещрена пятнами и царапинами в тех местах, куда убийца время от времени клал свои инструменты. Повсюду на зеленой поверхности виднелись капли и потеки крови. Много крови натекло под стул, а в радиусе нескольких футов от него весь пол был усеян мелкими брызгами.

Сандра Сэндс сказала, что имя убитой женщины — Вероника Брукс, или, точнее, это было то имя, которым она пользовалась на работе. По-настоящему ее звали Джеки Грант. Ей было двадцать пять лет. Она была элитной проституткой и работала в пригородном коттедже. Ее анкета вместе с анкетами еще двух десятков девушек размещалась на американском сайте «Уолдвайд экзотикс», размещенном на подпольном сервере. У нее имелось около тридцати постоянных клиентов, большей частью бизнесмены. Она зарабатывала две тысячи фунтов ежедневно, или как минимум за два дня; всегда имела одежду и машины самого высшего класса. У нее был кембриджский диплом по специальности «современные иностранные языки», а на банковских счетах числилось более двадцати тысяч фунтов. Одним из ее клиентов был Энтони Бут — обстоятельство, из-за которого Дэйв Варном усиленно жал на все кнопки. А ее бойфрендом считался Дэмиен Наццаро, один из младших членов семьи Вителли, тот самый, что сопровождал Барри Дина на Кубу. Вчера рано утром она умерла здесь, а Крэйг Стивенс был убит почти на том же самом месте восемнадцать часов спустя, когда я отправлялся в гости к Барри Дину.

Был ли у Вероники Брукс хоть какой-нибудь шанс, когда ее притащили сюда? Возможно, она видела трупы собак на

крыльце и пыталась сбежать, но Стивенс заставил ее подняться по безжизненным эскалаторам, вынудил раздеться. Силой усадил на стул, хлестал ее по бедрам. В глаза ей был яркий свет, а сбоку нацелился черный глаз равнодушной видеокамеры. Должно быть, крики эхом отдавались от низкого потолка, но окна были забаррикадированы, и вокруг не было никого, кто мог бы ее услышать, кроме человека, который ее убивал.

— Есть в этом здании работающая телефонная линия?

— Насколько мне известно — нет, сэр.

— Не важно. Он мог пользоваться мобильным телефоном. Или мог просто снять ее на видео.

— Кто, сэр?

— Крэйг Стивенс. Он получил ключи от этого здания в агентстве «Квадрат». Он убил здесь Веронику Брукс и сторожевых собак. Заснял убийство, утопил труп в реке вместе с дохлыми собаками, а потом вернул ключи в «Квадрат», сбежал к себе в квартиру и сделал копию фильма, который, несомненно, изготовил для собственного пользования. Потом он отправился к Барри Дину — показать, что он сделал.

— Я просмотрела это видео, сэр.

— Я тоже. А его как убили?

— Выстрелом в голову. Как раз возле того стула, где погибла она. Пятна крови показывают, что он в это время стоял на коленях.

— Так что получилось нечто вроде казни. Что ж, заслуженное наказание.

— Если вам известно об этом что-то еще, сэр, вы должны мне рассказать. Или, лучше, поедем со мной, и вы сделаете заявление Макардлу. — Ее взгляд стал обвиняющим. — Вы же что-то знаете, правда?

— А что случилось с нашим подшучиванием, жизнерадостной перебранкой и неохотным признанием моих дедуктивных методов?

— Я считаю, что как законопослушный гражданин вы должны открыть относящуюся к делу информацию, сэр.

— Почему это вдруг мне вспомнился Тони Макардл?..

— Он думал, что вам, возможно, будет легче, если вы сначала побеседуете со мной, — призналась Сандра Сэндс.

— И он был прав. Что ж, значит, Веронику Брукс убил Стивенс. Это очевидно. Не знаю уж почему, но мне кажется, Барри Дин хотел, чтобы так случилось. Потом об этом узнал Дэмиен Наццаро. Может быть, Барри Дин показал ему видео. Или, более вероятно, Дин переслал ему копию по электронной почте. Вот Наццаро и отправился ловить Стивенса. Заманил его сюда — или заставил прийти под дулом пистолета — и застрелил. Мне кажется, вам нужно разыскать Дэмиена Наццаро, детектив Сэндс.

— Не волнуйтесь, сэр. Старший инспектор Макардл пришел к тому же выводу и разослал ориентировку.

— Он думает, это что, любовная размолвка? Ревность? Разборка между Наццаро и Бутом?

— Должна вам сказать, сэр, что Макардл сильно рассердится, если вам удастся выкинуть еще что-нибудь.

— Наподобие визита к Барри Дину? — Я поднял забинтованную руку. — Что вы, я получил урок.

Еще одна ложь. Ну ничего, лжи здесь уже так много, что это уже не важно.

26

Элитная проститутка, имеющая связи с Энтони Бутом и с младшим членом семейства Вителли. Девушка по вызову, у которой есть анкета в Интернете. И Барри Дин, дизайнер веб-сайтов для Вителли.

Злодей, роковая женщина и козел отпущения.

Я свернулся Сити-роуд на Пентонвилл-роуд, обгоняя везде, где только мог, получая в ответ широкий ассортимент

негодящих жестов. «Клэш» на полную громкость. Приближающиеся фары встречных машин бьют по ветровому стеклу, теплый воздух овеивает мой локоть.

Кажется, я распутал загадку.
Пришло время Армагеддона.

«Скорпио» Тони Макардла и две патрульные машины почти перекрыли движение на улице возле здания, где жил Барри Дин. Показав удостоверение, я прошел мимо патрульного у дверей и предстал перед Дэйвом Варномом. Он ждал меня в коридоре.

— Нам стоит прекратить встречаться, — сказал я.

Варном был в белом полиэтиленовом комбинезоне, в виниловых перчатках и в белых бахилах, капюшон надежно прикрывал ему лицо. Под левой мышкой просматривались очертания кобуры.

— Мне казалось, я доходчиво объяснил, что вы не принимаете больше участия в этом расследовании. Убирайтесь отсюда.

— А я чувствую себя ответственным. Вам бы тоже следовало так себя чувствовать, зная, что двоих людей убили из-за того, что вы использовали Барри Дина как приманку в своем дурацком плане.

Варном шагнул на две ступеньки вниз и встал так близко, что мог бы погладить меня по голове. Мое лицо оказалось на уровне его пояса.

— Убирайся отсюда, тупой пигмей. Тебе потребуется масса времени, чтобы объяснить дисциплинарной комиссии всю ту неразбериху, которую ты учинил... И это только начало...

— Теперь я знаю, из-за чего все произошло, — не сдавался я.

— И очень сомневаюсь, что вы это понимаете.

— Ни черта ты не знаешь. Отправляйся домой, иначе мне придется попросить кого-нибудь арестовать тебя.

Я спустился по лестнице и позвонил Макардлу. Он вышел из дома пять минут спустя. Откинув капюшон своего

белого комбинезона, снял перчатки и огляделся по сторонам. Когда увидел, что я облокотился о патрульный автомобиль, подошел ко мне. Лицо его налилось кровью.

— Я не хочу причинять беспокойства, — начал я, — но мне известно, почему был убит Барри Дин.

— Сандра Сэндс сообщила мне, что вчера вы были на квартире Крэйга Стивенса, — перебил Макардл.

— Она сказала вам это?

— Разумеется, сказала. Кроме того, соседка записала номер вашей машины и передала его местному отделению. А потом вы приехали сюда и получили тяжелую рану. Об этом мне рассказал Дэйв Варном, так что даже и не начинайте оправдываться. Вы чертовски прокололись — и теперь за это поплатитесь.

— Я полагаю, вы смотрели видеофильм, где заснято убийство Вероники Брукс, она же Джеки Грант? Ее убил Крэйг Стивенс, потому что она была вовлечена в попытку шантажа Энтони Бута. Софи Бут кое-что позаимствовала у своего дяди. Барри Дин устроил так, что ее убил Крэйг Стивенс, и выкрад жесткие диски из ее компьютера. Он воспользовался ими, чтобы шантажировать Энтони Бута. Дэмиен Наццаро это обнаружил — или ему подсказали — и убил Стивенса и Дина.

Макардл расстегнул молнию своего комбинезона, вытащил сигареты и закурил, не сделав мне обычного вежливого приглашения.

— Наццаро действительно сюда приходил и колотил в дверь ногами — у нас есть видеоматериал. Но Барри Дин к тому времени уже испарился. Насколько нам известно, он сейчас летит на Кубу. Мы тут перевернули вверх дном всю квартиру и получили образец ДНК, но я не жду, что эксперты обнаружат что-то новое. — Он затянулся сигаретой и добавил: — О чем вы думали, спугивая важного свидетеля?

— Это не оправдание, — быстро сказал я. — Но если это может вас заинтересовать, он не был замешан в этом деле.

Он был страшно раздражен, когда я его навестил, и неудивительно. Он, вероятно, только что сообщил Наццаро о Веронике Брукс и собирался отправиться в аэропорт, пока Наццаро выслеживает Крэйга Стивенса. Я понимал, что вмешался некстати, но был совершенно прав. Именно он заказал убийство Софи Бут.

— Поезжайте домой, Джон, — велел Макардл. — Поезжайте домой, или возвращайтесь в Т12, или идите к чертовой матери — мне без разницы. Я жалею о том, что привлек вас к делу.

— Дин что-то взял у Софи Бут. Он понял, что это у нее есть, когда увидел один из ее клипов. И без сомнения — эта программа находится у него в компьютере.

— Если у Дина есть компьютер, он не здесь. — Макардл бросил сигарету и затоптал ее ботинком. — Поезжайте домой. Поспите немного, а потом все изложите в письменной форме. Вам следует объяснить, почему вы вторглись в квартиру Крэйга Стивенса и зачем вы посещали Барри Дина.

— Я знал, что Дин замешан в другом деле, что он принимал участие в продаже порнодисков школьникам. Думаю, что Дин и Наццаро промышляли этим на пару, вот как Дин познакомился с Вероникой Брукс.

— Вот и напишите обо всем этом, — вздохнул Макардл, повернулся ко мне спиной и ушел в дом.

Я поехал домой.

Как только я открыл дверь квартиры, из темноты выплыл Архимед. Он нацелил шпоры своих лап прямо мне в лицо. Я пригнулся, хотел схватить его здоровой рукой, но промахнулся. Архимед ударился об пол. Крылья робота бешено скребли по полированному буку, пока его когти не отыскали твердую опору, он подскочил вверх и улетел с потрясающей скоростью, ударился о кушетку, завертелся юлой. Крылья неистово вращались, хотя синхронность их движе-

ний слегка нарушилась. Я подоспел к Архимеду, когда он пытался разбить стеклянную дверь на балкон.

Он бился у меня в руках, голова болталась, крылья трепыхались. Робот превратился в легкую вибрирующую оболочку, начиненную взбесившейся электроникой. Всякий раз, когда я отпускал его, он пытался вырваться и налететь на стену. Должно быть, он проделывал это уже не раз — стеклянное забрало на его мордочке было покрыто трещинами и дырами, тельце съежилось, смялось под плотной волной нейлоновых перьев. На голых кирпичных стенах появились отметины в тех местах, где Архимед налетал на них на полной скорости. Наконец мне удалось приоткрыть клапан на его брюхе, покрытом белыми перьями, и отключить птицу.

Я принял душ, предварительно завернув раненую руку в полиэтиленовый пакет. Решил прилечь на кровать всего на минутку, а проснулся семь часов спустя. Я выпил достаточно кофе, чтобы нанести ущерб своему желудку. На автоответчике обнаружил восемь сообщений. Стер их все и позвонил Джули. Рассказал ей об Архимеде.

— У меня большие неприятности, — добавил я.

— Не уверена, что мне хочется о них слушать.

И все-таки я рассказал. Сообщил, что я отстранен от дела. Рассказал, что тем не менее проявил некоторую инициативу. Упомянул, что произошло еще два убийства.

— Возможно, мне придется предстать перед дисциплинарной комиссией, — добавил я.

— Такое с тобой уже случалось.

— Тогда меня оправдали. Теперь все будет по-другому. Я нарушил должностные инструкции.

— Но ты поступал так, как считал нужным?

— Возможно, я ошибался.

— Ну, если ты проиграл, то по крайней мере играл по своим собственным правилам.

— Ты полагаешь, это меня утешит?

— Тебе не следовало так поступать. Но ты поступил именно так. Надежду внушает то, что это все-таки было правильно.

— Мой последний выстрел по собственной славе — так считают полицейские, мои сослуживцы.

— Значит, они не особо высокого о тебе мнения.

— Слушай, Джули, я могу успеть на «Евростар»...

— Нет, Джон.

— Я мог бы оказаться в Брюсселе уже через пять-шесть часов.

— Нет, Джон, это плохая идея.

— Я должен тебе кое-что рассказать. Сделать признание. Или нет, не признание, не совсем так. Идиотская попытка объяснить, почему я потерпел такое поражение. Кое-что, что я должен был рассказать тебе с самого начала. Джули, я хочу поделиться с тобой теперь, но не по телефону.

— Что-то слишком важное, чтобы говорить об этом по телефону, но не столь важное, чтобы ты молчал об этом год?

— Я не виню тебя за то, что ты язвишь. Я могу успеть на «Евростар». Тогда я буду у тебя к завтраку.

— Ты предал нашу любовь, Диксон.

— Я был идиотом. Я боялся...

И я действительно боялся. Моя ладонь на пластмассовом корпусе мобильника сильно вспотела. Горло саднило той болью, какая появляется после того, как поплачешь.

— Значит, ты мне не доверял, — попрекнула Джули.

— Да я и сам себе не доверял.

Молчание.

Выдергав паузу, я добавил:

— Я представил себе тихое кафе, или тот парк, о котором ты мне рассказывала. Тот, что перед дворцом...

— Ты уже и так долго ждал, чтобы рассказать мне свою историю. Ничего не случится, если подождешь еще немного.

— А пока мы останемся... кем? Добрьми друзьями? Приятелями, которые любят поболтать по телефону?

Молчание.

Тихий вздох.

— Тебе придется мне поверить, раз я говорю, что не брошу тебя... Так когда она соберется, эта дисциплинарная комиссия? Если она вообще будет.

— Официально мне еще не сообщили. Но у меня есть ощущение, какое бывает, когда стоишь на платформе в метро, и вот-вот придет поезд. Когда движется воздух и поднимается ветер.

— Но ты еще не видишь в туннеле огней и не слышишь грохот?

— Еще нет.

— И не можешь удержаться, чтобы не влезать в неприятности?

— Ведь дело еще не закрыто. Два человека, которые за этим стоят, по-прежнему на свободе. И я не знаю, что Энтони Бут...

— Мне кажется, ты должен спокойно сесть и разобраться в своей жизни. Подумай, чего ты в действительности хочешь. Я вернусь через две недели. Знаю, для тебя это большой срок, но как-нибудь перетерпишь. Будь мужчиной. Зато потом, обещаю, я выслушаю все, что ты захочешь мне рассказать.

— Она так и собирается сделать, — заключил Ник. — Зачем бы она вообще стала с тобой разговаривать, если не собирается?

— Не знаю уж, — протянул я. — Из жалости. Из ложного чувства милосердия. Из-за сознания собственной вины.

Мы сидели за одним из расшатанных деревянных столиков для пикников на веранде «Головы». Заведение потихоньку наполнялось любителями выпить за ленчем. Цепочки быстро плывущих облаков заполняли небосвод от края до края.

Солнце приобретало бронзовый оттенок. Воздух был напоен влажной росой. Нависшие над нами тени от больших тентов, установленных на террасе, не приносили облегчения. Большинство торговцев, выстроившихся вдоль края тротуара, начали заворачивать свой товар в газеты и укладывать в ящики из-под бутылок и в обтрепанные картонные коробки.

— Это все твое гребаное чувство собственного достоинства, — сказал Ник. — Ты должен гордиться, что у тебя такая девушка, как Джули. А вместо этого ты сидишь размышляешь о том, что с тобой произошло, и ждешь, когда она образумится и бросит тебя.

— Так ведь она и бросила. Уехала.

Ник стукнул кулаком по выцветшой доске столешницы. Его пальцы были украшены кольцами, ногти обгрызены.

— Проснись! Она уехала в Брюссель на работу. Она вернется.

— Мы вообще-то повздорили месяц назад, — признался я. — Из-за того, что она хотела иметь заработок, если будет жить со мной.

— Да разве стала бы она еще с тобой разговаривать, если бы не хотела жить с тобой? Вот уж не думаю.

— Я собираюсь ей рассказать о Спиталфилдсе.

— Вот и хорошо. Давно пора. А ты вместо этого занялся самообвинениями. Конечно, тебе было проще, чтоб она уехала, чем заставить себя рассказать ей ту историю.

— Может быть.

— Да не может быть, а точно. — Ник отпил пива из своей бутылки, после чего обтер с губ пену, как бы достигнув той точки, на которой следует прекратить дискуссию. Его щетинистые волосы, темные очки с толстыми стеклами, кожаная жилетка и черные кожаные штаны делали его похожим на Роя Орбисона.

— Во всяком случае, — произнес я, поднимая с пола и выкладывая на стол ноутбук, — вот то, ради чего мы здесь. И он тоже здесь.

— Все в порядке?

— Судебного преследования не будет, так что он не понадобится в качестве вещественного доказательства.

— Я имею в виду, информация сохранилась?

— Разумеется. Его даже и не включали. Только подключили считающее устройство. Оно обходит операционную систему и делает копию содержимого жесткого диска, ничего не добавляя и не удаляя. Все файлы на своих местах. Копия диска будет приложена к делу, но я сомневаюсь, что кому-то придет в голову изучать эти материалы. Концерт окончен.

— Не совсем так, — покачал головой Ник. — Джейф подумывает вернуться в Штаты. Местная Лига благопристойности узнала об операции и пикетировала его дом. Вчера ночью кто-то бросил в окно кирпич. Джейф отправил жену и сына в гостиницу. Скажу тебе, Джон, эта дерзкая история заставила меня решить: если я все-таки отправлюсь в поездку по Миссисипи, то заберу с собой всю свою семью и не вернусь. Когда был принят Акт о правовом регулировании следственных полномочий, я подумал, твою мать, это же идиотский закон, его нельзя применять! Эта страна живет не за счет ткацких фабрик, у нас информационная экономика. Пытаться остановить поток информации — все равно что пытаться остановить реку. Но власти встраивают в компьютерные системы черные ящики и направляют информационные потоки на анализ содержимого. А после принимают закон о регулировании Интернета и контроле над информацией, потом — закон о защите детей. Я подумал: ведь это то же самое, что полный запрет. Не высовывай голову — не получишь по башке. А потом Инфовойна еще более ухудшила обстановку, потому что подарила членам Лиги благопристойности и сторонникам «Малой Англии» реального врага, предлог загнать всю страну назад, в пятидесятые годы прошлого века. Раздельное обучение, обеты целомудрия... У меня есть племянница, ей только что исполнилось шестнад-

цать. В прошлом месяце она приняла обет целомудрия. А вскоре после того перерыла все записи моего брата и сожгла то, что входит в список, который ей дала руководительница местного отделения Лиги благопристойности. Заявила собственному отцу, что это делается ради его же блага, и пусть радуется, что она не отнесла материалы в полицию... Гори все синим пламенем, я всерьез думаю, как поскорее отсюда уехать, пока мне не наступили на горло.

— Может, и я с тобой поеду, — сказал я. — В смысле, на Миссисипи. Похоже, у меня теперь куча свободного времени.

Я приехал в Т12. В офисе толпились техники, секретари и полиция в штатском — все с пластиковыми стаканчиками с белым вином или банками пива. Пит Рейд сунул мне в руку холодную банку и обрадовал:

— Обмываем окончание дела!

А я и забыл о деле Мартина. В центре офиса, окруженная коллегами, стояла Элисон Сомерс. Она с воодушевлением болтала. По-видимому, она все-таки набрала первую космическую скорость и была готова никогда уже не возвращаться на поверхность планеты Т12. Я почувствовал себя таким тяжелым, словно меня в одиночестве оставили на Юпитере.

— Мартину дали триста лет строгого режима, — сообщил мне Рейд. — И по сотне Локсли и Кернану. Солидный результат, сынок.

Рейчел Суинни настойчиво пробивалась ко мне через всю комнату. Вовсе не требовалось быть детективом, чтобы увидеть: новость, которую она так торопится мне сообщить, явно не из приятных.

Часть третья

ПРИЗЫВ ПРИЗРАКА

27

Два дня спустя, ровно через неделю после того, как было найдено тело Софи Бут, я купил билеты на «Аэробус-340», вылетающий из Шипхола на Кубу. Меня отстранили от работы с сохранением содержания до дисциплинарного слушания. Это не упоминалось в новостях о смерти Софи Бут, Вероники Брукс и Крэйга Стивенса — людей, с которыми я не был знаком, но которые сыграли решающую роль в моей маленькой драме. Они словно призраки, которые никогда не были так живы, как после смерти.

Макардл преподнес дело как попытку шантажа, затеянного Барри Дином. Согласно его версии, Стивенс убил Софи Бут и с помощью Дэмиена Наццаро подбросил ДНК Энтони Бута, чтобы дать повод заподозрить того в убийстве племянницы. Вероника Брукс, женщина, раздобывшая образец спермы Бута, пригрозила, что пойдет в полицию. После того как Дин и Стивенс убили ее, Наццаро застрелил Стивенса в отместку, но не смог разыскать Дина, так как тот уже уехал из страны. Наццаро тоже уехал. Он отправился регулярным рейсом в Париж всего через час после того, как вломился в пустую квартиру Барри Дина. К тому времени, когда ордер на его арест был отослан в Интерпол, он сидел на борту самолета, летящего в Гавану.

Энтони Бут согласился со всей этой историей, в основе своей правдивой. Однако полиция обошлась без упоминания о подпольных веб-сайтах, исчезновении жестких дисков, дырке в системе АРЭСН, участии Софи Бут в попытке продажи не принадлежавшего ей софта и о подложном письме на ее аккаунте в «Интернет-Волшебнике». В интересах Энтони Бута было сохранять молчание. Он знал, что именно забрал Дин у Софи. Знал, почему ее убили. Его действительно шантажировали, но совсем не убийством племянницы.

Может, я бы это так и оставил, если бы ко мне не попали кое-какие сведения.

После того как Рейчел Суинни сообщила мне о дисциплинарной комиссии, ко мне подошел Чарли Уиллз и шепнул, что может показать кое-что любопытное.

— Мир тесен, — произнес я пять минут спустя.

На экране компьютера Чарли появилась стартовая страница с диска. Вначале экран был черным. Затем посередине заплясал небольшой язык пламени. Из огня шагнула обнаженная девушка и раскрыла веер, каждая пластинка которого являлась пунктом меню. Один из техников нашел этот диск, проводя опись барахла, которое мы изъяли с Аланом Раддом в ходе операции.

— Славная работа, — заметил Чарли Уиллз. — Качественное разрешение, высокий битрейт и, несмотря на это, — плотнейшая компрессия.

У женщины было лицо Софи Бут, но роскошное грудастое тело позаимствовали у кого-то другого.

— Вот звуковой файл. — Чарли щелкнул мышью.

«Иди сюда, — позвал женский хрипловатый голос из динамика компьютера. — Мои губки влажные и ждут тебя».

— Это первое, что предстает зрителю, — заметил Чарли.

— Довольно развязно.

— Знаешь, кто это сделал?

— Есть у меня одна мысль, но вряд ли ее примут в суде. Что еще ты нашел?

— Более десяти тысяч фотографий и видеоклипов в разных сочетаниях. Мы рассортировали их по размерам и по последним двадцати строкам кода. Более половины из них найдены на других дисках, которые вы конфисковали. Возможно, две разные группы людей брали материал с одних и тех же сайтов, но, судя по маркерам, все диски были записаны на одном и том же оборудовании.

— Может быть, автор взял фото с одного из сайтов?

— Никоим образом. Большинство файлов в сети — это сжатые jpeg, а здесь tiff, богатый деталями. Можно разглядеть даже поры на коже у бедной девушки, если увеличить масштаб. Здесь есть еще кое-что, что тебе следует увидеть.

Чарли защелкал по меню. Там были изображения Софи, которые я видел прежде: картинки, скопированные с веб-сайта мистера Игги Стикса, и сцены, где Софи занималась любовью с различными мужчинами и женщинами.

— Он монтировал ее голову к другим телам, — пояснил Чарли. — Здесь и здесь, видишь? Думаю, плечи вот тут могут быть ее, но верхняя часть правой руки не соответствует левой. Куда грубей, чем на главной странице. Такое мог сляпать любой дятер с мало-мальски сносной графической программой.

Я подумал: а не посыпал ли Барри Дин эти картинки Софи? Наверняка ведь посыпал.

— У тебя они все зафиксированы? — спросил я. — Мне нужны копии.

— Я их пришлю на твою машину.

Я написал рапорт, послал копию Аллану Радду и позвонил Сандре.

— Не могу с вами разговаривать, сэр, — ответила она.

— Думаю, вам стоит узнать, что нашел один из техников T12. — И я рассказал ей о содержимом диска. — Теперь мы знаем, что делал здесь Барри Дин. Вероятно, вместе с Дэмиеном Наццаро, поскольку диски найдены во владениях Вителли. Как чувствует себя Макардл, зная, что упустил двух подозреваемых в убийстве?

- Полон оптимизма, сэр.
- Ваш словарь совершенствуется, детектив Сэндс. Я сам пошлю ему рапорт.

Я настроил рапорт, отправил и с опозданием вспомнил, что пора проверить почту. Среди обычных извещений группы новостей, циркуляров и меморандумов обнаружилось письмо с громадным вложением, присланное с анонимного кубинского ретранслятора.

Кровь застыла у меня в жилах. Я пропустил письмо и вложение через антивирусную программу и открыл его.

Received: from post.mail.police.net ([128.345.0.141])
by pcnetmail1.police.net (HyperMail v3.2) with message
handle 182390 367526 0 pcnmail1 smtp; Fri, 11
Jun 2010 12:28:32 for js134@js134.police.net.uk
Received: from anon02830@aglet.cu ([158.152.221.123])
id 1025602; 11 Jun 10 12:14 GMT
Mime-Version: 4.2
Content-Type: text/plain; charset=«us-ascii»
To: js134@js134.police.net.uk
From: anon02830@aglet.cu
Subject:
Message-ID: <109277872.2099928.0@aglet.cu>

Не пытайся меня искать. Я повсюду.

Без подписи. Но я знал, от кого это.

В приложении оказался снимок Джули, покидающей отель, сделанный с противоположной стороны оживленной улицы; бледное лицо с ярко-красными губами и стройное тело в резком фокусе за расплывшимися автомобилями и скутерами на переднем плане.

Я немедленно позвонил ей и предупредил, что кто-то следит за ней, пускай она сообщит об этом в местную полицию и договорится об охране. И еще:

— Я сяду на первый же «Евростар». Буду у тебя через пять-шесть часов.

— Я могу сама о себе позаботиться, — заявила она.

— Это прескверный тип. Здесь из-за него трое убитых. Умоляю, Джули, делай как я говорю.

— Я не собираюсь стать одним из твоих дел, — ответила она.

— И не станешь.

— Да вот как раз и стану. Я бросила тебя, потому что ты вечно добиваешься, чтобы мир вращался вокруг тебя, Диксон. Все становится частью твоей истории, попадает на хранение в твой погреб с горестями. Я сама о себе позабочусь... и большое тебе спасибо.

Она отключилась и больше не отвечала на мои звонки. Но часа через два позвонила сама. К тому времени я купил билет через Интернет и сидел в такси, направляясь к терминалу «Евростар» на вокзале Ватерлоо.

— Все в порядке, — сообщила Джули. Она постаралась произнести это непринужденно, однако недобрая радость клокотала в ее словах.

— Такие вещи нелегко привести в порядок.

— А вот здесь ты ошибаешься. Я пошла прогуляться. Тим шел позади, увидел типа, который увязался за мной, позвонил мне и описал, как тот выглядит. Я свернула в кафе, а когда объявился этот тип, подошла прямо к нему и спросила, что он о себе думает.

— Подошла прямо к нему. Боже правый!

— Ты злишься потому, что считаешь меня идиоткой, или потому, что упустил шанс выставить меня дурой?

— Есть же другие способы разбираться с такими людьми. Подходить прямо к ним — это...

Джули перебила меня:

— Со мной был Тим. Мы зашли в кафе. Выпили вместе кофе. Поговорили. Очень цивилизованно. Он частный детектив одного голландского агентства. Ему сказали, что у

меня с кем-то роман. Он искренне думал, что выполняет заказ моего мужа. И явно испытал облегчение, когда я сказала ему правду.

Такси застряло в пробке на одной из уочек близ Ватерлоо. Обыкновенные дома, обыкновенная жизнь. Я спросил:

— Как его зовут?

— Я его проверила, Диксон. Взяла его визитку и позвонила по указанному на ней номеру. И это не обман.

— Назови мне его, Джули. Номер мог быть для отвода глаз.

— Гарри Бумсма. Он хороший человек, Диксон. Обыкновенный мужчина, который волей случая стал частным детективом. Показывал мне фотографии жены и троих детей. Живет в городе с названием Гронинген. Короче, поговорили, а затем мы с Тимом посадили мистера Бумсма на поезд, он вернулся в Голландию.

— Вы с Тимом.

— Ты имеешь что-то против?

— Пункт первый. Гарри Бумсма мог тебе солгать. Возможно, он совсем не частный детектив: визитка и фото семьи, которые он тебе показывал, могли быть поддельными. Пункт второй. Он мог сойти с поезда на ближайшей станции, вернуться и возобновить слежку. Или передать задание сообщнику. Пункт третий...

— Вот только не надо делать из нас идиотов, — оборвала меня Джули. — Мы отправились в полицию, как только проводили мистера Бумсма на поезд. Мы сделали заявления. Не переживай, эти люди действительно во всем разберутся.

Наконец такси вырвалось из пробки, набрало скорость и резко рвануло направо.

— Даже если он тот, за кого себя выдавал, ты не задумалась, с чего бы голландский частный детектив следил за тобой?

— Не знаю. Возможно, в Бельгии частных сыщиков не хватает.

— Люди, вовлеченные в это, были также вовлечены в торговлю порнографией, и до того, как для них открылась

Куба и другие новые убежища, Голландия была ведущим порноцентром. Твой славный отец семейства, Гарри Бумсма, возможно, связан с одним из подобных синдикатов.

— Он сказал, что его работа закончена.

— Разумеется. Теперь за тобой поручено наблюдать кому-то другому. Я буду у тебя через четыре часа, Джули.

— Нет надобности. Я сама о себе уже позаботилась.

— Вы с Тимом, — уточнил я.

— Я не хочу видеть тебя здесь, Джон. Понял? Я не дева в беде.

— А я не рыцарь на белом коне?

Тишина, одно только чуть слышное шипение в аппарате. Наконец Джули отозвалась:

— У меня здесь работа. Я работаю в одном из самых безопасных зданий в Европе. Местная полиция согласилась возить меня на работу и обратно в отель к концу рабочего дня. Не приезжай сюда, Диксон. Я серьезно. Не думай, что, если ты явишься, я с благодарностью упаду без чувств в твои объятия.

— Я просто хочу убедиться, что тебе ничего не грозит.

— Тебе надо разобраться в своей жизни, Диксон. Я вернусь через несколько дней. И мы поговорим.

Я все-таки мог бы поехать. Мог притаяться в баре отеля в темных очках, закрывшись газетой, в шляпе и в парике. Но если бы Джули меня увидела... Это был бы конец. Мы даже не были бы «просто хорошими друзьями».

Такси подкатило к большому стеклянному корпусу Международного терминала. Я постучал в перегородку и попросил водителя отвезти меня домой.

Когда Джули препоручила моим нежным заботам Архимеда, она дала мне адрес мастера, чтобы обратиться к нему, если с собой будет что-то неладно. Вечером я поехал туда с Архимедом. Это была квартира-мастерская в викторианском доме на Розбери-авеню. Выглядела она своеобразно — с пол-

ками от пола до потолка, набитыми электронным хламом, устаревшими компьютерами и принтерами, рабочим столом возле окна и разобранной постелью, с обоих концов которой громоздились ящики с деталями. Я сидел на кухонном табурете и курил. Выкурил две сигареты, пока Гейбриел Дэй — неисправимый шестидесятник, хиппи с длинными седыми волосами вокруг лысины — возился с механизмом Архимеда. Посвистывая сквозь крупные коричневые зубы, он порылся в груде хлама на столе и нашел кабель с торчащими ежом проводами. Один конец подсоединил к Архимеду, другой — к видашему виды ноутбуку и, держа нос едва ли не в дюйме от экрана, принялся всматриваться в строки тарабарщины, появившиеся на экране. Наконец надел очки в тяжелой пластиковой оправе с запачканными линзами и объявил:

— Вот что... Твою сову хакнули.

— Хакнули?

— Ясно как день. Смотри: она модифицирована, так что можно дистанционно влезать в ее сенсорную систему.

— Знаю.

— Ну так вот, я в свое время поставил сюда чип. Он прекрасно работал, но кто-то взял и хакнул его. И грубо: как если бы сунул ложку в твой мозг и давай мешать.

— Кто-то проник в мою квартиру, чтобы это сделать?

— Не обязательно. Чип связывает центральный процессор совы через инфракрасный порт с резервной памятью в настене. Обычное дело в старых моделях. Этим можно пользоваться для удаленного управления птичкой, а если что-то не так со встроенной памятью, просто перезагрузить все из резервной, и порядок. Кто-то подключился к порту и поковырялся в мозгах совы. Я могу перезагрузить программу и восстановить память из последнего бэкапа, но это займет некоторое время.

— А как насчет вмятин и внешних повреждений? Мне надо, чтобы сова была как новенькая, когда вернется моя подружка.

— Не проблема. Хотя понадобится новое стекло для щитка перед камерами. Заказ придет через неделю — пришлют из Японии.

Я знал, кто это сделал, и теперь размышлял, когда же он мог забраться в память Архимеда. «Я повсюду». Мысль о том, что Барри Дин наблюдал за мной в моей квартире, была не из приятных. Гейбриел Дэй указал на строку цифр на экране:

— Если это поможет, вот номер компьютера, которым пользовался хакер. Может, он не знал, что твоя сова фиксирует всех, кто на нее настроится. Или, может, знал. В таком случае здесь просто случайный набор цифр.

Я записал номер, оставил Архимеда у Гейбриела Дэя, выдал мастеру аванс наличными и поехал в Т12, где потратил час, проверяя данные удостоверения Гарри Бумсма. Затем я коротко переговорил по телефону с Тони Макардлом, который пообещал взять это на заметку, позвонил Энтони Буту и, наконец, вызвав браузер, отправил сообщение Барри Дину:

Скоро увидимся.

28

Почти весь следующий день я провел, тревожась за Джули. Пусть даже Тони Макардл позвонил мне, чтобы сообщить, что голландский детектив подлинный и что местная полиция устроила ему порядочный втык, было ясно, что Барри Дин располагает возможностями творить свои мелкие пакости по всему свету. Словно примитивный, но живучий вирус, странствующий по кровеносной системе и выискивающий в организме слабые места.

Я звонил Джули четыре или пять раз. Она не отзывалась. Я оставлял сообщения: тревожные, жалобные, гневные, с извинениями... Наконец она перезвонила мне.

— У меня все прекрасно, — объявила она, когда я закончил извиняться. — Это правда. Тим обещал заботиться обо мне, что любезно с его стороны, но я могу и сама о себе позаботиться.

Я заметил, что, по-моему, она слишком легкомысленно отнеслась к моим предупреждениям.

— У меня есть билет...

— Сохрани его, Диксон, — сказала она. И тут же объявила, что ей пора идти — у нее встреча через десять минут.

— В субботу?

— Я популярна. Не могу больше говорить. Тим меня ждет.

— В твоей комнате? — спросил я и тут же пожалел об этом.

— В вестибюле, — огрызнулась Джули. — И с ним милая дама-полицейский, которая нас повезет...

— Я не хотел...

— Мне пора. — Джули отключилась. Ну и ладно, мне тоже предстояла важная встреча.

Позже в тот день у меня было неловкое свидание с матерью Софи Бут на террасе кафе «Сомерсет-хаус».

— Одно из последних мест в Лондоне, где можно пить приличное вино и одновременно курить, — сказала Анджела Бут, когда я нашел ее и стал извиняться за опоздание. С тех пор как убили ее дочь, она явно недосыпала. Горе сделало ее взгляд суровым. Рот вытянулся в тонкую линию, хотя в целом она была красивой женщиной. И даже элегантной. Белая футболка, синие джинсы, туфли змеиной кожи на шпильках. Длинные крашенные хной волосы схвачены у плеча зажимом из дерева и кожи. Вызывающе алая губная помада. Анджела дымила как паровоз и тянулась за следующей сигаретой, гася в пепельнице окурок предыдущей. К тому времени как я пришел, она уже наполовину осушила бутылку «Пино блан».

— Мы с мужем разводимся, — сообщила она.

— Грустно слышать.

Анджела Бут отмахнулась:

— Рано или поздно это все равно случилось бы.

— И все-таки...

— Вы думаете, мне следовало подождать? Что нам нужно пройти испытание вместе?.. Посмотреть, сделает ли оно нас сильнее?

— Я не...

— Так говорит моя невестка. Так говорят мои друзья, те, которые все еще решаются со мной разговаривать. Ничто не сравнится с гибелью ребенка в качестве средства для проверки своего круга общения. — Анджела Бут помолчала. — В любом случае мы с Саймоном договорились расстаться в Рождество. Мы собирались дождаться, пока Софи окончит колледж, но теперь это не важно, так ведь? Финита ла комедия — так, кажется, говорят?.. Едем дальше... В добный путь... Хотя, честно говоря, не представляю себе, что дальше. — Она смыла наполовину выкуренную сигарету о дно пепельницы и вытащила новую.

Я поднес ей зажигалку, а после и сам закурил.

— Человек, которого убили... Это правда, что он замешан в дело Софи? — спросила Анджела.

— Да.

— И двое других, которые бежали на Кубу, они тоже причастны?

— Безусловно.

— И нельзя доставить их обратно?

— Нет. Мне очень жаль.

— Мы с Саймоном поддерживали прежнее кубинское правительство. Летали туда в отпуск задолго до того, как это стало модно... Никаких пляжей или баров. Мы ездили по фабрикам, больницам, образцово-показательным фермам. И каждый вечер — лекции. Десять лет назад, пока еще действовало торговое эмбарго, мы участвовали в схеме доставки в страну запрещенных лекарств... Спасибо, — сказала она официантке, которая поставила передо мной бутылку пива «Тигр» и вновь наполнила бокал Анджелы.

— У нас нет договоренности с их правительством о выдаче преступников, — вздохнул я. — А все из-за Инфовойны.

— Хотя никто пока не доказал, что Куба причастна к этой мерзкой войне... В этом мы с Софи в конце концов согласились, знаете ли. Такая война рано или поздно положит конец нелепой политике этого правительства. Рано или поздно все увидят, какое притворство их преследование «внутреннего врага». Это лишь повод судить и бросать за решетку любого, кто смеет с ними не соглашаться. Простите. Вы, должно быть, думаете: вот жестокосердная левая сука, разглашает о политике через неделю после убийства дочери. Жалеете, что согласились со мной встретиться?

— Мне бы хотелось больше узнать о Софи, — ответил я.

— Значит, вы не такой, как остальные из полиции. Их Софи интересовала только как жертва. Не как личность.

— Это не вполне полицейское расследование. Давайте считать, что я работаю в частном порядке.

— Двадцать пять долларов в день плюс расходы? Мне нравились эти старые американские черно-белые фильмы. — Анджела Бут отпила из бокала. — Ну, так что вам рассказать? Я не очень хорошо знала Софи последние несколько лет. Она оставалась моей дочерью, но мы отдалились друг от друга. Полагаю, вы заметили, что я резка в суждениях. Софи была такой же. Бедный Саймон страдал, пытаясь играть роль миротворца.

— Ее не устраивали ваши политические взгляды?

— У нее вызывала негодование наша общественная работа, наша большая семья и все остальное. И она постоянно требовала внимания, в этом отношении она была похожа на мою мать. Уверяю вас, Софи начала поощрять Энтони именно по этим причинам. Бог свидетель, на самом деле он ей не нравился. И, конечно, ей не нравилось, что он поддерживает правительство. Она была либертарианкой, и не просто потому, что это модно и эпатажно. — Анджела с иронией нарисовала в воздухе знаки кавычек. — Ей нравилось забавляться с порнографией.

— Вы об этом знали?

— Мы с Саймоном воспитали дочь, привыкшую выскакивать, что у нее на уме. Она говорила нам, что делает. Конечно, Софи пыталась эпатировать людей, но думаю, для нее это было более чем серьезно. Это было ее политической позицией.

— Информации необходима свобода...

— Да-да, вы правильно понимаете. Конечно, она совершила ошибку, приравняв деньги к свободе. Она не понимала, что это ловушка... К черту! — Анджела опустила голову и закрыла глаза ладонями.

— Простите, — снова сказал я. Меня мучило осознание того, что извинений тут мало.

— К черту! — повторила Анджела. — Все, о чем я прошу: сделайте что можете.

— Постараюсь.

Но я знал, что и этого мало.

Молчаливый, облаченный в костюм от «Армани» дворецкий Боб проводил меня на террасу похабной квартирки Энтони Бута. Удушающий ветер дул с низовьев Темзы — ветер, перенасыщенный духом разложения. Он ерошил тонкие светлые волосы Энтони Бута и трепал полы его шелкового халата, меж тем как хозяин, стоящий у края террасы, вглядывался вперед, точно отважный исследователь на носу корабля, посеребренного водами дальних морей, идущего к новым горизонтам.

Было восемь вечера. Тридцать два градуса по Цельсию. Влажность более восьмидесяти процентов. Вероятность дождя в ближайшие двадцать четыре часа пятидесятипроцентная.

Когда я ступил на залитый солнцем пол террасы, Энтони Бут проронил, не оборачиваясь:

— Вы интересный человек, инспектор. Слишком увлекающийся для полиции, как мне дали понять.

— Небольшая заноза в заднице местных копов. Думаю, ваши проблемы куда глобальней.

У меня была к нему тьма-тьмущая вопросов. О Софи. О дыре в системе АРЭСН. О том, что я узнал от Дона Фаулера, о невидимости. И я был уверен, что не получу удовлетворительных ответов ни на один, но решил постараться. Я протянул хозяину конверт А4, который принес с собой, и сказал:

— Я тут провел небольшое исследование...

Энтони Бут и не подумал обернуться.

Прогулочный катер с яркими разноцветными флагками двигался вниз по реке. Музыка, гремя, разносилась над темными водами, но мне показалось, что Энтони Бут наблюдает не за кораблем. Наконец он заговорил:

— Все программисты оставляют для себя возможность попасть в сердце того, что разрабатывают. Черный ход, дыра, закладка, чит, мод, хак — называйте как хотите. Просто на всякий случай. Потому что могут это сделать. Потому что когда заканчиваешь продукт и выпускаешь его в мир, хочется сохранить над ним власть. Доказательство, что ты знаешь об этом больше, чем кто-либо другой. Ты — создатель, и маленькая тайна, которую ты скрыл в своем детище, делает его твоим навеки. Тщеславие изобретателя — единственная слабость, которую я признаю, инспектор. Но не глупость. Только не это.

— Я принес фотографии, которые могли бы вас заинтересовать, — сказал я.

Два снимка были кадрами из кэша камер слежения, установленных перед этим самым зданием; другие три — из творений Софи Бут. Дальний план с Софи, стоящей под фонарем, руки распростерты, рукава белого платья подобны крыльям ангела. Зернистый, крупный план ее руки, указывающей на камеру, в ладони нечто, похожее на пульт дистанционного управления. И следующий кадр, судя по отметке в углу, сделанный одной десятой секундой позже, где Софи уже исчезла.

Невидимая девушка. Дон Фаулер объяснил мне, что ее изображение было уничтожено путем наложения на составляющие его точки новых точек, приблизительно соответствующих фону. Увеличение этого единственного кадра позволило обнаружить в нем след Софи в виде смутной ауры смещенных и сжатых пикселей в том месте, где она стояла — едва видимое мерцание, содержащее всю информацию, необходимую для воссоздания ее портрета.

Когда стало ясно, что Энтони Бут не собирается смотреть даже на меня, не говоря уже о фотографиях, я произнес:

— Софи убили из-за вашего тщеславия, сэр. И Барри Дин вас этим шантажировал.

— Со мной связались сразу, как только погибла Софи, — сказал Энтони Бут, как если бы речь шла о коммерческой сделке. — Мне прислали фотографии. Они сообщили, что именно взято из ее квартиры и во сколько обойдется возврат похищенного.

— Но вы не обратились в полицию.

— Система «красной линии» — мое детище, инспектор. Она принята как стандартная система видеонаблюдения в этой стране и введена в пятнадцати крупных городах США. Моя компания ведет переговоры о продаже системы с правительствами двух десятков государств. Эта система — беспристрастный свидетель, недремлющий полицейский. Она учится и растет. Она инициативна и бесконечно гибка. Она преобразит мир.

— Просто машина для принятия масштабных решений, — проронил я, но Энтони Бут явно не был поклонником Дональда Фагена.

— Небольшое ограничение независимости — очень малая цена за безопасность на улицах и порядок в городах. С тех пор как в Лондоне введена АРЭСН, на восемнадцать процентов снизилась уличная преступность и на тридцать шесть процентов возросло число арестов. Машины честнее людей, они точнее, эффективнее и беспристрастнее. Мы столь мно-

гое доверяем им в других областях, так почему не поручить им охрану закона и порядка?

— Боюсь, мы слишком им доверяем, — усмехнулся я. — Когда вы закладывали вашу дыру, двигало ли вами только тщеславие? Или дело в том, что вы побаивались собственного творения?

— На завтра у меня назначено с десяток интервью, инспектор. Я более чем готов дать полное и откровенное объяснение своей позиции.

«Да, — подумал я. — Вопросы изучены, время и место, даже освещение и ракурсы съемки определены. Одобрение и поддержка в самом конце гарантированы контрактами. Типы вроде Бута устанавливают правила и заботятся, чтобы эти правила не применялись к ним. Они делают вид, будто их побуждают действовать благие намерения, но в действительности ими движет страх». И я знал, что Энтони Бут пребывает в страхе: его дворецкий ходит с пистолетом в наплечной кобуре. Он тщательно обыскал меня, прежде чем я был допущен в общество хозяина.

— Какую долю правды вы откроете?

— Настолько большую, насколько смогу. В некоторых отношениях мне нужно быть осмотрительным. Как и вам.

— Я не собираюсь обращаться к журналистам.

— Не имеет значения, что вы собираетесь делать. Издано распоряжение о сохранении тайны, касающееся всех газет, телевидения и сети. Запрещены любые упоминания о «красной линии» в связи с гибелью Софи. И конечно, как полицейский вы не должны нарушать Закон о государственной тайне. Если вы обратитесь к прессе, ничего из сказанного вами не опубликуют, а вас самого погребут на глубине пяти фэсомов* ваши же сослуживцы. Можете попытаться затеять что-то против меня, инспектор, но повредите этим только себе.

Я верил ему. После того как Дон Фаулер помог мне раскрыть хитрость Софи, я предупредил его, что здесь пахнет

* Фэсом — мера длины, равная 1,82 м.

чиром «красной линии», санкционированным М15, а это подпадает под Закон о государственной тайне. Если он хоть слово шепнет на ушко даже своей жене, он исчезнет в недрах подслушивающей станции ООН на границе Зимбабве и ЮАР. Мое предупреждение подействовало: Дон перепугался до полусмерти. Но его собственная участь беспокоила, меня же моя — нет.

— Уверен, что все это правда, сэр, — проговорил я. — Но положение таково, что мне нечего терять, как отметили вы сами.

— Вы погубите себя. Чего ради?

— Может, это прозвучит для вас глупо, сэр, но я думаю, что правда все-таки должна выйти наружу. Ради Софи.

— Я давал Софи все, о чем она просила. И даже больше. Я помог ей уйти от родителей. Она отчаянно рвалась на свободу. Я дал ей квартиру, компьютеры, деньги...

«Да, — подумал я. — Дал, но не из-за любви. Или не из-за того рода бескорыстной любви, которая не стремится к обладанию и подкупу».

— Вы испытывали к ней особый интерес, — заметил я.

— Осторожней, инспектор. Эта беседа записывается. Не нужно грязных намеков.

— Если так, давайте кое-что проясним для записи, — подхватил я. — Даже если речь только о вашей личной записи. По некой причине вы дали своей племяннице копию программы, которая открывала ей доступ высокого уровня в АРЭСН. Таким образом, Софи смогла управлять любой камерой, подключенной к системе.

— В ее представлении — да. Она хотела использовать камеры слежения. Я не усмотрел в этом никакого вреда. Полагаю, мне льстило, что она питает интерес к моей работе, что хочет воспользоваться моими достижениями. Я не знал, что за этим стоит.

Я видел, что ради самооправдания он пытается уверить себя и других, что его великодушие вознаграждено обманом и предательством. Это открывало дорогу ненависти.

— Но это еще не все, верно ведь? Я знаю, что вы дали Софи прибор, способный творить кое-какие хитрости. Он делал ее невидимой для камер. Она буквально изымала себя из картины.

— А... Вы об этом!

— Я видел ее произведения. Сперва я подумал, что дело во включении и выключении камеры или в умелой редактуре отснятого материала. Но затем понял, что суть сложнее, и попросил одного моего технически грамотного друга внимательно изучить записи.

— Я сделал это специально для нее, инспектор.

— Барри Дин видел произведения Софи и догадался, что их автор имел доступ к АРЭСН. Он известили ее о своем открытии, и она решила, что сможет использовать Дина, чтобы задеть вас. Не думаю, что вы ей нравились, сэр. Не думаю, чтобы хоть сколько-нибудь нравились. Но Барри Дин нарушил условия сделки. Он позаботился, чтобы ее убили, и забрал жесткие диски из компьютеров, тем самым получив программу и возможность вас шантажировать. И он взял еще кое-что — штуковину, которая умеет дистанционно управлять камерами видеонаблюдения.

— Софи настаивала, и я... Да, признаю, я питал к ней слабость. Назовем это слепой привязанностью дядюшки, — произнес Энтони Бут с неожиданным достоинством. — Я пошел на поводу у девочки и сглупил.

«Вот именно, — подумал я. — Предоставил Софи средство исчезать, и она исчезла».

— Не иначе как вы здорово привязались к ней, сэр, если подарили ей нечто столь могущественное.

— Мы хорошо подружились за последние два года, инспектор. Она была похожа на меня, а не на Саймона с Анджелой. Она сама так говорила.

Теперь я видел, насколько Софи им манипулировала. Как использовала его гордость и тщеславие, чтобы получить то, что хотела. В глубине души он все еще был млад-

шим братцем, жаждавшим доставлять удовольствие, ищущим одобрения.

— Барри Дин узнал об этом и натравил на Софи убийцу, чтобы заполучить желаемое. И человек, которому он заплатил за ее убийство, заодно разлил сперму, взятую из презерватива, которым вы пользовались, когда трахали проститутку по имени Вероника Брукс. — Я резко выделил слово «трахали».

— Я не делаю тайны из своей сексуальной жизни, инспектор.

— Похоже, Дин вас и впрямь ненавидел.

— Это легко объяснить. Я как-то раз дал надомную работу Барри Дину. Я привлекал немало вольных программистов, когда разрабатывал код для АРЭСН и чип «красной линии». Одним из них был Дин.

— Когда это было, сэр?

— Два года назад. Как раз когда его выпустили из тюрьмы. Кто-то стал посыпать работающим у меня женщинам самую грязную порнографию. Я выследил Дина и уволил его.

— Я видел его дело, сэр. Там об этом не упоминается.

— Я не заявлял в полицию, ибо счел это внутренним делом фирмы, инспектор. Я узнал, что он вытворяет, и избавился от него.

— Полагаю, было бы неловко для фирмы, работающей в сфере безопасности, признать, что она по недомыслию наяла субъекта с преступным прошлым.

Энтони Бут ничего не ответил, и я добавил:

— А вот чего я не понимаю, так это почему вы не рассказали всего полиции после гибели Софи.

— Я не знал тогда, что Барри Дин стоит за похищением программы и того, что вы назвали «штуковиной».

— И за убийством Софи?

— И за этим тоже, конечно.

— Выкладывайте, — предложил я. — Вы хотели справиться сами. Вы хотели откупиться и замять дело. Вы бы не сооб-

щили полиции о шантаже, даже если бы знали, кто вас шантажирует, а я думаю, вы знали, что это — Барри Дин. Он наверняка хотел, чтобы вы знали, что это он. Таков его стиль.

— Я признаю не больше того, что хочу признать, инспектор.

— Да. Люди вроде вас всегда таковы. Вам нравится думать, что вы у штурвала.

— Я делал что мог.

— Например, подделали письмо Барри Дина и направили его на адрес Софи в «Интернет-Волшебнике»? Надеялись, что полиция уловит намек, выследит Барри Дина и обвинит его в убийстве, но так и не установит, что он украл?

— Если бы я что-то такое и сделал, инспектор, мне бы следовало выразить разочарование в том, что полиция сплоховала.

Зато я не сплоховал. Впрочем, тоже попался на крючок, и не только Энтони Бута, но и Дэвида Варнома. Дон Фаулер проанализировал фото Софи Бут, направленное мне через кубинский ретранслятор. Я думал, что это Барри Дин дразнит меня снимком Софи Бут, сделанным через несколько мгновений после того, как ее убили, а оказалось, это — подделка. Изображение мертвой девушки подправили, а ее отеки в виде чулок, запечатленные на снимке полицейского фотографа, стерли в программе по обработке изображений. Нехитрая наживка, брошенная мне Дэвидом Варномом и Анн-Мари Дэвис... А я, как дурак, клюнул.

Я продолжил разговор с Энтони Бутом:

— Вы, безусловно, порядком разочарованы действиями полиции. Проблема в том, что мы не в игры играем. Мы живем в реальном мире, в мире причин и следствий, где невозможно произвести перезагрузку, невозможно вернуться назад, если сделаешь что-то не так. Найдена мертвая девушка, зверски убитая, и на простынях осталась сперма ее дяди. Что еще могло прийти в голову детективам? Вам следовало рас-

сказать о попытке шантажа. Вам следовало рассказать всю правду.

— А что я мог сделать, будучи частным лицом? Поручить кому-нибудь убить негодяя?

— Готов спорить, вы об этом думали. Возможно, даже наводили справки. В сущности, даже надеюсь на это, поскольку мы об этом узнаем. Но Барри Дин принадлежал семейству Вителли, и ни один наемный убийца, будучи в здравом уме, такой заказ не принял бы.

— Закон не запрещает наводить справки, инспектор.

— Фактически это уже само по себе нарушение закона. Заговор с целью убийства карается самое меньшее пятью годами. К сожалению, человек с вашими связями отбыл бы, вероятно, минимальный срок в одной из открытых тюрем.

— Тогда я ничего не признаю. Однако скажу, что разочарован тем, как все обернулось, не меньше вашего.

— Я бы не охарактеризовал свое нынешнее чувство как разочарование.

За все это время Энтони Бут так и не обернулся. Я пытался уверить себя, что он поступает так из стыда, а не из надменности. Он пожал плечами.

— Дело не доведено до конца. Официальная версия изящна, но мы знаем, что два главных игрока скрылись.

— Вас беспокоит, что не свершилось правосудие над убийцей вашей племянницы, или та программа, что забрал с собой Барри Дин?

— Он связался со мной, инспектор. И заявил, что, если я не выкуплю у него программу, он опубликует ее в сети.

— Уверен, что такой умелец, как вы, мог бы переписать программу и залатать дыру.

— В теории — да. Но моя программа защищена аппаратными средствами. Она внедрена в чип «красной линии», образующий основу АРЭСН. Пришлось бы заменить каждый чип в каждой камере. Это разрушило бы нынешнюю конфигурацию АРЭСН. АРЭСН не просто компьютерная програм-

ма, это сложное явление, итог взаимодействия десятков тысяч простых элементов — автономных и распределенных. Система растет и учится более двух лет. Она столь же индивидуальна, как вы и я. Думайте о ней, как о ребенке, инспектор. Как о моем ребенке. Удаление чипов «красной линии» равносильно убийству.

— Это лишь ваша точка зрения.

— Я всегда считал, что каждый полицейский должен ценить АРЭСН, инспектор.

— У меня нет возражений против самой АРЭСН или против любой надежной управляемой системы слежения, — ответил я. И это была правда. Если бы камеры слежения действовали в ту ночь в Спиталфилдсе, если бы не были обрезаны их кабели, забрызганы краской их объективы, если бы электромагнитным импульсом не были выведены из строя их чипы, а центры управления не понесли бы ущерб из-за перебоев с энергией и компьютерных вирусов, не стояло бы и вопроса о том, что случилось. — Я даже воспользовался АРЭСН в этом расследовании. Проблема в том, что, если одно лицо имеет к ней привилегированный доступ, ее безусловенность может быть подвергнута сомнению. Вы сказали, что она бесстрастный свидетель. Но это неверно, если хоть кто-то способен уйти от ее взгляда.

— Я могу дать вам денег, инспектор. Скажем, купить у вас эти фотографии.

— Я не удивлен, что вы прибегаете к столь отчаянным мерам, мистер Бут. Безусловно, наше правительство и те пятнадцать крупных городов США, которые купили АРЭСН, не особо обрадуются, узнав о существовании вашей программы. И, вне всяких сомнений, еще меньше их обрадует, когда они узнают еще об одной особенности, о которой вы пока им не сообщили.

— Я не пожалею денег, инспектор. Они разрешат вам преследовать Барри Дина, чтобы отомстить за смерть Софи.

— Вы ведь не разбираетесь в людях, верно?

— АРЭСН дорога мне, как любой ребенок его родителю. Я готов заплатить, чтобы она не пострадала.

— Не думаю. Помимо всего прочего, полагаю, что у вас уже есть кто-то, кто над этим работает.

На обратном пути я бросил конверт, содержащий пять фотографий, на серебристые доски террасы. В конце концов, это были просто копии.

29

Мир ныне недостаточно велик, чтобы в нем затеряться. Любое его место связано с любым другим: воздух самой мертвой пустыни и волны самой отдаленной части океана — все пронизано электронной трескотней. Мы когда-то верили, что мир битком набит (крыло к крылу) незримыми и вездесущими ангелами, шепчущими Слово Божие всякому Его творению... Теперь нашу плоть омыает непрерывный и вездесущий поток информации, квантовые пакеты, нити нулей и единиц — на пути откуда-то куда-то... Насколько иные сны мы видим?

Одного из пассажиров я узнал сразу. Это не было совпадением. Ни один самолет не летит из Англии на Кубу, но «КЛМ» предоставляет своим клиентам удобный маршрут с вылетом из Хитроу в Амстердам и пересадкой на рейс Шипхол—Гавана. Воспользовавшись полицейской сетью, я потратил лишь пару минут на получение списка пассажиров.

Как только погасли предупреждающие надписи, я поднялся со своего кресла, двинулся по вибрирующему проходу и миновал символический занавес, отделяющий эконом-класс от бизнес-класса. Я чувствовал себя беззаботным ангелом, скрывшимся от очей Господа. Горизонтальный свет хлынул в окна. Здесь, над облаками, солнце сияет всегда, а мои замечательные часы теперь показывали только время.

Детектив Анн-Мари Дэвис сидела, откинувшись на спинку кресла. Глаза прикрыты компьютерными очками, в ушах — наушники, пальцы рук едва заметно шевелятся. На каждом — по кольцу, и каждое кольцо связано инфракрасным лучом с небольшим компьютером, расположившимся у нее на коленях. Вылитая устрица, извлекшая выгоду из миллиарда лет эволюции, в рифленой перламутровой раковине и с крошечными золотыми и красными огоньками, застенчиво посверкивающими меж створок.

Я потянул очки на себя. Причудливые картины отразились от глаз детектива Дэвис. Я отпустил очки, они, резко хлопнув, вернулись на место. Деловая дама, сидящая рядом, покосилась на меня, а когда я смерил ее уничтожающим взглядом, сделала вид, будто поглощена газетой, которую читала до этого.

— Детектив Дэвис, какой приятный сюрприз, — произнес я.

Дэвис спустила очки на шею и нажала кнопку сбоку сиденья, спинка немедленно поднялась. Ее кресло было примерно вдвое шире, чем мое в экономклассе.

— Вам здесь делать нечего! — заявила Дэвис.

— Судя по всему, мы оба летим на Кубу. Вы одна, или Варном где-нибудь прячется?

— Я не собираюсь с вами разговаривать, — отрезала она. — И повторяю — вам здесь делать нечего.

— Даже если мы оказались в одном самолете и держим путь в одно и то же место, чтобы увидеть одного и того же человека? Как я понимаю, вы действуете на основании моего доклада.

Дэвис наградила меня холодным взглядом и нажала другую кнопку. Наверху вспыхнул свет. Она вызвала кого-то из экипажа.

— Повторяю еще раз, вам здесь делать нечего. Здесь бизнес-класс, а ваше место в экономклассе, с прочим быдлом. Не знаю, что вы намерены делать на Кубе, и надеюсь, что

мне не придется об этом беспокоиться. Разговаривать с вами я не собираюсь. Так что валите туда, откуда пришли.

Соседка, съежившись, отодвинулась как можно дальше от Дэвис, ее газета захлопала по овалу иллюминатора, и люди на фотографиях будто ожили.

— Не важно, где я сижу. Я в том же самолете, что и вы, и лечу с той же скоростью в то же место. Думаю, мы еще встретимся на Кубе, учитывая наш обоюдный интерес.

— Я не желаю вас видеть. Никогда и нигде, — бросила Дэвис.

Трудно было что-либо прочесть на ее лице, суровом и костяном, как у пресвитерианского проповедника, решительном, добела отполированном скрабом. Ее черные, коротко стриженные волосы, как я теперь сообразил, походили на прическу Жанны д'Арк или монаха без тонзуры. Воин Господень времен Инфовойны. Она повела подбородком из стороны в сторону, как если бы ей в рот попало что-то невкусное, и добавила:

— Если вы хоть что-нибудь соображаете, держитесь от меня подальше. Вы славно проведете время и вернетесь отдохнувшим и бодрым, готовым к дисциплинарному слушанию.

— Вы работаете на НСКР или на вашего друга Дэвида Варнома? Надеюсь, что на НСКР, хотя не могу взять в толк, что вы можете делать в стране, с которой мы фактически воюем. Если вам не хватит осторожности, вы тоже сможете обеспечить себе дисциплинарное слушание.

Стюардесса закончила загружать контейнеры с обедами в утробу своей тележки и двинулась к нам — вернее, к детективу Дэвис, чтобы узнать, что ей нужно. Дэвис нацепила очки на глаза, заткнула уши наушниками и откинулась на спинку кресла, превратившись в памятник себе самой, возложенный на наклоненный катафалк.

Я не стал спорить со стюардессой и вернулся к своему убогому местечку в экономклассе. Отчаянно хотелось курить,

но в самолете, увы, не положено. Даже мои «Тропик Ультра», которые, как все мне твердят, вообще не сигареты. Блок, купленный в магазине беспошлинной торговли в Хитроу, лежал запечатанным в наплечной сумке под моим сиденьем, но я не мог вскрыть его, пока не покину самолет. А никотиновым пластирем я не пользуюсь, поскольку его действие слишком уж похоже на настоящие сигареты. Я подумал, что поездка окажется более трудной, чем я ожидал.

30

Несмотря на свой новый статус убежища данных и свободной информационной зоны, Куба — все еще революционная социалистическая страна. Она по-прежнему хранит верность принципам Конституции 24 февраля и идеологии фиделизма. Куба пережила период американской экономической блокады, падение Советской империи, провозглашение Китаем Второго пути и воссоединение Кореи. И все-таки прибывшие на Кубу пассажиры обыскиваются с головы до ног.

Детектив Дэвис покинула самолет, проследовала через здание аэропорта и, взяв такси, направилась в Гавану, меж тем как я торчал с остальными пассажирами экономкласса в диком зное длинного бетонного коридора. Единственный вентилятор, вмонтированный в пол, присутствовал, очевидно, ради насмешки. Коридор вел к явно недоукомплектованным деревянным кабинкам Службы иммиграции и таможни. Лишь после часа шарканья мимо знаков «Не курить» и выцветших извещений на пяти языках с просьбой извинить за временные неудобства, вызванные второй фазой реконструкции международного аэропорта Хоше Марти, я наконец-то попал в главный зал. Под стеклянной крышей, плавающей без видимой поддержки над мраморным полом, толпился народ всякого возраста и цвета кожи, в шортах и ярких

рубашках, сарафанах, топах и футболках. Люди тащили багаж на колесиках или склонялись над невероятных размеров сумками и рюкзаками. Женщины удерживали на головах корзины с фруктами или живыми цыплятами. Вереница людей в моторизованных инвалидных креслах проскользнула мимо, следуя за провожатым, воздевшим сложенный зонтик, словно маршальский жезл. Доставая первую сигарету, я заметил высокого худощавого молодого человека, неподвижного застывшего среди людских потоков и держащего над головой неровную полосу картона, на которой зеленым фломастером с жуткими ошибками было выведено мое имя.

Меня встречал двадцатилетний дружелюбный компьютерный фанат по имени Маркос Панама, единственный сотрудник кубинского банка данных, которым владела группа британских умников, включая и Чарли Уиллза из Т12. Именно через Чарли я связался с Маркосом Панамой. Первое, что я сделал после обмена рукопожатиями — передал ему конверт с половиной его гонорара в долларах США.

— Остальное по завершении, — сказал я.

— Нет проблем, — кивнул Маркос Панама, убирая конверт в одну из сумок на поясе. — Я уже начал отрабатывать свои денежки. Например, я знаю, где поселился сеньор Наццаро.

— Отель «Севилья». Он останавливался там в прошлый раз, и я звонил из Лондона, чтобы проверить. Не домосед он, этот мистер Наццаро. А как насчет Барри Дина?

— Я в растерянности. У него есть бунгало в Мирамаре, но оно пустует более четырех недель... Это весь твой багаж?

Сумка, собранная перед самым вылетом, висела у меня через левое плечо, а в правой руке я держал блок бесполицейских «Тропик Ультра».

— Это все, что мне нужно.

Маркос Панама ухмыльнулся:

— Тогда пошли. Поверь мне, приятель, мы здорово повеселимся.

Он действительно был молод — легкий и щуплый мальчишка с гладкой оливковой кожей. Черные курчавые волосы коротко острижены, впрочем, оставлена тощая коса, свисающая чуть ниже плеч. Вырядился он в непомерно большую для него японскую футболку и мешковатые желтые шорты. На талии — широкий ремень со множеством кармашков, дешевые сандалии на ногах. Он бросил университет, так как мог сделать больше денег на информационном поприще, чем если бы получил профессию стоматолога, которую выбрали для него родители. Я узнал это и многое другое, пока мы ехали в город на крохотном ярко-зеленом электромобиле с прозрачной крышей. Нанесенная из распылителя краска представляла собой множество мельчайших солнечных элементов, соединенных в батарею, заряжавшую аккумулятор автомобиля. Кузов изготовлен из переработанной кокосовой скорлупы, укрепленной полимерами. Внутри было так тесно, что пришлось поставить сумку на колени, а блок сигарет бросить в ноги, ибо никакого другого места для них не нашлось. Я не возражал. Для этого я был слишком занят — я курил.

Маркос Панама сообщил, что Барри Дин работал через посредника.

— Его зовут Ибрагим Иснага. Он вернулся на Кубу после снятия экономической блокады и теперь занимается мелким экспортно-импортным бизнесом, без особых успехов. Сейчас владеет парой небольших порносайтов и анонимным ретранслятором.

— Aglet.cu?

— А, так ты знаешь...

— Любопытное совпадение. Возможно, тебе удастся что-то выяснить об этом анонимном ретрансляторе. Было бы неплохо установить, где находится сервер. Думаю, мне следует поговорить с мистером Иснагой.

Маркос поднял с переносицы защитные очки и посмотрел на меня:

— Если ты хочешь с ним поговорить, придется выложить что-то на стол.

— Я не интересуюсь тем, что продаёт Дин, мне нужен он сам, а Иэнага должен знать, где он засел, — сказал я и закурил четвертую сигарету подряд.

— Раз уж ты на Кубе, приятель, я добуду тебе настоящего курева. «Кохебас», «Коронас», «Ромео и Джульетта», «Тринидад» — только назови. И по самой сходной цене.

— Я пытаюсь бросить.

— Кури эти? Поверь мне, ты уже бросил. Если ты куришь эти, ты не курильщик.

Нам удалось выбраться из транспортной пробки возле аэропорта, и теперь мы боролись с новой пробкой по дороге к Гаване. Дорогу разворотили, чтобы построить новое скоростное шоссе, и для проезда осталась одна полоса. Хотя Маркос ловко вел свою верткую машину, маневрируя среди крупных транспортных средств — огромных грузовиков, тракторов, автобусов, такси и просто легковых автомобилей, дружно выбрасывавших густые выхлопы в удушающе знойный воздух, уйма других электромобилей пыталась проделать тот же трюк, наряду с мотоциклами, скутерами, мопедами, обращенными в рикш, и моторизованными трехколесными велосипедами, влекущими тележки, доверху загруженные телевизорами, компьютерами или кондиционерами. А порой водители со встречной полосы, когда им надоедало торчать на месте, пытались проехать по нашей. Казалось, тут предпочитают звуковые сигналы тормозам. Сигналы ничуть не походили на короткие гневные возгласы гудков Лондона — здесь шел настоящий музыкальный диалог. Останки погибших автомобилей усеивали обочины. Поникшие цветы и фотографии покойников обильно украшали погнутые дверцы и разбитые ветровые стекла.

— Теперь у нас у всех есть свои машины, — пояснил Маркос. — Мы учимся самовыражению.

Мы миновали череду карет «скорой помощи». Я подумал, что они направляются к месту особо серьезной аварии, но

Маркос заверил меня, что это медицинские туристы, явившиеся на Кубу для лечения, которое в остальном мире либо запрещено, либо слишком дорого.

— Теперь многие сюда приезжают в надежде на клеточное омоложение, — сообщил мой водитель. — Это называется «хромосомная подтяжка», область геронтологии, а наши клиники — лучшие в мире.

Высокие пальмы, склонившие верхушки с неправдоподобно маленькими пучками зеленых листьев, замерли на фоне синего неба, такого яркого, что глазам больно... Громадные красочные плакаты большей частью восхваляли коммунизм. Я тут же вспомнил рассказ Джули о невзрачном коммунистическом магазинчике в Брюсселе с его мелкими сувенирами. Далее показался склон, где теснились лачуги, собранные из ящиков и мятых консервных банок — дома палестинских беженцев. По словам Маркоса, большинство приехало из деревень. Показалась фабрика, окруженная цепными изгородями, за ней вереница многоквартирных зданий, никогда не видевших ремонта — жилье, возведенное из некрашеных цементных блоков необученными добровольцами в дни экономической блокады.

Теперь мы угодили в затор иного рода: бибиковавший и извивающийся вдоль улицы с торговыми рядами бытовой техники и электроники. Свежий ров красовался посреди дороги, на дне рабочие разматывали блестящие бухты оптоволоконного кабеля и раскладывали его по каналам с цветной маркировкой. Дети на улице продавали сигареты поштучно и пластмассовые зажигалки. Сладкое зловоние городских стоков прорывалось сквозь запахи выхлопных газов.

Гавана.

Отель представлял собой пятиэтажный бетонный куб на неописуемо оживленной трассе. По обе стороны от него раскинулись симпатичные одноквартирные домики, а мой душный номер обладал всеми прелестями муниципального жилья. Ковер, постланный прямо на каменный пол, был серым

скорее по недосмотру, чем по замыслу производителя, а под окном оказался сморщенным и запятнанным, ибо дождь затекал внутрь через погнутую алюминиевую раму. Вентилятор на потолке не работал, а светильник над жестким изголовьем кровати зловеще гудел.

Маркос осмотрел номер с красноречивым выражением печали на лице и сообщил, что меня надули, и он может попросить своего друга сдать мне ненадолго квартиру.

— Я не собираюсь проводить здесь много времени, — уверил его я.

Приняв душ, я переоделся в чистую белую рубашку и легкие брюки. Затем мы с Маркосом вышли, и я приобрел мобильный телефон, чтобы тут же позвонить по нему в отель «Севилья». Наццаро в номере не оказалось, но Маркос предположил, что найти его будет легко.

— Как и ты, он должен был купить местный мобильник, а все телефоны, проданные приезжим, регистрируются.

— Это если он воспользовался своим настоящим именем.

— А ты воспользовался вымышленным? Нет. Потому что тебе потребовалось предъявить паспорт, когда ты покупал телефон.

Меня позабавила серьезность Маркоса. Он легко погрузился в роль провожатого, обладающего эзотерическим, но жизненно важным знанием.

— Номер зарегистрирован на его имя, не так ли? Никаких проблем, как у вас говорят.

— Наверное, ты путаешь меня с каким-то австралийцем.

— Я знаю многих австралийцев, — отозвался Маркос. Он отцепил свой телефон и пользовался его веб-функциями, суроно хмурясь тому, что вновь и вновь появлялось на экране.

— У тебя что, есть доступ к файлам полиции?

— Все номера телефонов — достояние общественности. Зачем их скрывать? Вот. — Маркос вручил мне телефон, когда зазвенел аппарат на другом конце линии.

Наццаро ответил и велел мне убираться к черту, как только понял, кто я такой.

— Нам следует поговорить о том, что интересует нас обоих, — произнес я, но меня уже никто не слушал.

Маркос забрал мобильник, и после нескольких гудков и чириканьи на экране раскрылась карта улиц с красной точкой посередине.

— Легче легкого, как видишь, — заметил Маркос. — Информация полезна, только если умеешь ею пользоваться, а это то, чем сильна наша система. Так принято на Кубе.

— И у Барри Дина есть телефон?

— Я, конечно, посмотрел. Если есть, то это призрак. Незарегистрированный. Возможно, он получил такой у своего посредника. Ты бы хотел увидеть сеньора Наццаро?

— Безусловно. Я хочу сделать ему предложение, и, возможно, он знает, где Барри Дин. Но не слишком ли все просто?

— Он недалеко отсюда. Минуты две-три.

Оказалось пятнадцать. Потому что мы застряли в одном из сантерианских шествий, которые затеваются дважды в сутки ради туристов: женщины в белых блузах, в белых или красных юбках со множеством сборок, обшитых цветными лентами, извивались в притворном экстазе под бой многочисленных барабанов. Барабанщиками предводительствовал некто в цилиндре и фраке, с маской-черепом на лице. Происходило все это в старой части Гаваны, где здания в испанском стиле с балконами кованого железа, арочными окнами, деревянными ставнями, черепичными крышами и оштукатуренными стенами, выкрашенными свежими пастельными красками, выглядели слишком реальными, чтобы быть реальными, — словно безупречная репродукция самих себя.

Я сделал несколько снимков, пользуясь соответствующей функцией телефона, и послал их Джули. Стало жарко. Воздух отяжелел от непролитой влаги. Небо обрело цвет меди,

огромные фиолетовые тучи скопились на юге над гребнями крыш. Часы показывали два пополудни, но мне казалось, что уже вечернеет.

Мы прошли через небольшой парк с деревьями и вытоптанной травой. Напротив него в подвале одного из зданий пастельных тонов находился бар: полумесяц столов перед широкой лестницей, ведущей вниз, к стойке, и еще столы в клинышке парка через улицу. Наццаро сидел у деревянного стола под перечным деревом с двумя молодыми мужчинами и женщиной, моложе прочих, которую снял со своих колен, едва я приблизился. На ней был желтый купальник из лайкры и тугие белые шорты. Она бросила на меня скучающе оценивающий взгляд и отошла в сторону.

— Никак не избавишься от старых привычек, Дэмиен? Корчишь из себя сердцееда, а на самом деле просто любишь шлюх.

На миг в темных глазах Наццаро мелькнул гнев. Затем он улыбнулся:

— Видел, как ты на нее смотрел. Знаю, ты думаешь, что она красива. Молода, красива и готова на все.

— Это Гавана, — произнес один из молодых людей. Он был в соломенной шляпе с красной тульей и слегка косил. Его небритый спутник показал в улыбке несколько золотых зубов и небрежно убрал ладонь внутрь канареечной рубахи, расстегнутой до пояса.

— Шлюха остается шлюхой, даже если берет две тысячи фунтов в день, — продолжал я, обращаясь к Наццаро. — Сколько потребовала с тебя Вероника Брукс, Дэмиен?

— У нас все было по любви, — ответил он, внезапно насторожившись.

На нем были короткие лосины и черная тенниска. Пальцами он теребил края лейкопластиря на правом плече. Руки выше локтя покрывали небольшие старомодные татуировки — кинжал, роняющий капли крови, развернутые веером карты, смерть с косой и три анимированных картинки — че-

реп с дрожащим в глазницах пламенем, две нагие девки, обнимающие друг друга, будто змеи, и кобра, с зубов которой бесконечно капает дымящийся яд.

— Тебе такие нравятся? — Наццаро перехватил мой взгляд. — Могу устроить.

— Скажи своим друзьям, чтобы проваливали, мне нужно с тобой кое о чем спокойно поговорить.

— Мне их сделали, когда я был здесь в последний раз, — усмехнулся Наццаро, погладив пальцами карикатурно яркую пару девиц, извивающихся над левым локтем. — Здесь делают лучшие в мире анимированные татуировки.

— Это Гавана, — опять вставил тип в соломенной шляпе. Я подтянул к себе стул и сел.

— Нам надо поговорить серьезно, Дэмиен.

Его улыбка исчезла. Юнец в шляпе наградил меня мрачным уничтожающим взглядом, тип в желтой рубахе сказал Наццаро что-то по-испански, тот покачал головой и обратился ко мне:

— Не помню, чтобы я тебя приглашал, но ладно, так и быть. Валяй, что там у тебя.

— Сперва прикажи своим друзьям мотать отсюда.

Улыбка вернулась к Наццаро.

— Нет, не согласен. Скажи мне, зачем ты здесь.

— Сам знаешь.

— Послушай, у меня не было ничего общего с Софи Бут, понятно?

— Почему ты о ней сейчас вспомнил, Дэмиен? Совесть тревожит?

— Да с чего бы? — откликнулся он, избегая, впрочем, моего взгляда.

Явился официант в длинном белом переднике. Я сказал ему, что зашел просто переговорить с приятелем. Наццаро заказал ром и предложил мне:

— Тебе бы стоило попробовать. И стоило бы расслабиться. Успокоиться. Здесь Гавана, а не Лондон. А это что, твой

помощник? — Он указал на Маркоса Панаму, прислонившегося к своей незаконно припаркованной машине. — Тебе нужно что-то помошнее этой детской игрушки.

— Я могу сломать ее, — заявил юнец в шляпе.

Проигнорировав его реплику, я продолжил:

— Почему ты работаешь на Энтони Бута, Дэмиен?

— А кто говорит, что это так?

Я открыл конверт, достал два снимка и положил на стол возле полного льда бокала Наццаро. Обе фотографии были получены из кэша камеры наблюдения на фасаде дома, где находилась квартира Энтони Бута. Кадры были сделаны через два дня после возвращения Наццаро в Лондон и демонстрировали оного, с важным видом приближающегося ко входу в здание: на одном — лицо крупным планом, на другом — общий вид с номером дома на латунной табличке возле вращающейся двери. Наццаро бросил взгляд на оба снимка и пожал плечами:

— Ну и что?

— Думаю, ты хотел подставить Барри Дина. Я тебя не виню, потому что знаю, как он на тебе паразитировал. Предполагался простой шантаж, а кончилось двумя убитыми женщинами и тем, что ты, Дэмиен, в бегах, разыскиваешься за убийство.

— Ты ничего об этом не знаешь.

— Я знаю, что Дин рассказал тебе о девушке, за которой следил. У нее было кое-что, сбивающее с толку камеры слежения, и она хотела на этом заработать. Все сводилось к тому, чтобы имитировать кражу ее компьютера и потребовать с Бута выкуп за его возврат. Вдобавок твоя подружка приберегла презерватив со спермой Энтони Бута, ее постоянного клиента, и сперму подсунули в квартиру Софи, чтобы помешать Буту пойти в полицию. Милая идея. И кто это придумал, Софи или Барри Дин?

Наццаро пожал плечами.

— В любом случае тебе отводилась роль посредника. Все было бы хорошо, но вот Барри Дин организовал убийство Софи, а Энтони Бут отказался платить.

— Дин — гнусный ублюдок, — проронил Наццаро. — У него с головой не в порядке.

— Безусловно. Он послал Энтони Буту видео с убийством Софи, не так ли? И дал ему знать, что за убийством стоит он сам, Барри Дин. С одной стороны, он обеспечил себе надежное алиби, а с другой — отчаянно хотел похвастаться своим злодеянием. Но Энтони Бут отказался платить. Мало того, он занялся расспросами, подыскивая кого-нибудь, кто согласился бы прикончить Барри Дина. Тогда-то тебе и пришло на ум переиграть засранца и выйти напрямую на Энтони Бута. Не отрицай, Дэмиен, вот снимки, где ты наносишь ему визит. Ты на него работал, когда застрелил Крэйга Стивенса? Я знаю, какое удовольствие тебе доставила та видеоигра со стрельбой по живым целям. В реальности это еще лучше.

Наццаро обратился к парню в шляпе:

— Ты веришь этой лаже? Он обвиняет меня в убийстве.

— Твоя семья обо всем этом знает?

— Их не волнуют мои частные сделки.

— Наверное, контрабандная порнуха, которую проворачивали вы с Барри Дином, тоже относится к твоим частным сделкам? Мелочь для человека, которому нравится воображать, будто он живет с размахом. Неудивительно, что ты решил попытать удачи с большими деньгами, когда Барри Дин рассказал тебе о программе, которая может обойти «красную линию».

— У тебя нет доказательств, что я имею к этому хоть какое-то отношение, — ответил Наццаро с великим достоинством. — Эти фото тоже ничего не доказывают. Ты так и не сказал, зачем ты здесь. Не по работе. Лондонской полиции сюда соваться нечего.

— Не в Гавану... — подхватил щенок в шляпе.

Тут как раз пришел официант с ромом. Наццаро протянул кредитную карточку, официант пропустил ее через свою машинку и показал экран Наццаро. Тот, высунув от усердия кончик языка, подписался. Настоящий ритуал!

Воздух становился все плотнее, свет приобретал металлический оттенок...

— Не иначе, как ты — единственный мерзавец, который не платит наличными.

— Угу. Наличные расчеты мне никогда не нравились.

— Таким, как ты, обычно нравится таскать с собой толстую пачку денег, которая заменяет им член.

— Я не нуждаюсь в искусственных средствах в этой области. — Наццаро потер свою ширинку и улыбнулся мне и двум своим мальчикам. — В любом случае обменный курс по кредитке выгодней, а даже девочки теперь принимают карты.

— Энтони Бут не выдал тебе наличных авансом, не так ли? Тебе не хватило времени запастись деньгами, когда ты ударился в бега. И ты не мог просить семью о помощи, потому что не рассказывал родне о своих частных сделках. Поэтому ты живешь в отеле «Севилья», а не остановился у своего дяди. Поэтому ты должен со всем спрашивать сам.

— А может, я здесь для переговоров о возврате собственности мистера Бута, — заявил Наццаро. — Он готов заплатить справедливую цену, а я приехал, чтобы посмотреть на товар. Но это тебя не касается.

Начали падать первые капли дождя — крупные и редкие, метя в булыжники и серую древесину столешницы.

— И как ты собираешься подобраться к Барри, Дэмиен? Он же сбежит, как только увидит тебя. Он организовал убийство твоей подружки, элитной проститутки. Ты должен заставить его заплатить за это. Это правило номер один в воровском кодексе.

— Ты ничего об этом не знаешь, — ответил Наццаро, улыбаясь своим приятелям. — Что за фильмы ты смотришь? Фантастику?

Юнец в шляпе расхохотался, а миг спустя ржал и тип в желтой рубахе, хотя ясно было, что он не способен следить за ходом беседы.

— Ты убил Стивенса, потому что Барри Дин послал тебе клип, где Стивенс убивает твою подружку, — продолжал я. — Ты бы убил Дина в тот же вечер, но он уже сбежал. И вот теперь тебе пришлось бросить задание, которое поручила тебе семья, на тебе висит убийство, и все из-за Барри Дина. Он попортил тебе кровь, и вполне естественно, что ты жаждешь мести... Поэтому я здесь. Я хочу тебе помочь.

— Нет. Врешь. Ты просто надо мной издеваешься!

— Я серьезно, Дэмиен. Серьезно, как никогда. Мне все равно, что ты убил Крэйга Стивенса. Я видел, что он сделал с твоей девушкией, я видел, что он сделал с Софи Бут... Я могу тебе помочь, Дэмиен.

— Положи руку на стол, — потребовал Дэмиен. — Ну, делай, что говорю.

Я не шевельнулся. Наццаро произнес несколько слов по испански. Тип в желтой рубахе взмахнул рукой так, что в ладони раскрылось тонкое лезвие ножа.

Теперь дождь полил основательно. Он прорывался сквозь листву перечного дерева с шумом, похожим на шипение горячего пара. Тяжелые капли отскакивали от стола и от булыжников. Народ вокруг нас подхватывал свои напитки и направлялся к бару. Официант замыкал шествие, медленно, с большим достоинством, держа над головой поднос.

— Можно побеседовать внутри, — предложил я. — Мы оба хотим одного, Дэмиен, и можем достичь согласия.

— Нет, — возразил Наццаро. — Мне больше нравится здесь, под дождем. Мне нравится это место. Прямо как в кино. Ты — детектив, я — злодей, и развязка близка. Ты находишь меня и рассказываешь, что случилось, да? И твердишь, будто хочешь мне помочь. Но ты из полиции. Я знаю, ты хочешь меня подставить. Какой стыд, какой позор! Не будет для тебя счастливой развязки, потому что я никому не

позволю надо мной издеваться. А теперь положи свою гребаную руку на стол. Левую.

Тип в желтой рубахе со счастливой улыбкой на лице прикинулся, будто бьет ножом. Я положил на стол левую руку.

— Держи его, — велел Наццаро.

Юнец в шляпе подался вперед и крепко ухватил мое запястье.

— Не будь идиотом, — посоветовал я.

Наццаро склонился над столом, улыбнулся и сказал:

— Спорю, было больно, когда Барри тебя порезал? Он смеялся, грязный придурок, когда позвонил, чтобы похвастаться, как он всем напакостили.

— Что ты собираешься делать, Дэмиен? Нарядить одного из этих двух твоих приятелей-головорезов в парадный костюм и послать для переговоров к посреднику Дина? Можно поступить умнее.

Теперь кругом бушевал настоящий ливень. Рубаха у меня прилипла к спине, я сидел в луже, собравшейся на сиденье металлического стула. У юнца с ножом оказалась изрядная хватка. Я чувствовал, как у меня в запястье скрежещут кости.

— Распрями ладонь, — приказал Наццаро.

— Я могу тебе помочь, — повторил я. — Тебе нужен Барри Дин из-за Вероники Брукс. А мне он нужен из-за Софи Бут.

— Не думаю. — Наццаро кивнул типу в желтой рубахе.

Я не видел, как опускался нож, но ощущил всю силу удара, а затем острую раздирающую боль, когда лезвие прошло через мышцу в моей ладони в столешницу. Оба парня отпринули от меня, когда Наццаро встал.

— Приятного отдыха в Гаване, господин Легавый, — пожелал мне Наццаро. — Но держитесь от меня подальше.

Когда они исчезли, я как следует ухватился за пластиковую рукоятку ножа и выдернул его одним быстрым движением. Красно-черная кровь залила промокшую повязку, кап-

ли дождя отскакивали от нее и растекались по столу розовыми пятнами. Я опустился на колени, и меня основательно вырвало.

31

Маркос Панама хотел доставить меня в больницу, но я предпочел самолечение. Тонкое лезвие, похоже, не нанесло серьезного ущерба. Ясное дело, секретарем-машинисткой мне уже никогда не стать, но шевелить пальцами все-таки смогу. Я купил в баре полпинты водки и в крохотном, отделанном белыми плитками туалете вылил ее на свежую рану и на тыльную сторону левой ладони. Я позволил Маркосу перевязать руку, затем вытерся, как мог, туалетной бумагой, вылил воду из обуви, сдернул мокрые носки и уселся возле барной стойки, чтобы принять пару капель темного маслянистого рома — разогреть кровь. А потом задумался о том, что же делать дальше.

Маркос заказал еду, но боль в руке и разлад с местным временем не способствовали аппетиту. Поэтому мой спутник поглотил большую часть рубленой капусты, жареной рыбы и черных бобов, а я удовольствовался тарелкой ухи, сухим хлебцем и двумя большими стаканами рома. Потом мы обсудили ситуацию. Маркос сделал несколько звонков со своего мобильного. К тому времени, когда подали кофе, мы решили вопрос с Дэмиеном Наццаро, и я получил название отеля, где остановилась детектив Анн-Мари Дэвис.

Дождь все еще лил, когда мы выбрались на улицу, но один-единственный луч солнца пробил облака, точно Прожектор Господень. Мы припарковались у отеля «Севилья». Вскоре Дэмиен Наццаро прошел через раздвижные стеклянные двери, пререкаясь с двумя полицейскими. Следом шел носильщик, толкая багажную тележку, набитую чемоданами. Наццаро познакомил кубинских копов с полным словар-

ным запасом нецензурной лексики, затем принял яростно вырываться, а когда полицейские заломили ему руки за спину и защелкнули наручники — громко завопил.

Устроить все это оказалось поразительно легко. Я составил текст, извещающий местную полицию, что Наццаро — известный мошенник, пользующийся поддельными кредитными картами, и за удивительно малое вознаграждение один из друзей Маркоса умудрился подделать факс из Скотленд-Ярда. Это не могло убрать Наццаро с дороги навсегда, зато могло причинить ему значительные неудобства.

Он все еще вопил, когда копы затаскивали его в заднее отделение своей машины. Я почти расплатился с ним за боль в руке.

Детектив Дэвис забронировала номер в новехоньком отеле на набережной. Все здесь было безлико, как в торговом центре — мраморный пол вестибюля размером с футбольное поле, фонтаны, высокие пальмы в кадках, магазин сувениров, «Макдоналдс», небольшое кафе, табачная лавка и безымянный газетный киоск. С середины высокой стеклянной крыши свисал лозунг, загадочно возвещая: «Гавана приветствует Элвиса Пресли!»

— Очень миленько, — сказал я детективу Дэвис полчаса спустя после звонка в ее номер. — Надеюсь, британские налогоплательщики оплатят счет. А не то я бы заподозрил, что вы берете взятки.

— Я говорила, что предоставлю вам пять минут, — напомнила Дэвис с обычной для нее ледяной надменностью. — Но я не буду вообще с вами разговаривать, если вы пришли ради оскорблений.

Мы сидели в баре на верхнем этаже отеля с невероятным видом на море и длинную излучину прогулочной набережной Гаваны, Малекон. Солнце садилось на густо теснящиеся гребни крыш и коробки офисных зданий. Седой старик играл мягкий медленный джаз на большом блестящем чер-

ном фортепьяно. Дэвис даже не прикоснулась к своему стакану минеральной воды, а я уже наполовину уничтожил порцию рома со льдом. Должен признать, Дэмиен Наццаро был прав насчет рома. Я надел слишком широкий пиджак из грубой красной ткани, на ощупь смахивающий на конскую попону, который навязал мне метрдотель, и успокаивал боль в левой ладони, спрятав руку в необъятный карман. Я рассказывал Дэвис о Дэмиене Наццаро.

С момента нашей последней встречи в самолете она успела отутюжить свой костюм. Шапочка черных волос выглядела отполированной. Лицо было безупречно белым, словно у монахини.

— Все, что вы вытворяете, ухудшает ваше же положение, и я надеюсь, что вам хватит ума остановиться, прежде чем вы еще больше испортите ситуацию, — заметила она.

— А что делаете здесь вы, детектив Дэвис? Предлагаете от имени правительства цену за то, что украл Барри Дин? Он замешан как минимум в трех убийствах. Каково на душе, когда помогаешь такому типу извлекать прибыль из его преступлений?

— Мое личное мнение никакого значения не имеет. Я здесь, чтобы выполнить порученное мне дело, насколько позволяют мои способности.

— Где вы живете, детектив?

— Что вы имеете в виду?

— Какое место вы считаете домом? Где вы паркуетесь по вечерам? Где ваш маленький частный мирок?

— В Шепардс-Буш, если вам нужно знать. Я не...

— У нас есть кое-что общее. Я, знаете ли, сам родом оттуда. Там меня растила моя бабушка. Бабушка Си, Сесилия. Не могу вас представить на одной из викторианских кирпичных террас или в одном из тех уютных коттеджей, которые так любят администраторы Би-би-си, и уж тем более не могу представить вас живущей в муниципальной квартире. Так что остается нечто современное. Квартира в жилом доме, в ко-

торый превратили одну из милых старых пивных, или нечто из нынешней программы жилищного строительства. Догадываюсь, что последнее, потому что, когда я впервые посетил вас в доках, вы чувствовали там себя как дома.

— Дэвид Варном был прав на ваш счет, — заметила Дэвис.

— В самом деле?

— Он сказал, что вы обидчивый маленький нахал с дурным чувством юмора, — натянуто произнесла она.

— Могу понять Дэйва Варнома. Он пропитан ненавистью. Вполне человеческое чувство. Но как насчет вас, детектив Дэвис? Помогите мне вас понять. Я пытаюсь найти какой-то проблеск человечности, какую-нибудь точку соприкосновения. На что похожа ваша квартира? Не могу ее себе представить. Обстановка из магазина «ИКЕА»? Сплошь выверенные линии и разумно распределенная площадь, сухие цветы в вазах, несколько мягких игрушек на постели? Или жестче: ретро модерн; стерильно-стальная кухня, пол из чистого неопрена со вделанными в него мертвыми листьями? Ибо, откровенно говоря, все, что я вижу, — это пустая оболочка, как ее оставили строители. Вы входите к себе вечером, делаете два шага вперед, заводите внутренний будильник и отключаетесь до утра.

— Если вы пытаетесь оскорбить меня, зря стараетесь.

— Я пытаюсь найти живого человека в безликом функционере, мисс Дэвис. Ибо мы столь же люди, сколь и полицейские. Мы можем идти на компромиссы. Мы не связаны мертвыми правилами. Мы не ограничены параметрами, вне-дренными в наше программное обеспечение.

— У меня есть задание, — сухо произнесла Дэвис. — Мои личные симпатии и антипатии к нему не относятся, так что не думаю, что вы способны уколоть мою совесть и побудить меня изменить позицию. Может, вы когда-то и были переговорщиком, но, если вас интересует мое мнение, давно не упражнялись.

— Что ж, нельзя сказать, что я не пытался, — вздохнул я и встал. Грубая ткань пиджака натирала мне запястья и затягивок. — Будем придерживаться фактов, касающихся вашего задания. А оно, как я понимаю, состоит в том, чтобы заплатить Барри Дину за похищенное при убийстве Софи Бут.

Дэвис пригубила свою минеральную воду.

— Жесткие диски и пульт дистанционного управления, да? И никаких угрызений совести из-за того, что вы помогаете убийце нажиться на его преступлении?

— Главное — возврат объектов, угрожающих национальной безопасности.

— Энтони Бут не пошел вам навстречу, не так ли? Он не даст вам копию программы, потому что для него закрыть дыру равносильно убийству его кибернетического детища.

Дэвис провела большим пальцем по ободку бокала, стирая пятно губной помады, которое там оставила.

— Желание мистера Бута никого не интересует. Он отстал от жизни.

— Не знаю... Не знаю... Полиция не сможет долго продержать Наццаро. Могу я вас спросить, детектив, вы уже договорились с Барри Дином?

— Это вас не касается.

— Кто-то должен помогать вам, потому что у вас здесь не больше власти, чем у меня.

— Это тоже вас не касается.

— Я не так-то много смыслю в политике, но знаю, что у Британии официально нет дипломатических отношений с Кубой из-за информационной войны. Так что вы либо работаете под прикрытием на МИ6, либо чье-то правительство помогает нашему. Не могу не заметить, например, что этот отель расположен очень близко к посольству США.

— Мне жаль, что вы так и не перешли к сути дела, потому что ваше время истекло. — Дэвис сказала это, даже не взглянув на часы.

— Меня не интересует то, что украли у Энтони Бута. Меня не волнует скандал, к которому приведет огласка сведений о дыре в системе «красной линии». Как и Дэмиен Наццаро, я хочу добраться до Барри Дина. Но я не собираюсь убивать его, а хочу лишь доставить обратно в Британию, чтобы он предстал перед судом за убийство Софи Бут. Вы должны помнить Софи Бут. Она была племянницей Энтони Бута. Барри Дин заказал ее убийство. Думаю, он должен ответить за это.

— На карту поставлено куда больше, чем дело об убийстве, но я не вправе ожидать, что вы это поймете.

— Видите ли, меня не волнует политическая сторона вопроса и судьба АРЭСН. Я хочу одного — добиться, чтобы Барри Дин ответил за то, что совершил, а не извлекал из этого прибыль. В какой-то момент вам понадобится проверить, что Барри Дин продает именно то, за чем вы явились. Понадобится, чтобы он продемонстрировал технические возможности своего товара. Все, о чем я прошу, это дать мне знать, когда и где это произойдет. Я выступлю сразу же после передачи товара. Если мое предложение кажется вам неразумным, не думаю, что нам есть о чем разговаривать.

Детектив Дэвис встала.

— Впервые я с вами согласна, — произнесла она. — Я хочу, чтобы вы держались подальше от меня и от сеньора Имаги. Вы действительно понятия не имеете о том, что здесь происходит.

Я вернулся в вестибюль, сел на мраморную скамью и стал наблюдать за лифтами сквозь буйную тропическую растительность. Чуть погодя я купил пузырек аспирина и, немножко повозившись с крышечкой, предусматривавшей защиту от детей, проглотил несколько таблеток. Боль в руке не уменьшилась сразу, но постепенно отступила. Я съел сникерс и выкурил четыре сигареты, вмяв каждый окурок в серый песок в цветочном горшке. Кондиционеры настолько

охладили гигантский хорошо освещенный вестибюль, что в нем стало зябко, как в гробнице. Я дрожал в своей сырой мятой рубашке с коротким рукавом и влажных ботинках. Я был полупьян, смертельно устал и чувствовал, как рушатся надежды и наползает волна страха. Служащие отеля в лиловой униформе и плоских шляпах без полей толкали по мраморному полу дребезжащие поезда багажных тележек. Группа из сорока или пятидесяти седых туристов в пастельной одежде и с беджами с шумом собралась, а затем упорхнула, точно стайка птиц. Оголтелые поклонники Элвиса в синих джинсах и клетчатых рубашках, в шелковых блузах и деловых костюмах, модных в 1940-х годах, в армейской униформе, в белых атласных комбинезонах, усыпанных стразами, и больших темных очках, тянулись в отель мелкими группами по два-три человека.

Зазвонил мой мобильный. Джули. Семь вечера на Кубе. Полночь в Брюсселе.

— Итак, ты умчался на край света, Диксон?

Значит, она видела фотографии, которые я ей переслал.

— Я в отпуске.

— Хватит врать.

— Джули, это всего лишь каникулы полицейского.

— Ты охотишься за призраками, Диксон. Не знаю, смеяться мне или плакать.

— Он реальный, Джули. Очень реальный и очень плохой человек.

— Я имела в виду твоих собственных призраков, Диксон. Полагаю, ты хочешь рассказать мне об этом плохом человеке. Кто он? Это он посадил мне на хвост милого голландского детектива?

— У тебя опять что-то не в порядке?

— Я прекрасно провожу время.

Детектив Дэвис вышла из лифта и целеустремленно пересекла по диагонали вестибюль, направляясь к вращающимся дверям.

— Джули, мне надо идти.

— Надеюсь, это не ловкий ход с целью вызвать мое сочувствие.

— Я здесь, чтобы сделать кое-что важное. Свою последнюю полицейскую работу. И мне сейчас действительно надо идти.

— Не пропадай, — ответила она и отключилась.

Я позвонил Маркосу, и пока ждал его по эту сторону вращающихся дверей, наблюдал, как Дэвис под стеклянным навесом отеля нетерпеливо поглядывает на часы. Черный лимузин подкатил по короткой дуге дорожки и остановился. Портье открыл дверь. Дэвис не стала давать чаевых, забралась внутрь. Как только лимузин зашуршал прочь, я выскочил через двери, едва не попав под колеса желтого такси, сбежал вниз по склону с пружинящей травой, перемахнул через низкую изгородь цветущих вечнозеленых растений и чуть не свалился на мостовую, когда подъехала машина Маркоса. Он открыл дверцу, и я ввалился внутрь.

— Следуй за тем автомобилем, — приказал я. Всегда мечтал сказать что-нибудь этакое.

Лимузин въехал в старый город. Маркос держался в трех или четырех машинах позади, меняя полосу каждые две-три минуты, действуя, как настоящий профессионал.

— Я научился этому из американского кино, — объяснил он. — Как считаешь, куда она едет?

— Не думаю, что ей приспично посетить ночной клуб.

Маркос проехал мимо лимузина, когда тот затормозил у крыльца старого отеля, похожего на свадебный пирог. Завернув за угол, мы остановились. Я вернулся назад, прошел мимо лимузина и поднялся на крыльце. В огромном вестибюле с мраморным полом я увидел Дэвис и высокого мужчину с прической ежиком, одетого в серый шелк. Они прошли через большую ореховую дверь, обрамленную искусственными пальмами в кадках.

Внутри находился большой зал. Половину его занимали туристы, устроившиеся за столиками с напитками; на другой половине теснились пары, танцующие под резкий дансон, который наяривал оркестр из двенадцати музыкантов. Канделябры под золоченым потолком полыхали, точно перевернутые рождественские елки. Зеркала на стенах удваивали и вновь удваивали огни, танцоров и шумную толпу. Я сел в конце длинной стойки возле оравы гогочущих американских дельцов, отмечающих шампанским и устрицами заключение контрактов. Отсюда мне было хорошо видно, как мужчина с ежиком представляет детектива Дэвис полному плосколицему типу за столиком позади перил, огораживающих возвышение в дальней стороне зала. Плосколицый поднял трубку старомодного телефона и заговорил в нее под взглядами Дэвис и ее спутника. Он объяснялся по телефону минут десять. Затем еще минут двадцать беседовал с Дэвис. Худой и прямой как палка старик в красной рубахе и мягкой черной фетровой шляпе присоединился к оркестру и спел три песни на испанском так чисто и выразительно, как я никогда не слышал. Я выпил два бокала очень холодного пива и мужественно отразил заигрывания одной из американских леди.

Наконец Дэвис и ее спутник обменялись рукопожатиями с плосколицым и удалились. Я допил пиво, пробрался между столиков, взошел по широким плоским ступеням и произнес:

— Сеньор Иsnага, я полагаю?

— Вообще-то мои клиенты обычно заранее договариваются о встрече, — ответил Ибрагим Иsnага. — Но из уважения к британской полиции сделаю исключение.

Иsnага был лишенным обаяния неискренним мужчиной шестидесяти с небольшим лет, искателем приключений, без пяти минут дельцом, которого ослепила жадность. Он не видел, насколько сам себя переоценивает. Он культивировал старомодный дендизм: белые французские манжеты ро-

зовой рубашки, тщательно сложенный платок в нагрудном кармане льняного пиджака. Редеющие черные волосы (разумеется, крашеные) были прилизаны на черепе и курчавились у ворота. Будь он персонажем кинофильма, его сыграл бы Сидни Гринстрит. На хрустящей белой скатерти среди нелепо смотревшихся старомодных телефонов с дисками и витыми шнурами лежал ноутбук. Телохранитель, весьма крупный и учтивый джентльмен с матовой кожей и вьющимися маслянистыми волосами, тщательно обыскал меня в туалете, препроводил обратно к своему шефу, налил мне крохотную чашечку кофе из серебряного кофейника и устроился за соседним столиком у колонны.

— Я не совсем клиент, — заверил я Испагу.

— И на официальное лицо вы не очень похожи.

Я показал Испаге свое служебное удостоверение, тот его тщательно изучил и, возвращая, заметил, что это уже второе, которое он видит в течение последнего часа. Потом сложил руки на животе и улыбнулся мне со словами:

— Итак, что вам угодно? Скажите, что это не угрожает моему бизнесу, и я с удовольствием вас выслушаю.

Я положил на белую скатерть фотографию и сказал:

— Я здесь, чтобы найти человека, причастного к двум убийствам. Вот фото. Мне сообщили, что вы представляете интересы этого человека.

Испага отвернулся от меня, сосредоточившись на певце и оркестре в дальнем конце длинного зала.

— Я ничего не знаю об этом деле. Оно произошло в другой стране.

— Дайте мне час, и я расскажу вам всю историю.

— Скверное дело. У меня нет свободного часа.

— Потому что вы не хотите этому верить? Это было бы серьезной ошибкой.

— Мне плевать на то, что случилось на каком-то маленьком дождливом острове по ту сторону лужи, если вам угодна горькая правда.

— Откровенно говоря, меня не интересует товар, который собирается продать Барри Дин — делайте с ним что угодно, и желаю удачи, она вам пригодится. Но я хочу вернуть Барри Дина.

— Правда? И как вы собираетесь это сделать?

— Я поговорю с ним и добьюсь, чтоб он трезво оценил ситуацию. Между тем прошу вас пока не заключать никаких сделок, господин Иsnага. Не хочу, чтобы Барри Дин внезапно разбогател. Тогда его будет еще труднее найти.

Песня закончилась. Иsnага поднял ладони и мягко похлопал, внеся вклад в шумные аплодисменты, поднявшиеся от людных столиков к люстрам и золоченому потолку. Стажник низко поклонился и махнул рукой, предлагая оркестру продолжить выступление.

Иsnага с одобрением проговорил:

— Он очень хорош. Один из последних артистов старой школы. Вы поняли смысл песни?

— Я не очень хорошо знаю испанский.

— Конечно. Вы чужой в этой стране.

— А вы здесь сколько? Пять лет?

— Он пел о своей утраченной любви: *Perdito tu amor, no podré ser feliz jamás*. Твоя любовь ушла, и мне не быть счастливым.

— Вы только что беседовали с моей коллегой детективом Дэвис. Я знаю, что она собирается заключить с вами сделку. И знаю, что Энтони Бут готов заплатить высокую цену за возвращение своей собственности. Возможно, вы играете друг против друга. К несчастью, у Бута могут быть некоторые сложности с заключением контракта. Его человек здесь, но у него проблемы — обсуждает с полицией вопросы собственной кредитоспособности.

Иsnага коротко изучил меня взглядом, затем сказал:

— Сеньор Бут и ваша коллега, возможно, не единственные, кого интересует этот товар.

— И что же, остальные — живые люди или мнимые персонажи, необходимые, чтобы взвинтить цену? Это опасная игра, если хотите знать мое мнение.

— Теперь я верю, что вы и впрямь полицейский, — усмехнулся Испага. Улыбка придала ему вид лягушки, готовой проглотить муху.

— Поскольку речь идет не о торговле порнографией, я был бы очень осторожен на вашем месте, мистер Испага.

— Пожалуйста, не угрожайте мне. Не люблю угроз.

— Я пытаюсь быть вам полезен, — отозвался я. — Мне нужно поговорить с Барри Дином.

— К несчастью, я не знаю, где вы могли бы его найти.

— Вы не знаете, где ваш клиент?

— А что здесь такого? Я только посредник. Он поддерживает связь по электронной почте. Те, кого интересует его товар, приходят ко мне, затем я передаю ему их предложения. Он встречается с ними, демонстрирует то, что у него есть, и продает.

— Значит, вы уже заключили сделку.

Испага достал сигару из нагрудного кармана льняного пиджака, сунул ее себе под нос и одобрительно засопел.

— Позвольте дать вам бесплатный совет. Будьте туристом. Наслаждайтесь Гаваной. Это великолепный город. Но не ищите Барри Дина.

— Вы правы. Посижу-ка я в баре и послушаю этого потрясающего старика, а вы сообщите Дину, что я здесь и ищу его.

Испага повернулся к своему телохранителю и сказал что-то по-испански. Тот встал, продемонстрировав мне небольшой никелированный револьвер. Оружие выглядело как игрушечное в его могучей лапе.

— Леон проводит вас через черный ход и объяснит, почему это неудачная мысль, — кивнул Испага.

Пока телохранитель вел меня вниз по ступеням, держа одной рукой за плечо и уперев пистолет мне в поясницу, я спросил:

— Вы говорите по-английски, Леон? *Habla ingles?*

— Конечно, говорю, но разговаривать не собираюсь. Это всего лишь работа. Не мешайте мне выполнять ее, и я не буду с вами слишком груб. Договорились?

Певец раскланялся в ответ на аплодисменты. Поля обвилой черной шляпы мазнули его по груди, старик разразился неистовым мамбо, а Леон тяжело навалился на мое плечо, ибо я попытался обернуться: официант в белой куртке, который только что прошел мимо, оказался косоглазым приятелем Наццаро.

— Не сердите меня, — предупредил Леон. — Нам это совсем не нужно.

И пихнул меня вперед.

Мы были почти у дверей, когда сквозь музыку прорвался звук первого выстрела. Леон оттолкнул меня в сторону и начал проламывать себе путь через танцующих к приподнятой части зала — туда, где Ибрагим Иsnага пытался встать. В его руке все еще дымилась сигара. Косоглазый выстрелил ему в лицо. И еще раз, когда Иsnага начал падать. Леон почти успел подхватить босса, парнишка дважды равнодушно выстрелил в телохранителя и побрел прочь, небрежно опустив вдоль тела руку с пистолетом — киллер в щедро обрызганной кровью белой куртке.

Музыка оборвалась. Завопила какая-то женщина. Все посетители роскошного зала ринулись к дверям. И я тоже.

32

— Яснее ясного. Иsnагу убили, чтобы вынудить Барри Дина выйти на свет, — объяснил я Маркосу Панаме. — Наццаро не нужна сделка. Ему нужен Дин. Любой ценой.

Мы подпирали стену, всю в афишах, как в чешуе, через улицу от заведения, где случилось убийство, и потягивали из бумажных стаканчиков крепкий кофе с сахаром, купленный

с тележки уличного торговца. Полицейские машины и кареты «скорой помощи» с полыхающими сигналами выстроились в двойной ряд под поникшими пальмами у озаренного прожекторами льдисто-белого фасада. Транспорт оттеснили к дальней стороне дороги выставленными на проезжую часть шипящими оранжевыми мигалками. Водители выражали негодование атональной симфонией гудков. Швейцары пробирались среди медленно движущегося транспорта, отыскивая свободные такси для спасающихся бегством туристов. Я стоял, взвинченный, ожидая, что вот-вот увижу в собравшейся толпе косоглазого убийцу.

— Нам надо выкупить Дина из его убежища, прежде чем его найдет Наццаро, — пробормотал я. — Как насчет владельца анонимного ретранслятора, Маркос?

— Есть хорошие новости и плохие. Я нашел сервер, на котором расположен ретранслятор сеньора Дина. Это было нетрудно. К несчастью, сейчас сервер недоступен.

— Но ты уже знаешь, где он?

— Разумеется. Он в «Кубе».

— В «Кубе»?

— Это дата-центр, где находится львиная доля кубинских интернет-серверов. Ретранслятор сеньора Дина находится на сервере, принадлежащем Андреасу Вителли.

— Интересно, знает ли об этом мистер Вителли?

— «Куб» хорошо защищен. Как программно, так и физически. Туда не может попасть ни полиция, ни правительство. Только обслуживающий персонал.

— Верится с трудом.

— Однако это правда. Поэтому Куба — самое надежное место хранения данных.

— Чарли Уиллз сказал, что ты вполне сможешь обойтись без физического доступа в дата-центр, чтобы заткнуть сервер, — заметил я. И объяснил, чем меня снабдил Чарли и что я хочу сделать.

— Думаю, это возможно, — проговорил Маркос. — Но, конечно, зависит от качества сетевого экрана сервера.

— Это мой последний шанс, Маркос. Или это, или слежка за Дэвис.

— Все просто, если знаешь нужных людей, — изрек Маркос.

Он выглядел очень юным и очень решительным — бравый ниндзя в мешковатых шортах и в слишком большой футболке с набитым на груди изображением героя японского мультика с большими глазами и огнеметом. Маркос улыбнулся и добавил:

— А тебе повезло, потому что я знаю многих людей.

— Это хорошо, — ответил я и попросил его еще об одной услуге.

— Пистолет был бы лучше.

— Я не хочу никого убивать, Маркос. Мне просто нужно что-то, что остановит их, когда они накинутся на меня.

— Думаю, смогу добыть что-нибудь подходящее.

— Хорошо. А теперь пошли знакомиться с твоими друзьями. Время уходит.

Квартира Маркоса находилась в запущенном многоквартирном доме, выстроенном советским правительством сорок лет назад, дабы поселить там «специальных советников» кубинского революционного правительства. По психогеографической иронии судьбы, некоторые из этих советников оказались технарями, соорудившими большую русскую станцию перехвата в Лурде, близ Гаваны. Станция могла отслеживать любые телефонные переговоры и каналы спутниковой связи на всей территории США. А теперь здание стало домом международного сообщества компьютерных гениев, белых хакеров и интернет-предпринимателей — не только кубинцев, но и китайцев, индийцев, русских, австралийцев и даже нескольких американцев. Начинающие хакеры, стрингеры, программисты, кодеры, веб-дизайнеры, видеоредакторы,

мультимедийщики, виджеи, аналитики баз данных, операторы каналов связи, сетевые информационные аналитики, художники компьютерной графики — племя технократов, не знающее национальных границ. Они были волной будущего, хлынувшей на Гавану. Они превратили унылый рассадник тараканов в нечто среднее между студенческим общежитием и туристской базой. Продуваемые сквозняками коридоры, освещенные гудящими люминесцентными лампами, густо покрытые граффити шлакобетонные стены, резонирующие в такт музыке, льющейся из десятков аудиосистем. Толстые кабели от солнечных батарей, расположенных на крыше здания. Через проемы подвесных потолков видны хитросплетения оптоволоконных кабелей.

Маркос договорился о встрече по телефону, пока мы ехали через Гавану, поэтому к нашему прибытию десятка два молодых людей уже набились в небольшое спартанское помещение. Они разлеглись на матрасах или сидели на грубых обрубках пенорезины, а кто и на складных стульях, которые притащили с собой. Застенчивые юноши и девушки в мешковатых штанах без ярлыков, в футболках и кроссовках. С короткими стрижками, хвостами и дредами, татуировками и пирсингом. Некоторые с карманными компьютерами или веб-книжками, похожими на свернутые полотенца или плитки шифера. У пары человек компьютеры были встроены в одежду. На одной из девушек красовался массивный серебряный пояс, который, по ее словам, вычислительной мощью превосходил суперкомпьютеры Пентагона. После того как я изложил им обстоятельства убийства Софи Бут и пояснил, что именно украл Дин, они согласились с тем, что стоит попробовать осуществить мой план. Гораздо больше времени заняло обсуждение этики моего замысла и дебаты, следует ли рисковать своей репутацией, атакуя то, что может оказаться лишь невинным сайтом. Я поднялся на крышу полюбоваться огнями Гаваны и подумал: «А где теперь Барри Дин? Что, если он сейчас выходит на Дэвис, договаривается о сдел-

ке и готовится исчезнуть?» Когда я вернулся на собрание, компьютерщики все еще галдели. Я задремал, и меня разбудил Маркос. На часах было без десяти минут полночь, тело же мое предполагало, что я уже где-то в грядущем столетии. Маркос улыбался.

— Сделаем, — сказал он.

Они устроились на крыше.

Человек двадцать расположились под панелями солнечных батарей на старых шезлонгах и стульях, стянутых из отеля и выставленных на длинном искусственном газоне напротив сада спутниковых тарелок. Они что-то неистово печатали на портативных компьютерах, подключенных к мобильным телефонам, или делали пассы руками, словно творя чары в пустоте. Атмосфера дружеской вечеринки — трепещут свечи в стеклянных подсвечниках, висят на бечеве красные бумажные фонарики, из колонок льется музыка. Китайские закуски и пиво, шипучая кола, холодный кофе и травка из Гватемалы. Все заказал Маркос, а я оплатил.

Главное, о чем я просил Маркоса, привезли полчаса спустя. Крохотная стеклянная ампула с прозрачной маслянистой жидкостью и пластиковый шприц с единственной дозой противоядия. Это стоило дороже всего остального и почти опустошило мой запас наличных долларов. После того как Маркос объяснил, как все это действует, я заметил:

— Веселящий газ — это не совсем то, о чем я просил.

— Это не веселящий газ, — обиделся Маркос. — Это особый расщепитель, вырабатываемый бактерией, выведенной генными инженерами здесь, на Кубе. У нас лучшие в мире специалисты. Это вещество выведет из строя любого так же быстро, как перцовый аэрозоль, и никакой боли.

— Бывает, что и от смеха умирают, — сказал я и добавил, когда Маркос сделался непроницаемо суров: — Английская пословица. Сколько еще времени нужно твоим друзьям?

- Полчаса. Может, чуть больше, может, чуть меньше.
- Доставь меня к «Кубу», Маркос. Когда сервер заговорит языком призрака, я должен быть готов.

33

Призыв Призрака:

Центр радиоэлектронной разведки, федеральное агентство правительственной связи, секретная информационная служба, центр опроса личного состава вооруженных сил, отдел внешней разведки, центр защиты информации, стратегический командный пункт управления, военная контрразведка, информационная безопасность, высший уровень секретности, информационный терроризм, взлом информации оборононого значения, информационная атака, наступательная операция, контрразведка, агентство национальной безопасности, взлом программы обеспечения безопасности, система воздушной безопасности, взлом системы безопасности, национальная информационная инфраструктура, система информационной безопасности, доступ к секретной информации, система противовоздушной обороны, штаб координации разведывательной деятельности, компьютерный терроризм, система разведки данных, информационная система безопасности, система активной безопасности, европейская система межправительственной связи, взлом паролей, система боеготовности вооруженных сил, система шифрованной военной связи, расшифровка паролей, противоспутниковое оружие, комитет защиты информации, система обнаружения подводных лодок, программа управления спутниками связи, специальное антитеррористическое подразделение, департамент юстиции, агентство безопасности информации, центральное разведывательное управление, шифровальный ключ, федеральное бюро расследований, служба агентурной

разведки, система космической связи, система противоракетной обороны, система безопасности правительства, состояние боевой готовности, система командования и управления, государственная безопасность, захват заложников, система обнаружения целей, криптографический алгоритм, подмена аутентификации, гарантированная стойкость, кодирование данных, закрытая информационная система, снижение криптостойкости, разрушающие программные средства, распределенная вычислительная сеть, национальное аэрокосмическое агентство, федеральная служба безопасности, главное разведывательное управление, централизованная сеть информационной безопасности, военно-морская система обеспечения безопасности, спутник слежения, военная разведка, управление сбора разведывательных данных, информационная война...

Призыв Призрака. Ключевые слова, которые неусыпно ищут в бесконечном потоке информации специализированные компьютеры служб безопасности, морские и наземные антенны, полицейские и приграничные наблюдательные пункты; список, длинный, как Библия.

Друзья Маркоса разослали тысячи копий программы на серверы по всему Интернету. Единожды запущенные, клоны друг за другом настраивались на сервер Барри Дина, высыпали крохотную программу, вскрывавшую любой почтовый фильтр, и сервер подвергался бомбардировке сотнями тысяч копий текста с призывом Призрака — тем самым списком, что дал мне Чарли Уиллз. Содержимое этого файла постоянно видоизменялось, и хакеры вновь рассыпали копии программы по всей паутине всему белому свету. Каждая система безопасности в мире, разбуженная массовой атакой Призрака, настраивалась на ретранслятор, анализируя потоки данных и содержимое сервера до тех пор, пока сервер не захлебнется. А попытайся Барри Дин воспользоваться своим ноутбуком, клоны неминуемо настроятся на его номер,

оставшийся, когда Барри Дин взломал Архимеда, и лэптоп постигнет та же участь.

Мы собирались заткнуть ему пасть. Мы собирались утопить его в информации. Это было грубое нарушение закона. Почтовая бомбардировка. Откровенный теракт. Я перешел Рубикон. Мне было плевать.

34

Маркос Панама вез меня через город в новый коммерческий центр Гаваны. Мы проехали мимо скелетов полуразрушенных десяти-, двадцати- и сорокаэтажных офисных зданий, окруженных заборами, свежевырытой землей и грудами мусора, мимо пустых обнесенных проволокой автостоянок, за которыми виднелись пышные заросли банановых пальм, мимо строящегося здания с зубчатыми стенами и бойницами, напоминающего мавританский замок, мимо низкого длинного строения, в каждом окне которого в столь поздний час горел свет.

Впереди показалось скромное трехэтажное матово-черное строение без окон, с лесом микроволновых антенн, спутниковых тарелок и охлаждающих установок на крыше. Оно стояло посреди искусственного озера, окаймленного, в свою очередь, охранным ограждением и камерами. Это и был «Куб», физическое местонахождение сердца телекоммуникационной индустрии Кубы, data-центр, оборудованный системами резервного копирования, аварийными дизель-генераторами, автоматическим комплексом газового пожаротушения, опутанный километрами оптического кабеля. Кровля и стены здания, как и кузов автомобиля Маркоса, изобиловали крохотными солнечными элементами, а искусственное озеро служило частью хитроумной системы отвода тепла.

Я наблюдал, как это святилище проплывает мимо нас и уменьшается в зеркале заднего вида, а Маркос вел машину

все дальше и дальше. Выглядело здание точь-в-точь как загадочные объекты, куда в блокбастерах вечно пытаются вторгнуться отважные похитители высоких технологий, вооруженные ноутбуками и лазерными дефлекторами, альпинистским снаряжением и загадочными черными ящиками.

— Пора звонить твоим друзьям, — напомнил я Маркосу. — Самое время послать сообщение Барри Дину.

Мы остановились на площадке напротив длинного здания из стекла и бетона, укрывшись за галереей щитов с изображениями героев, павших в борьбе за Коммунизм. Ряды безжизненных кустов и хилых деревьев скрывались во тьме. Жуки и белые ночные бабочки неуклюже бились о фары автомобиля. Маркос включил свой ноутбук, выдвинул из него какой-то блок, нацепил компьютерные очки и перчатки для бесконтактного ввода данных.

— Готово, — объявил мой спутник через пару минут замысловатых пассов.

— Готово?

— В смысле, началось.

— Сколько времени это займет?

Маркос пожал плечами и взмахнул в воздухе правой рукой. Его очки заволокло дымкой.

— Клоны должны размножиться и распространить информацию. Я буду присматривать за ними.

Пока Маркос, в очках и перчатках, сидел скрестив ноги на переднем сиденье своего автомобиля и поедал ложками нечто, видом и запахом напоминающее сырую нефть, я вышагивал вокруг машины. Когда мне наскучило поддавать ногой камешки, я углубился в заросли кустарника и встал на краю раскопанного участка возле дороги, разглядывая «Куб». Он возвышался передо мной, точно гигантский алтарь, посреди залитого светом озера. Вокруг меня гудели насекомые. Мне представилось, что черный воздух над «Кубом» насыщен бурлящей информацией — незримой, но плотной, как силовые поля в фантастических фильмах.

Маркос посигналил. Я вернулся, и он объявил, что сервер отключился, захлебнувшись в лавине информации.

— Думаешь, он придет? — спросил Маркос.

— Думаю, ему нужен этот сервер. Ведь он должен связаться с АРЭСН в Британии, чтобы продемонстрировать товар. Теперь, когда сервер накрылся, ему придется прийти сюда, чтобы разобраться в ситуации.

— У него точно есть доступ в «Куб»?

— Этим сервером владеет семья Вителли, а он их компьютерный эксперт. Конечно, у него есть доступ.

На самом деле я не испытывал особой уверенности, но это был мой единственный план.

— Тогда будем ждать, — кивнул Маркос. Он по-прежнему сидел скрестив ноги. Сдвинул очки на шею, потянулся и зевнул, равнодушно, по-кошачьи. Я подумал, а верит ли он, что мы действительно делаем нечто реальное, с реальными последствиями?

— Маркос, если хочешь, можешь сворачиваться. Смыться. Удрать. Исчезнуть.

— Все нормально, я закончу работу. Может, потом поделишься со мной частью гонорара?

— Гонорара не будет, — объяснил я. — Если мне повезет, я доставлю Барри Дина в Англию и сдам полиции, а затем пойду своей дорогой, став печальнее и мудрее прежнего. С незапятнанной честью и убавившейся верой в ближнего.

Маркос улыбнулся и проговорил:

— По-моему, ты романтик.

— Я дурак. И ты тоже, если решил остаться.

Маркос потянулся за очками.

— Буду следить за сервером, — объявил он. — На случай, если твой приятель найдет способ избавиться от лавины информации.

Я отыскал удобное местечко за одним из щитов и закурил, наблюдая за «Кубом». Наблюдал я долго. Мимо проехали несколько автомобилей — охрана или ночная смена. Я

выкурил целую пачку «Тропиков», так что даже в горле за-першило, а голова начала кружиться. Напомнил о себе пере-полненный мочевой пузырь. Я встал перед Че Геварой и при-нялся орошать его ботинки. Мне казалось, что я мочусь по-лупинтой соленого виски — слишком много пива, слишком много нервов. Че смотрел в бесконечность с грозной реши-мостью командира боевого звездолета. Я стряхивал после-дние капли, когда зазвонил мой мобильный.

Едва я застегнул ширикну, телефон умолк. Через секун-ду зазвонил снова.

Барри Дин произнес мне в самое ухо:

— Ты покойник.

— Какой-то ты нервный, Барри. Может, посидим в ка-ком-нибудь тихом баре, спокойно уладим все проблемы?

— Да уж я все улажу, не сомневайся! — пронзительно выкрикнул Дин.

— Ты предпочитаешь пиво или что-то покрепче? — не от-ставал я. — Здесь готовят чудесные коктейли. Ты обязатель-но должен попробовать! В Гаване жизнь не прекращается даже ночью, уверен, мы сможем найти бар, который еще от-крыт. Выпивка и славная, спокойная, цивилизованная бе-седа. Только ты и я.

Дин не ответил, но я слышал его дыхание. Я продолжил:

— Это все, чего я хочу, Барри. Поговорить.

— Если я тебя увижу — убью.

— Ты расстроился? Могу понять. Все пошло немного не-удачно, да? Твой бывший партнер Дэмиен Наццаро застре-ли твоего посредника, а теперь еще сервер остановился... И ноутбук, наверное, тоже? Я получил его номер, когда ты пы-тался трахнуть меня, Барри. А теперь я трахнул тебя. Все это немного осложнит дело, которое ты, наверное, считал уже почти завершенным. И Вителли скорее всего удивятся, с чего это остановились их все такие прибыльные порносайты...

Дин шумно дышал с полминуты. Затем спросил:

— Думаешь, мне есть дело до Вителли?

— Но тебе есть дело до твоего сервера, Барри. Ведь это твое секретное хранилище. Даже не представляю, что ты там прячешь. Фотографии любимых женщин, копии программы Энтони Бута, свои маленькие тайны?.. Все рухнуло... Я действительно считаю, что тебе необходимо поговорить со мной, Барри. Дэмиен Наццаро охотится за тобой, но я-то желаю помочь. Это правда.

— Оставайся на месте и жди.

— Хорошо, а... — начал было я, но он отключился.

Я вернулся к машине, передал Маркосу мобильник и рассказал о разговоре.

— Ваше правительство использует чипы «красной линии» в камерах слежения?

— Конечно, нет. — Маркос выключил телефон и вернул его мне. — Он воспользовался клоном, я не смогу отследить его в одиночку.

— Он знает, что мы здесь. Если он не подключился к сети камер, значит, должен находиться поблизости.

Я посмотрел на темные окна конторского здания. И вспомнил о машинах, которые проезжали мимо.

— Он может вызвать полицию. И конечно, не выйдет, пока мы его ждем.

— Выйдет, — откликнулся Маркос, опершись спиной о дверцу машины и скрестив руки. — Ты сказал, ему нужен сервер, ему необходимо срочно его включить.

— Если только он уже не провернул сделку, — заметил я.

И тут я увидел автомобиль, вынырнувший с перекрестка, чуть дальше по дороге. Он несся к нам с нарастающей скоростью, с включенным дальним светом. Маркос тоже его увидел — и тихо сказал:

— Напомни мне твой план.

— У меня его нет, Маркос, но я хочу, чтобы ты уходил. Там есть какая-то боковая дорога. Давай! Быстро!

Парнишка вскочил на переднее сиденье своего драндулета, улыбнулся мне во весь рот и произнес:

— Скоро увидимся!

Машина была теперь дома за два от нас. Маркос завел двигатель и медленно покатил прочь сквозь затрещавший кустарник. Перевалив через кромку шоссе, он набрал скорость и скрылся в ночи. Я завозился, доставая маленький шприц, сдернул с иглы колпачок и ввел ее себе в бедро, подметив с отрешенным любопытством, как дрожит моя рука. Небольшой укол, всего-то.

Затем я вышел на середину дороги и поднял руки. Автомобиль резко затормозил, окатив меня с ног до головы дорожной пылью. Рослый стриженый мужчина, которого я видел с Дэвис в отеле, выбрался наружу и пошел вперед в ослепительном свете фар. Между пол его расстегнутого серого пиджака виднелся бронежилет, мужчина целился в меня из автоматического пистолета, диаметр ствола которого казался не меньше железнодорожного тоннеля. Я поднял руки повыше.

— Стоять, не двигаться! — приказал он.

Из машины вылезла детектив Дэвис. На ней тоже был бронежилет. Жаль, что у меня не было такого. А еще мне не помешало бы оружие, группа немедленного реагирования и отряд спецназа. Сердце словно колотилось о бетонные плиты дороги. Черный воздух сделался таким тяжелым, что хоть ножом режь. Пот градом катился по всему телу. Руки затекли, но я продолжал держать их над головой.

Дэвис поглядела на меня с отвращением:

— Это вы!

— Дин где-то здесь, — ответил я. — Радуется, глядя, как вы пляшете под его дудку. Ведь это он вас на меня натравил, верно?

— Вы опять встали у нас на пути, — сказала Дэвис.

— Ты чуть все не испортил, дружок, — лениво, с вялой улыбкой, процедил сквозь зубы стриженый. — Так что теперь займешься исправлением ошибок.

— Дин ждет, что вы заберете меня, и тогда он сможет попасть в «Куб».

Стриженый покачал головой:

— Ошибаешься. Сейчас мы собираемся получить то, за чем так долго охотились.

— Если вы уберете меня отсюда, то потеряете свой шанс найти Дина, — предупредил я.

— Мы точно знаем, где он, — сказала Дэвис.

— Мало того, мы даже доставим тебя к нему, — заявил стриженый. — Ты хотел испортить все дело, но теперь ты — часть сделки. Подойди к машине, друг мой, и положи руки на капот.

Пока меня обыскивали, я держал руки на горячем капоте автомобиля. Мне казалось, что я ощущаю вес ампулы в кармане рубашки, что ее очертания видны даже в темноте. Теперь моя идея казалась мне откровенной глупостью, детской игрой, но изменить ничего уже было нельзя. Стриженый пробежал ладонями у меня под мышками, вокруг пояса. Нашел складной нож в кармане моих брюк. Обшарил вокруг бедер и лодыжек. Отступив на шаг, вынес вердикт: «Чисто». Затем показал нож Дэвис, раскрыв его и закрыв. Пряча к себе в карман, спросил:

— Ты этим собирался остановить Дина?

— Я не люблю огнестрельное оружие.

Дэвис посмотрела на часы:

— Мы тратим время впустую.

Стриженый поднял пистолет, прицелился в меня, затем отвел дуло:

— В машину.

Он придерживал меня за плечо, пока я нырял в заднюю дверцу, затем обошел машину сзади и сел рядом со мной. Дэвис завела мотор.

— Дин захочет убить меня, — заметил я. — Это похоже на одну из моральных проблем, которые мы, бывало, обсуждали в Хендоне, не правда ли, детектив Дэвис? Следует ли

пожертвовать одной жизнью, чтобы, например, снять осаду города.

— Не вижу здесь никакой моральной проблемы, — отозвалась Дэвис. — Вы сами этого добивались. С вашим упрямством и самомнением вам не следовало здесь находиться, но в некотором смысле я рада, что вы здесь. И с удовольствием полюбуюсь, как вы на нас поработаете.

Мы проезжали мимо «Куба», опутанного колючей проволокой, с камерами слежения по верху высокого бетонного забора, с прожекторами над воротами.

— Ничего вам это не даст, — заметил я. — Дин наверняка запасся копиями программы. И он вполне мог заказать реверс-проектирование той штуковины, пульта дистанционного управления, чтобы получить возможность самостоятельного производства таких устройств. Ведь, в конце концов, он захочет продать свой товар всем желающим.

— Я уверен, что на продажу выставлена единственная копия программы и что средство контроля нам вернут нетронутым, — ответил стриженый.

— И вы в это верите?

— Ему не нужно ничего знать, — вмешалась Дэвис. — Невежество — его естественное состояние. Невежество и трусость.

Мы проехали мимо полуразрушенных офисных зданий. Их скелеты поднимались во тьму, нависшую над уличными фонарями. Машина замедлила ход, свернула с дороги и затряслась по ухабам между грудами песка и гравия.

— Я бы предпочел знать, что умру не напрасно.

— Никто не говорит о смерти, — проронил стриженый.

— Тебе легко рассуждать.

— Ты получишь то, что хотел, — сказала Дэвис. — Встретишься с Барри Дином. И он тоже получит то, чего хочет. — Я поймал ее взгляд в зеркале заднего вида. — На этот раз ты не сможешь сбежать. Это не Спиталфилдс.

— Я тогда отправился звать подмогу, — возмутился я. — Между тем как твой друг Тоби Паттерсон и остальные насиливали гражданское лицо.

И тут ее раковина треснула. Она откинулась на сиденье и попыталась врезать мне кулаком. Стриженый поймал ее молотящий кулак, машина остановилась...

— Никто никуда не пойдет, пока все не успокоятся, — произнес стриженый. — Анн-Мари, что происходит?

— Ничего, — ответила Дэвис. Сделала вдох, потом другой. — Это старая история. Расскажу тебе, когда все закончится.

— Когда закончится... Прекрасно. Договорились.

Дэвис достала карманный компьютер и подключила его к мобильному телефону. Наладонник запищал.

— Есть связь, мы в системе, — объявила она.

— Отлично. Тогда за дело.

— Может, стоит повесить на него микрофон? — Дэвис кивнула головой в мою сторону. — Я бы с удовольствием послушала его мольбы о пощаде. Он считает себя хорошим актером.

— Не надо самодеятельности, — ответил стриженый, похлопал меня по плечу и указал на трехэтажное строящееся здание, окутанное саваном из тяжелого прозрачного пластика.

— Сейчас ты войдешь вон туда, мой друг. Дин даст тебе диск с данными, принесешь его сюда. На диске должна содержаться рабочая копия программы. Мы проверим ее, и если все чисто, ты вернешься внутрь с деньгами и получишь жесткие диски и пульт управления. Ты все понял?

— Я иду внутрь. Встречаюсь с Дином.

— Ты вынесешь диск, который он тебе даст. Дин сдрей-фил. Он нервничает, и у него почти наверняка есть оружие, так что не говори ничего, что может его спровоцировать. А лучше вовсе ничего не говори. — Стриженый ткнул меня своим пистолетом. — Ты вообще слушаешь или нет?

— Что-то мне нехорошо, — пробормотал я и согнулся, держа одну руку на животе, а другую на кармане рубашки.

— Господи, — вздохнула Дэвис. — Только не в машине. Ампула. Я уронил ее и раздавил каблуком.

По салону поплыл слабый запах жареного чеснока. Стриженый набрал полные легкие и засмеялся. Он хохотал, согнувшись на сиденье, почти не дыша, слезы текли из глаз, лицо наливалось кровью, в то время как он буквально стонал от смеха. Он даже не пытался остановить меня, когда я вынул из его ладони тяжелый пистолет — лишь указал на меня пальцем и разразился диким хохотом. Дэвис тоже принялась хихикать. Ее смех быстро перешел в истерический.

Я выбрался из машины, достал мобильник и набрал номер. Голос на другом конце спросил: «Какого хрена?» Я сообщил, где нахожусь, оборвал связь и набрал новый номер.

Я объяснил Маркосу, что собираюсь делать.

— Ты рехнулся.

Стриженый захрапел. Дэвис обеими руками беспомощно хлопала по рулевому колесу. Лицо ее намокло от слез, она неудержанно икала. Смеющаяся полицейская. Я спросил Маркоса:

— И как долго действует этот веселящий газ?

— Это не...

— Ты знаешь, о чем я.

— По обстоятельствам.

— Они получили хорошую дозу.

Раздражаящая пауза. Я представил серьезное выражение лица Маркоса, пока он размышлял. Наконец:

— Может быть, полчаса.

— Вызови полицию через двадцать минут. Скажи им, что здесь убийство, — велел я, отключил телефон и позвал Барри Дина. Ответа не было.

Ворота из стальной сетки перегораживали вход, но цепь висячего замка оказалась срезана. Я толкнул ворота и вошел внутрь.

35

Фары автомобиля, оставшегося снаружи, выхватывали из тьмы кучи строительного песка и мешки с цементом на месте будущего вестибюля. Рядом с мешками — небольшая бетономешалка, за которой, в луже крови, вниз лицом лежал мужчина в полицейской форме. Голова размозжена. На краю площадки — подъемный механизм. Я снова позвал Барри Дина. Через секунду раздался звук моторов, платформа стала опускаться. Это был всего лишь стальной поддон, обнесенный проволочной сеткой. К воротцам обрывком проволоки был прикручен лист бумаги с небрежно выведенной фломастером цифрой 3. Я забрался внутрь и нажал на панели соответствующую кнопку. Я боялся, но в нынешнем моем состоянии мне было все равно. Левая нога болела, и я думал о Софи. О том, как она умерла и как ее нашли голой, привязанной к серебряному креслу.

Подъемник с глухим стуком остановился. Я сунул пистолет за спину, под брючный ремень, и шагнул в огромное помещение с рядами бетонных колонн, полное мечущихся теней — на полу возле подъемника была заботливо оставлена шипящая лампа-вспышка. Тepлый ветер шевелил длинные полосы пластиковой завесы над пустыми проемами окон. Полосы синхронно поднимались и опадали, будто сердце бетонного монстра. За этим беспокойным занавесом я видел участок черной воды (впоследствии я узнал, что это Эсенада де Атарес) и пестрые огни старой части Гаваны.

Голос Барри Дина раздался откуда-то из тьмы в дальнем конце зала.

— Господи, и впрямь ты, — протянул он. — Я чуть не убил тебя.

— Я пришел продолжить разговор, — произнес я и начал двигаться к нему. Моя тень, падавшая на пыльный пол, плыла передо мной.

Барри Дин стоял за верстаком, на столешнице — ноутбук с треснутым корпусом. Дин направил на меня пистолет и приказал:

— Стой там, или, богом клянусь, убью на месте.

— Нет, не убьешь, — сказал я и сделал еще два шага. — Ты бы уже пристрелил меня, если бы хотел.

Он выстрелил в потолок. Звук вышел невероятно громкий. Когда облачко бетонной пыли осело, Дин заботливо поинтересовался:

— Как рука?

— Прекрасно. — Мой голос звучал глухо. В ушах звено.

— Забавно, мне казалось, что я неплохо тебя порезал. Думаю, с пулей справиться будет сложнее.

— Хорошо, Барри, я останусь здесь, если тебе так спокойнее. — Я чувствовал спиной тяжесть пистолета, спрятанного за поясом, но знал, что Дин выстрелит в меня, если я попытаюсь вытащить оружие. Он спокойно убил охранника внизу, а меня пристрелит даже с удовольствием. — И что дальше, Барри?

— Будешь делать, что я скажу.

— Смотри, не описайся от удовольствия.

— Да я могу прикончить тебя прямо сейчас! Чтобы получить деньги, ты мне не особо-то и нужен.

— Куда собираешься податься, Барри?

— Так я тебе и сказал, — хмыкнул он.

— Мир большой, да?

— Конечно, — согласился он. — И я гражданин этого мира. Может, нанесу визит одной из моих любимых девушек. У меня их навалом. Мы общаемся по сети, но иногда этого недостаточно.

Я промолчал, и Дин добавил:

— Ты отнесешь диск с записью тем козлам, которые ждут внизу, они проверят его и переведут деньги на мой счет. Когда

это будет сделано, ты вернешься сюда за пультом управления и жесткими дисками.

— А что потом?

— Может быть, я позволю тебе их проучить. А может, застрелю тебя и оставлю здесь, чтобы они нашли твой труп. Я еще не решил. Лови, — и он бросил мне диск.

Я не шелохнулся, диск упал в цементную пыль.

— Расскажи мне о Софи, Барри. О себе и о ней.

— Подбери диск, ты, ублюдок.

— Я хочу узнать о Софи, действительно хочу. Я говорил со всеми, но, кажется, никто не знал ее по-настоящему.

— Ты меня этим не зацепишь. Ты даже не сможешь доказать, что я видел, как ее убивали.

— Я знаю, что ты видел, Барри. Но сейчас это не важно. Наверное, ты даже не хотел, чтоб ее убили. Возможно, Крейг Стивенс зашел слишком далеко, а тебя не было рядом, чтоб его остановить. Так было дело?

Если подозреваемый доведен до отчаяния, он ухватится за любой повод для оправдания, который ему предложишь. Даже за неубедительный. Потому что подумает — это выход. Ты говоришь ему, что знаешь, как все произошло. Что он вовсе не собирался этого делать. Что это была самооборона. Что он не знал, что оружие заряжено. И когда он клюнет, когда он согласится с тобой, дело в шляпе. Потому что теперь он выходит на сцену. Это и есть миг триумфа, когда он пересекает черту, а все остальное — уже технические мелочи. Но Дин не искал выхода. Он был счастлив рассказать мне о содеянном, потому что верил — я не могу его зацепить. И то, что я подбросил ему, послужило поводом не к оправданию, а к хвастовству.

— Я любил ее, — заявил он. — И она любила меня. Я думал, что она может быть моей судьбой... Я пытался объяснить ей это, но ее интересовало только то, что я могу сделать для нее. Она не желала слушать о любви. Ей требовалось всем себя показать.

— Это правда, Барри? Или это ты всегда пытался использовать ее?

— Она не знала, что ей досталось. Бедная дурочка. А ведь она могла стать невидимкой! С этим ничего не сравнится! Разгуливать по любой улице и знать, что никто тебя не засечет. Вот истинная свобода! В первый день, когда я этим воспользовался, я зашел в «Маркс и Спенсер» на Поланд-стрит. Взял там пару носков, сунул себе в карман и вышел прямо под объективами камер. И меня не заметили. Я был для них невидим, — сказал он и счастливо улыбнулся, вспоминая. — С этим ничего не сравнится.

— Жаль, что Софи Бут пришлось из-за этого умереть. И Веронике Брукс тоже.

— Людям нельзя доверять. — Дин произнес это так, словно только что родил истину. — Проститутку убили потому, что она собиралась все разболтать. В этом не было удовольствия.

— Полагаю, это было не как с Софи, не правда ли?

— Я любил Софи, — повторил он. — В самом деле любил.

— Это лишь слова, Барри. Ты не мог ее любить. Ты даже не знаешь, что такое любовь. Ты хотел просто владеть ею. И еще тебе было нужно то, что имелось у Софи. Ты хотел испытать трепет, наблюдая, как ее убивают, ведь это был единственный способ заполучить ее, жалкий ублюдок.

— Ты должен понять, — ответил он, словно человек, пытающийся объяснить, почему он собирает марки. — Я могу податься куда угодно. Это все мое. Убийство было лишь небольшой частью дела, и я могу повторять это снова и снова. Оно было демонстрацией моей силы, вот что важно. Я могу получить все и податься куда угодно.

На миг наши взгляды встретились. Я подумал, что он вот-вот убьет меня, потому что рассказал все. Но тут шум снаружи прервал наш чудовищно откровенный миг. Дин подошел к одному из окон, отодвинул в сторону свисавшие полосы пластика и выглянул.

— Еще одна машина, — непринужденно сообщил он.

— Обернись, Барри.

Он обернулся и увидел, что я целюсь в него из пистолета.

— Ах ты, мразь, — проревел он.

— Положи оружие, Барри. Твои друзья спят после тяжелого приступа нездорового веселья. А вторая машина — Дэмиена Наццаро. И довольно скоро здесь будет полиция.

— Ты не станешь стрелять. Ведь ты пришел поговорить со мной.

— Я узнал, что хотел.

Мой палец был на спусковом крючке, и я уже выбрал свободный ход. Удерживать курок на грани выстрела стоило немоверных усилий, это вызывало судорогу в кисти.

— Ты этого не сделаешь, — пробормотал Дин с лукавой улыбочкой. — Я все о тебе знаю. Я знаю о Спиталфилдсе, и как ты там обосрался. Эта милая Дэвис рассказала мне все.

— Сейчас ты пойдешь со мной, Барри. Я позабочусь, чтобы Дэмиен Наццаро до тебя не добрался.

— Не нужна мне твоя помощь! — закричал он так громко, что эхо повторило его слова, потом заговорил быстро и напряженно: — Она мне не нужна, ты просто послушай. Прежде всего информации необходима свобода. Мне плевать, даже если я не получу деньги за «красную линию» — наказать Бута куда важнее. Я оставил дыры в сайтах, которые делал. Это позволит мне подключаться к ним в любое время, когда я захочу, и делать, что захочу. Эти сайты приносят тысячи долларов в час. Я загребу деньги, прежде чем кто-нибудь поймет, что происходит, и смоюсь.

— Я закрою эти сайты, придурок, — пообещал я.

— Не навсегда, — возразил он, небрежно поднял пистолет и выстрелил. Пуля попала мне в бок и сбила дыхание. Падая, я спустил курок, и выстрелил сам — непроизвольно. Второй выстрел Дина взметнул осколки бетона, которые попали мне в лицо, я отпрянул за колонну, резкая боль пронзила бок. Накатила слабость, кровь заливала рубашку

спереди, брюки у пояса намокли. Я прокричал в эхо выстрелов:

— Стой, Барри!

Он, конечно, не остановился. Он бежал. Стрелял в меня на бегу, но всякий раз мазал. Я не отвечал. Грохнули воротца подъемника. Загудели моторы, остановились. Я сидел, вслушиваясь, изо всех сил пытаясь направить свои чувства на внешний мир. Три выстрела. Возможно, стреляли из машины Наццаро. А потом — лишь мягкий шелест пластиковых лент, колышущихся на теплом тропическом ветру.

Мне удалось подняться и я поволок онемевшую ногу туда, где лежал диск с записью. Я поднял его, убрал в карман, добрел до верстака и оперся. Дин попал выстрелом в свой ноутбук, но я полагал, что информация на жестком диске не пострадала.

Снаружи кто-то неистово расхохотался. Не иначе как открыли авто, где спали детектив Дэвис и стриженый. Несколько минут спустя голос Дэмиена Наццаро позвал меня.

— Я знаю, что вы там. Я поднимаюсь.

— Я бы не советовал, — прошептал я и выстрелил наобум во тьму.

— Вот сволочь! — раздался голос Наццаро. На это я ничего не ответил.

— Мне плевать! Я его накрыл!

— Тогда вали отсюда, — крикнул я. — Потому что скоро приедет полиция.

Раздались два выстрела, затем наступила долгая напряженная тишина, завершившаяся хлопаньем автомобильной дверцы и ревом мотора, во всю мощь пущенного на задний ход. Вскоре рев стих.

Прошло некоторое время. Я сидел на холодном бетоне в луже собственной крови. Тьму за окном разрезали синие вспышки полицейских мигалок. Загудел подъемник. Я вынул магазин из пистолета, бросил его в одну сторону, а сам пистолет — в другую, и стал дожидаться милосердия полиции.

36

Барри Дин был, конечно, мертв. Его застрелил Наццаро, которого арестовали несколько часов спустя при попытке бежать во Флориду на судне табачных контрабандистов. Теперь Наццаро должен предстать перед судом в Гаване за убийство Дина и его посредника И snugаги. Детектива Дэвис с дипломатическим скандалом депортировали из страны; надеюсь, что они с Дэвидом Варном будут счастливы.

Я узнал все это от Маркоса Панамы на следующий же день. Он приехал в больницу следом за машиной «скорой помощи» и умудрился на минуту проникнуть ко мне в отделение неотложной хирургии. Я дал ему телефонный номер, поскольку был уверен, что мне предстоит умереть.

— Я дозвонился по тому номеру, — сказал он мне при следующей нашей встрече.

— Что она сказала?

— Она назвала тебя дураком. Как ты себя чувствуешь?

Врачи изъяли пулю из селезенки и удалили раздробленные ребра. Кожа непрерывно зудела под повязкой, туга стянувшей мне грудь.

— Лучше некуда, — ответил я. — А как насчет другого?

— Я счастлив, что ты отдал это мне, а не позволил забрать полиции.

— Информации необходима свобода.

— Ну, конечно, — серьезно проговорил Маркос. Он явился ко мне в изящном оливковом костюме и белой рубашке с открытым воротом. Выглядел он теперь на десять лет старше. — Ты не особенно похож на знакомых мне полицейских.

— Мне это твердят все кому не лень. Я начинаю склоняться к мысли, что это правда.

— Выпустить информацию на свободу — это храбрый поступок. Людям понравилось играть с камерами. Кроме того, у твоего правительства серьезные проблемы.

— Пока они не залатают дыру в АРЭСН.

— Говорят, что систему скоро отключат, чтобы заменить все чипы. Большая неприятность для компании, которая их произвела.

Я следил за новостями по телевизору в углу моей маленькой палаты. Там имелось несколько сотен каналов, большей частью местных либо из США, но был и новостной канал «Би-би-си уорлд сервис». Акции «Моботехнологии» резко упали. Шли разговоры о передаче компании государству, о правительственном расследовании. Энтони Бут предпочел отпустить на свободу убийцу Софи, чтобы спасти свое детище. И за это я вынес смертный приговор холодному, безразличному разуму.

— Человек, который владеет компанией, заслуживает всего, что на него обрушилось, — сказал я Маркосу.

— Тебе тоже грозят неприятности, — отозвался он. — Но, наверное, я смогу тебе немного помочь.

— Вряд ли ты признаешься, на кого работаешь?

У него хватило приличия покраснеть.

— Маркос, ведь тебя даже не арестовали. Ты явно работаешь на кого-то, у кого есть влияние. И не ври, будто ты вычислил Наццаро по его мобильному телефону. За ним непрерывно велось наблюдение, верно? На случай, если он приведет к Барри Дину.

— Но ведь так оно и вышло.

— Кто ты, Маркос? Ты работаешь в полиции или разведке?

— Я всего лишь скромный правительственный служащий. Ваши компьютерные гении любят хвастаться контактами с дикими сумасшедшими кубинскими хакерами, а мы храним информацию, предоставляем им доступ к серверам, к системам шифрования данных, ко всему, что так по-дурацки запрещает ваше правительство.

— Наверное, я должен злиться на тебя за то, что ты меня использовал.

Маркос одарил меня своей мирной и приветливой улыбкой.

— Ты использовал меня, я использовал тебя. Мы оба получили то, что хотели.

— Милая ситуация! Знать бы об этом раньше...

Мне не хотелось спрашивать, не надеялся ли он, случайно, что Барри Дин меня шлепнет.

— В любом случае теперь все это ничего не значит. Дело сделано. Все стороны удовлетворены. Вот, — сказал Маркос Панама и водрузил на кровать пластиковый пакет. — Я привнес тебе книги.

С полдюжины древних, пожалуй, дореволюционных книг. В бумажных переплетах, с оторванными корешками — детективы, полные романтического обмана, истории со счастливым концом и нравственным содержанием. Я рассмеялся. Стало больно. Тут же пришлось объяснять Маркосу, почему я смеюсь.

У дверей моей отдельной палаты нес вахту полицейский, и через несколько часов после ухода Маркоса я услышал, как дежурный с кем-то разговаривает. Человек, которого ко мне пропустили, был молод, высок и белокур, с развязными пошлыми манерами и челкой, спадавшей на голубые глаза. Его фамилия была Хоторн. Он назывался атташе торгпредства Евросоюза. Сказал, что пришел поболтать.

— Почему бы и нет? — ответил я. — Мне нечего скрывать.

Хоторн сел у постели, поглядел на меня и покачал головой.

— Полагаю, вы знаете, что чудовищно оскандалились, — начал он.

— Это зависит от точки зрения. Каково ваше мнение, мистер Хоторн?

— По десятибалльной шкале вы заработали верные одиннадцать баллов. На днях мои сотрудники потребуют от вас подробного объяснения, но если вы можете изложить свою точку зрения прямо сейчас, я позабочусь, чтобы она была отражена в отчете.

— И какая роль мне уготована? Героя или разбойника?

Хоторн отбросил со лба непокорную светлую челку.

— Я бы сказал, пятьдесят на пятьдесят, учитывая все обстоятельства.

Я не сомневался, что небрежность его манер искусно отработана.

— Против меня выдвигаются какие-нибудь обвинения?

— Вы по-прежнему временно отстранены от должности.

И боюсь, вам предстоит дисциплинарное слушание.

— Это если я вернусь в Англию.

— Я хотел бы надеяться, что вернетесь. Уверен, это можно урегулировать, но, откровенно говоря, это не по моей части.

— А что по вашей части?

— Я пришел послушать, что вы можете сказать о себе.

— И вы выслушаете меня без предубеждения?

— Я выслушаю вас, как человек человека, — ответил Хоторн. — Это все, что я могу обещать.

— Налейте мне стакан воды, — попросил я.

Я рассказал ему, как Барри Дин убил Софи Бут руками своего тюремного приятеля Крэйга Стивенса и что они забрали из ее квартиры. Как в союзе с Дэмиеном Наццаро они пытались шантажировать Энтони Бута. Как Стивенс убил подружку Наццаро и как Дин попытался провернуть сделку через Ибрагима Ислагу.

— Главное, что меня волнует — как именно информация о бреши в «красной линии» просочилась в мир, — сказал Хоторн. — Она гуляет по всей сети. Рушатся все системы наблюдения, где были использованы чипы «красной линии», ибо тьма-тьмущая хакеров и просто любопытных хулиганов пытается подчинить себе камеры. Теперь многие лица краснее самой линии.

— Особенno лицо Энтони Бута.

— Да, ему скоро придется ответить на непростые вопросы, и огласка отнюдь не обернулась благом для его компании. Между тем, как я понимаю, АРЭСН необходимо демонтировать, и каждый чип «красной линии» придется заменить во всех камерах слежения... Колossalная работа.

— Возможно, стоило бы оставить все как есть, — предложил я. — Пусть бы детище Энтони Бута жило и росло. Пусть бы все наблюдали друг за другом.

— Что ж, в идеальном мире это могло бы стать интересным экспериментом. Но вы не ответили на вопрос, каким же образом информация просочилась в сеть.

— Должно быть, это случилось после того, как сделка Барри Дина сорвалась. — Я пожал плечами.

— Возможно. Хорошо, не буду вас утомлять, — поспешил произнес Хоторн, отряхнул колени и встал. — Поговорим об этом позднее.

— Я хочу, чтобы кое-что включили в отчет, — сказал я. — Я получил признание Дина перед тем, как его убили. Он сказал мне, что заплатил за убийство Софи Бут. Он в ответе за все.

— Толку от этого не будет, ведь у вас нет свидетелей, — сказал Хоторн.

— Как вам угодно. Но я хотел бы, чтобы это все-таки включили в отчет. До свидания, мистер Хоторн, я очень устал.

Это было правдой.

Ночью я проснулся в тревожной полудреме и увидел в изножье кровати Софи. Она была в том самом белом платье с длинными рукавами. Софи улыбнулась и воздела руки. Я попытался что-то сказать, и тогда боль в горле окончательно разбудила меня. Софи исчезла.

Наяву меня окружала все та же ночь. Я услышал голоса за дверью. Джули обращалась к молодому полицейскому по-испански. Он ответил по-английски, что ей следует прийти позже, что я сплю.

— Нет, — отозвался я. — Все в порядке. Я хочу ее видеть.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **АСТ**
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибиво», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытиши, Мытиши, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

**Макоули Пол
Паутина**

Фантастический роман

Ответственные редакторы Е. Барзова, Г. Мурадян

Художественный редактор О. Адаскина

Компьютерная верстка: С. Клещёв

Технический редактор О. Панкрашина

Младший редактор Н. Дмитриева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»

141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано в ОАО «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Пол Макоули — знаменитый британский фантаст, лауреат престижных премий Филипа Дика, Артура Кларка и Джона Кэмпбелла.

Близкое будущее.

Лондон, только что опомнившийся от последствий страшной Инфовойны.

Прошлые ошибки не должны повториться.

И поэтому Паутину курируют тысячи цензоров, повсюду установлены камеры слежения.

Безопасность гарантирована...

Но как тогда сумел неизвестный преступник совершить убийство молодой женщины в интерактивном режиме?

Как удалось ему обмануть и сетевых цензоров, и систему слежения? И главное — как его найти?

У полицейского из отдела компьютерных преступлений пока что нет ответов — есть только вопросы и подозрения...

«Книга, которую нельзя не прочитать!»

SFX

«Проза Макоули запоминается сразу и навсегда».

Стивен Бакстер

«Умный и увлекательный роман о близком будущем — таком, каким оно вполне может стать!»

Нэнси Кресс

ISBN 978-5-17-039074-8

9 785170 390748